

Л.Э. Калнынь
Т.В. Попова

**Фонетика
двух болгарских говоров,
функционирующих
в условиях
разной языковой ситуации**

ИСЛАН
Москва–2007

Российская академия наук
Институт славяноведения

Л.Э. Калнынь, Т.В. Попова

Фонетика двух болгарских говоров,
функционирующих в условиях
разной языковой ситуации

Москва 2007

2-е переработанное издание

Ответственный редактор д.ф.н. Г.К. Венедиктов

В монографии «Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации», дается сопоставительная модель фонетического устройства двух диалектных идиомов. Новизна полученных результатов обусловлена тем, что исследование выполнено на основе специальной программы обследования диалектов. Такой тип программы исключает дифференциальный подход к отбору фонетических фактов в диалекте и ориентирован на максимально полное выявление правил организации фонетического строя идиома в синтагматическом плане. Этим создается база для адекватного моделирования фонологической системы. Исследование адресовано диалектологам-славистам.

The monography «The phonetics of two Bulgarian dialects that function in the conditions of different language situation» deals with the comprising phonetic model of dialectal idioms. The novelty of the results comes out of the fact that the work was based on a special research program. This program excludes the differential approach to phonetic facts and is orientated on discovering all the syntagmatic rules of organization of the phonetic structure of idioms. This approach is regarded as a base for building the adequate model of the phonologic system.

The book is addressed to the specialists in Slavic dialectology and phonetics.

ISBN 978-5-7576-0214-1

©Институт славяноведения РАН, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой половине 80-х годов XX в. Институте славяноведения и балканистики АН СССР (с 1997 г. Институт славяноведения РАН) и в Институте болгарского языка БАН было принято решение о создании совместного труда, посвященного изучению двух болгарских говоров, один из которых находится в метрополии, а другой входит в состав болгарского анклава в Молдавии. Между говорами имеется генетическая связь – говор анклава отделился от говора метрополии в начале XIX в. результате переселения носителей этого говора на территорию Бессарабии.

В качестве результата исследования предполагалась монография «Сопоставительное описание исходного и переселенческого болгарских говоров». В авторский коллектив вошли Л.Э. Калнынь, Т.В. Попова (ИСБ АН СССР / ИСл РАН) и И. Кочев (Институт болгарского языка БАН). Монография была ориентирована на изучение в синхронном и историческом плане фонетики и грамматики двух болгарских говоров.

Обследование фонетики говоров по специально составленной программе началось в 1985 г. и закончилось в 1988 г. При обследовании говора на территории Молдавии большую помощь оказывали сотрудники Института языкознания Молдавской АН, а на территории Болгарии – сотрудники Института болгарского языка БАН.

Авторская работа по описанию фонетики была распределена следующим образом. Синхронное описание особенностей фонетического строя говоров выполняли Т.В. Попова (Вокализм) и Л.Э. Калнынь (Консонантизм). Исторический анализ материала входил в компетенцию И. Кочева.

Публикация готового труда предполагалась в Болгарии. Однако события начала 90-х годов сделали это трудно выполнимым, и издание исследования отодвинулось на неопределенный срок. Между тем в Институте славяноведения и балканистики РАН была завершена работа над той частью исследования, которая содержала описание фонетического строя обследованных диалектов на синхронном уровне в фонетическом и фонемном аспектах. Было принято решение о публикации данного фрагмента исследования. Это было необходимо не только потому, что работа строилась на полевом материале, для повторения которого практически уже не было условий. Заслуживала внимания предложенная авторами новая концепция синхронного описания фонетики говора, особенно в контексте болгарской диалектологии.

С учетом этих обстоятельств, раздел общей работы, выполненный Л.Э. Калнынь и Т.В. Поповой, был опубликован в издании Института славяноведения и балканистики РАН «Исследования по славянской диалектологии. 2», М., 1993.

Настоящая публикация, является переизданием текста 1993 года. В текст внесены изменения и уточнения. Но главная цель переиздания состоит в том, чтобы вновь привлечь внимание диалектологов к проблемам описательной диалектологии. Авторы хотели показать, что описание системы современного диалекта возможно лишь на основе специальной программы его обследования, исключающей дифференциальный подход при фиксации диалектных особенностей. Только при соблюдении этих условий можно создать адекватное представление о фонетическом устройстве описываемого идиома.

Авторы

ВВЕДЕНИЕ

1. *Описательная диалектология в иерархии диалектологических исследований и ее задачи*

Предлагаемое исследование основано на теоретических положениях диалектологии, связанных с пониманием значения описательной диалектологии, вообще, и синхронного описания одного диалекта, в частности. Существо этих положений сводится к следующему.

Описание одного диалекта (говора) как синхронной системы по своим задачам и методике является особым видом диалектологического исследования (1). По своему значению оно занимает ключевое место в иерархии диалектологических исследований. Методологической основой синхронного описания диалекта является придание ему, как объекту лингвистического анализа, статуса языка. Диалект как особый идиом – это всегда часть языкового объединения, включающего в свой состав наряду с территориально ограниченными формами языка и другие образования, в том числе и литературный язык. Поэтому понятие «диалект» может существовать лишь на фоне определенной социально-языковой ситуации.

Территориальные диалекты входят в состав национальных языков. Национальный язык, функционирующий в обществе, определяемом как нация, охватывает совокупность диалектов, литературный язык и формы речи, промежуточные между диалектной и литературной формами, т. е. национальный язык представляет собою «разноаспектную систему, обеспечивающую коммуникацию во всех сферах общественной жизни данной нации» (2: с. 5).

Обладая различной функциональной и социальной характеристикой, литературный язык и диалект с чисто лингвистической точки зрения являются равноценными языковыми объектами – ср. Э. Хауген: «каждый диалект язык, но не каждый язык – диалект» (3: с. 499); этим же определяется логика употребления термина «литературный диалект» в применении к литературному языку (4: с. 5).

Диалект и литературный язык представляют собою реальную действительность, непосредственно данную в речи. Каждый из этих идиомов представляет языковую систему, реализующуюся в речи определенного коллектива – обозримого в принципе для диалекта и практически неограниченного для литературного языка. По-видимому, можно говорить и о разной динамике этих коллективов: для диалекта – это сокращение, а для литературного языка – расширение коллектива говорящих.

Функционируя только в устной форме, говор (диалект) как объект наблюдения всегда предстает в своем синхронном состоянии. Поэтому первой задачей описательного раздела диалектологии является моделирование частной диалектной системы (ЧДС) на всех уровнях. Ср. в этой связи следующие суждения: грамматики местных диалектов «...с точки зрения требований современной науки должны были бы представлять описания, подобные описанию любого языка, включая фонологию, синтаксис и морфологию» (5: с. 353); «...структура одного диалекта демонстрирует все языковые планы, независимо от того, обслуживает ли он один конец деревни или простирается на большую область» (6: с. 60), и далее – «Диалектология представляет собою род “микрولينгвистики” в языкознании, и термин “диалект” в целом может быть употреблен как термин “язык”» (7: с. 181).

2. Отношение синхронного моделирования системы диалекта к дифференциальному методу описания диалекта и к лингвогеографии

Придание диалекту, как объекту лингвистического исследования, статуса языка определяет все стадии описания, начиная с установления вопросной процедуры для обследования диалекта и кончая выбором метода описания. В обоих случаях непригоден дифференциальный подход к фактам диалекта.

Дифференциальный метод в диалектологии имеет свои основания в специфике структурного устройства диалектов. Диалект всегда сочетает в себе явления, общие для всего языка, включая его литературную форму, с особенностями, образующими диалектные различия. Стрем-

ление подчеркнуть отличия диалекта от литературного языка нашло отражение в дифференциальном методе в диалектологии.

Основа дифференциального метода в изучении диалектов сводится к сопоставлению диалектной речи с эталоном. Как показывает диалектографическая практика, эталон может иметь разное содержание.

Если в качестве эталона избирается литературный язык, то диалект оценивается через явления, отличающиеся от литературного языка. Этим разрушается системная целостность описания, поскольку черты, внешне общие с литературным языком, могут быть совершенно различны с функциональной точки зрения (8: с. 14).

Другой вид эталона – это традиционный (архаический) слой говора, т. е. диалектная речь, характеризующаяся максимальным для данного коллектива говорящих отличием от литературного языка. Такой эталон используется для интерпретации сосуществующих в диалекте вариантов, одновременных по своему происхождению. В этом случае основной диалектной системой признается система, реализованная архаической формой речи, а явления, отличающиеся от традиционного слоя, расцениваются как реализаторы другой, сосуществующей с основной, системы. Стронникам идеи сосуществующих систем на практике не удалось выявить в одном диалекте сосуществующие системы как целое, а всегда лишь констатируется сосуществование элементов разных систем (9: с. 183).

В любом случае дифференциальный метод при системном анализе говора делает необходимым выход за пределы собственно наблюдаемого объекта, с одной стороны, и игнорирование некоторых частей того же объекта, с другой. Такое расчленение материала может быть полезно при изучении истории диалекта и противопоказано при его синхронной интерпретации: синхронное моделирование должно основываться на полном реальном составе речевой деятельности коллектива, определяемого как носители говора. Только в этом случае можно составить представление о том, как устроена система, которая функционирует под названием «диалект/говор». В связи со сказанным можно сослаться на мнение Б.А. Серебренникова, который дифференциальный подход к изучению диалектов относит к категории «неправильного выбора метода», рассматривая его в разделе, названном «Типичные недостатки в применении лингвистических методов» (10: с. 307).

Используемые в говоре варианты должны быть интерпретированы в синхронном плане как элементы одной языковой системы, а не разных сосуществующих систем. Этого требует не только положение, согласно которому говор принимается в диалектологии за исходную единицу. Существенным обстоятельством является отношение самих говорящих к вариантам, имеющимся в их речи, т. е. их оценка «изнутри». Практика показывает, что говорящие на диалекте или не замечают вариативности используемых речевых средств, или констатируют их допустимость (то, что оценивается как недопустимое, в речи появиться не может). Никаких решений по поводу соотносительности вариантов с другими формами языка (литературной, инодиалектной) говорящие на диалекте не принимают (исключение в этом отношении могут составить факты лексики). Но коль скоро варианты существуют в говоре, это значит, что носители говора приняли их как проявление своей нормы, что в их языковом сознании варианты оцениваются как допустимые эквивалентные средства выражения какого-то элемента плана содержания. При синхронном описании говора должны учитываться все сосуществующие варианты, и ЧДС должна моделироваться как система с вариативными звеньями.

Такой исследовательский подход к диалекту требует специальных комментариев относительно характера речи, которая может быть положена в основу моделирования ЧДС. В коллективе говорящих на одном диалекте имеются лица, чья речь содержит максимум для данного коллектива отличий от литературного языка и тем самым в наибольшей степени выражает специфику данного диалекта. Наряду с этим в том же коллективе имеются лица, вводящие в свою речь элементы литературного языка вместо диалектных или параллельно с ними. Речь этих лиц, в свою очередь, различается в зависимости от соотношения литературных и диалектных вариантов. Речь, в которой преобладают литературные варианты, не является предметом диалектологии – такая речь не является собственно диалектной, а представляет собою диалектно окрашенную, т. е. неправильную, литературную речь.

Таким образом, дифференциальный подход, будучи неприемлем при описании диалекта, актуален при выборе объекта описания, или информаторов, речь которых реализует моделируемую ЧДС.

Отказ от дифференциального подхода при описании диалекта требует известного преодоления традиций, устойчиво поддерживаемых

интерпретацией диалектов как, главным образом, источников для истории языка и практикой составления диалектологических атласов. Поэтому надо подчеркнуть, что диалект как объект синхронного описания не идентичен диалекту в его лингвогеографической интерпретации. Исследовательские задачи и объект лингвистической географии по своему существу не предусматривают изучение диалектов как синхронных систем. Лингвогеографические исследования ориентированы на изучение диалектов с целью установления изоглосс, отражающих пространственное распространение явлений, обычно соответствующих разным этапам в развитии общего этимологического элемента (праформы). Исходным объектом приложения лингвогеографического метода является диалектный континуум. Вне пределов такого континуума отдельный диалект не может выступать в качестве объекта лингвогеографического изучения. Результаты серии синхронных описаний диалектов могут быть интерпретированы лингвогеографически, но не наоборот – лингвогеографическое изучение определенного диалектного континуума, как правило, не может быть основой для всестороннего суждения о структуре этих диалектов.

Лингвогеография принципиально ориентирована на изучение *отдельных явлений* в диалекте, при том только тех явлений, которые входят в состав диалектных различий. Диалектные различия могут выделяться на уровне системных фрагментов (11). Но в рамках лингвогеографии при любом системном подходе диалектная система как целое на любом ее уровне изучена быть не может. В частности потому, что в лингвогеографии явления обычно соотносятся с историей языка. Любые программы, в том числе и те, которые учитывают системную организацию некоторых фрагментов диалекта, имеют своей целью получить сведения о развитии в диалектах определенных общих исходных элементов. За пределами карт остаются явления, материально общие для всего континуума, невзирая на то, что функциональное содержание их в разных диалектах может быть неодинаковым, поскольку эта специфика формируется в контексте явлений, которыми диалекты различаются.

Из сказанного вытекает, что языковой идном, являющийся исходным объектом диалектологии, как системно организованное образование не может быть объектом лингвогеографической интерпретации.

Этот раздел можно закончить высказываниями двух выдающихся русских лингвистов, которые поддерживали концепцию недифференциального описания диалекта. Так, П.С. Кузнецов писал – «Правда, звуковая система любого современного языка является продуктом определенного развития, но исходить в определении смысловозначительной роли звуков в современном языке мы должны тем не менее из отношений современного языка. История тут нам не может помочь» (12: с. 167). И С.С. Высотский – «Непредвзятый подход к изучению любого языкового материала заставляет с большим вниманием интерпретировать даже такие его разделы, где, казалось бы, уже все знакомо по предварительным сведениям об этой языковой системе. Особой осторожности требует рассмотрение диалектных фактов, поскольку многие черты их сходства с материалом разговорной формы национального языка могут отвлечь внимание исследователя от существующих в диалекте специфических явлений» (13: с. 24).

3. Лингвистическое значение синхронного описания диалекта

Значение синхронного описания диалекта многообразно. Показав устройство и правила функционирования системы, такое описание дает представление о диалекте как о языке, конкретно охарактеризованном в территориальном и хронологическом аспекте. При этом может выявиться ряд таких особенностей диалекта, которые обычно проходят мимо внимания диалектологов. Это приобретает особое значение в тех случаях, когда оказывается, что данные особенности участвуют в синхронной диалектной дифференциации. Так, на фонетическом уровне только путем синхронного описания диалекта можно определить такие показатели системы, как правила сочетания и чередования звуков и фонематических единиц, правила нейтрализации фонемных оппозиций, распределение фонематических единиц по позиционным наборам и др. Знание этих характеристик создает основу для построения синхронной структурной классификации диалектов на фонетическом уровне, что в применении к славянским диалектам является актуальной задачей, так как по существу отсутствует развернутое представление о синхронном структурном сходстве и различии между славянскими диалектами.

Представление о том, что подлинное знание о закономерностях протекавшего во времени изменения любого языкового идиома может быть достигнуто лишь на основе знания синхронного устройства этого идиома на разных хронологических срезах, является, видимо, общепринятой. Ср. «Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытого от непосредственного наблюдения. Тем самым синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Этот принцип утверждает единство синхронного описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического» (14: с. 119). Положение это актуально и для исторической диалектологии, одно из назначений которой состоит в том, чтобы изучать «структуру диалектного языка в его историческом развитии» (15, с. 5). Чтобы судить об изменении структуры диалектного языка, предварительно надо выявить те преобразования, которые претерпели во времени частные диалектные системы, являющиеся основой для моделирования процессов на уровне диалектного языка (16). История отдельных диалектов также должна проследиваться как смена синхронных состояний, соотнесенных с разными хронологическими срезами. В этой связи встает вопрос об объеме и содержании тех системных характеристик, которые должны быть установлены для ЧДС на каждом хронологическом срезе.

4. Содержание системных характеристик при моделировании синхронных систем и их сопоставлении в целях получения исторических выводов

Анализ диалектологической литературы показывает, что фонетические изменения в диалектах чаще всего прослеживаются на уровне инвентаря звуковых и фонематических единиц. Эти единицы рассматриваются или как часть некоторого системного фрагмента, или изолированно в контексте хронологически разных систем. При этом интересы исследователей обычно сосредоточены на истории тех фрагментов диалектных систем, относительно которых известно, что с ними связа-

ны диалектные различия, характерные для того континуума, в состав которого входят диалекты, чья история изучается (т.е. знание о современном состоянии в известной степени определяет содержание исторического изучения диалектов).

Поскольку диалектные различия часто определяются наблюдениями за развитием общего этимологического элемента и в меньшей степени учитывают специфику отношений между единицами языка, то получается, что именно эти отношения как раз и оказываются вне поля зрения исторической диалектологии. Подлинное представление о том, как изменялась структура диалектного языка или отдельных ЧДС, может быть достигнуто только в том случае, если эти изменения будут прослежены в применении ко всем компонентам конкретного уровня языковой системы. Специфика фонетической системы определяется инвентарем используемых единиц и правилами их сочетания и чередования. История фонетической системы как в диалекте, так и в диалектном языке должна показать, как менялась характеристика системы по названным показателям. Для этого историческое исследование диалектов на фонетическом уровне в своей основе должно иметь такую синхронную модель диалектной системы, которая полностью эксплицирует фонетические и фонематические характеристики языка независимо от того, входят ли они в состав диалектных различий или нет.

Исторические выводы могут быть получены из сравнения синхронных описаний диалектов (исходя из того, что различие в устройстве хронологически сосуществующих диалектов можно интерпретировать как развернутую в пространстве диахронию). Из сказанного следует, что синхронная модель ЧДС является основой и для суждения о структурном изменении диалектов.

5. Различие между синхронным описанием системы диалекта и традиционным «полным монографическим описанием диалекта»

Описание диалекта как синхронной системы не идентично тому типу описания, который известен в славянской диалектологии как «полное монографическое описание диалекта». Представление о полноте подобного описания обычно не эксплицируется. Но полноту описания диалекта можно понимать двояко.

Традиционно описание считается полным, потому что оно дает сведения о фактах всех разделов языка – от фонетики до лексики; на практике такая цель обычно ставится в монографических описаниях диалектов.

При другом понимании полноты описания оно должно дать исчерпывающие сведения об устройстве и функционировании или системы в целом, или отдельных ее фрагментов; сведения могут считаться достаточными в том случае, если они позволяют прогнозировать позиционное поведение выделенных единиц, принимать решения о допустимости/запрещенности этих единиц в каждом контексте. Традиционное монографическое описание диалекта подобную задачу перед собой не ставит. В таком описании диалект обычно анализируется через призму диалектных различий, характерных для соответствующего региона. Поэтому внимание сосредоточивается на тех фрагментах диалектной системы, относительно которых известно, что в них могут быть реализованы диалектные различия. А поскольку диалектные различия определяются главным образом наблюдениями за развитием общего этимологического элемента, то получается, что в монографическом описании учитываются преимущественно факты инвентаря. Данные синтагматики, позиционного поведения единиц языка учитываются в меньшей степени. Получается замкнутый круг: такое описание, отталкиваясь от установленных диалектных различий, тем самым суживает состав получаемых системных характеристик диалекта, тормозит выявление диалектных различий, связанных не с этимологией, а со структурой. Это противоречие может быть преодолено на основе синхронного моделирования диалектных систем в полном составе их структурных характеристик.

В то же время надо иметь в виду, что именно опыт традиционного монографического описания диалектов привел к пониманию специфики синхронного описания диалекта, способствовал формированию представлений о задачах такого описания и путях их решений. Жанр монографического описания отдельных диалектов и их групп широко представлен в болгарской диалектологии – ему уделяли внимание авторитетные болгарские лингвисты (17). На этом фоне представляется логичной постановка задачи изучения болгарских диалектов в новом аспекте, а именно, как синхронных языковых систем. Фрагмент решения этой задачи и предлагается в данном исследовании.

**6. Лингвистическая задача предлагаемого исследования.
Особенность описываемых диалектов с точки зрения их истории
и языковой ситуации, в которую они включены**

Изложенные идеи реализуются в описании двух болгарских говоров на фонетическом уровне. Социально-языковая ситуация, в которую включены эти говоры, делает их интересными для сопоставления как в синхронном, так и в историческом плане.

Предметом изучения являются говор села Кортен (далее – КН) Старо-Загорско в Болгарии и говор села Кирютня (далее – КЯ) Чадыр-Лунгского р-на Молдавии. Первый говор включен в диалектный континуум метрополии, а второй, будучи переселенческим по своему происхождению, является компонентом болгарского анклава в Молдавии. В 1828 г. после окончания русско-турецкой войны и заключения Адрианопольского мирного договора часть жителей села Кортен, расположенного у южных отрогов Стара-Планины, переселилась в Россию на территорию Бесарабии, где и основала село Кирютня (18). Это событие разделило говор одного села на две части, поставленные в условия разной языковой ситуации.

Говор КН продолжал существовать в одноязычной среде, где возможны контакты с другими болгарскими диалектами и с литературным языком. Говор КЯ, хотя и находится на территории, где существуют и другие болгарские (тоже переселенческие) села, но в течение почти двух веков оказывается в ситуации контакта с носителями молдавского, гагаузского, русского и украинского языков. Интенсивность и содержание контактов с разными языками в разные периоды истории были неодинаковыми. Но результатом является то, что практически все носители диалекта КЯ владеют двумя (болгарский, русский) или тремя и более (болгарский, русский, молдавский, украинский) языками. Для КЯ отсутствует контакт с болгарским литературным языком и, соответственно, влияние кодифицированной нормы на диалект (школьное образование в селе велось на русском языке)

Можно допустить, что подобная языковая ситуация могла бы привести к тому, что к концу XX в. говоры КН и КЯ разошлись в своем развитии, накопив различающие их черты. Переселенческий говор КЯ, будучи оторван от метрополии, возможно, имеет более архаический характер, а говор КН, наоборот, содержит инновации, обусловленные

прежде всего влиянием литературного языка. В то же время нельзя исключить, что и говор КЯ в качестве реакции на специфическую языковую ситуацию мог развить новые, не свойственные КН, черты.

Авторы исследования предполагают установить, существуют ли различия между двумя говорами, один из которых функционировал в условиях метрополии, а другой в отрыве от нее, и, если существуют, то каков их характер и генезис. Решение этого общего вопроса требует выяснения, по крайней мере, следующих вопросов: 1) какие черты звукового строя болгарского диалекта являются наиболее стабильными, а какие наиболее подвержены изменениям; 2) какие изменения в говоре являются следствием воздействия экстралингвистической ситуации, а какие – результатом внутреннего развития ЧДС.

Комбинация генетической общности и длительной разобщенности говоров КН и КЯ, обозримость их в качестве современных идиомов – все это создает благоприятные условия для их сопоставления с целью получения исторических выводов в том объеме, как это изложено выше в 4.

7. Вопросная процедура, примененная при обследовании диалектов

Сопоставление синхронных моделей ЧДС с целью выяснения сходства ~ различия между ними предъявляет определенные требования к вопросной процедуре, с помощью которой происходит обследование диалектов. Синхронное описание любой фонетической системы возможно при условии, что исследователь располагает полными сведениями о составе гласных и согласных, употребляемых в идиоме, и о правилах их сочетания друг с другом и с паузой (т. е. Ø звука).

Этот принцип положен в основу программы, по которой обследовалась фонетика говоров КН и КЯ. Детали составления программы ранее были изложены в (1: с. 22–36). Здесь же мы приведем некоторые основные характеристики программы и ее цели.

1) Устанавливается список звуков языка на базе предварительных знаний о фонетике данной диалектной группы. Для этого используется опыт диалектологии того региона, в состав которого входит диалект.

Понятие «звук языка» употребляется в том значении, которое ему было придано П.С. Кузнецовым (19: с. 31) и С.С. Высотским (13: с. 24).

2) Установленные звуки языка комбинируются друг с другом и с паузой в двучленные сочетания типа #V, #C, V#, C#, CV, VC, CC, VV. Составляются и трехчленные сочетания, если известно, что на распределение звуков языка может влиять предшествующий и последующий сегмент, как это бывает для гласных (CVC). Для гласных учитывается положение относительно ударения. Имеются в виду также сочетания звуков в условиях сандхи. В программе сочетания сегментов снабжены иллюстративными словоформами.

3) Проверка допустимости/запрещенности выделенных сочетаний осуществляется при обследовании диалекта в работе с информаторами.

8. Место незафиксированных сочетаний в общем корпусе сочетаний звуков

В результате обследования по такой программе-вопроснику одни сочетания (или их эквиваленты) будут зафиксированы в определенных словах, а другие останутся незафиксированными. Незафиксированность сочетания – отнюдь не аргумент в пользу его запрещенности. Возможности звуковой синтагматики шире ее лексической реализации (20: с. 79). Как заметил П. Ивич, «число дистинктивных возможностей определяется ... инвентарем фонем и правилами их дистрибуции. Это значит, что решающую роль здесь играют только свойства самой системы, а не такие второстепенные факторы, как наличие или отсутствие отдельных комбинаций в лексических единицах или частотность разных тонов. Инвентарь дистинктивных возможностей представляет собой своего рода структурную рамку, которая охватывает конкретные лексические реализации» (21: с. 3).

Среди незафиксированных сочетаний должны быть выделены сочетания, «запрещенные законами синтагматической фонетики», и сочетания «возможные фонетически, но не представленные лексически» (20: с. 79). Решение о том, к какому разделу следует отнести незафиксированное в диалекте сочетание, принимается на стадии обработки диалектного материала, когда проводится анализ синтагматических отношений между звуками. Исходя из того, что «законы звуковой син-

тагматики относятся к классу звуков, а не к отдельному звуку» (20: с. 79), устанавливается принадлежность звуков, образующих незафиксированные сочетания, к классам, синтагматические возможности которых определены. Характеристика класса распространяется на отдельные его члены, в том числе и те, которые включены в незафиксированные сочетания.

В соответствии со сказанным, незафиксированные сочетания могут быть разделены на сочетания, запрещенные и допустимые правилами фонетической синтагматики.

9. Определение типа звуковых единиц, фиксируемых при обследовании диалектов

Обследование описываемых диалектов осуществлялось аудитивно. Звучащая речь транскрибировалась на уровне звуков языка, каждый из которых обобщает некоторый ряд звуков речи. Границы области, образуемой множеством звуков речи объединенным в одном звуке языка, определяется слуховым восприятием аудитора-лингвиста.

Результаты одного типа контекстуальных звуковых изменений в зависимости от их интенсивности могут получать разный транскрипционный статус: 1) считаться звуками речи и не фиксироваться транскрипционно и 2) считаться звуками языка и транскрипционно фиксироваться. Конкретно это означает, что при записывании звучащей речи имплицитно принимается некий предел уподобления экскурсии и рекурсии звука соседнему сегменту. Если контекстно обусловленная адаптация звука превышает этот предел, то результаты этой адаптации фиксируются на уровне отдельного звука языка, если нет – то соответствующий элемент интерпретируется как звук речи и специального обозначения не получает. В то же время все речевые нюансы при объединении их в звуки языка в описании специально оговариваются.

Фонетический анализ проводится в рамках сегмента, соответствующего словоформе. Выделение словоформы, под которой понимаем речевой сегмент, с обеих сторон ограниченный потенциальной паузой, осуществляется как на основе значения, так и на основе ритмико-интонационных характеристик. За одну словоформу принимается сочетание слова с клитиками.

10. Принципы фонологического моделирования, используемые в работе

При моделировании фонологической системы мы исходим из тех фонологических концепций, согласно которым тождество и различие между фонемами определяется не качеством реализующих их звуков, а системой оппозиций, в которых фонемы участвуют. Это – принципы фонологической теории, изложенной Н.С. Трубецким (22), А. Мартине (23), Р.И. Аванесовым и В.Н. Сидоровым (24), Р.И. Аванесовым (25), М.В. Пановым (20).

Наряду с позициями, где возможность противопоставления фонем по их различительным признакам реализована с максимальной полнотой, имеются позиции, где возможности такого противопоставления в той или иной мере сокращены. Это связано с тем, что в соответствующей позиции вследствие синтагматических запретов представлен более короткий, чем в позиции максимального различения, набор звуков.

Установление эквивалентности между элементами укороченного набора, с одной стороны, и элементами максимального набора, с другой, возможно в пределах одной морфемы, где разные звуки выступают в разных позициях. Такая эквивалентность может подтверждаться тем видом позиционного чередования звуков, который Р.И. Аванесов определил как перекрещивающееся чередование (25: с. 23). Но возможна и такая ситуация, когда синтагматический запрет ведет к появлению позиционно сокращенного набора звуков, а чередованием в морфеме это не сопровождается, поскольку специфика слово- и формообразования не дает поводов для такого чередования – например, в *блáж'ну, млад'эж'* недопустимость *б', м'* не сопровождается меной твердых и мягких губных в этих морфемах.

Позиционное распределение звуков и их морфемная принадлежность – это главные факторы в процедуре фонемной идентификации, исходящей из принципа нетождественности фонемы и звука. Однако удельный вес этих факторов в процедуре идентификации может быть неодинаковым в разных фонологических школах.

Согласно принципам МФШ, морфема является той рамочной конструкцией, в пределах которой констатируется фонемное тождество позиционно различающихся звуков.

Модель, оперирующая понятием «вариант фонемы» (24: с. 42), практически переносит фонемные характеристики, установленные в максимальной позиции, во все позиции с укороченным набором звуков – фонема, как функциональная единица, всегда остается равна себе. И хотя признается, что «совпадая в вариантах, фонемы теряют частично свою способность различать значение слов» (*ibid*), факт этой утраты не проецируется на уровень фонемной идентификации сегмента. Именно эта однозначность фонематического статуса разных звуков в разных позициях нуждается в такой аргументации, как позиционное чередование звуков.

Если же синтагматический запрет не сопровождается чередованием звуков в одной морфеме, то констатируются в соответствующей позиции в морфеме варианты двух и более фонем. П.С. Кузнецов, рассматривая случаи такого рода, писал, что тут «можно говорить лишь о принадлежности к определенной гиперфонеме, но не фонеме. Так, например, в русском /slbáka/ звук л заведомо принадлежит гиперфонеме /o/-/a/, но какая здесь представлена фонема, /o/ или /a/, решить невозможно» (12: с. 186). Это рассуждение имеет в своей основе представление о равенстве фонемы самой себе в любой позиции, независимо от звуковой реализации. Отсутствие чередования может лишь затруднить прямую идентификацию. Что касается термина гиперфонема, то о разном его толковании в трудах, основанных на принципах МФШ, пишет Л.Л. Касаткин в (25а: с. 54).

Модель, оперирующая категорией «фонемный ряд», который состоит из сильной и слабых фонем, предложена Р.И. Аванесовым и предусматривает ослабление различительных возможностей фонемы в рамках позиционно сокращенного набора звуков (25: с. 28–31). Но и здесь единица с ослабленной различительной активностью не рассматривается как отдельный компонент системы, а всегда подключается к сильной фонеме, возглавляющей фонемный ряд.

В настоящем исследовании предлагается фонологическая модель, основанная на ином понимании статуса и места в системе тех единиц, которые включены в позиционно укороченные наборы звуков. Существо этого понимания сводится к следующему:

1) в позиционно сокращенных наборах звуков реализуются фонематические элементы, характеристика которых формируется возможностями противопоставления в данной позиции;

2) при этом характеристика элементов, выступающих в составе позиционно сокращенных наборов, соотносится с теми ДП, которые выделены в максимальной позиции; в результате устанавливается, какие ДП перестают быть актуальными (не используются для противопоставления) в позиционно укороченных наборах.

Непротивопоставленность фонетических единиц по некоторым ДП в позиционно укороченных наборах в принципе можно интерпретировать двояко:

1) считать результатом свертывания (сокращения) системы, основанной на отношениях, актуальных в рамках максимального набора звуков, и констатировать отсутствие некоторых фонем в позиции укороченного набора звуков;

2) считать результатом свертывания (сокращения) характеристики в ДП отдельных фонем и, как следствие этого, констатировать особую организацию того фрагмента системы, который занят этими фонемами.

Предпочтительней второе решение. Оно позволяет установить, что в позиции укороченного набора актуальны фонематические характеристики, основанные на признаках, общих для некоторых фонем, выступающих в максимальной позиции. Между элементами, снабженными такой фонематической характеристикой, и некоторыми фонемами максимальной позиции существуют отношения взаимоисключающей эквивалентности. Это взаимоисключение эксплицирует нейтрализацию фонемных оппозиций, актуальных в максимальном наборе и недопустимых – в укороченном.

Нейтрализация – это синтагматически обусловленное устранение разности пересекающихся множеств ДП (26). Устранение достигается двумя способами:

1) фонемная оппозиция перестает осуществляться потому, что изменение позиции сопровождается совпадением фонем в одном элементе; это преобразование может быть прослежено в составе морфем, содержащих каждую из фонем-оппонентов; такой способ устранения оппозиции сопровождается на звуковом уровне позиционным чередованием, например, *б : п* в [*пóпá — бóбá* и *поп, боп*];

2) другая ситуация имеет место тогда, когда фонемная оппозиция утрачивается, но в позицию неразличения переходит лишь одна фонема, а другая фонема-оппонент не может быть переведена в такую пози-

цию, так как этому не способствует специфика формо- и словообразования; например, в [*в'úd'ал – пóдал и пóдла*] перед *л* недопустим *д'*, но чередованием *д' : д* это не сопровождается, т. е. звуковое проявление нейтрализации в виде чередования в этом случае отсутствует.

Из сказанного ясно, что нейтрализация приоритетно связана с синтагматическими запретами, а звуковое чередование, т. е. парадигматическое проявление на звуковом уровне, не является обязательным. Ср. в этой связи замечание А. Мартине: «с функциональной точки зрения способ, которым реализуется нейтрализация, не играет роли. Решающей является только невозможность реализовать оппозицию» (26: с. 100).

В позиции нейтрализации различие между фонемами по некоторым признакам утрачивает релевантность, и вместо двух или более фонем в этой позиции выступает один замещающий эти фонемы элемент, имеющий значение *архифонемы*.

В характеристику архифонемы входят признаки, которые являются общими для нейтрализуемых фонем. Что касается признаков, которыми фонемы различаются и которые утрачивают релевантность в позиции нейтрализации, то они с точки зрения характеристики архифонемы интерпретируются по-разному.

Согласно Н.С. Трубецкому, архифонеме не присущи те признаки, которыми нейтрализуемые фонемы различаются – этих признаков в позиции нейтрализации нет и поэтому они не релевантны (22: с. 87). Архифонема, имеющая только признаки общие для нейтрализуемых фонем, в принципе может явиться поводом для моделирования системных отношений, построенных на иных основаниях, чем в позиции различения этих фонем.

По интерпретации А. Мартине, напротив, нейтрализуемые признаки не устраняются из архифонемы, а совмещаются в ней (23: с. 426). Их присутствие в архифонеме как бы стабилизирует фрагмент системы, занятый нейтрализуемыми фонемами в его свойствах, отличных от других частей системы. В нашем исследовании принимается эта концепция архифонемы.

Специальных разъяснений требует способ обозначения архифонем.

В фонетической литературе для обозначения единиц, функциональная характеристика которых изменена (сокращена) в зависимости от позиции, применяется разная символика. Это может быть комбина-

ция букв – и^е, ы^е (25: с. 131) ê_o, ê_a, i_e (28: с. 140 и сл.); цифровая индексация – в₁, ф₃, т₂ (25: с. 205, 210; 27: с. 28); знаки, не употребляемые для обозначения фонем в сильной позиции – α, λ (25: с. 106; 27: с. 25); лигатуры – α̂, ê̂ (28: с. 140, 144).

В данной работе для обозначения *гласных* архифонем принят принцип комбинации знаков нейтрализуемых фонем. Учитывая общее небольшое количество гласных фонем, это не создаст слишком громоздких обозначений для гласных архифонем и в то же время обеспечивает их читаемость.

Пойти по этому же пути при обозначении *согласных* архифонем не представляется целесообразным по следующим причинам. Если в обозначение архифонемы включить знаки всех нейтрализуемых фонем, это создаст нелепо громоздкие знаки, поскольку нейтрализуемая оппозиция может включать от двух до семи фонем – так, например, перед ч' нейтрализуется противопоставление фонем /с/-/с'/-/з/-/з'/-/ш/-/ж/-/х/. В такой ситуации целесообразно использовать знак, в обобщенной форме сообщающий о том, какие признаки фонем нейтрализуются в данной архифонеме. Например, /с_х/ – нейтрализация противопоставления фрикативных шумных по месту образования за пределами губного ряда (а не /с_{с'зз'шжх}/).

Наличие определенного признака фонемы может сигнализироваться диакритикой, как это имеет место при обозначении мягких согласных фонем в отличие от парных им твердых, которые не снабжены диакритикой (отсутствие диакритики у них равно сигналу отсутствия признака мягкости). В обозначение архифонемы, нейтрализующей оппозицию по твердости-мягкости логично включить диакритику мягкости со знаком минус, что дает знак типа /т'̂/. Это удобно и для обозначений архифонемы, нейтрализующей оппозицию не только по твердости-мягкости, но и по участию голоса, например, /п'̂̄/ (а не /п_{п'бб'}/).

Изложенную систему обозначения архифонемы используем в описании нейтрализации фонемных оппозиций в КН и КЯ. Ранее этот принцип обозначения архифонем использован в (28).

Исследовательский метод в работе основывается на иерархии анализа, начальным этапом которого является описание синтагматических правил, регулирующих образование линейных звуковых последовательностей, с дальнейшим переформулированием данных синтагматики в парадигматические категории в виде фонем и архифонем. Это

означает, что рамочной конструкцией для идентификации фонематических единиц является фонетическая позиция в словоформе, а позиция в морфеме выступает как аргумент наиболее наглядного установления связей между фонемной оппозицией и архифонемой, нейтрализующей эту оппозицию.

В фонетической системе возможна ситуация, когда нельзя установить отношения эквивалентности между максимальным и укороченными наборами звуков. Это бывает тогда, когда сравнение максимального и укороченного наборов звуков не дает оснований для утверждения, что в сокращенном наборе устраняется разность каких-то ДП. В этом случае в позиции укороченного набора констатируется лакуна в дистрибуции фонем, присутствующих в максимальной позиции и отсутствующих в позиции укороченного набора. При лакунарной дистрибуции недопустимость фонемы в определенной позиции не сопровождается ее заменой архифонемой (23: с. 425).

Введение иных, по сравнению с максимальной позицией, фонемных характеристик обусловлено синтагматическими ограничениями. При этом каждое синтагматическое ограничение касается всех членов определенного сочетания, но должно быть учтено для фонемной характеристики лишь одного члена сочетания. Например, в описываемых говорах отсутствие сочетания типа *te* является следствием правила, запрещающего *t* перед гласным *e* и *e* после согласного *t*. Фонемная же интерпретация этого сочетания может быть лишь одна: 1) перед гласным *e* не противопоставлены согласные по высоте тона, т. е. *t-t'*, или 2) после согласного *t* нет вокальной оппозиции с участием гласного *e*.

Решение о том, с фонематической интерпретацией какого сегмента следует связывать синтагматические ограничения, может быть аргументировано:

1) звуковым чередованием: сегмент, с фонематической характеристикой которого связано синтагматическое ограничение, является членом позиционного чередования, второй компонент которого в данной позиции запрещен; например, запрещение *t* перед *e* отражается на фонематической интерпретации согласного, а не гласного, так как есть чередование [*t : t'*] перед *e*, а отсутствие *e* после *t* не сопровождается чередованием гласных;

2) удобством и лаконичностью решения. Если синтагматическое запрещение не сопровождается каким-либо звуковым чередованием, то

это запрещение может быть с равным правом отнесено к фонемной интерпретации любого члена сочетания. В этом случае следует выбирать более простое решение, т. е. то, которое требует переформулирования меньшего количества элементов системы.

При моделировании фонологической системы вокализма учитываются синтагматические запреты, касающиеся только гласных, а в консонантизме – соответственно, согласных. Поскольку фонемный статус сегментов, примыкающих к гласному или согласному, не учитывается, позиционное распределение фонем рассматривается в фонетическом контексте, а не в фонемном.

Таким образом, в процедуре фонологического моделирования приоритетное значение придается синтагматическому аспекту звукового строя диалекта. Все парадигматические решения (состав фонем, их противопоставление и нейтрализация) являются производными от правил сочетания звуков. Поэтому основой адекватного представления об устройстве и функционировании фонологической системы является знание правил звуковой синтагматики.

Анализ фонетики на синтагматическом уровне предполагает пристальное внимание к звуковой специфике идиома, так как необходимо учитывать многие нюансы звукообразования и звукосочетания, не имеющие выхода на фонемный уровень. При описании диалекта детальная фиксация явлений фонетического уровня приобретает особое значение, так как нередко такое описание становится единственным свидетельством (источником знания) о диалекте. Поэтому диалектологическое исследование должно быть максимально полно документировано – в фонетике это достигается анализом звуковой синтагматики.

При описании синтагматики говоров КН и КЯ мы руководствовались тем образцом синтагматического анализа, который разработан на фактах русского языка М.В. Пановым (20).

11. Процедура описания фонологической системы диалектов

Описание фонологических систем говоров КН и КЯ выполнено на основе одинаковых принципов и методов системной интерпретации речевого материала и, как следствие этого, в одинаковых терминах. Со-

блюдение этих правил является необходимым условием возможности сопоставления говоров.

Описание диалектов выполняется согласно следующей процедуре.

1) Устанавливаются правила сочетания используемых в диалекте звуков и правила их позиционного чередования.

2) Устанавливаются артикуляционные признаки, по которым звуки в тождественной позиции могут быть противопоставлены. Этим признакам придается значение дифференциальных (ДП). В ранг ДП возводится тот артикуляционный компонент, который один может лежать в основе звукового противопоставления, выделяемого в тождественном фонетическом окружении. Тождество фонетического окружения не связывается непременно с минимальными парами. Мы согласны с мнением Л.Р. Зиндера по этому поводу. Он пишет: «...минимальная пара свидетельствует лишь о том, что соответствующая пара звуков может находиться в данном языке в одинаковой позиции... Совершенно естественно, что благодаря способности разных фонем выступать в одной позиции могут чисто случайным путем (в силу тех или иных причин) возникать цепочки фонем, различающиеся только одним элементом, т.е. квазиомонимы или минимальные пары», т.е. минимальные пары являются производными от фонологических оппозиций, а не наоборот (29: с. 29).

Тождество фонетического окружения констатируется в пределах сегментов, непосредственно примыкающих к звуку. Часто имеет значение качество лишь одного соседнего сегмента. На основе пересечения ДП формулируются характеристики отдельных фонем. Комментируются также функционально незначимые особенности звуков.

3) Выявляются позиции, в которых представлен максимальный набор звуков – гласных и согласных отдельно, и где, соответственно, функциональные характеристики фонем реализуются с максимальной полнотой.

Дается список позиционных наборов звуков (гласных и согласных отдельно), укороченных в сравнении с максимальным набором. Устанавливается соответствие между укороченными и максимальным наборами звуков с целью выяснения, за счет снятия каких, представленных в максимальной позиции оппозиций, происходит сокращение набора звуков. Для выяснения этого используются и факты позиционного изменения звуков в пределах морфемы. Снятие оппозиции интерпретируется как нейтрализация фонемного противопоставления. Уста-

навливается состав архифонем, выступающих в позициях нейтрализации.

5) При невозможности установления системной эквивалентности между максимальным и укороченными наборами звуков, в позиции укороченного набора констатируется лакуна в дистрибуции фонемы, присутствующей в максимальной позиции и отсутствующей в укороченной.

6) Устанавливаются правила сочетания и позиционного чередования фонем и архифонем.

Выяснением перечисленных вопросов формируется знание того, как устроена и функционирует фонологическая система диалекта. Эти вопросы отражают основную задачу фонетики как науки – изучать «законы, которые управляют сочетанием и чередованием звуковых единиц языка» (20: с. 3).

12. Данные об описываемых говорах в болгарской диалектологии

Говоры КН и КЯ, согласно классификации, принятой в болгарской диалектологии, относят к говорам подбалканского типа (30).

Эти говоры были неоднократно предметом изучения в болгарской диалектологии. Так, говор КН под № 3147 включен в сетку Болгарского диалектного атласа (БДА) и обследован в 1958 г. по «Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас» (София, 1954) группой лингвистов в составе Б. Велчевой, Б. Кировой, И. Цветковой и Т. Поповой. Сопоставительное изучение лексики говоров КН и КЯ отражено в монографии Э.И. Зелениной «Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии» (София, 1981). Характерные черты говора КЯ были описаны Л.С. Плотниковой в статье «О некоторых особенностях говора с.Кириутня Конгазского р-на Молдавской ССР» (Уч. записки Ин-та славяноведения, т. 2. М., 1950).

13. Транскрипция

Для записи звучащей речи в описываемых говорах использовалась транскрипция, принятая в болгарской диалектологии и отраженная в БДА. Эта транскрипция не достигает того уровня детализации

особенностей звуков, который характерен для многих современных фонетических исследований, а для болгарского языка предлагается В. Жобовым в его книге (29а).

1. Для обозначения гласных употребляются следующие знаки:

- и* – ударный и безударный нелабиализованные гласные переднего ряда, верхнего подъема;
- е* – ударный нелабиализованный гласный переднего ряда, среднего подъема;
- е̇* – безударный нелабиализованный гласный переднего ряда, верхне-среднего подъема;
- ё* – ударный и безударный нелабиализованные гласные передне-среднего ряда, верхне-среднего подъема;
- а* – ударный нелабиализованный гласный среднего ряда, нижнего подъема;
- а̇* – безударный нелабиализованный гласный среднего ряда, подъем – от ниже-среднего до среднего;
- ъ* – ударный нелабиализованный гласный среднего ряда, среднего подъема;
- ъ̇* – безударный нелабиализованный гласный среднего ряда, средне-нижнего подъема;
- о* – ударный лабиализованный гласный заднего ряда, среднего подъема;
- о̇* – ударный лабиализованный дифтонгоид заднего ряда, среднего подъема с *у*-образной экскурсией;
- ӧ* – безударный лабиализованный гласный заднего ряда, средне-верхнего подъема;
- у* – ударный и безударный лабиализованные гласные заднего ряда, верхнего подъема;
- у̇* – ударный и безударный лабиализованные гласные верхнего подъема, ряд – от передне-среднего до средне-заднего.

В пояснении нуждается факт включения в систему транскрипции знака *ё*. Гласные, обозначаемые этим знаком, употребляются только после мягких согласных, шипящих и *й*. В КН и КЯ эти согласные аккомодируют себе все гласные непереднего ряда. У гласных *á, ъ, ó, ý, а, ъ, о, у* артикуляция *смещается* несколько вперед и вверх в направле-

нии к зоне гласного *и* (31: с. 73-88; 20: с. 57; 32: с. 91). В результате в данной позиции могут произноситься лишь ударные гласные *á, 'б, 'о, 'у* и безударные *а, ъ, 'р, у*. Позиция после мягких согласных, шипящих и *й* является перцептивно слабой; ср. аналогичную интерпретацию русских гласных в соседстве с мягкими согласными в (32: с. 57; 33: с. 18). Данную продвинутость передних гласных в направлении к гласному *и* мы считаем особенностью *звуков речи*, и поэтому не вводим для ее обозначения специальных знаков. Исключение сделано для гласных *'б, 'р*, которые обозначены знаком *ɛ*. Такая кажущаяся на первый взгляд нелогичность в использовании транскрипционного знака имеет свои причины. После мягких согласных гласные *'б, 'р* акустически достаточно сильно отличаются высотой собственного тона от гласных *б, р*, употребляющихся после твердых согласных. Различие между *б* и *'б*, между *р* и *'р* выражено ярче, чем аналогичные различия между другими передними гласными после мягких и твердых согласных. Поэтому в болгарской диалектологии существует традиция выделять аккомодацию гласных *'б, 'р* особым знаком. Ср. в этой связи следующее замечание И. Кочева: «Позиционният вариант на *ъ* след меки съгласни е звук, който по място на учленение се различава от *ъ* след твърди съгласни. Изместването на основната артикулация напред под влияние на предходния палатален консонант превръща гласната в звук, който заема среднично място между вокали *е* и *ъ*, но по-близо до *ъ*... В абсолютно същите положения позиционният вариант на *ъ* след меки съгласни влиза във факултативно редуване с *ɛ*, който е също звук среден между *е* и *ъ*, но по-близо до *е*» (34: с. 13-14).

Ударный гласный *é* отличается от других передних ударных гласных своей дистрибуцией. Он не только позиционно ограничен, как и другие передние гласные, продвинутые вперед и вверх – все эти звуки недопустимы после паузы, после передних гласных, после твердых согласных. Гласный *é* имеет, кроме того, весьма ограниченную сферу употребления с точки зрения знакового строения текста, встречаясь лишь в аффиксальных (но не корневых) морфемах, а именно – в глагольных флексиях 1 л. ед.ч. наст. (КЯ), 3 л. мн.ч. наст. (КН), в субстантивной флексии жр. ед.ч. (КН, КЯ) и в членной морфеме м.р. ед.ч. (КН, КЯ).

Что касается дистрибуции безударного *ɛ*, то она тоже имеет свои особенности – безударный *ɛ* употребляется преимущественно в за-

ударных аффиксах и значительно реже в предударных слогах в корневых морфемах.

2. Согласные, используемые в говорах КН и КЯ, группируются по локальным рядам.

2.1. Губной ряд

п, п', б, б' – билабиальные взрывные, глухие, звонкие, твердые и мягкие. Термин «мягкий» употребляется в значении «палатализован-ный», не «палатальный» (именно этот термин часто употребляется в болгарской лингвистике при определении согласных высокого тона), поскольку палатальность обозначает особый локальный ряд как основную артикуляцию, а не тот оттенок основной артикуляции, каковой является палатализованность (мягкость) согласного.

ф, в, ф', в' – лабиодентальные, фрикативные, глухие, звонкие, твердые, мягкие.

й, ш, ш' – билабиальные фрикативные, звонкие, твердые, мягкий; *й* относится к числу согласных (а не слоговых гласных) на том основании, что он не образует слога; *й* образуется с меньшим напряжением и меньшим собственным шумом, чем *ш*. Экспериментальное обоснование принадлежности так называемых «неслоговых» *й, й'* к классу согласных на украинском материале сделано Н.И. Тоцкой (35: с. 244). Как звук, относящийся к классу согласных, спирант *й* обладает и таким свойством, как возможность позиционного оглушения, что показано ниже. Согласный *ш* дифференцирует свою артикуляцию в КН и КЯ. В КН этот спирант образуется при слабой активности губ: при наблюдении над речью отдельных информаторов замечено, что при артикулировании *ш* имеет место в основном движение нижней губы, а верхняя – слабоподвижна. В КЯ билабиальность *ш* сильнее выражена благодаря активности не только нижней, но и верхней губы. Спирант *й* имеет сильную артикуляцию как нижней, так и верхней губы – билабиальность его очевидна.

ф – билабиальный фрикативный глухой согласный, образуемый с участием заднеязычной артикуляции, состоящей в напряжении и подъеме задней части спинки языка; двухфокусность этого спиранта создает акустический эффект звука, среднего между собственно губным и

задненебным; сила губной и заднеязычной артикуляции в речи может варьироваться, в зависимости от чего согласный аудитивно воспринимается как более близкий то к ϕ , то к x . Двухфокусный губной спирант известен русским говорам, но там заднеязычная артикуляция как бы предшествует губной, что дает эффект $x\phi$ (36: с. 125). В болгарском говоре губная артикуляция превалирует и согласный скорее похож на ϕx ; характерно, что Н.В. Котова этот звук передает знаком ϕx (37: с. 277). В КЯ билабиальность ϕ образуется при более активном движении губ.

ϕ' – мягкий коррелят ϕ .

m, m' – билабиальные смычно-походные, носовые, твердый и мягкий. Термин «смычно-проходной» употреблен в значении – «согласный, произносимый с полным смыканием во рту и одновременным прохождением воздуха через нос и рот (рус. м, н, л)» (38: с.435). Это следует отметить, так как в болгарской литературе сходный термин «преградно-проходни» употребляется для аффрикат, т. е. для артикуляции, при которой смычка и фрикации следуют друг за другом, а не осуществляются одновременно (31: с. 125).

μ – билабиальный проходной носовой.

2.2. Зубной ряд

Здесь объединены согласные, образуемые смычкой языка с передними зубами и с примыкающей к ним частью альвеол.

t, d, t', d' – переднеязычные взрывные, глухие, звонкие, твердые, мягкие; при артикулировании мягких согласных расширяется зона смычки с альвеолами, а конец языка примыкает к верхним зубам; мягкие взрывные не имеют фрикативного призвука.

s, z, s', z' – переднеязычные фрикативные, глухие, звонкие, твердые, мягкие; кончик языка прижимается к нижним зубам, а при артикулировании мягких спирантов язык имеет более плоскую форму и более напряжен.

ζ, s, ζ', s' – переднеязычные аффрикаты, глухие, звонкие, твердые, мягкие.

n, n' – переднеязычные смычно-проходные, носовые, твердый и мягкий.

l – смычно-проходной, твердый, латеральный, с затвором между верхними зубами и альвеолами, при корональной форме языка, но без того сосредоточения массы языка, которое характерно для веляризованного латерального (39: с. 30); благодаря отсутствию веляризованности производит впечатление согласного более высокого тона, чем *л*; согласный *l* употребляется в КН.

л – такой же латеральный, но имеющий второй фокус в виде веляризации (активность задней спинки языка). Этот согласный характерен для КЯ – хотя и здесь по идиолектам встречаются случаи ослабления веляризованности латерального, но полного отсутствия заднеязычного фокуса при образовании *л* не бывает.

л' – смычно-проходной латеральный мягкий.

2.3. Переднеязычный ряд

ш', *ж'* – апикальные фрикативные, мягкие, глухой, звонкий.

ч', *ц'* – аффрикаты, глухая, звонкая, мягкие. Повышение тона у шумных переднеязычных согласных может иметь разный уровень и они могут аудитивно восприниматься как мягкие/полумягкие/почти твердые.

р, *р'* – переднеязычные вибранты, твердый и мягкий.

2.4. Среднеязычный ряд

к', *г'* – заднеязычные взрывные, глухой, звонкий, мягкие; образуются в зоне твердого неба, ближе к его задней части. Локализацией в палатальной зоне автоматически сопровождается повышение тона заднеязычных согласных, поскольку палатализация согласного артикуляционно выражается в смещении основной артикуляции по направлению к твердому небу: для зубных согласных – это передвижение назад, а для заднеязычных вперед; в КЯ заднепалатальность *к'*, *г'* больше выражена, чем в КН.

х' – заднеязычный фрикативный, глухой, мягкий.

ш' – смычно-проходной, носовой, мягкий.

й– фрикативный звонкий, более передний, чем х'; по высоте собственного тона может быть отождествлен с мягкими согласными; шумовые этого согласного незначительны.

2.5. Задненебный ряд

к, г – заднеязычные взрывные, глухой, звонкий, твердые.

η – смычно-проходной, носовой, твердый.

2.6. В говорах употребляется проходной носовой согласный v. Он образуется в зоне твердого неба, но место сближения языка с небом зависит от предшествующего гласного. После гласного переднего ряда – активна более передняя часть языка (*м'ивзух* 'минзухар, цветок', *сфусар* 'пушистый зверек, куница'), после заднего гласного – соответственно, задняя часть языка (*овз'и, бровс*). Выделение носового согласного как отдельного сегмента в этих случаях обусловлено не собственно фонетикой, а стремлением унифицировать представление о составе дискретных единиц в последовательностях, содержащих носовую артикуляцию перед гласным, согласным и #. С фонетической же точки зрения в последовательности V+n+C произносится назальный гласный, т. е., как отмечает В. Георгиев, «гласный, который в своем начале является ротовым (оральным), а в конце носовым» (40: с. 44). Проходной согласный v свойствен КН, а в КЯ носовой согласный в соответствующих позициях не так определенно утрачивает смычку и поэтому производит впечатление смычно-проходного.

2.7. Фарингальный ряд

х – фрикативный, глухой, твердый; шум образуется в задней части полости рта при широком проходе для звуковой струи, что создает впечатление ненапряженного согласного. На широкое образование и слабую фрикацию х, как на общую особенность балканских языков, видя в этом проявление балканского этнического субстрата, указывает С.Б. Бернштейн (41: с. 298).

Знаком х в болгарской транскрипции обозначается задненебный (велярный) согласный. Для глухого фарингального в Программе БДА

предлагается знак χ (42: с. 8). Мы пользуемся знаком x для обозначения фарингального глухого согласного.

y, y' – фрикативный, звонкий, твердый, мягкий.

3. Особых замечаний требуют *мягкие согласные*. Репрезентируя подбалканский тип восточноболгарских диалектов, говоры КН и КЯ имеют мягкие согласные (т. е. согласные повышенного тона) во всех локальных рядах. Механика образования болгарских мягких согласных описана достаточно подробно. Если принять за точку отсчета артикуляцию твердых согласных, то смягчение губных достигается поднятием средней части спинки языка, а зубных (альвеолярных) и задненебных – перемещением места образования к средней части твердого неба. Для зубных и задненебных согласных смягчение достигается перемещением центра артикуляции в противоположных направлениях (39: с. 151).

Аудитивное впечатление от мягких согласных в КН и КЯ неодинаково. Губные, зубные согласные и p' перед u, e в КН производят впечатление менее мягких, чем в КЯ, где мягкость обычно имеет тот уровень, который характерен для русских палатализованных согласных. Оpozнание согласного как мягкого в большой степени определяется характером перехода от согласного к следующему гласному. Идентификация согласного как мягкого связана с наличием i -образного тембрального участка на начальном этапе артикулирования гласного, который следует после мягкого согласного. Об этой особенности болгарской фонетики см. в (31: с. 89).

Аудитивное впечатление о большей или меньшей мягкости согласного может быть производным от соотношения длительности переходного участка и ядра гласного – чем длительнее i -образный элемент, тем мягче находящийся перед гласным согласный (т. е. тем выше его тон).

А.М. Кузнецовой проведен экспериментальный анализ русских и болгарских мягких согласных в литературном произношении с точки зрения их воздействия на следующий гласный непереднего ряда в сегменте типа $t'at$. Установлено, что i -образный элемент болгарского гласного в два раза меньше, чем тот же элемент в русском гласном в той же позиции (43: с. 58). Этому соответствует впечатление от болгарских мягких согласных как менее мягких, чем русские согласные –

ср.: «Българските съгласни *m', d', n'* в сравнение с чешките, словашките и руските съ по-твърди Това лесно установява слухово, а и на палатограмите ясно личи» (44: с. 319).

Мы не располагаем данными экспериментальных исследований мягких согласных и их воздействия на гласные в описываемых говорах. Но имеются косвенные данные. Известно, что при восточноболгарском произношении согласных перед *e, u* в артикуляции гласных присутствует *i*-образный переходный элемент, отсутствующий в литературном произношении (31: с. 88). Логично предположить, что разному впечатлению от мягкости согласных перед *u, e* в КН и КЯ соответствует неодинаковый переход от мягкого согласного к гласному – в КН этот переход менее длительный, чем в КЯ. В то же время примеры низкого уровня палатализованности согласных, особенно перед гласным *e*, встречаются и в КЯ.

4. В дальнейшем описании имеются указания на *варьирование* качества отдельных звуков – гласных и согласных. Поскольку фонетика диалекта анализируется в рамках словоформы (фонетического слова), то и названное варьирование предстает как свойство изолированно произнесенной словоформы. Однако такое соотнесение фактов условно и требует следующего уточнения.

Варьирование качества звуков в спонтанной речи является ее естественным и неизбежным свойством – ср. «...транскрипции спонтанной речи, в которых все фонетические явления представлены в безысключительном виде, могут вызвать недоверие и подозрение в стилизации» (45: с. 5). Как показывают наблюдения фонетистов, фонетическое варьирование в большой степени обусловлено влиянием фразовой позиции (45, 46, 47). В разных участках текста произношение одного и того же звука языка может быть неодинаковым. Один из первых опытов изучения «синтаксической фонетики» на материале русских говоров (45) показывает, что распределение вариантов одного и того же звука во фразе достаточно жестко регламентировано, а привязка этих вариантов к изолированно произнесенному слову не отражает лингвистической реальности.

В предлагаемой работе изучение фразовой фонетики не проводилось, и поэтому мы не можем судить о том, как позиция во фразе отра-

жается на артикуляции звуков. В то же время мы не могли отказаться от фиксации той фонетической вариативности, которая наблюдается в описываемых говорах. Но поскольку фонетику мы изучаем в словоформе, то и вариативность констатируем в изолированно произнесенной словоформе, вполне отдавая себе отчет в условности такого решения.

В О К А Л И З М

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследуемые говоры имеют свободное ударение. Положение относительно ударения оказывает влияние на артикуляцию гласных. Этим обусловлено различие в инвентаре и дистрибуции гласных ударных и безударных слогов. Далее две эти подсистемы рассматриваются раздельно.

Инвентарь гласных в КН и КЯ является одинаковым. Различия касаются: а) артикуляционных свойств некоторых звуков; б) их дистрибуции; в) частоты употребления отдельных гласных, т. е. их сравнительного удельного веса в фонетической структуре слов и морфем.

Описание вокализма в КН и КЯ строится по схеме, учитывающей употребление гласных в ударных и безударных слогах в следующих позициях:

- а) после паузы (#V);
- б) после твердых согласных перед твердыми согласными (CVC);
- в) после твердых перед мягкими согласными, шипящими, *й* и перед сочетанием типа CC' (CVC', CVCC');
- г) после мягких согласных, шипящих и *й* перед твердыми согласными (C'VC);
- д) после мягких согласных, шипящих и *й* перед мягкими согласными, шипящими, *й* и перед сочетанием типа CC' (C'VC', C'VCC');
- е) перед паузой после твердых согласных (CV#);
- ж) перед паузой после мягких согласных (C'V#);
- з) после гласных (V₁V) и перед гласными (VV₁).

Фиксируемые в этих позициях наборы гласных могут различаться между собой по разным параметрам – по составу, по артикуляционным особенностям, по лексической представленности и др. Для того, чтобы иметь представление о сравнительном удельном весе каждого гласного, учитываются все отмеченные в КН и КЯ употребления гласных в указанных выше позициях (т. е. после паузы, после всех соглас-

ных, перед паузой и перед всеми согласными); предшествующие согласные при этом группируются по локальному ряду.

2. ГЛАСНЫЕ В ПОЗИЦИИ ПОД УДАРЕНИЕМ

2.1. Г л а с н ы й *á*

Этот гласный в КН и КЯ употребляется во всех перечисленных выше позициях.

2.1.1. П о з и ц и и #VC, #VC'

КН, КЯ: *ас, áбалка, áгн'и, áгънц'и, áгънц'ата, ál'ан;*

КН: *áскуу / áскуÿ / ^хáскуу;*

КЯ: *áвр'ика / áхр'ика* 'фабрика' (в речи одного информатора).

В КН и КЯ зафиксирована *й*-образная экскурсия при произношении гласного *á* после потенциальной паузы, которой предшествует гласный *и*: *и йás, и йáна, и йáгн'и*. Кроме того, только в КН (редко и преимущественно у молодых) наблюдается *й*-образная экскурсия в словоформах *йáбалка, йáбал'к'и*¹ (наряду с *áбалка, áбал'к'и*). Гласный *á* в позиции #V в КН и КЯ возможен также в результате утраты начального фрикативного согласного.

2.1.2. В п о з и ц и и CVC гласный *á* зафиксирован в КН и КЯ после *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, з, ц, ш, н, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: *пá – пак, пáзвa, ступáнцк'и; бá – бáжкъ, курбáн; вá/вá – двáмa / двáмa, вáтъл'и / вáтъл'и; фá/фá – фáна / фáна; мá – мáслу, азмáтa;*

КН: *фá – инфáрк; мá – г'ермáнцку;*

КЯ: *фá / фá – фáрта, фáбр'ика / фáбр'ика / хáбр'ика, фъф áхр'ика, ффф áвгус; мá – да ^хáйдáмáч'ат* 'плохо работают';

КН, КЯ: *тá – тáм, краш'тáвqт; дá – дáм, ч'ердáк; сá – сáм; зá – зáпáд'ан, зар'изáн; цá – д'ицáтa, ишáпáн; сá – нáсáт / нáсáт'; нá – нáр, гръмнáк; лá – слáн, лáкqт';*

КН: *сá – сънсáр* 'куница; вор'; *лá – ш'а нáклáм óг'qнa / ш'а нáклáдá;*

¹ В разделе, посвященном вокализму, в приводимых примерах не дифференцируем латеральные *л* и *l*, используя один знак *л*.

КЯ: да – *травдѡф'ел, с'ердѡта*; са – *усѡт, рѡсѡт*; ла – *плѡчи, вѡзлѡмн'ица, ѡсвруплѡн*;

КН, КЯ: ра – *гурѡта, рѡф*;

КН: ра – *п'укуга п'ѡма да краѡм / да крадѡ*;

КН, КЯ: ка – *кал, камап'и*; га – *ѡургѡн, с'игѡнка, ха – пѡ'ѡр (и пѡ'ѡр), хѡпѡ (и ѡпѡ)*;

КЯ: га – *гѡрѡ'и 'кувшин'*.

В КН и КЯ единичными словоформами представлены сочетания гласного *а* с предшествующими согласными *ц, с, х*. В связи с тем, что *ф/ф* и *х/х* во многих словоформах свободно варьируются, частота сочетаний *фа, ха* в тексте постоянно колеблется.

В КН сочетание *ан* перед согласным, а также в ряде случаев в конце словоформы перед паузой производит акустическое впечатление назального гласного *а* – *стунѡцѡка, камбѡпѡта, тац, капѡ*. Это типичное, по определению Вл. Георгиева, произношение для болгарского языка описано им в (40: с.44). В транскрипционной записи приводимых ниже примеров данный назальный гласный не отмечается.

2.1.3. В п о з и ц и и CVC' гласный *а* в КН и КЯ зафиксирован после *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, з, ц, с, и, л, р, к, г, х*

КН, КЯ: па – *заспѡл'и, пѡѡѡк / пѡѡѡк*; ба – *бѡѡ, курбѡн'и*; ва/ва – *вѡд'а / вѡд'е, куѡж'увар'ен / куѡж'уфѡр'ан*; фѡ/фѡ – *фѡл'еш'и, зѡфѡт'и*; ма – *мѡѡѡка, душмѡн'ан, мѡѡж'ат*;

КН: ба – *пр'ибѡѡ да сп'и*;

КЯ: ба – *бѡб'ѡпѡта*; ва / ва – *ч'увѡш'и / ч'увѡш'и*; ма – *мѡм'енѡта*;

КН, КЯ: та – *мутѡѡц'и, мутѡѡѡ / мутѡѡѡе*, да – *дѡѡж'ба, ф'идѡн'и*; са – *д'исѡг'и, сѡѡж'д'и*; за – *кузѡр'и, зѡѡѡч'ѡ'та / зѡѡѡч'ѡпѡта*, ца – *цѡр'а, пѡрѡѡл'*; са – *усѡт' / усѡт*; на – *нѡрѡч'и, данѡч'и*, ла – *лѡч'ат, ут плѡд'н'а / ут плѡн'н'е, лѡкт'и*;

КЯ: та – *нѡфѡтѡр' / нѡѡтѡр'*; за – *иѡгѡм'ен'и*; на – *уч'иѡѡѡѡ*; ла – *дѡлѡк' 'селезенка'*;

КН, КЯ: ра – *крѡѡ, крѡѡж'ба, рѡд'уфѡт*;

КЯ: ра – *п'ерѡтѡи'ѡк*.

КН, КЯ: ка – *кал'н'и, кѡи'л'а*, га – *мѡгѡр'и, л'иѡгѡл'иш'т'и*; ха – *у'ѡп'а / уфѡп'а, бу'ѡл'к'и / буфѡл'к'и / буѡл'к'и*;

КЯ: ка – *ш'иѡкѡфч'и, кѡк'енѡ*.

В данной позиции сочетания *фá/фá, цá, сá* относятся к числу малочастотных. Наличие *ф/ф* перед *á* обычно обусловлено заменой *х* и *хв* билабиальным / лабиодентальным спирантом. Наиболее часто в речи гласный *á* фиксируется после *п, б, в/в, м, л, р*.

2.1.4. В позиции C'VC гласный *á* зафиксирован после согласных *п', б', в'/в', ф', м', т', д', с', з', ц', с', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц', к'*.

КН, КЯ: *п'á – п'áськ, п'áна; б'á – б'áл, б'áх / б'áф; в'á / в'á – в'áна, зв'áр / зв'áр, туw'áга; ф'á – каф'áва; м'á – м'áсту, м'áза;*

КН: *б'á – бурб'áтка* 'овечий кал'; *м'á – усм'áтка* 'часть поросенка';

КЯ: *в'á – да са в'áдам* 'ругаться'; *м'á – зам'áцалу кóт'иту;*

КН, КЯ: *т'á – т'áсну, рáст'áлу; д'á – д'áду, д'áкун; с'á – с'áку, с'áтка, нас'áкал; з'á – з'áнам, пруз'áва, луз'áта; ц'á – ц'áр, ц'áл; с'á – блас'áму, ус'áва м'и; н'á – н'áкуй, н'áнга; л'á – л'áту, л'áп, пул'áна;*

КН: *д'á – с'ид'áтка; ц'á – уц'áкану;*

КЯ: *л'á – парал'áта, wьркул'áсту л'иц'и;*

КН, КЯ: *р'á – др'áн, уфпр'áгам; ш'á – уш'áф, ш'áрка; ж'á – ж'áр / ж'э́р, дамáж'áна / дамáц'áна; ч'á – в'ин'ч'áват, мал'ч'á / мал'ч'áф / мал'ч'á; ц'á – ц'áм, дьрц'áва; йá – йáма, йáсну, п'ийáн, руйáк;*

КН: *йá – йáк; ч'á – ч'áнта;*

КЯ: *р'á – ш'ур'áк; ш'á – м'иш'áта; цá – ф'ил'ц'áна, ф'илц'áтка;*

КН, КЯ: *к'á – к'áр* (КН: *к'áра м'и й гул'áм; КЯ: м'и к'áр тьй дай*).

Наиболее часты сочетания *á* с предшествующими *в'/в', м', т', д', л', р', й*. Лишь в немногих словах гласный *á* зафиксирован после *ф', ц', с', к'*, а после *г'* и *х'* вообще не отмечен. Сочетания *ц'á, с'á* в ряде случаев находим на месте сочетаний согласных *тс'á, дз'á* на стыке приставки и корня – *уц'áкану, ус'áва*.

2.1.5. В позиции C'VC' гласный *á* в КН и КЯ отмечен после *п', б', в'/в', ф', м', т', д', с', з', ц', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц'* и только в КН после *с'*.

В сегменте C'VC' второй символ C' может означать как мягкий согласный, так и сочетание 'твердый согласный + мягкий согласный',

за которым следует гласный переднего ряда (так называемая 'мека сричка', т. е. СС'e / СС'і), например: пул'áп'и и йáтк'и, б'áфм'и.

КН, КЯ: п'á – *зак'ип'áѣм'и / зак'ип'áфм'и, сп'áфм'и*; б'á – *б'áѣм'и / б'áфм'и / б'áйм'и, зуб'áѣм'и*; в'á/w'á – *дув'áѣм'и / дуw'áфм'и / дуйáѣм'и, рив'áѣм'и*; м'á – *изгарм'áѣт'и / изгърм'áфм'и*;

КН, КЯ: т'á – *wart'áфм'и, пл'ит'áѣт'и*; д'á – *клад'áѣт'и*; с'á – *вис'áѣм'и, нас'áфм'и*; з'á – *аз'áѣп'и / аз'áѣен, гр'из'áфм'и*; ц'á – *укуц'áфм'и / укуц'áѣт'и*; н'á – *вун'áфм'и / ун'áфм'и / фун'áфм'и*; л'á – *с'ел'áп'и, разбул'áфм'и / разбул'áѣм'и*;

КН: д'á – *ид'áфм'и, с'ид'áѣк'и*; с'á – *испал's'áфм'и*; л'á – *стр'ел'áѣят, ц'á – ф'ил'ц'áп'и / ф'ил'ц'áен'и*;

КЯ: т'á – *укт'áбр'и*; д'á – *ѣд'áѣм'и*;

КН, КЯ: р'á – *измр'áфм'и, п'ар'áѣт'и, спр'áф'ми*; йá – *пуйáѣм'и, бруйáфм'и*; ш'á – *р'иш'áѣм'и, ж'á – дьлж'áѣм'и*; ч'á – *п'ич'áѣм'и, ц'á – дарц'áѣм'и*;

КН: йá – *йáгн'и са, йáд'ип'и, йáм'и, йáтк'и / йéтк'и, п'ийáви'ица, йáр'аб'ица, йáк'и*; ш'á – *ш'áйка, ш'áр'анá, ш'áл'ч'и*; ж'á – *ж'áб'и / ж'éб'и* (реже); ч'á – *ч'áш'и, ч'áйн'ик, ч'áн'т'и*; цá – *дамáц'áп'и / дамáц'áен'и / дамáж'áен'и*;

КЯ: р'á – *ш'ур'áѣц'и*; йá – *вуп' пуйáбр'*; ш'á – *м'иш'áйм*; ж'á – *ж'áр'им'и м'исóту*; ч'á – *уб'ихчáѣят, ч'áйн'ик / ч'áейн'ик*.

Употребление гласного á в позиции С'VC' имеет некоторые особенности.

Так, после мягких к', г', х' ударный á в положении перед мягким согласным не зафиксирован.

Последовательно в КН и КЯ гласный á употребляется в фермах имперфекта и аориста 1 и 2 л.мн.ч. глаголов I и II спряжения, где гласный á реализует связочную морфему (48: с. 44–46). Ср. аор. 1 л.мн. *разбул'áфм'и*; имп. 2 л.мн. *пл'ит'áфм'и*. В качестве связочной морфемы гласный á отмечен после всех перечисленных мягких согласных перед *фм' / хм', фт' / хт'*, т.е. перед сегментом типа СС'.

2.1.6. В корневых и основньих морфемах гласный á употребляется в позиции С'VC' ограниченно, и его дистрибуция в КН и КЯ различна.

Так, в КН гласный á в основньих морфемах (часто параллельно с ѣ) употребляется значительно шире, чем в КЯ, причем как в заимство-

ваниях, так и в исконных болгарских словах. Этот гласный в КН зафиксирован после *д', з', ш', ж', ч', ц', й* в таких словоформах, как, например: *пoл'áн'и / пул'én'и, с'èл'án'и, ш'ál'ч'и, ж'áb'и / ж'éб'и, пàтлàц'án'и / пàтлàц'én'и, xáz'á'èн, йáтк'и / йéтк'и, йáсл'и / йéсл'и, пр'ийáт'èл', йáк'и*. Вариант с *é*, по свидетельству информаторов старшего поколения, является архаизмом. Это подтверждает и материал картотеки № 3147, составленный в селе Кортен 30 лет назад, в 1958 г., по программе БДА. Ср. *пр'ийéтел'ки, зàйèли, йéиште, йáсли / йéсли* (у одного информатора), *йéткитè, Стoйèне / Стoвèне, пийèни, жéби, шéпки, чéши, oфчèри, уфчèр' / oфчèр', кучèн', кучèни, чéйник и чай, вèнчèл'ни, куткудèчи, но ур'áуми, б'áуми, сид'áуми*.

В КЯ гласный *á* в данной позиции зафиксирован лишь в единичных именных и глагольных основных морфемах, являющихся часто руссизмами, после следующих согласных: *т'* (*укт'áбр'и*), *з'* (*xáz'á'èн*), *л'* (*с'èл'án'и*), *р'* (*иш'ур'áц'и*), *ч'* (*уб'ихч'áйт, ч'áйн'ик / ч'éйн'ик*), *ш'* (*м'иш'áйм*), *ж'* (*ж'áр'им'и*), *й* (*пуйáбр'*). В остальных случаях в позиции С'VC' в основных морфемах в данном говоре произносится гласный *é*, например, *йéсл'и, ч'éш'а* и др. В отличие от КН в речи жителей КЯ и в настоящее время гласный *é* в данной позиции употребляется значительно шире. Ср. такие словоформы, как *йéсл'и, йéd'áвту, йéтк'и, пр'ийéт'ал'к'и, туw'ég'и, Труw'èвц'и, ч'éш'а, ч'éш'ка, ч'éйн'иц'и, ш'èр'áну, ш'èл'ч'ишту, ж'éб'и, пàтлàц'én'и, ф'ил'ц'én'и* употребляющиеся, фактически, безвариантно.

Можно предположить, что современное вариативное употребление ударных гласных *á* и *é* в позиции С'VC' (особенно в КН, и реже – в КЯ) является отражением сосуществования двух диалектных фонетических тенденций – северо-восточной и юго-восточной (подробнее об этом см. ниже, в 2.2.3.).

2.1.7. В п о з и ц и и CV# в КН и КЯ гласный *á* зафиксирован после согласных *п, б, в/в, м, т, д, с, з, ц, s, н, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: *пá – купá лóз'ишту, сна; бá – ч'урбá, кълбá; вá / wá – глáwá, двá / dwa; мá – ч'иш'мá, у думá;*

КЯ: *мá – дьйáмá 'помещение для кур, коз', д'ýл'áмá 'вид одежды';*

КН, КЯ: *тá – баш'тá, м'истá, султá / султ'б; дá – удá, гн'èздá, с'идá; сá – русá, ч'уд'áсá (и ч'удá в КН), дуисá; зá – кузá, гр'изá / гризá; цá – д'ицá; сá – сáлсá; пá – ст'анá, устанá; лá – маглá, с'áлá, р'ишлá;*

КН: *та* – *дур'иш'та*; *да* – *грудá н'áма, ч'удá*; *за* – *ж'л'езá, ж'и'л'изá*; *на* – *с'им'анá, стр'ем'анá, знам'анá, им'анá*;

КЯ: *та* – *дв'е'л'итá, рэхч'итá*; *да* – *страдá, с'ердá*; *на* – *б'ихч'инá, рам'инá, им'инá / им'анá, знам'инá / знам'анá* и *знам'енá* (в разных идиолектах);

КН, КЯ: *ра* – *с'истрá, р'ибрá, б'арá, умрá*;

КН, КЯ: *ка* – *даскá, п'икá*; *гá* – *кавгá, с'игá*; *хá* – *снáхá* и *снáá*, *бáт'á*;

КН: *ка* – *иднá л'икá, пуквác'ат мл'екá*;

КЯ: *ка* – *кужкá, инá укá в'ину*.

Необходимо отметить, что в положении перед паузой гласные обычно реализуют аффиксальные морфемы и поэтому могут быть подвержены всякого рода нефонетическим воздействиям. В этой связи целесообразно давать лобому гласному, выступающему перед паузой, грамматическую характеристику.

В позиции CV# гласный *á* реализует в КН и КЯ следующие аффиксальные морфемы:

а) глагольные флексии – 1 л. ед.ч. наст. (*пл'итá*), 2–3 л. ед.ч. аор. (*спá, игрá*), аор.прич. ж.р. ед.ч. (*душ'лá, р'иклá*);

б) именные флексии² – сущ. ж.р. ед.ч. (*кузá*), сущ. ср.р. мн.ч. (*м'исá, сарцá, н'исамцá, с'алá, ез'арá, рам'инá*), собир. сущ. (*дур'иш'та / двур'иш'та*), прилагат. ж.р. ед.ч. (*дубрá*), наречия (*с'игá*);

в) членные морфемы – сущ. ж.р. ед.ч. (*султá*) и сущ. м.р. ед.ч. (*с'инá* – редко).

В КН и КЯ членная морфема сущ. ж.р. ед.ч. *-та* свободно варьируется с членной морфемой *-тá*, которая является, скорее всего, более архаической и чаще употребляющейся (*султá / султá, н'иш'та / н'иш'тá*). Членная морфема *-á* сущ. м.р. ед.ч. зафиксирована только в КЯ в одном существительном *с'иш* – *с'инá* (при более употребительной словоформе *с'иш'á*); все остальные существительные мужского рода с твердой основой употребляются, как в КН, так и в КЯ, только с членной морфемой *-á*.

² О принятом в данной работе инвентаре субстантивных флексий мн. числа и способе их выделения см. в (48а: 204–211).

2.1.8. В позиции C'V# в КН и КЯ гласный *á* отмечен после согласных *п', б', в'/w, 'м', т', д'с', з', ц', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц'* и только в КЯ после *ф'*.

КН, КЯ: *п'á – зак'ин'á, сп'á; б'á – наруб'á, зуб'á; в'á / w'á – издув'á / издуw'á / издуйá, скрув'á / скруw'á / скруйá, н'ив'á / н'иw'á; м'á – з'им'á, зам'á, зьрм'á / зарм'á; КЯ: фá – каф'á.*

КН, КЯ: *т'á – кьш'т'á, на дв'э м'ист'á, плат'á, н'и ш'т'á; д'á – кьд'á / кад'á, гряд'á; с'á – спас'á, пус'á; з'á – луз'á; ц'á – укуц'á, с рьц'á; с'á – блас'á; н'á – св'ит'á / sw'ин'á, пр'из д'ин'á; л'á – сул'á;*

КН: *д'á – м'юрд'á; с'á – пьлс'á; н'á – уи'á, ч'ийн'á / ч'и'н'á, дв'э им'ен'á / дв'э йм'ен'á; л'á – крав'ил'á, б'иуул'á / б'уйл'á;*

КЯ: *д'á – т'а са простуд'á; л'á – пр'ул'á / прафул'á, истьрсол'á; н'á – главн'á / глawn'á, рун'á (пату́р'), ч'ин'á, кулач'н'á;*

КН, КЯ: *р'á – даш'т'ар'á, з'и'ер'á / з'ийер'á, дубр'á, ц'ер'á, б'ар'á / б'ар'á' / б'ар'áф; ш'á – к'иш'á, душ'á; ж'á – лаж'á, нат'иж'á; ч'á – п'ич'á, галч'á; ц'á – казал'ц'á, прудал'ц'á;*

КН: *ш'á – п'иш'á; ч'á – к'им'ен'ч'á 'цигулка'; ц'á – казал'ц'á;*

КЯ: *ч'á – шá бу'ч'á 'тюк', уб'и'ч'á; ц – куц'á;*

КН, КЯ: *йá – майá, зм'ийá, сайá, круйá / крув'á.*

Наиболее редко в позиции C'V# фиксируются сочетания гласного *á* с предшествующими согласными *ф', з', ц', с', ш', ц'*.

В позиции C'V# в КН и КЯ гласный *á* реализует некоторые аффиксальные морфемы:

а) глагольные флексии – 1 л. ед.ч. наст. (*тарт'á*), 2-3 л. ед.ч. аор. (*умр'á*), редко 1 л. ед.ч. имп. (*п'ар'á* при обычном *п'ар'á'*), инф. (*н'ид'ей'кр'иш'т'á*);

б) именные флексии – сущ. ж.р. ед.ч. (*майá*), сущ. ср.р. мн.ч. (*луз'á, пул'á, мур'á, цв'ит'á*), собир. сущ. (*фч'ар'á, н'ив'á*), редко членную форму сущ. м.р. ед.ч. (ср. в КЯ *мъж'á*);

в) флексии числительных и наречий (*дв'á, дубр'á*).

2.1.9. В отдельных именных и глагольных флексиях гласный *á* варьируется с *é* и *é*, что создаст фонетические дублиеты словоформ. Говоры КН и КЯ различаются в позиции C'V# частотой произношения гласного *á*, с одной стороны, и гласных *é, é*, с другой.

Так, в КЯ во флексии 1 л. ед.ч. наст. II спр. гласные *á* и *é* свободно варьируются – *да мал'ч'á / да мал'ч'é, да плат'á / да плат'é*. В КН

эти же формы произносятся с *á* и *é* – *да мал'ч'á* / *да мал'ч'é*, *да плат'á* / *да плат'é*. Но в обоих говорах в этих формах гласный *á* употребляется реже и преимущественно в речи молодых носителей диалекта.

В КЯ в формах сущ. ж.р. ед.ч. типа *земя* и собират. сущ. типа *нивя* гласный *á* во флексии варьируется с более частотным и более традиционным *é* – *зам'á* / *зам'é*, *каф'á* / *каф'é*, *ч'ин'á* / *ч'ин'é* (от *чене*), *ж'инур'á* / *ж'инур'é* и др. В КН в этих флексиях также варьируются *á* и *é*, но здесь более частотным является *á*, а *é* встречается реже и только в речи стариков – *зам'á*, *лам'á*, *душ'á*, *буйá* / *буйé*, *дъш'т'ар'á* / *дъш'т'ар'é*, *н'ин'á* и др. В записях 1958 в картотеке БДА № 3147 были отмечены лишь формы с *á* – *дъштер'á*, *зам'á*, *св'ин'á*, *зъм'á*.

В КН и КЯ *á* и *é* варьируются в числительном *дв'á* (например, *дв'á с'эстр'и* и *дв'é ж'ин'и*) и в наречиях *дубр'á* / *дубр'é* (*á* только в выражении *дубр'á душ'é*), *кад'á* / *кад'é* (но только *н'ин'á* в КН и *куц'á* ‘много’ в КЯ). Видимо, формы с гласным *é* являются более новыми и встречаются в речи носителей обоих говоров чаще, чем формы с *á*. Ср. в этой связи замечание в картотеке № 3147 из с. Кортен – «Вариантите се срещат у едни и същи лица. Изглежда, че формите с *á* са по-стари и вече са на изчезване».

В остальных случаях нет различия в употреблении *á* в позиции C'V# в КН и КЯ. Исключение составляет однократно зафиксированная в КЯ членная форма *мъж'á* при обычном *мъж'é*.

2.1.10. В п о з и ц и я х V₁V, VV₁, т. е. в сочетании с гласными, гласный *á* в КН и КЯ фиксируется довольно часто как в рамках словоформы, так и на стыке словоформ, разделенных потенциальной паузой. Например, *ткаá*, *снаá*, *на áбалка*, *идна́ уá*.

Для КН и КЯ характерны две тенденции, влияющие на сочетания гласных. С одной стороны, это образование новых сочетаний гласных в результате утраты интервокальных согласных. С другой, – возникновение вторичных (немотивированных) согласных в интервокальной позиции и устранение существующих сочетаний гласных.

Первая тенденция обусловлена ослаблением шумной консонантной артикуляции в интервокальном положении (подробнее об этом см. в соответствующем разделе «Консонантизм»). При этом образуются произносительные варианты – вариант с сочетанием гласных с полным отсутствием интервокального согласного (или же с наличием предель-

но ненапряженного артикулирования интервокального консонанта) и вариант с отсутствием таких сочетаний при старательном и четком произношении: *снаá / сна^хá / сна^хá*

Описанное варьирование сочетаний *Vá / VCá* и *áV / áCV* обусловлено выпадением следующих согласных:

КН, КЯ : *й* – *зна́йат / зна́йет / зна́ат, за́йак / за́йек / за́ек, тра́йа / тра́йе / тра́а; w'* (обычно через стадию *й*) – *забра́w'а / забра́^аа / забра́а; w* – *уwá / уá, тр'uwá / тр'уá, курáwу / курáу / курáу; б* – *тр'áба / тр'áа; бw* – *тр'áбwа / тр'áа; жс'* – *каж'иш' / кáиш' / кáиш'*; *х* – *б'áа / б'áа, зá'ар / зáар; з* – *с'игá / с'иá;*

КН: *ф* – *ш'кафа / ш'каа.*

Утрата перечисленных согласных происходит преимущественно в заударной части словоформы, а в предударной позиции отмечена реже.

В КН и КЯ фонетические дублеты, как указывалось выше, могут быть связаны и с развитием вторичного интервокального согласного.

КН, КЯ: *куж'у'áр'ен / куж'уáр'ан / куж'уwáр'ен;*

КН: *ф'иwруáр'и / ф'иwруwáр'и;*

КЯ: *Сту́йен / Сту́ен / Стуw'ен.*

Как утрата (элизия) перечисленных согласных, так и появление (эпентеза) вторичных согласных – это явления, с одной стороны, лексикализованные (ср. такие слова, как *с'иá, тр'áа, снаá, ф'иwруwáр'и*, но только *хр'ист'иáн'ен, п'и́я́н*), а с другой, – грамматикализованные (ср. все формы имперфекта и аориста 3 л. мн.ч. типа *б'áа, умр'áа, б'ар'áа, па́днáа / па́ннáа*).

В говорах КН и КЯ сочетание *ái* отмечается редко – обычно здесь имеет место консонантизация заударного гласного *и* – *пра́йм < пра́им, ла́й < ла́и, мухá йна́ < мухá идна́* и под.

2.2. Гласный *é*.

Этот гласный в КН и КЯ зафиксирован в позициях #VC, #VC', C'VC, C'VC', C'V#, V₁V, VV₁.

2.2.1. В п о з и ц и я х #VC, #VC' гласный *é* в КН и КЯ отмечен лишь в нескольких словоформах: *éдру, éр'и* (и *йéр'и, йéр'иту, йéр'ета, йéр'ехта / йéр'афта, йéр'енц'и*), *эфт'ан, эфт'ен'и* (значительно чаще

йóфт'ан, йóфт'ен'и), ёс'ан / ёс'ен (но на ^иёс'ан, ут'ид'и йёс'ан), эз'ару (и йёз'ару).

Особенностью артикуляции гласного *é* после # является наличие *й*-образной экскурсии, особенно в позиции после потенциальной паузы, которая следует за нелабиализованным гласным переднего ряда; в этих условиях *й*-образный приступ может приобретать значение протетического *й*, например: *и ^иёдра / и йёдра, дѣ дад'ё йёдр'и нар'и, ш'ѣ нахран'и йёр'иту*; если же перед потенциальной паузой находится гласный непереднего ряда, то протетический *й*, как правило, не возникает: *на ёдру* (однако *на ^иёс'ан*).

2.2.2. В п о з и ц и и C'VC гласный *é* зафиксирован в КН и КЯ после *н', б', в'/w', ф'/ф', м', д', с', з', ц', s', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц', к', г', х'*.

КН, КЯ: *п'ё – п'ет, п'ёнка; б'ё – б'ёдиу, д'иб'ёла; в'ё / w'ё – ч'ув'ёк / ч'ув'ёк, ув'ёи, удув'ёц; м'ё – н'итм'ёс, м'ет; ф'ё / ф'ё – каф'ёс, ф'ёрма / ф'ёрма / х'ёрма;*

КН: *п'ё – тарп'ёт / тарп'ёт (чаще); б'ё – б'ёнта; ф'ё – куф'ёкц'ийа; м'ё – см'ёл / хм'ёл, м'ёнза 'столовая';*

КЯ: *п'ё – пр'итарп'ёт; б'ё – глуб'ёт; в'ё / w'ё – с'ёлсав'ёт, дув'ёт / дуw'ёт / дуйёт; ф'ё – ф'ёрц'а, буф'ёт / бух'ёт; м'ё – ном'ё^хч'иц'и;*

КН, КЯ: *т'ё – н'ит'ёл, т'ёлна крава / крава, т'ёwa л'истуw'и; д'ё – д'ёсна, студ'ёи; с'ё – с'ёлу, с'ённала; з'ё – з'ех / з'еф, куз'ёк; ц'ё – уц'ёт, л'иц'ёрна, кац'ёмбал'и; н'ё – н'ёска, дун'ёла, сн'ёта; л'ё – л'ёснуту уко, кл'ёла, пл'емн'ик / пл'ewn'ик;*

КН: *д'ё – курд'ёла 'бант'; з'ё – з'ёрсала, т'ек'ез'ёту; с'ё – пал's'ёт / пал's'ёт (чаще);*

КЯ: *т'ё – цафт'ёт; д'ё – кад'ёт, сад'ёт; с'ё – б'ис'ёдwам'и; з'ё – з'ёрдала; с'ё – пал's'ёт; л'ё – кал'ёк, в'ис'ил'ёт;*

КН, КЯ: *р'ё – р'ёма / ^хр'ёма, фр'ёгна, wr'ет / фр'ет; йё – зугуйёну, н'ийём; ш'ё – ш'ёпа, ш'ёта, дуи'ёл; ж'ё – ж'ётwа, ж'ёдна / ж'ённа (редко), ж'ёраф; ч'ё – ч'ёлу, ч'ёркуфта, мумч'ётафта;*

КН: *р'ё – м'ев'ер'ёту; ж'ё – удж'ёгл'и; ц'ё – ииц'ёкц'ийа;*

КЯ: *р'ё – р'еф, вар'ёт; йё – вуйёт; ч'ё – буч'ёт, ах ч'ётаф; ц'ё – дарц'ёт;*

КН, КЯ: к'э – к'элаф 'лысый', к'эфналу; г'э – йарг'эн / йерг'эн', ч'анг'эл; х'э – х'ем, бух'эт / буф'эт.

КН: к'э – р'имарк'эту; х'э – Х'эмус;

КЯ: г'э – р'ишг'эвт.

Лексически наименее нагруженными являются сочетания гласного *э* с предшествующими согласными *с', ц', к', г', х'*.

Различием в дистрибуции гласного *э* в позиции C'VC между говорами КН и КЯ является произношение глагольной флексии 3 л. мн.ч. наст.вр. Так, в КЯ в глаголах II спряжения с окончательным ударением данная флексия употребляется с гласным *э*: *тарп'эт, сад'эт, мал'ч'эт*. В КН же основным вариантом в этой словоформе является флексия с гласным *э́*, т.е. *-э́т*; однако в речи жителей старшего поколения в качестве более редкого и архаического варианта употребляется, наряду с *-э́т*, и флексия с *э*, т.е. *-эт*: *в'ис'ил'э́т / в'ис'ил'эт, кус'э́т / кус'эт, гал'ч'э́т / гал'ч'эт*.

2.2.3. В позиции C'VC' гласный *э* отмечен после *п', б', в'/w', ф'/ф', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц', к', г'*.

КН, КЯ: п'э – п'эп'ал, п'эш', п'эшк'ан; б'э – б'эл'и, б'эдн'и / б'эн'н'и, муаб'эт'; в'э / w'э – дв'эт'и / дв'эт'и, в'эк'и / в'эч'и, туу'эг'и, в'эс'ан; ф'э / ф'э – каф'эн'и, каф'эз'и, буф'эт'и; м'э – м'эл'ат, кре́й м'эн'а, п'итм'эз'а, м'эс'иц / м'эх'иц;

КН: б'э – Б'эрл'ан (в одном идиолекте); в'э / w'э – ч'ув'эи / ч'уу'эн, ч'ув'эш'т'ан; м'э – кас'м'эт'ан'и пар'и;

КЯ: в'э / w'э – ч'ув'эн' / ч'уу'эн';

КН, КЯ: т'э – т'эйи'ит'и 'ора, ст'эл'ат; д'э – н'ид'эл'а, кут'куд'эч'ат; с'э – с'эш'к'и, с'эм'и, ус'эт'ар; з'э – з'эт'уфт'и, з'эл'н'ик; ц'э – ису'эж'да, л'ис'ц'эв'и; с'э – п'л'с'эш', м'р'с'эш'и; н'э – н'эш'ту, р'ан'эт'и, мап'эш'к'и; л'э – гул'эм'и, смл'эт'и, фл'эз'и, л'эсн'и (р'ан'э);

КН: д'э – д'эрт' 'неприятность', д'эрт'уфт'и; з'э – р'эз'эв'и; н'э – нагн'эзд'ал, н'эр'ас 'дикая свинья, кабан';

КЯ: т'э – ш'т'э'м'и / ш'т'а'м'и; ц'э – ср'иц'элу (< сред село); н'э – н'эмч'ата; л'э – кал'эк'и;

КН, КЯ: йэ – п'ийэн'и, туйэг'и / туу'эг'и, йэр'и, йэм'еш', йэз'ару / эз'ару; ш'э – ч'арш'эу'и; ч'э – куф'эз'и, ч'эт'ар'и; ц'э – дам'ан'эн'и / дам'аж'эн'и, дарц'эл'и;

КН: р'э – удр'эж'им, к'ар'эч', ч'ар'эш'и, пр'эл'ас; ч'э – нч'эл'ан м'эт / ч'эл'ан;

КЯ: р'э – кар'эвл'и; ш'э – ш'эр'ану; ч'э – ч'эш'к'и; ц'э – ф'ил'ц'эн'и;

КН, КЯ: г'э – д'ул'г'эр'ан, Г'эрг'у;

КН: к'э – м'ши'к'эт';

КЯ: г'э – ц'иг'эр'.

В КН в словоформах м'изэр'ий и крэй (м'эн'а) гласный *э* употреблен после твердых *з* и *р* (однако кр'эй м'эн'а).

Наименьшее количество примеров с произношением гласного *э* в позиции С'VC' отмечено после ф'/ф', ц', с', ц', к', г'. После согласного *х'* не записано ни одного примера с употреблением *э*, если не считать произношения Ор^х'эй (название улицы) наряду с правильным Орф'эй в говоре КН. Согласный *ц'* перед *э* может восходить к сочетанию *д + с'* (ср'иц'элу).

Важно отметить, что в КН и КЯ в позиции после *й*, шипящих согласных и *л'* в некоторых корневых морфемах гласный *э* свободно варьируется с *а*. Причем дистрибуция этих ударных гласных в КН и КЯ различна. Например: йэтк'и / йátk'и, йэсл'и / йáсл'и, дамжэ'эн'и / дамжэ'án'и, жэ'эб'и / жэ'áb'и, пятлац'эн'и / пятлац'án'и, пул'эн'и / пул'án'и, но только ч'аш'и, ш'ар'ана и др. (КН) и ч'эш'к'ит'и, ч'эш'а, ш'эр'ану, ф'ил'ц'эн'и (КЯ) и др. (см. об этом выше в разделе об *а* в позиции С'VC').

Это свидетельствует о том, что в настоящее время говоры КН и КЯ в отношении варьирования *а* и *э* в корневых морфемах в двустороннем палатализованном контексте не представляют единства. Различия обусловлены, во-первых, неодинаковой частотностью употребления гласных *а* и *э*, во-вторых, составом лексики, охваченной этим явлением, и, наконец, распределением вариантов с *а* и *э* по возрастным группам.

Так, в КН, в отличие от КЯ, основным вариантом является *а*, а словоформы с *э* употребляются значительно реже и преимущественно в речи людей старшего поколения. В КЯ же преобладают варианты с *э* в традиционной лексике, в то время как заимствования (типа укт'áбр'и, нуйáбр', жэ'áрим'и, нар'áд'ит'и и под.) остаются вне действия перегласовки *а* в *э* в положении между мягкими сегментами.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что возможность варьирования *á / é* на данном синхронном срезе (как в КН, так и в КЯ) строго фонетически не обусловлена.

2.2.4. В п о з и ц и и C'V# гласный *é* зафиксирован после *б', в'/w', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', р', й, ш', ч'* (КН, КЯ); *п', ф'/ф', ц', к'* (КН); *ж'* (КЯ).

КН, КЯ: *б'э – н'иб'э, ц'узб'э, ш'к'эмб'э; в'э / w'э – дв'э / дв'е, гьрбуw'э, қал'в'э; м'э – н'и см'э, қаварм'э;*

КН: *п'э – б'екан'э; w'э – ругуw'э, прафуw'э; ф'э / ф'э – қаф'э / каф'э;*

КН, КЯ: *т'э – т'е, к'уфт'э, ч'ит'э; д'э – дад'э, буд'э; с'э – прас'э, хас'э 'белое полотно', с'ид'имд'ис'э; з'э – маз'э; ц'э – л'иц'э, рац'э; s'э – блас'э; н'э – кун'э, кул'н'э, қал'н'э; л'э – пул'э, м'иши'э, р'икл'э;*

КН: *з'э – гриз'э;*

КЯ: *з'э – гр'из'э; н'э – шió прус'т'ин'э 'одна простыня';*

КН, КЯ: *р'э – мур'э, изб'ар'э; йэ – н'ийэ; ш'э – ш'иш'э, к'иш'э; ч'э – замч'э, л'ихч'э, т'ич'э;*

КН: *р'э – м'ев'ер'э; йэ – да гу пуw'ийэ; ц'э – ч'икм'иц'э;*

КЯ: *ж'э – ч'икм'иж'э, уж'э;*

КН: *к'э – р'имарк'э.*

Таким образом, сочетание *э* с предшествующими *п', ф', м', з', s', й, ш', ж', ц', к'* в позиции перед паузой отмечено в КН и КЯ лишь в единичных словоформах. Перед паузой этот гласный не зафиксирован: в КН - после *ж', г', х'*; в КЯ - после *п', ф'/ф', ц', к', х'*.

В позиции C'V# гласный *э* реализует некоторые аффиксальные морфемы (флексии):

а) сущ. ср.р. ед.ч. (*пул'э, нарч'э, м'иш'л'э, сарц'э*);

б) сущ. мн.ч. (*кул'н'э, плудуw'э*);

в) аор. прич. мн.ч. (*душл'э, б'ал'э 'были'*);

г) глаголов I спр. 3 л. ед.ч. наст. (*дад'э, т'ич'э, қал'н'э*);

д) наречий (*қад'э*);

е) числительных (*дв'э, п'ид'ис'э*);

ж) в говоре КН передает конечный субморф в аббревиатурах (*б'екан'э, м'ев'ер'э*).

Важно также отметить, что в КН гласный *э* реализуетфлексию глаголов II спряжения I л. ед.ч. наст. с окончанием ударением (*тарп'э,*

дуб'э, вар'э, кад'э, пуйэ и др.) и флексию одного глагола I спряжения 1 л. ед.ч. наст. (п'ийэ). В КЯ же данная глагольная флексия представлена гласным *é* (тарт'э, вар'э, п'ийэ и др. – см. об этом ниже). Именно в различной реализации данной флексии заключается одно из расхождений между современными говорами КН и КЯ.

2.2.5. В п о з и ц и я х V_1V и VV_1 в КН и КЯ гласный *é* в пределах фонетического слова входит в сочетания *éа, аэ, иé* и *уэ*.

Употребление гласного *é* в качестве первого члена сочетания в *éа* имеет свои ограничения. Так, в КН наличие последовательности *éа* обусловлено утратой интервокального *й*; в результате в одном и том же идиолекте сосуществуют варианты *éа / éйа* (л'эат / л'эйат, п'эат / п'эйат, с'эат / с'эйат и т. п.). В КЯ же интервокальный *й*, как правило, сохраняется, поэтому последовательность *éа* отсутствует, а сочетание *эйа* в соответствующих словоформах произносится безвариантно (только *гр'эйат, см'эйат са, с'эйат* и т. п.).

Сочетание *эи* в КН и КЯ в рамках словоформы (морфемы) не зафиксировано; на его месте употребляется дифтонгоид типа *эй* в результате консонантизации заударного *и* в позиции перед согласными и перед паузой (50: с. 189; 51).

КН, КЯ (позиция перед согласными): *эй* – с'эйм'и < *с'эим; изл'эйм'и < *изл'эим; м'эйц < *м'эиц; (позиция перед паузой): л'эй < *л'эи; ум'эй < *ум'эи; с'эй < *с'эи;

КН (позиция перед согласными): *гвард'эйц* < *гвард'эиц, *п'эйи'и* < *п'эиш'и / *п'эеш'и.

Словоформы с сочетанием *эу* (и с дифтонгоидом *эу*) в рамках одной словоформы (морфемы) в КН и КЯ не собраны.

Однако сочетания *эи, эу*, параллельно с *эй* и *эу*, могут употребляться в КН и КЯ на стыке словоформ.

КН, КЯ: *эй / эи* – дв'э йгл'и / двэ игл'и; *эу / эу* – дв'э уш'и / дв'э уш'и, дв'э уч'и / дв'э уч'и / дв'э фч'и, мун'ч'э үм'ира / мун'ч'э ум'ира. Наличие вариантов обусловлено темпом речи.

В КН и КЯ фонетическое изменение *эи* > *эй* может иметь и выходящие за рамки звукового уровня последствия. Так, в глагольной словоформе 1 л. мн.ч. наст. с наосновным ударением при консонантизации заударного *и* флексия *-м* (с'эим) заменяется на флексию *-м'и*

(с'эйм'и). Это сохраняет количество слогов в словоформе, с одной стороны, но включает ее в иную словоизменительную модель, с другой.

Гласный *é* в качестве в т о р о г о компонента вокального сочетания отмечен в говорах КН и КЯ в последовательностях *иé*, *уé*, *аé*. Эти сочетания возможны как в пределах одной морфемы, так и на стыке морфем. Ср.: *w'иéна*, *н'и é укус'эна* (и н'и é ўкус'эна); *струéж'а*, *вуéн'ан*, *пуéмам*; *наéмам*.

Данные вокальные последовательности в рамках фонетического слова (как в пределах одной морфемы, так и на стыке морфем) могут в КН и КЯ разделяться интервокальным *й*, что создает варианты, употребляющиеся в одном идиолекте. Ср.:

КН, КЯ: *иé* / *и^йé* / *ийé* – *и éдра* / *и^й éдра*; *н'и é дубра* / *н'и^й é дубра*;
аé / *а^йé* / *айé* – *наéш'* / *на^йéш*, но *наé'м'и*, *наéмам*;

КН: *иé* / *ийé* – *w'иéна* / *w'и^йэна*, но только *кар'иэра*, *бар'иэра*; *аé* / *айé* – *на éдру* / *на^й éдру*;

КЯ: *иé* / *ийé* – *н'и é ўкус'эна* / *н'и^й é ўкус'эна*; *уé* / *уйé* – *струéш'* / *стру^йéш'*; *а^йé* – *на^йéт*.

В КЯ зафиксированы сочетания, в которых *й* заменяет другие интервокальные согласные; эти словоформы произносятся безвариантно, только с *й*: *л'ийён'* <**леген* 'таз', *пайёл'и* 'навели'.

Интервокальный *й*, возникший на месте зияния или заменивший другие интервокальные согласные, отмечен в основном в КЯ. В КН, как правило, вокальные сочетания, вторым компонентом которых является *é*, сохраняются без изменения и эпентеза *й* наблюдается крайне редко.

2.3. Г л а с н ы й ъ

2.3.0. В КН и КЯ данный гласный по своим артикуляционно-акустическим характеристикам не полностью совпадает с *ъ* в современном болгарском литературном языке. Именно этим своим свойством гласный *ъ* отличается от гласных *и́*, *é*, *а́*, *о́*, *у́*, которые, как указывалось выше, идентичны по своему образованию аналогичным гласным литературного языка.

В КН и КЯ гласный *ъ*, как и в литературном языке, характеризуется средним рядом, средним подъемом, нелабиализованностью и ненапряженностью (31: с. 57–58; 49; 55: с. 35, 78). Но при этом артикуля-

ционные и акустические характеристики \acute{y} могут в данных двух говорах вполне ощутимо изменяться под влиянием определенных соседних звуков. Так, в соседстве с предшествующим или последующим согласным p гласный \acute{y} продвигается в более заднюю зону, веляризуется и становится напряженным (= \underline{y}): *да ур \acute{y} т*, *ц \acute{y} рк \acute{y} т*, *см \acute{y} рт*, *в \acute{y} рбу \acute{y} в'и пр \acute{y} ч'к'и*. Аналогичное воздействие на произношение \acute{y} оказывает и соседство задненебных согласных k , g , x : *кл \acute{y} с*, *г \acute{y} мза*, *бак \acute{y} р*, *к \acute{y} р*, *г \acute{y} рк*, *ка \acute{y} р*. В позиции после или перед мягкими и шипящими согласными гласный \acute{y} , напротив, артикулируясь в более передней зоне, приобретает переднюю, e -образную, окраску: *п \acute{y} л'н'и*, *кл \acute{y} с'т'и*, *з \acute{y} б'и*, *д \acute{y} л'г'и*, *ас т \acute{y} рп'б \acute{y}* .

Кроме того, следует отметить и определенные различия в артикуляционно-акустических свойствах гласного \acute{y} в говоре КН, с одной стороны, и в говоре КЯ, с другой. Так, этот гласный в КЯ продвинул несколько более вперед, чем в КН, и поэтому чаще, чем в КН, воспринимается на слух как e -образный звук. Неслучайно грамотные местные жители села Кирютня, знакомые с русской орфографией, обозначают на письме гласный \acute{y} буквой русского алфавита э, например: *мэш*, *слэнчуфца*, *испэдяф*, *крэфь*, *урэфь*, *урафтэ*, *прис исянтэ*, *штэркял*, *рэпа*, *бэлгарян*, *кэс*, *вэльчи*, *дэльги* и др. В то же время в КЯ зафиксировано несколько словоформ, в которых гласный \acute{y} имеет такое заднее образование, что местные жители обозначают его на письме буквой ы, например: *кык*, *сигы*, *чадыр*, *язык*, *брызгафми*, *рыта*, *ни зным* и др. В большинстве случаев такой \acute{y} находится в соседстве с задненебными согласными и согласным p .

Указанные произносительные и артикуляционные оттенки, обуславливающие наличие различных вариаций гласного \acute{y} , транскрипционно нами не обозначаются: в работе для всех случаев употребляется только знак \acute{y} . Исключение, как отмечено выше, сделано лишь для позиции после мягких согласных, шипящих и $й$, где, вместо транскрипционного знака \acute{y} (т. е. \acute{y}^c), используется знак \acute{y} .

Гласный \acute{y} в КН и КЯ зафиксирован в позициях #VC, CVC, CVC', CV#.

2.3.1. В п о з и ц и и #VC гласный \acute{y} в КН и КЯ употребляется очень ограниченно – это зафиксированные нами словоформы $\acute{y}гал$ и $\acute{y}гал'ч'и$.

2.3.2. В позиции SVC гласный *ѣ* отмечен в КН и КЯ после *п, б, в/ѡ, ф/ѳ, м, т, д, с, з, ц, ш, н, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: *пѣ – пѣрѣѡ, пѣт, спѣт; бѣ – бѣлѣгар’ан, рѣзбѣрка; вѣ / ѡѣ – вѣлѣна / ѡѣлѣна, кѣлѣт, р’ѡѣт; фѣ / фѣ – исфѣрѣат, фѣрѣам’и; мѣ – мѣка, смѣрт;*

КН, КЯ: *тѣ – тѣс, кѣтѣр, стѣлп, тѣмну, пл’итѣт; дѣ – ч’адѣр, дѣп, набудѣт; сѣ – сѣн, сѣт, сѣрп, пасѣт; зѣ – зѣп, зѣлѣа / зѣлѣа, зѣрну; цѣ – цѣркат, цѣфнат; нѣ – унѣз булка, кѣлѣт; лѣ – лѣх, мѣкѣна, лѣф;*

КН: *цѣ – цѣф ‘цветок’, цѣфтуѡ’и; сѣ – пасѣрѣа, сѣн-сѣн; лѣ – сѣ^хлѣзѣат;*

КЯ: *сѣ – сѣлѣт;*

КН, КЯ: *рѣ – прѣс, крѣф, грѣт, ч’икрѣг да мрѣт;*

КН, КЯ: *кѣ – акѣл, тѣкѣф, с’икѣт, р’икѣл; гѣ – гѣрк, гѣс, агѣл / ^хагѣл, стр’игѣт; хѣ – кѣ^хѣр / кѣѣр, сѣ^хѣн.*

Зафиксированный в КН в словоформе *насѣрѣа* согласный *с* восходит к сочетанию согласных *д* и *з* на стыке морфем.

В позиции SVC положение после *ф, ц, ш, н, х* для гласного *ѣ* является наименее лексически нагруженным.

2.3.3. П о з и ц и я SVC’. В КН и КЯ гласный *ѣ* в этой позиции отмечен после согласных *п, б, в/ѡ, ф/ѳ, м, т, д, с, з, ц, ш, н, л, р, к, г*.

КН, КЯ: *пѣ – пѣл’ан, ѡа тѣт’а, испѣд’и; бѣ – бѣч’ѡ’и, бѣ^хл’и / бѣйл’и; вѣ / ѡѣ – вѣл’ц’и / ѡѣл’ц’и, вѣд’ат сѣ; фѣ / фѣ – фѣтр’а / фѣтр’ѣ, фѣрл’а / фѣрл’а; мѣ – мѣш’, мѣѣс’ит’и, мѣт’ат;*

КН, КЯ: *тѣ – тѣй, ш’тѣрк’ал, тѣм’ан; дѣ – дѣш’, дѣш’т’ѣрт’и, ѡѣдѣлѣз’и; сѣ – сѣл’с’и, сѣрн’и, сѣ^тч’и; зѣ – зѣб’и, зѣм’и; нѣ – зѣнѣй, унѣс’итѣрѣа; лѣ – зѣлѣч’ка, кѣлѣст’и, сѣлѣнц’иту заѣѣс’да;*

КН: *лѣ – кѣлѣн’и;*

КЯ: *лѣ – кѣлѣн’и.*

КН, КЯ: *рѣ – ч’икрѣц’и, стрѣч’иту, прѣ^хч’и;*

КН: *рѣ – крѣф;*

КЯ: *рѣ – крѣф’, ѡрѣф’, ѡрѣфт’ит’и;*

КН, КЯ: *кѣ – бакѣр’и, сѣлѣм’и, р’икѣл’ч’и; гѣ – гѣрм’ал, гѣрн’и, гѣрц’и;*

КЯ: *кѣ – скѣт’ан ‘экономный’, кѣл’ѡ Мар’ѡйк’е!*

Наименьшей лексической нагруженностью в говорах КН и КЯ в позиции SVC’ характеризуются сочетания гласного *ѣ* с предшествующими

щими *ѣ*, *з*, *ц*. После согласных *х* и *с* не отмечено ни одного случая употребления ударного *ѣ*

2.3.4. В п о з и ц и и CV# в КН и КЯ гласный *ѣ* зафиксирован после согласных *п*, *б*, *в/ѡ*, *м*, *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л*, *р*, *к*, *г*, *х*.

КН, КЯ: *пѣ* – *сѣрпѣ*, *скупѣ*; *бѣ* – *гарбѣ*, *друбѣ*; *вѣ* / *ѡѣ* – *лѣѡѣ* / *лаѡѣ*; *мѣ* – *кумѣ*, *ув думѣ*, *д'имѣ*, *асмѣ*;

КН, КЯ: *тѣ* – *платѣ*, *цафтѣ*, *смѣртѣ* / *смартѣ*; *дѣ* – *р'идѣ*, *студѣ*; *сѣ* – *н'и сѣ*, *квасѣ*, *ш'ѣ^х ч'ѣсѣ*; *зѣ* – *мразѣ* / *мрѣзѣ*; *нѣ* – *станѣ*, *планѣ*; *лѣ* – *т'алѣ* / *т'ѣлѣ*;

КН: *тѣ* – *султѣ*, *луйтѣ*, *ж'артѣ*, *путѣ* (< **пунтѣ*, ср. *с'ѣтца нѡт*);

КЯ: *дѣ* – *здрѡѡ да бдѣ*;

КН, КЯ: *рѣ* – *дарѣ*, *ц'арѣ* / *ц'ѣрѣ*;

КН, КЯ: *кѣ* – *вѣлкѣ* / *ѡалкѣ*, *гѣркѣ*, *такѣ*; *гѣ* – *сн'агѣ* / *сн'ѣгѣ*, *прагѣ*, *с'игѣ*; *хѣ* – *мѣ^хѣ* / *маѣ*, *вѣрхѣ* / *ѡар^хѣ*.

Для данной фонетической позиции наименее лексически нагруженными являются сочетания *ѣ* с предшествующими *в/ѡ*, *з*, *л*, *р*, *к*, *х*. После согласных *ѣ*, *ц*, *с* гласный *ѣ* не зафиксирован ни в КН, ни в КЯ.

В позиции конца слова перед паузой гласный *ѣ* реализует следующие аффиксальные морфемы:

а) членную морфему сущ. м.р. ед.ч. (*кумѣ*);

б) вокальный элемент членной морфемы сущ. ж.р. ед.ч. (*ис'аитѣ*);

в) флексию наречий (*с'игѣ*);

г) глагольную флексию (*н'и сѣ* – КН, КЯ; *да бдѣ здраѣ* – КЯ).

В КН и КЯ членная морфема существительных женского рода ед. числа с нулевой флексией (типа *сол*, *пр'ол'ѣт*) реализуется в вариантах *тѣ* (чаще) и *та*, которые могут свободно варьироваться в одном и том же идиолекте. Трудно с уверенностью определить, какой из вариантов является более архаическим, поскольку оба они встречаются как в речи старшего, так и в речи младшего поколения. Если учитывать данные картотеки № 3147, составленной в КН в 1958 г., в которой отмечена только членная морфема *-тѣ*, то членную морфему *-та* можно считать новообразованием.

2.3.5. В позициях V_1V и VV_1 в рамках одной морфемы гласный \acute{v} практически отсутствует как в КН, так и в КЯ. Известно, что отсутствие сочетаний гласных с \acute{v} в границах морфемы – при наличии большого количества вокальных сочетаний других гласных – является характерной особенностью болгарской фонетики (31: с. 77; 50: с. 78). Можно отметить лишь зафиксированное в КН сочетание $у\acute{v}$ в словоформе *слу\acute{v}* (членная форма сущ. м.р. ед.ч. *слух*), возникшее в результате утраты интервокального x – *на слу\acute{v} > *на слу\acute{v}*. Такое вокальное сочетание в словоформе *слу\acute{v}* допустимо и в КЯ.*

Однако на стыке слов (словоформ) сочетания \acute{v} с гласными в говорах КН и КЯ возможны. Вероятность появления вокальных последовательностей, где бы гласный \acute{v} был вторым членом, значительно ниже, чем вероятность появления в речи сочетаний, в которых \acute{v} был бы первым членом. Это связано с тем, что инициальный \acute{v} представлен только в словоформах *\acute{v}гал* и *\acute{v}гал'ч'и*, в то время как финальный \acute{v} имеет высокую частоту употребления, входя в состав постоянно встречающейся в речи членной морфемы. Если ударный \acute{v} начинает вокальное сочетание, то второй безударный гласный, отделенный от \acute{v} потенциальной паузой, может консонантизироваться: $\acute{v}у > \acute{v}ў$, $\acute{v}и > \acute{v}й$, $\acute{v}ч > \acute{v}щ$.

Зафиксированы следующие сочетания \acute{v} с гласными, в основном, на стыке морфем (словоформ) и – редко – в рамках морфемы (обычно в результате утраты интервокального согласного).

КН, КЯ: $\acute{v}б / \acute{v}ь$ – *на \acute{v}гала / н\acute{v} \acute{v}гъл\acute{v}, *\acute{v}бра / \acute{v}бра / ах\acute{v}ра*; $у\acute{v}$ – *у \acute{v}гала*; $и\acute{v}$ – *пр'и \acute{v}гала*, *ч'ет'ар'и \acute{v}гала / ч'ет'р'и \acute{v}гала*.*

КН: $\acute{v}у / \acute{v}ў$ – *с'ин\acute{v} у дум\acute{v} с'и / с'ин\acute{v} ў дум\acute{v} с'и*, *м'ид\acute{v} уд б\acute{v}ч'ва*; $\acute{v}и / \acute{v}й$ – *уд град\acute{v} Ил'ена / уд град\acute{v} Йл'ена*, *валк\acute{v} ид'е / валк\acute{v} йд'е*;

КЯ: $\acute{v}у / \acute{v}ў$ – *кум\acute{v} уб'ич'а / кум\acute{v} ўб'ич'а*; $\acute{v}и / \acute{v}й$ – *с'в'иш'т\acute{v} изгасна / с'в'иш'т\acute{v} изгасна*, *с'ин\acute{v} из'л'ез'и*; $\acute{v}ч / \acute{v}щ$ – *п'иш'т\acute{v} \acute{v}студ'ена / п'иш'т\acute{v} \acute{v}студ'ена*.

Сочетания ударного \acute{v} с безударными гласными в КН и КЯ, видимо, не допускают интервокальных консонантных протез.

2.4. Г л а с н ы й \acute{e}

2.4.0. Этим знаком, как сказано выше, обозначаем гласный \acute{e} в положении после мягких согласных, шипящих и *й*. Связь \acute{e} с аффиксальными морфемами описана в разделе, посвященном системе транс-

крипции. Необходимо отметить, что безошибочно определить на слух звук \acute{e} без предварительной подготовки очень трудно, так как он имеет довольно широкую зону образования в пределах от передне-среднего до среднего ряда и от верхне-среднего до среднего (или даже средне-нижнего) подъема. Поэтому данный гласный часто отождествляется либо с гласным \acute{e} , либо с гласным \grave{e} (т.е. $\acute{e} \leftarrow \acute{e} \rightarrow \grave{e}$). Сравнительно легко идентифицировать гласный \acute{e} тогда, когда есть возможность непосредственного сравнения его звучания с произношением других нелабиализованных гласных, в частности, с гласным \acute{e} . Например:

КН: *áz gal'č'é – m'é gal'č'ét; dъш'm'ar'é – mо́й b'ar'é;*

КЯ: *ás tarp'é – m'é tarp'ét, майѣ – lán'u n'ийé, св'ци'é – mо́й кал'n'é, маж'é m'и уж'é л'эгна.*

Тем не менее наиболее типичными для артикуляции ударного гласного \acute{e} являются такие его характеристики как передне-средний ряд, верхне-средний или средний подъем, нелабиализованность.

В КН и КЯ в речи носителей этих двух диалектов постоянно встречается свободное варьирование \acute{e} и \acute{e} в аффиксальных морфемах, ср. флексию 1 л. ед.ч. наст. глаголов I и II спряжений (*á ш'а издув'é / издув'é, замал'ч'é / замал'ч'é, глуб'é / глуб'é*); флексию 3 л. мн.ч. наст. глаголов I и II спряжений (*кус'ét / кус'ét, n'ийét / n'ийét*); членную морфему сущ. м.р. ед.ч. (*пърч'é / парч'é, мъж'é / мъж'é*); флексию сущ. ж.р. ед.ч. (*глави'é / главн'é, лаж'é / лаж'é*).

Частотность данных гласных при вариативном употреблении указанных словоформ является различной. Так, при реализации субстантивных аффиксов наиболее часто, особенно в КЯ, произносится гласный \acute{e} (т.е. *мъж'é, пърч'é, лаж'é, зам'é, главн'é, ч'ийр'é*). Что касается реализации глагольных аффиксов, то в данном случае говоры КН и КЯ различаются между собой. Например, в форме 1 л. ед.ч. наст. в КН наиболее частотным является гласный \acute{e} (*дув'é, гърм'é, кус'é*), а в КЯ – гласный \acute{e} (*дув'é, гърм'é, царт'é, кус'é, дар'é, n'ийé, gal'č'é*); в форме 3 л. мн.ч. наст., напротив, в КН чаще произносится гласный \acute{e} (*дув'ét, кус'ét, n'ийét*), а в КЯ – гласный \acute{e} (*дув'ét, кус'ét, гърм'ét*). В целом же производится впечатление, что гласный \acute{e} более частотен в речи носителей говора КЯ.

Следует отметить, что в говорах КН и КЯ в существительных и глаголах с твердой основой соответствующие однозначные аффиксальные морфемы реализуются только следующими гласными:

а) флексия сущ. ж.р. ед.ч. – гласным *á* (*глава́, ст'а́на*); б) членная морфема сущ. м.р. ед.ч. – гласным *ь* (*гяръь, вьлкъь*); в) флексия глаголов 1 л. ед.ч. наст. – гласным *á* (*áс пр'идá, с'икá*); г) вокальный элемент флексии глаголов 3 л. мн.ч. наст. – гласным *ь* (*т'э пр'идьт, с'икьт*).

Отметим также, что в говорах КН и КЯ в глагольных формах 1 л. ед.ч. наст. и в формах сущ. ж.р. ед.ч. с мягкими основами аффиксальные морфемы, реализованные гласными *é* и *ё*, которые не прикрыты последующим согласным (т.е. находятся в фонетической позиции перед паузой), могут варьироваться с гласным *á* (например, *дув'э / дув'á* – КН, *дув'ё / дув'á* – КЯ; *майё / майá* – КН, КЯ, см. выше 2.1.9.), что объясняется, видимо, аналогическим воздействием однозначных аффиксов в глаголах и существительных с твердыми основами (ср. *пр'идá, мумá*). При этом заслуживает внимания тот факт, что ни в КН, ни в КЯ нами не было зафиксировано ни одного случая произношения флексии *ё* в членных (определенных) формах сущ. ж.р. ед.ч. (только *майáтá, з'уар'áтá* при *майё / майá, з'уар'ё / з'уар'á / з'у'ар'ё*). Отсюда напрашивается вывод, что по своим фонетическим правилам позиция конца слова перед реальной паузой допускает некоторую свободу выбора в реализации флексии тем или иным гласным (а именно – *п'ийё / п'ийá* или *п'ийё / п'ийá; зэм'ё / зэм'á*; ср. также наличие вариантов в реализации конечных вокалических флексий в наречиях и числительных – *кэд'э / кад'á, дубр'э / дубр'á, дв'э / дв'á*). И напротив, флексии, входящие в структуру 'гласный + согласный', т.е. являющиеся неконечными вокалическими флексиями, такой свободы выбора (правда, только в подсистеме именного словоизменения) не допускают (ср. *майáтá, зэм'áтá*).

Важно обратить внимание на то, что в 1958 г. в говоре КН в картотеке № 3147 были записаны рассмотренные выше словоформы без вариантов: *кув'á, издув'á, мъл'чá, дил'á, свар'á, вьр'á, вар'á, сто́йá; дяр'ьт, вьр'ьт, гьрм'ьт, сто́йьт, буйьт са, закачьт; мъжь; сайá, лъжá, зэм'á, свит'á, зьм'á, дьштер'á*. Такие записи либо отразили действительное произношение данных словоформ в 1958 г. в КН, либо явились результатом недостаточной внимательности эксплораторов при сборе материала.

2.4.1. Таким образом, гласный *é* после мягких согласных, шипящих и *й* отмечен нами только в п о з и ц и я х: а) С'VC (КН) и б) С'V# (КН, КЯ).

а) КН: п'э – *тапн'эт, туп'эт*; б'э – *друб'эт*; w'э – *дуw'эт*; м'э – *д'им'эт*;

КН: т'э – *гус'т'эт, млаш'т'эт*; д'э – *град'эт*; с'э – *гас'эт*; л'э – *пусул'эт*; н'э – *ун'эт /^хун'эт*;

КН: р'э – *дар'эт*; йэ – *бруй'эт, гн'ий'эт*; ш'э – *исуш'эт*; ж'э / ц'э – *стр'иж'эт, прудал'ж'эт / прудал'ц'эт*; ч'э – *закач'эт, тач'эт, п'ич'эт*.

б) КН, КЯ: п'э – *туп'э*; б'э – *друб'э*; w'э – *круw'э*; ф'э / ф'э – *награф'э / награф'э*; м'э – *наум'э*;

КН, КЯ: т'э – *плат'э*; д'э – *сад'э*; с'э – *кус'э*; л'э – *w'ис'ил'э*; н'э – *главн'э, д'ин'э*;

КН, КЯ: р'э – *вар'э, даш'т'ар'э*; йэ – *пуй'э, п'ий'э, май'э*; ш'э – *труш'э*; ж'э – *блж'э, маж'э*; ц'э – *дари'э*; ч'э – *гал'ч'э*;

КН: ц'э – *мъц'э* (членная форма в одном идиолекте, обычно – *маж'э*).

Ударный гласный *э* не употребляется после *к', г', х'*.

2.5. Г л а с н ы й *и*

Этот гласный в КН и КЯ встречается в тех же позициях, что и гласный *э*, а именно – в #VC, #VC', С'VC, С'VC', С'V#.

2.5.1. В п о з и ц и я х #VC и #VC' отмечено широкое употребление гласного *и* как в КН, так и в КЯ.

КН, КЯ: *има, идат, искат, издъη'к'и, избя*;

КН, КЯ: *им'и, ид'иш', ид'арф, им'ан'ен д'ен, ич', ис'т'ивцк'и, изгр'эф*.

В редких случаях, как результат эмоциональной, подчеркнутой речи, перед инициальным *и* появляется протетический *й*: ^и*им'и, и'имат*.

2.5.2. В п о з и ц и и С'VC гласный *и* зафиксирован после согласных *п', б', в'/w', ф'/ф', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', р', й, ч', ш', ж', ц', к', г', х'*.

КН, КЯ: п'и – *п'итам, п'исан, исп'и' / исп'уф*; б'и – *б'ик, б'илка, б'икул / б'уул*; в'и / w'и – *в'икам, мутуw'ила, уw'иу гу / уw'уw гу*,

зав'іва / зав'ўва; ф'і / ф'і – ф'ірма / ф'ірма 'фамилия', Суф'ін д'эн / Суф'ін д'эн, ф'ітка; м'і – м'іна, изм'іра;

КН: п'і – п'індар; w'и – з'w'іска 'молодая овца' (млада оца, д'ет п'рва гуд'іна ш'е са ідгн'и – т'w'а й з'w'іска); м'і – ич'ум'ік, к'ерм'іда;

КЯ: п'і – п'індар; б'і – ахтумуб'іл; в'і – св'ітка 'кочан'; м'і – ич'ум'ік'.

КН, КЯ: т'і – ст'іга, и'т'іпка, л'ит'іф / л'ит'іф, ут'івам / ут'івам; д'і – гуд'іна, ид'ін, уйд'ісам; с'і – с'іту, с'ин, кус'ідба; з'і – из'ік, з'ідат, р'из'ідба; ц'і – ц'іпа, мал'ц'іпа, ц'ігип'ен; н'і – нан'іца, и'ин'ік / и'ин'ік 'мерка для зерна', нан'ізвам; л'і – к'ил'ім, м'ил'іна, карл'іга 'пастушеский посох', развал'іх / развал'іф, зал'іва / зал'ўва, л'іту / л'іту;

КН: д'і – густуд'ін, густуд'інуф'и; л'і – т'ал'іцата, кам'н'л'іва, п'ас'кл'іва / п'ас'кл'ўва, дул'іваш' / дул'ўваш' да wr'і;

КЯ: с'і – г'итс'ірад гу; ц'і – матац'ікал, ц'ітур'и 'отходы от винограда'; s'і – сал's'ім; л'і – фр'тл'іва / фр'тл'ўва 'разговорчивая';

КН, КЯ: р'і – пукр'ит, м'ер'ісам, п'ит'іла искукур'іга, купр'іва / купр'іва / купр'ўва; йі – йімат / імат, издуй'ім / издуw'ім / издуй'ім, стуй'ім / стuw'ім / стуй'ім; ч'і – ч'ис, ч'иф / ч'уф, ч'іна; ш'і – ш'іла, ш'их / ш'уф, исуи'і' / исуи'ўф; ц'і – с'ин'ц'ір, ц'инс, ц'ілка;

КЯ: р'і – Тр'іхун / Тр'іфун / Тр'ўфун; ж'і – жс'іхнаха / жс'ўфнафа; ч'і – туч'ілка / туч'ўлка (однократно);

КН, КЯ: к'і – к'іха, в'аск'іс; г'і – заг'іна, г'итс, туг'іс; х'і – х'ітар, брунх'ит / брунх'ит;

КН: к'і – к'іфла / к'ўфла, к'іпу, дом'ак'ін, дум'ак'інуф'и;

КЯ: х'і – м'андух'ілка 'часть сбруи'.

Очень ограниченно гласный *і* употребляется: а) после *с'* – зафиксирован только в одной словоформе в КЯ и б) после инициального и интервокального *й*, который варьируется в КН и КЯ с нулем звука (после паузы и между гласными) и с *w'* (в интервокальной позиции).

Как показали приведенные примеры по позиции C'VC, говорам КН и КЯ свойственна лабиализация гласного *і* в соседстве с последующим (реже – с предшествующим) лабиальным согласным (особен-

но *w'w* и *φ'φ*), что свидетельствует о сильном вокально-консонантном взаимодействии в этих говорах (51: с. 225; 52: с. 41).

Изредка лабиализация *ú* имеет место и в том случае, когда в самой словоформе лабиальные согласные отсутствуют, но в соседних с *ú* слогах имеется безударный гласный *у* (ср., например, *туч'úлка* из *туч'ылка*), что говорит о междуслоговом сингармонизме, характеризующем фонетические системы КН и КЯ; о некоторых проявлениях сингармонизма в восточноболгарских говорах см. в (52а: с. 286).

Хотя данный факт лабиализации *ú* в определенных фонетических условиях – несомненно фонетическое явление, необходимо тем не менее подчеркнуть, что в настоящее время этот процесс не носит всеобщего и безысключительного характера: в какой-то степени он лексикализован. Так, одни словоформы употребляются только с гласным *ú*, несмотря на наличие фонетических факторов, обуславливающих лабиализацию (например, *мутуw'úла*, *с'уф*, *будл'úwа*, *издуйúм* / *издуw'úм*), другие – только с *ý* или даже с *ú* (например, *уw'ýw гу*, *фт'ýwам*, но *ут'úwам* / *ут'ýwам*), третьи – допускают варианты как с *ú*, так и с *ý* или *ú* (например, *так'úwа* / *так'ýwа*, *зaw'úwа* / *зaw'ýwа* / *зaw'úwа*, *б'úwул* / *б'ýул*). В говорах КН и КЯ в зависимости от выбора глагольных имперфектных и аористных флексий с *x* или *ф/φ* соответствующие формы имперфекта и аориста произносятся либо с гласным *ú*, либо с гласными *ú* / *ý* (например, *исп'úх*, но *исп'úф*, *закач'ú'м'и*, но *закач'ú'ф'м'и*). При этом сами носители говора не замечают, произнесли ли они в данном случае вариант с *ú* или вариант с *ú*.

Важно отметить, что варианты одних и тех же словоформ с *ú* и с *ú/ý* одинаково широко представлены как в КН, так и в КЯ. Однако в КЯ, в отличие от КН, более частотным является вариант с *ú*.

2.5.3. В позиции *C'VC'* гласный *ú* зафиксирован в КН и КЯ после *n'*, *б'*, *в'w'*, *ф'φ'*, *м'*, *т'*, *д'*, *с'*, *з'*, *ц'*, *с'*, *н'*, *л'*, *р'*, *й*, *ч'*, *ж'*, *ш'*, *ц'*, *к'*, *г'*, *х'*.

КН, КЯ: *n'ú* – *n'úл'и*, *n'úл'ьфта*, *n'úкл'у*; *б'ú* – *куб'úл'т'и*, *турб'úч'ка*; *в'ú* / *w'ú* – *в'úд'а*, *с'w'úр'и*; *ф'ú* / *φ'ú* – *ф'úтка*, *ф'úч'у*, *ф'úйа*; *м'ú* – *им'úш'*, *к'эрм'úд'и*;

КН: *w'ú* – *w'úм'и*, *w'úм'афта* (и *úм'и*, *úм'афта*), *з'w'úс'к'и*, *марaw'úп'и* / *марaφ'úп'и*;

КЯ: *w'ú* – *s'w'úс'к'и*;

КН, КЯ: т'и – *фт'ич'у*, л'ит'иф; д'и – *д'ин'у*, *пунѣд'ийа*; с'и – *с'ич'к'у*, *бус'ил'ак*, *с'ир'ен'у*; з'и – *из'ик / из'ик'*, *баз'икл'у* ‘мизинец’; ц'и – *ис'ц'ижэ'да*; с'и – *сал's'ит'у*; н'и – *нан'ижэ'ат*, *угн'иш'т'у*; л'и – *кр'ил'ит'у*, *сарал'ийа*, *гл'ин'аста*;

КЯ: з'и – *р'из'ил'* ‘распутник’; с'и – *сал's'иш'*; н'и – *кѣн'иш'к'у*;

КН, КЯ: р'и – *кукур'ижэ'у*, *ур'из'ана*, *д'р'ис'л'у*; йи – *ийм'иту / им'иту*, *дуйиш' / дуйиш' / дуw'иш'*; ч'и – *ч'ич'у*, *уч'ит'у*, *дѣч'ич'у*; ж'и – *жэ'ич'у*, *жэ'ит'ел*; ц'и – *з'арц'ик'*, *буйац'ийа*; ш'и – *уш'ит'у*, *ш'ийм*, *баки'иш'*;

КН: ч'и – *ч'ис'т'у / пр'ич'ус'т'уwа*;

КЯ: ц'и – *м'иц'ийа* ‘коллективная помощь’;

КН, КЯ: к'и – *т'ин'ик'ийа*, *с'к'имн'у*, *к'ис'ал*; г'и – *зѣг'ин'иш'*, *п'арг'иш'ен*; х'и – *мух'ит'у / муит'у / муw'ит'у*, *х'им'ийа*;

КН: к'и – *вѣхк'ин'а*, *срѣтк'ин'а*; г'и – *к'иwг'ир'* ‘дуршлак’;

КЯ: к'и – *дв'е'к'ил'у*, *так'ис'м'иста*; х'и – *Х'ил'ен / ѳ'ил'ен*.

В позиции C'VC' (так же, как и перед твердыми согласными) гласный *и* употребляется очень ограниченно только после согласных *ч', с', й*; последний варьируется либо с нулем звука (в инициальной и интервокальной позициях), либо с *w'* (в интервокальной позиции). После других согласных ограничений в употреблении *и* нет.

2.5.4. В позиции C'V# гласный *и* зафиксирован в КН и КЯ после *п', б', в'/w', ф', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', р', й, ч', жэ', ш', ц', к', з', х'*.

КН, КЯ: п'и – *кр'ит'и*, *к'ит'и*; б'и – *уб'и*, *глуб'и*; в'и / w'и – *н'иw'и*, *снuw'и*, *стув'и*, а также *стуйи / стуй*; м'и – *з'им'и*, *ѣс'м'и*, *гарм'и*;

КН: ф'и – *Сѳф'и*;

КЯ: ф'и – *нагрѳ'и*;

КН, КЯ: т'и – *баи'т'и*, *с'к'имт'и*, *удмѣс'т'и*; д'и – *п'ер'д'и*, *з'в'из'д'и*, *пр'ид'и*; с'и – *кус'и*, *такс'и*, *искѣс'и*; з'и – *куз'и*, *намраз'и*; ц'и – *уб'ич'и*, *с'ин'ц'и*, *л'ич'и* (мн.ч. от *л'ит'и*); с'и – *сал's'и*, *пал's'и*, *мѣрс'и*; н'и – *с'т'ин'и*, *ун'и / *ун'и*; л'и – *игл'и*, *ч'ил'и*, *усул'и*;

КН: с'и – *ут Рус'и* (*б'ала ут Рус'и ч'ак*);

КЯ: т'и – *дубол'н'у л'у с'т'и*?

КН, КЯ: р'и – *нар'и*, *вар'и*; йи – *круйи / круи / круw'и*; ш'и – *уш'и*, *душ'и*, *засуш'и*; ч'и – *уч'и*, *п'ич'и*; ж'и – *т'ѣж'и*, *устр'ижэ'и*; ц'и – *дѣрц'и*, *прудал'ц'и*;

КЯ: р'и – гул'эм'ит'и эс'ар'и; йи – с'им'и; ц'и – ^xεр'г'ал'ц'и^и;
 КН, КЯ: г'и – руг'и, снаг'и, дьг'и; х'и – снах'и / снаи, мух'и / муй;
 КН: к'и – с'к'и;
 КЯ: к'и – ш'нурк'и, лар'к'и.

После ф' гласный *и* в позиции перед паузой употребляется очень ограниченно. Согласный *х'* перед конечным *и* зафиксирован только в интервокальной позиции, где он варьируется с нулем звука (мух'и / муй). Согласный *ц'* может восходить к сочетанию *т' + ц'*, например, мн.ч. л'иц'и (от ед.ч. л'ит'эц, счетная форма *двá л'ит'эца*).

Гласный *и* в КН и КЯ в позиции перед паузой реализует следующие аффиксальные морфемы:

1) именные флексии – а) мн. ч. сущ. ж. р. (эс'ит'и); б) мн. ч. сущ. м. р. (руг'и, орл'и / урл'и); в) мн. ч. сущ. ср. р. (уч'и); г) ед. ч. прилагательных м. р. (с'в'ит'и);

2) глагольные флексии – а) 3 л. ед. ч. наст. (да искуас'и); б) 2 и 3 л. ед. ч. аор. (завал'и); в) повел. накл. ед. ч. (удмъс'т'и);

3) флексию числительного *тр'и*;

4) конечный вокальный элемент перед нулевой флексией некоторых субстантивных основ (такс'и).

2.5.5. В п о з и ц и я х V₁V, VV₁ в говорах КН и КЯ гласный *и* достаточно широко употребляется в сочетаниях с гласными. В этих сочетаниях гласный *и* может быть как первым, так и вторым компонентом.

В качестве п е р в о г о члена гласный *и* зафиксирован в сочетаниях *иε, иа, иъ*.

Сочетание *иε* в КН и КЯ может находиться как в рамках одной морфемы, так и на стыке морфем. Этимологически это сочетание содержит интервокальный *й* (т. е. **ийε*), который при быстром темпе речи обычно утрачивается, особенно в тех случаях, когда данная последовательность находится внутри морфемы. Если же *иε* разделяется морфемной границей, то *й*, как правило, сохраняется.

КН, КЯ: ш'иε / ш'и^иа^а, б'иεца / б'и^ица, кр'иεт / кр'и^иεт / кр'и^иат, да изм'иε / да изм'и^иа, ф'иεгу зьрну 'виковое зерно' / ф'и^иуу / ф'и^иуу; тр'и εтърw'и / тр'и^и εтърw'и / тр'и^и иятърw'и, тр'и εрг'эца / тр'и^и арг'эца.

В словоформе *φ'иѣwu* сочетание *иѣ* произносится при медленном темпе речи; в более быстрой и небрежной речи происходит лабиализация заударного гласного *ѣ* под влиянием губного *w* с дальнейшей его консонантизацией: *φ'иѣwu* > *φ'ийѣwu* > *φ'иѣwu* и, наконец, *φ'юѣ*.

Сочетание *иѣ* (часто обозначаемое как *иѣ*) в рамках словоформы находится в КН и КЯ в отношении варьирования с последовательностями *и^аа* / *и^ѣѣ* / *и^ѣѣ*, в которых интервокальный *и* обычно всегда присутствует. Объяснение этого факта заключается в том, что резкая переходная зона между двумя артикуляционно различающимися гласными, какими являются *и* и *ѣ* (или *ѣ* – см. об артикуляционной близости и взаимозаменяемости гласных *ѣ* и *ѣ* ниже, в разделе о безударном вокализме), удерживает интервокальный *и* (ср. возможное произношение без *и* близких в артикуляционном отношении гласных *иѣ* – *кр'иѣт* и, фактически, обязательное присутствие *и*, если второй элемент сочетания реализован – артикуляционно более далекими от *и* – гласными *ѣ* или *ѣ* – *кр'ийѣт* / *кр'иѣт*). При соединении в потоке речи гласных *и* и *ѣ* (*ѣ*), принадлежащих разным словоформам и разделенных междусловной границей, допустимо их произношение как с интервокальным протетическим *и*, имеющим противоположную гласному *ѣ* тембровую и артикуляционную характеристику (51: с. 223), так и без него, например: *тр'и ѡѣра* / *тр'и ѡѣра*, *тр'и ѡтѣна* / *тр'и ѡтѣна*.

Что касается возможных сочетаний *ии* и *иу*, то в рамках фонетического слова они не зафиксированы. Вместо них в КН и КЯ употребляются сочетания *ий* и *иѣ*, возникшие в результате консонантизации заударных гласных верхнего подъема *и* и *у* в позиции перед согласными и перед паузой.

КН, КЯ: *ий* – *м'ий*, *изм'ийи*, *лѡиц'ий*, *табакч'ийт'и*, *зм'ийт'и*; *иѣ* (редко, так как чаще произносится *юѣ*) – *зм'иѣ* и *зм'юѣ* ‘змеиный’ (< **зм'иев*, лит. *змеев*); *φ'иѣ* и *φ'юѣ* ‘виковый’ (прил.) (< **фиѣв* от *фий* ‘вика’); *б'иѣл* и *б'юѣл*; *б'иѣл'цк'и* и *б'юѣл'цк'и*;

КН: *ий* – *трак'ийц* (< **трак'ици*, ср. *румѣн'ици*).

В КН при делении на слоги словоформы *б'юѣл* было получено: *б'и/юѣл*.

Если же сочетания гласных *ии* и *иу* принадлежат разным словоформам и разделяются в потоке речи потенциальной паузой, то возможно их сосуществование с дифтонгоидными сочетаниями *ий* и *иѣ*.

Выбор того или иного варианта произношения зависит, как правило, от темпа и четкости речи.

КН, КЯ: ии / ий – *c'w'it'ú* Ив́ан / *c'w'it'ú* Йв́ан, *tr'ú* ил'э́на / *tr'ú* ил'э́на; иу / иў – *улуw'ú* ур'э́ла / *улуw'ú* ўр'э́ла, *tr'ú* ус'ú / *tr'ú* ўс'ú.

В качестве второго члена вокального сочетания гласный *ú* в КН и КЯ зафиксирован в последовательностях *и́и*, *е́й*, *а́й/э́й*, *у́й*. Данные сочетания отмечены как в рамках одной словоформы, так и на стыке словоформ.

КН, КЯ: ии – *ч'и́ир'*, *ла́н'и* и́д'и; е́й (реже – э́й) – *ш'е́* и́дв́ам'и / *ш'е́* и́дв́ам'и; а́й / э́й – *ба́ир'а* / *бэ́ир'а*, *Исма́ил*, да́ и́д'и; у́й – *пу́иу*, *улу́й*, *изду́йт'и*, *скру́йиш'*, *му́й*, да́ *напу́й*, *мэ́ш'ку* и́м'и;

КН: а́й – *то́й* л'и́ку́а *И́лза*, н'и́ка́йи́на 'злобная', *ха́ир* 'удача'.

Анализ приведенных примеров показывает, что некоторые сочетания возникли в результате элизии следующих интервокальных согласных: *й* (*изду́йт'и*, *скру́йиш'*), *в* (*улу́й*, *э́йид'и*) и *х* (*му́й*). Что касается сочетаний *и́и* и *е́й*, то первый вокальный элемент (т.е. безударный гласный) может редуцироваться в них до нуля, например: *ч'и́ир'* и *ч'ир'*, *ш'е́* и́дв́ам'и и *ш'и́дв́ам'и*.

2.6. Гласный *ó*

Этот гласный употребляется в КН и КЯ в позициях #VC, #VC', CVC, C'VC, C'VC', CV#, C'V#.

2.6.1. Позиции #VC и #VC' для гласного *ó* в говорах КН и КЯ можно проиллюстрировать следующими примерами:

#VC – *о́дэр* / *у́о́дэр*, *о́смата* / *у́о́смата*, *о́вч'а* / *у́о́вч'а*;

#VC' – *о́г'ен* / *у́о́г'ан*, *о́д'а* / *у́о́д'а*, *о́р'ех'и* / *у́о́р'ей*, *о́р'аўву* / *у́о́р'аўву*, *о́л'уф* / *у́о́фл'уф*.

2.6.2. Особенностью артикуляции гласного *ó* после паузы (а также и в некоторых других позициях) в КН и КЯ является *у*-образная экскурсия, вызванная кратким поднятием спинки языка по направлению к мягкому небу перед началом основной артикуляции, что дает акустический эффект *у́ó* (51: с. 223). Такое произношение особенно характерно для КЯ. Важно, что как в КН, так и в КЯ начальный *у́ó* свободно варьируется с *ó*. Такой *ó* без *у*-образной экскурсии характеризует

и современное болгарское литературное произношение; некоторыми болгарскими фонетистами он определяется как однородный лабиализованный звук заднего ряда, среднего подъема (см., например, 31: с. 60). Гласный *ó* без начального у-образного призвукa встречается в КЯ значительно реже, чем в КН; произношение *ó* в КЯ наблюдается обычно при быстром темпе речи и печеткой, смазанной артикуляции.

Иногда произношение инициального ударного *ó*, особенно в КЯ, является настолько напряженным, что начальный приступ приобретает значение протезы, выраженной *w* или *ǔ*: *ʸóсак* / *ʸóсак* / *wóсак*, *ʸóбрас* / *wóбрас*, *ʸóдар* / *wóдар*, *ʸóбръч* / *ʸóбръч*, *ʸóблац'ит'и* / *wóблак* и др.

После потенциальной паузы у-образная экскурсия в начале артикуляции *ó*, как правило, отсутствует в КН и присутствует в КЯ, например:

КН – *гъс óблак*, *двá óс'ана* ‘два ясеня’, *двá óдара*, *ч'уз'д'и óра*, *уд óра* (<=от двора);

КЯ – *гъс ʸóблак*, *двá ʸóс'ана* / *двá wóс'ана*, *двá ʸóдара*, *ч'уз'д'и ʸóра*, *уд ʸóра* (<=от хора, от двора).

Если же в предшествующем слоге перед потенциальной паузой имеется лабиализованный гласный, то, как правило, – и не только в КЯ, но и в КН – в начале *ó* появляется у-образный призвук или даже протеза *w*: *уд ʸóр'ê'а* / *уд wóр'ê'а*, *уд ʸóхл'уфч'и* / *уд wóхл'уфч'и*, *млóгу ʸóс'ен'и* / *млóгу wóс'ен'и*.

2.6.3. В п о з и ц и и CVC гласный *ó* зафиксирован в КН и КЯ после *n*, *b*, *v/w*, *f/φ*, *m*, *t*, *ð*, *s*, *z*, *ц*, *s*, *p*, *и*, *л*, *к*, *г*, *х*.

КН, КЯ: *пó* / *пʸó*³ – *ноп*, *нос*, *пот*; *бó* – *бон*, *бор*, *рáбóтa*; *вó* / *wó* – *ж'уwóт*, *двор* / *дор*, *вол* / *wол*; *фó* / *φó* – *фóрaтa* / *ʰóрaтa*, *фóрmа* / *фóрmа* / *ʰóрmа*; *мó* – *мос*, *смок*, *мóзак*;

КН: *мó* – *мóркyф*;

КЯ: *wó* – *и'н'иwóн*; *φó* – *дуфóфкa*, *кaлφóс* / *кaлxóс*, *пpафóт*, *афóт'и'иц'и*; *мó* – *мóишy* / *мóдиy*, *мóркyл*;

КН, КЯ: *тó* – *тóпaл*, *фтóрa*, *гyтóф*; *дó* – *дóлнa*, *удóлу*, *дóфтyр* / *дó'тyр*; *сó* – *сóбa*, *сóркyвaт*, *рaсóткa* / *рaс'óткa*; *зó* – *зон*, *зор*, *вapзóн*;

³ Гласные *ó* и *ʸó* свободно варьируются в говорах КН и КЯ, оформляя одни и те же словоформы; далее в иллюстративных примерах мы будем давать только один вариант с гласным *ó*.

цѡ – цѡнѡа, уцѡба ‘от соба’; сѡ – усѡба ‘от зоба’; нѡ – сноп, нос, мнѡгу / мнѡгу; лѡ – лѡзуф л’ис, лѡкѡа;

КЯ: сѡ – сѡрук; цѡ – туцѡлѡам ‘подсолвам’;

КН, КЯ: рѡ – зрѡп, прѡста;

КЯ: рѡ – кѡл’ерѡфка; лѡ – плѡ^хч’ат, лѡдар;

КН, КЯ: кѡ – кон, кол, кѡ^ха / кѡфа; гѡ – гѡс, гѡрна, загѡра; хѡ –
^хѡрата / фѡрата, ^хѡрма / фѡрма, у^хѡту / уфѡту / уѡту;

КН: гѡ – гл’игѡза (в одном идиолекте);

КЯ: кѡ – нукл’укѡсѡам; хѡ – Хр’истухѡр / Хр’истуфѡр.

Перед гласным ѡ (’ѡ) в позиции SVC в КН и КЯ наблюдается выпадение следующих твердых согласных: в (например, ѡл / ’ѡл наряду с ѡл, дѡр / д’ѡр наряду с дѡр, затѡр / зат’ѡр наряду с затѡр) и х/ф (ср. уѡту наряду с у^хѡту / уфѡту).

В зафиксированных в КН и КЯ примерах, иллюстрирующих употребление гласного ѡ (’ѡ) после согласных ц и с (например, уцѡба, усѡба), аффрикаты ц и с представляют собой, в сущности, разложимые на синхронном уровне сочетания согласных т + с и д + з, между которыми проходит морфемная граница (ср. наличие словоформ сѡба, зѡп и предложных сочетаний *ут радус*, *уд в’ишу*).

2.6.4. В позиции SVC’ гласный ѡ (’ѡ) зафиксирован после согласных н, б, в/ѡ, ф/ф, м, т, д, с, з, ц, и, р, к, г, х.

КН, КЯ: пѡ – пѡс’л’а / п’ѡс’л’а, пѡс’ан д’ѡн, пѡм’ан; бѡ – бѡрч’и, бѡс’и, л’ибѡмн’ик / л’ибѡмн’ик; вѡ / ѡѡ – дѡр’иш’та / дѡр’иш’та, жс’уѡтн’и, гѡз’д’ей; фѡ / ѡѡ – фѡд’ах / фѡд’аф / ^хѡд’а^х, фѡрм’и / ^хѡрм’и; мѡ – смѡц’и, пѡмѡкр’им, мѡйтѡ;

КЯ: ѡѡ – на ѡѡч’ар ‘в очереди’;

КН, КЯ: тѡ – фтѡр’и, тѡпл’и, пѡтѡц’и; дѡ – дѡйд’иш’и, дѡл’н’и, дѡр’иш’та / дѡр’иш’та; сѡ – пусѡк’и, сѡб’и, сѡй / свѡй; зѡ – ѡѡрѡпч’и, б’из ѡѡ’ен; цѡ – уцѡб’и ‘от соби’; нѡ – нѡш’туѡу’и / нѡш’туѡй, нѡ^хч’и, нѡв’и; лѡ – лѡй, лѡз’и, лѡш’и;

КН: зѡ – зѡп’и; лѡ – стулѡйт’и;

КЯ: зѡ – узѡр’и;

КН, КЯ: рѡ – рѡй, рѡж’ба, рѡкл’а;

КН, КЯ: кѡ – кѡр’ан, кѡн’а, кѡш’и, кѡс’м’и; гѡ – гѡс’т’и, гѡн’и, Гѡч’у; хѡ – хѡд’ат / фѡд’ат, пѡхѡж’дат / пѡфѡж’дат;

КЯ: хѡ – ^хѡж’ма ‘постоянно’.

После согласного *s* гласный *ó* в КН и КЯ не зафиксирован.

Выше отмечалось, что в говорах КН и КЯ в позиции после твердых согласных (так же, как и в позиции после паузы) наряду с произношением ударного *ó* часто произносится (особенно в КЯ) и глайдированный гласный *ʸó*. Выбор *ó* или *ʸó* в значительной степени зависит от стиля и темпа речи, а также от индивидуальных особенностей носителей диалекта.

В лингвистической литературе высказывалось мнение, что в ряде восточноболгарских диалектов происходит тесное взаимодействие между артикуляцией предшествующего согласного и артикулированием последующего *ʸó*. Однако трудно безошибочно определить, имеет ли в данном случае место так называемая регрессивная аккомодация, т. е. приспособление рекурсии предшествующего согласного к экскурсии последующего *ʸó*, в результате чего возникают такие произносительные вариации согласных как *nʸ, ɕʸ, vʸ* и т. п. (62: с. 221), или же эта аккомодация отсутствует. Дело в том, что *y*-образный призвук является онтологической характеристикой ударного лабиализованного гласного среднего ряда среднего подъема *ó* (ср. произношение *ʸó* после паузы, где исключается влияние предшествующих согласных); кроме того, отделить в потоке речи на слух согласный от гласного при произнесении слогов *nʸó, ɕʸó* и под., фактически, невозможно (52: с. 297).

2.6.5. В п о з и ц и я х C'VC и C'VC' гласный *ó* как в КН, так и в КЯ употребляется крайне редко. Данную позицию характеризует, во-первых, далеко не полный охват согласных, предшествующих гласному *ó*, и, во-вторых, – небольшое количество словоформ, содержащих в своей структуре сочетание 'мягкий согласный + *ó*'.

Ниже приводятся все записанные в КН и КЯ словоформы, иллюстрирующие употребление ударного *ó* после мягких согласных, шипящих и *й* перед сегментами *C, C', CC'*.

КН, КЯ: *йó* – *йóфт'ан, йóфт'ен'и; ш'ó* – *куш'ów'и / куш'óй; ч'ó* – *ч'óфка; цó* – *ц'óп, ц'óпч'и, ц'óб'ан, гл'иц'óсан; к'ó* – *к'óраф; г'ó* – *г'óл', г'óл'иш'та, г'óн, г'óзум, Г'εрг'ów δ'én, маг'óс'н'ик;*

КН: *ф'ó* – *ʸш'εф'óр* и *ш'иф'ийóр* (в разных идиолектах); *т'ó* – *м'инт'óр; с'ó* – *сʸвс'óр* 'пушистый зверек' (у одного информатора, обычно – *сʸвсáр* 'куница; вор'); *л'ó* – *м'идал'óн, батал'óн, фл'óгга / л'óгга, м'ил'óтафта* 'вязаные изделия – мн.ч. член. форма' (*м'ил'óта*

пл'ит'ём на с'ий'к'ит'и), пл'ос! (междом.); йó – ш'иф'ийóр, Йóрка; ж'ó – пр'эж'ól'и; ч'ó – ч'ól'ус; к'ó – к'óтулу;

КЯ: м'ó – С'им'ón; т'ó – Ст'ónа, т'óч'а; с'ó – с'ó рамнó 'все равно'; л'ó – л'óч'ик, л'óч'ица, л'óчу; р'ó – с'ир'óз'ан, лар'ók, лар'óка, ар'ól; йó – йóлка, йóл'к'и, райón / р'аw'ийón; ш'ó – ш'óф'ар; ж'ó – ж'óлач'и'ий нуз'ýр; ч'ó – ч'ól'ес, ч'ól'ес'т'и; к'ó – к'óш'к'; г'ó – п'эрг'ón.

В КЯ более широкое употребление ó после мягких согласных обусловлено наличием заимствований из русского языка (например, лар'ók, с'ó рамнó и др.).

Важно отметить, что в положении после мягких согласных ударная экскурсия при произнесении ударного ó в говорах КН и КЯ отсутствует.

2.6.6. В п о з и ц и и CV# гласный ó зафиксирован в КН и КЯ только после согласных *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, н, л, р, к, х*.

КН, КЯ: бó – калбó; вó / wó – д'эрвó / д'эрwó / д'эрó, какwó / kwó; фó – уфó / ухó / уó; мó – п'исмó;

КЯ: пó – с'елтó; мó – ч'итмó;

КН, КЯ: тó – т'естó, л'истó, палтó, златó; дó – гн'аздó; сó – м'исó; нó – бр'аш'нó, влакнó, идиó / инó; лó – с'идлó, гр'иблó, злó, н'и муж'лó;

КН, КЯ: рó – п'арó, р'ибрó, ср'ибрó;

КН, КЯ: кó – укó; хó – ухó / уфó / уó;

КН: кó – сакó.

Большинство позиций (а именно – после *п, б, в, ф, м, д, с, к, х*) представлено единичными словоформами; после согласного *г* ударный ó перед паузой не зафиксирован. И только для позиций после согласных *т, н, л, р* отмечено значительно большее число словоупотреблений.

В данном положении гласный ó в говорах КН и КЯ реализует следующие аффиксальные морфемы:

а) сущ. ср.р. ед.ч. (м'исó);

б) наречий (какwó);

в) числительного ср.р. (иднó);

г) причастий ср.р. ед.ч. (муж'лó, душ'лó).

2.6.7. В позиции C'V# ударный гласный *ó*, фактически, не употребляется. Зафиксированы только следующие словоформы с *ó* перед паузой и после мягких согласных: в КН – *м'ил'ó* 'вязаное изделие', *б'ил'ó* и в КЯ – *б'ил'^дó*.

2.6.8. В позициях V₁V, VV₁ гласный *ó* сочетается с безударными *и, е, а, ъ, у* и может быть как первым, так и вторым членом вокального сочетания.

В качестве первого члена гласный *ó* в КН и КЯ соединяется, фактически, только с безударными гласными *а* и *ъ*, образуя сочетания *о́а* и *о́ъ*. Они представлены в ограниченном количестве словоформ и могут варьироваться в одном и том же идиолекте друг с другом и с вокально-консонантными группами *о́а, о́ъ, о́фа, о́фъ*: *ко́ата / ко́ъта / ко́ата / ко́ъта / ко́фата / ко́фъта, дудо́а / дудо́ъ / дудо́а / дудо́фъ*.

На стыке словоформ (т.е. в условиях внешнего сандхи) сочетания *о́а* и *о́ъ* также употребляются в КН и КЯ: *какво́ ар'есваши', идно́ ълтѣн'ч'и*. Они встречаются в речи носителей диалекта чаще, чем внутри словоформы.

Гласный *ó* в вокальных сочетаниях *о́а* и *о́ъ* может произноситься с ярко выраженной у-образной экскурсией (особенно в КЯ) – *у́о́а, у́о́ъ*: *к'о́ъта, как'у́о́ ар'есваши'*.

Что касается сочетаний *о́е, о́и* и *о́у*, то в рамках словоформы они в КН и КЯ запрещены: вместо них возможны только сочетания *о́^ие* и *о́^иа* (находящиеся в отношении взаимозаменяемости) и так называемые дифтонгонды *о́й* и *о́ѝ*, возникшие в результате консонантизации заударных *и* и *у*. Например: *о́йе / о́йа – ло́йен / ло́йан, ро́^ѝек / ро́^ѝак, по́^ѝес'и / по́^ѝас, заро́^ѝела / заро́^ѝала (*заровела), то́й е з'е (*той я взе); о́й – по́^ѝч'и (*повече), Бугоро́^ѝца / Бугро́^ѝца (*Богородица), тро́^ѝи (*трови); о́ѝ – мио́^ѝ (*много).*

На стыке двух словоформ (т.е. в условиях внешнего сандхи) дифтонгонды *о́й* и *о́ѝ* могут варьироваться в КН и КЯ с вокальными сочетаниями *о́и* и *о́у*. Например: *о́и / о́й – злато́ и ср'ибро́ / злато́ ѝ ср'ибро́; о́у / о́ѝ – идно́ у́о́ / идно́ ѝ́о́ (а также идно́ уу́о́ – КЯ), идно́ уко́ / идно́ ѝко́ (а также идно́ ууко́), но-умур'ит'ална / но-ѝмур'ит'елна*.

В сочетаниях *о́йе, о́й* и *о́у* ударный *ó* часто произносится, особенно в КЯ, с у-образной экскурсией: *н'у́о́йес'и, тр'у́о́й, мн'у́о́у, идн'у́о́ ѝко́*.

В качестве второго члена ударный гласный *ó* зафиксирован в вокальных сочетаниях *éó*, *áó*, *ʔó*, *иó*, *уó*.

Сочетание *éó* отмечено и в КН, и в КЯ только на стыке словоформ, например: *тwá йѣ óр'апу дѣрwó*, *тwá йѣ óсак*. В данной позиции ударный *ó* произносится, как правило, с у-образной экскурсией (особенно в КЯ); этот начальный у-призвук может консонантизироваться, что ведет к разрушению указанного сочетания гласных в результате возникшего интервокального *w*, например: *éó / éʔó / éwó — тwá^и ѣ óсак / тwá^и ѣ^и ъóсак / тwá^и ѣ wóсак, тwá^и ѣ^и ъóр'ах / тwá^и ѣ^и wór'аф, тwá^и ѣ^и ъóфч'у мл'áку / тwá^и ѣ^и wóфч'у мл'áку*.

Сочетания *áó* и *ʔó* (являющиеся взаимозаменяемыми вариантами) зафиксированы как в КН, так и в КЯ также только на стыке словоформ: *нáш'ицá óдар*, *гул'ém'ицʔ óг'ен*. Произношение гласного *ó* в данных вокальных сочетаниях обычно сопровождается у-образным приступом, который может консонантизироваться и заменяться согласным *w*. Например: *нáш'ицá ъóдар / нáш'ицʔ wóдѣр, гул'ém'ицá ъóг'ен / гул'ém'ицá wóг'ен*.

Сочетание *иó* встречается в ограниченном количестве словоформ, где оно обычно разделяется интервокальным *й*, например, в КН и КЯ — *м'ил'иóн / м'ил'и^и óн*; в КН — *ш'иф'иóр / ш'иф'и^и óр* (и ^иш'ѣф'óр), *кам'иóн / кам'и^и óн*. Изредка в КН и — чаще — в КЯ можно услышать на месте данного вокального сочетания произношение вокально-консонантного сочетания с интервокальным *w*: *м'ил'иwóн, кам'иwóн, ш'п'иwóн*.

На стыке словоформ (т. е. в условиях внешнего сандхи) сочетание *иó* в говорах КН и КЯ реализуется, как правило, либо в виде *иʔó*, либо в виде вокально-консонантного сочетания *иwó*: *н'и ъóд'ал / н'и wóд'ал, ш'ерóк'и ъóдар / ш'ерóк'и wóдар, тóй исфʔрл'и wóфл'уwа*.

Сочетание *уó* в КН и КЯ может находиться как внутри словоформы, так и на стыке словоформ. В границах словоформы это сочетание возникает обычно в результате утраты интервокальных согласных *в*, *ф*, *х* — *пруóж'дат* (наряду с *пруʔóж'дат / пруфóж'дат*), *дуóл'ан* (наряду с *дуwóл'ан*), *убиш'ка* (наряду с *уwóш'ка*). В условиях внешнего сандхи, напротив, иногда между гласными *у* и *ó* появляется интервокальный *w*: *пу óб'ат / пу wóб'ат*.

Можно предположить, что гласный *ó* в сочетании *уó* (так же, как и в других рассмотренных выше вокальных сочетаниях с *ó*) имеет у-

образную экскурсию, которую, однако, невозможно уловить на слух, так как она акустически сливается с предшествующим предупредительным гласным у.

2.7. Г л а с н ы й у́

Этот гласный в говорах КН и КЯ употребляется в позициях #VC, SVC, SVC', C'VC, C'VC'.

2.7.1. П о з и ц и и #VC, #VC' для гласного у́ могут быть проиллюстрированы следующими примерами.

КН, КЯ: *у́дар, у́баф / ^ху́баф / фубаф, у́рка / ^ху́рка, у́йч'у / wу́йч'у, у́ч'ан't'и;*

КН: *у́мна са / ^ху́мна са* 'испортилось';

КЯ: *у́л'ка / wу́л'ка* 'сорт пшеницы', *у́геур.*

В ряде случаев гласный у́ в позиции после паузы может варьироваться с сочетаниями ^ху́, wу́, фу́: *у́рка / ^ху́рка, у́йч'у / wу́йч'у, у́ста / фу́ста.*

2.7.2. В п о з и ц и и SVC гласный у́ отмечен после согласных *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, з, s, ц, н, л, р, к, г, х.*

КН, КЯ: *пу́ – ту́кал, пу́сна; бу́ – бу́лка, бу́ба; wу́ / wу́ – царwу́л / царwу́л; фу́ / фу́ – фу́кнал'и / фу́кнал'и / ^ху́кнал'и, фу́рна / ^ху́рна; му́ – саму́н, паму́к;*

КН: *пу́ – папу́р;*

КЯ: *пу́ – папу́р / папу́р'; фу́ / фу́ – ч'у́фу́цка / ч'у́фу́цка / ч'у́у́цка; лафу́са / лаху́са* 'роженица';

КН, КЯ: *ту́ – ту́ла / ту́ла / ту́фла, баcту́н, к'уту́к; ду́ – ду́ма, Ду́наф; су́ – насу́ка^х / насу́каф, су́тръна, су́рвак'и; цу́ – тапцу́wат; ну́ – уну́ка / wну́ка, сапу́wат; лу́ – бу́клук, улу́^х / улу́ф, блу́за;*

КН: *ду́ – пр'иду́кт* (однократно); *зу́ – кузу́м, мазу́т, м'ивзу́х* 'цветок';

КЯ: *ту́ – ^хурту́wаш' / урту́wаш', фарту́на; ду́ – ч'укуду́р; су́ – мусу́ра* 'морда'; *су́ – wapsу́wат, wъpsу́л* 'узел'; *ну́ – с'ину́р, пр'уwну́ка;*

КН, КЯ: *ру́ – ру́са, куйру́к;*

КЯ: *ру́ – имру́к, стру́пка* 'сито', *гру́^хч'ик;*

КН, КЯ: *ку́ – кум, ускуба́л, ку́фар; гу́ – балгу́р, гу́кат; ху́ – ^ху́кнал'и / фу́кнал'и, ^ху́рна / фу́рна, стра́уwат;*

КН: кú – *паш'кúл*;

КЯ: гú – *бузгúн*.

Позиция для гласного *ú* после согласного *з* зафиксирована только в КН, а после согласного *с* – только в КЯ.

Позиции после согласных *в/л, ц, з* представлены в говорах КН и КЯ в единичных словоформах.

Сочетания *хú* и *фú* в обоих говорах находятся в отношении свободного варьирования (*хúкна / фúкна*). При быстром темпе речи согласные *х* и *ф* в данных сочетаниях варьируются, в свою очередь, с нулем звука (*úкна, úбаф*).

2.7.3. В п о з и ц и и CVC' гласный *ú* отмечен в говорах КН и КЯ после *п, б, в/л, ф/ф, м, т, д, с, з, ц, с, н, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: пú – *паш'пúр'ену, саш'пúн'ан*; бú – *бул'к'и, бúb'и, убúфк'и*; вú / wú – *царwúл'и / царwúл'и / църwúл'и*; фú / фú – *фúрн'и / фúрн'и / ^хурн'и, ч'úфúт'ан / ч'ú^хúт'ан*; мú – *самúн'и, мúш'кам*;

КЯ: wú – *гaгaгwúз'ан / гaгaгúз'ен*;

КН, КЯ: тú – *тúл'и / тúхл'и / тúфл'и / тúйл'и, к'утúц'и*; сú – *исúч'и, сúх'и / сúф'и / сúw'и*; зú – *изúч'и, из úл'ицатa*; цú – *калицúн'и*; нú – *лиúч'ка / wлиúч'ка, нуúж'да*; лú – *блúз'и, калúг'ар'ен*;

КН: дú – *дúл'а, дún'ак, дúнд'у*;

КЯ: цú – *таwцúйиш'*; сú – *wъpsúл'и*;

КН, КЯ: рú – *рúск'и, куúрúц'и, крúш'а*;

КЯ: рú – *имруúц'и*;

КН, КЯ: кú – *кúч'а^хта / кúч'афта, скúб'а, кúт'ал*; гú – *гúш'а, гúм'ен'и*; хú – *хúрн'и / фúрн'и, хúс'т'и / фúс'т'и*;

КН: кú – *куúл'у*;

КЯ: кú – *паш'кúл'*; хú – *кúхúз'ат / кúифúз'ат*.

Позиция для ударного *ú* после согласного *с* зафиксирована только в КЯ.

Сочетания *хú* и *фú* находятся в КН и КЯ в отношении взаимозаменяемости и употребляются в речи одного и того же лица.

2.7.4. В п о з и ц и я х C'VC и C'VC' гласный *ú* отмечен в КН и КЯ после согласных *п', б', в'/л', м', т', д', с', з', н', л', р', й, ш', ж', ч', ц', к', г'*.

КН, КЯ: п'у – исп'уф / исп'уф / исп'их; б'у – изб'уф / изб'уф / изб'их, б'ууул / б'уул / б'уул; в'у / w'у – нав'уф / нав'уф / нав'уф / нав'их;

КН: м'у – к'ум'ур;

КЯ: м'у – к'ум'ур';

КН, КЯ: т'у – т'ут'уи' / т'ит'уи', ут'ууам / ут'ууам, л'ит'уф / л'ит'уф; с'у – нарус'уф / нарус'уф / нарус'их; з'у – б'уз'ук'; л'у – кл'ука, л'уцк'и, кл'уч', л'ул'ак / л'ил'ак, бл'улу, б'ул'ук' / б'ил'ук' 'большое количество, множество';

КН: д'у – д'ус; с'у – тьрс'ул'уф;

КЯ: т'у – т'ук, ч'ит'уфм'и (редко) / ч'ит'а'м'и; д'у – пусад'уфм'и / пусад'ит'и, пр'ид'уф (однократно) / пр'ид'аф / пр'ид'а'; н'у – н'у'ат; л'у – сл'умка, к'ил'ум / к'ил'ум / к'ил'ум, л'уб'а / л'иб'а;

КН, КЯ: р'у – wr'ут, К'ур'ут'и'а; йу – йун'и, йул'и, йузур; ш'у – ш'ум, куриш'ум, ш'утиа; ж'у – ж'ууу / ж'ууу, ж'ул'и; ч'у – ч'уз'д'и, ч'улу, ч'утура, уфч'укам'и, ч'усту / ч'усту / ч'усту; ц'у – ц'ун'и, сун'ук;

КН: ч'у – ч'уч'у / ч'ич'у, ч'урна кр'ф (однократно) / ч'ерна кр'ф, пр'ич'ис'т'уа / пр'ич'ис'т'уа;

КЯ: йу – йу'ка, пр'с'й'за; ш'у – п'еруи'уна; ч'у – туч'улка / точ'улка;

КН, КЯ: к'у – к'у'к'; г'у – г'ул', г'узум, г'ум 'бидон';

КН: к'у – к'ун;

КЯ: к'у – к'ун' / к'ун', фк'ун'а.

Как следует из приведенного материала, твердость или мягкость последующего согласного не оказывает какого-либо воздействия на дистрибуцию гласного *у* в положении после мягких согласных, шипящих и *й*. Поэтому позиции *С'VC* и *С'VC'* для ударного *у* и не рассматриваются раздельно.

Однократно, в речи одного информатора, в говоре КН зафиксировано употребление гласного *у* после мягкой аффрикаты *s'*: тьрс'ул'уф на сн'агб'.

Сочетание *н'у* отмечено только в говоре КЯ в заимствовании из русского языка – *н'у'ат*.

Особенностью синтагматики гласного *у* в позициях *С'VC* и *С'VC'* является то, что данный гласный употребляется, во-первых, с неодинаковой частотой после разных согласных и, во-вторых, – после

одних согласных находится преимущественно в корневых морфемах, а после других – в аффиксальных.

Так, ударный гласный *ú* характеризуется наибольшей частотой употребления и наиболее широким охватом лексики в положении после согласных *m', l', ñ, ç'* и *z'*. Данные сочетания находятся, как правило, в рамках корневых морфем; сочетания же *ú* с другими предшествующими согласными фиксируются преимущественно в аффиксальных морфемах. Необходимо отметить, что сочетания гласного *ú* с предшествующими согласными *m', z', p', ñ, ç', ç', k'* также встречаются в корневых морфемах, но только принадлежащих единичным, отдельным словам.

В позициях после согласных *n', b', v'/w', d', c'* гласный *ú* неустойчив и варьируется с гласными *ü* и *í*. Эти позиции связаны с аористными и имперфектными глагольными формами, имеющими во флексии согласные *φ, φ* или *w*, которые вызывают лабиализацию предшествующего *í*. Если глагол выбирает вариант флексии с *x*, то гласный *ú* (или *ü*) не появляется, а соответствующая словоформа сохраняет в своей структуре закономерный нелабиализованный передний гласный *í*, ср.: *изб'úφ / изб'üφ, изб'úwα, но изб'íx, изб'íxα*. В ряде случаев лабиализация гласного *í* отмечается после шипящих, ср. *туч'úлqα* (КЯ), *пр'ич'úç'm'uwα* (КН).

2.7.5. В исходе словоформы перед паузой (п о з и ц и и CV#, C'V#) ударный гласный *ú* не зафиксирован ни в КН, ни в КЯ. Записаны лишь повторенные вслед за эксплоратором существительные *m'ин'ú* – в КН и КЯ (позиция C'V#) и *к'εηзурú* – в КН (позиция CV#), а также изредка встречающееся в КН и КЯ прилагательное *сú*, которое употребляется наряду с более обычными словоформами *сúφ* и *сú^х*, и союз *катуú* (позиция CV#).

2.7.6. В п о з и ц и я х V₁V, VV₁ в говорах КН и КЯ гласный *ú* может сочетаться с безударными гласными *a, ε, и, у*, выступая в качестве как первого, так и второго компонента вокального сочетания.

Сочетания ударного *ú* с гласными низкочастотны, особенно те, где *ú* образует первый член сочетания.

П е р в ы м членом вокального сочетания гласный *ú* является в *úa, ú^hε, úí, úü*. Эти вокальные (или дифтонгоидные) группы встречаются

ся как внутри словоформы, так и на границе отдельных словоформ, в условиях внешнего сандхи.

Сочетание *yɑ* во всех зафиксированных примерах в говорах КН и КЯ свободно варьируется с вокально-консонантными сочетаниями *ywa*, *yfa* или *yxa*: *bʉal* / *bʉxal* / *bʉfal*, *sanʉax* / *sanʉwax*, *l'ikuʉax* / *l'ikuʉwax*, *sʉɑ* / *sʉwa* / *sʉfa* / *sʉxa*.

Сочетание *yʉ* отмечено в КН и КЯ лишь в одной словоформе *улуʉет*. При более четком произношении в данном сочетании появляется ясно артикулируемый интервокальный *й*, а безударный *е* расширяет свою артикуляцию, переходя в гласный *а*: *улуʉет* > *улуйʉт* > *улуйʉт*.

Сочетание *yи* в говорах КН и КЯ, фактически, запрещено, так как во всех случаях имеет место консонантизация заударного *и* и превращение вокального сочетания *yи* в дифтонгоидную группу *yй*: *улуй* (ср. *дуй* / *дуw'и*), *улуйиш'* (ср. *дуйиш'* / *дуw'иш'*), *улуйим* / *улуйим'и* (ср. *дуйим*), *улуйит'и* (ср. *дуйит'и*), *суй др'ей* / *сyx'и др'ех'и* (при четком произношении).

Сочетание *yу* можно услышать в КН и КЯ только на стыке двух словоформ при четком, медленном произношении: *кату'улуw'ала*. При быстром и более небрежном артикулировании, а также внутри словоформы, заударный *у* в потоке речи либо консонантизируется в *y* или *w*, либо утрачивается, поглощаясь предшествующим ударным *y*. В результате в КН и КЯ реально сосуществуют такие произносительные варианты, как *б'yул* / *б'ywʉ* / *б'ул*, *сyу* / *сy*, *кʉту'удуw'ала* / *кту'дуw'ала* / *кʉту'удуw'ала*.

В качестве второго члена вокальных групп гласный *y* отмечен в КН и КЯ в сочетаниях *ay* / *ʉy*, *ey*, *iy*, *uy*. Они встречаются преимущественно на стыке морфем и в условиях внешнего сандхи.

Сочетания *ay* / *ʉy* зафиксированы в говоре КЯ в границах словоформы в *гагаyз'ан*, *гʉгʉyз'и*, *гагаyш'к'и*, *даyл* / *дʉyл* 'барабан'. В данных словоформах сочетание *ay* / *ʉy* свободно варьируется с *awy* / *ʉwy*: *гагаawyз'ан*, *дʉwyл*. В говоре КН эти словоформы не собраны.

Если же вокальные сочетания *ay* / *ʉy* фиксируются на стыке двух словоформ, то они всегда остаются неизменными и не разрушаются интервокальным *w*, ср. примеры из КН и КЯ: *дóлта yсна*, *има yбawa* *кpáwa*, *с'ыл'н'ийʉ yдар*.

Сочетание *ɛj* отмечено в КН и КЯ только в условиях внешнего сандхи и только при медленном темпе речи, например, *twá^u ɛ úl'wɕata*. При быстром и небрежном произношении на месте предударного *ɛ* появляется согласный *ĩ*, например, *twá ĩ úl'wɕatɕ*.

Сочетание *iu* зафиксировано на стыке морфем: *da s'iu uɕ'iu* – в КН и КЯ; *n'iuɕ* в КЯ.

Сочетание *uu* встречается в КН и КЯ на стыке морфем и может быть произнесено только при четком артикулировании, например, *ð'áduɕu údr'ui s kamii'ika*. Небрежность и нечеткость произношения приводит к элизии предударного *u*, например, *ð'áduɕ údr'ui s kamii'ikɕ*.

2.8. Позиционные наборы гласных в позиции под ударением

В соответствии с правилами синтагматики, характеризующими говоры КН и КЯ, ударные гласные группируются в следующие позиционные наборы.

#VC – *á, é, ú, ó /^yó, ý*, ограниченно *ɛ*;

CVC – *á, ɕ, ó /^yó, ý*;

CVC' – *á, ɕ, ó /^yó, ý*;

C^oVC – *á, é, ú, ó, ý, ŷ и ɛ* (КН);

C^oVC' – *á, é, ú, ó, ý*;

CV# – *á, ɕ, ó /^yó*;

C^oV# – *á, é, ɛ, ú*, ограниченно *ó, ý*;

VV₁ – *á, ú, ó /^yó, ý* и *é* (КН);

V₁V – *á, ɕ, é, ú, ó /^yó, ý*.

Относительно допустимости тех или иных гласных в определенных позициях следует отметить, что гласные *ú, é* и *ɛ* запрещены после твердых согласных, а гласный *ɕ* запрещен после мягких согласных, шипящих и *ĩ*. Остальные гласные могут употребляться как после твердых, так и после мягких согласных.

2.9. Характерные особенности в дистрибуции и артикуляции некоторых ударных гласных в говорах КН и КЯ

Дистрибуция отдельных ударных гласных в КН и КЯ обнаруживает связь с качеством соседних сегментов.

Так, следующие за гласным *á* мягкие согласные накладывают известные ограничения на его употребление. Смена позиций $C'VC > C'VC'$ во многих морфемах (но далеко не во всех) влечет за собой замену гласного *á* гласным *é*, например, *пул'áна > пул'э́н'и*, *ч'арш'áф > ч'арш'э́в'и*. Поведение других гласных не зависит от твердости-мягкости последующего согласного.

В говорах КН и КЯ наблюдается явление лабиализации гласного *í* (*'í > 'ý, 'ý*) под влиянием последующего лабиального согласного, особенно *в/у* и *ф/ф*, например, *пáв'íх*, но *пáв'ýф*, *пáв'ýф*; *б'ýвул / б'ýул* и *б'ýул*; *л'ит'íф*, *л'ит'ýф* и *л'ит'ýф*. В то же время в целом ряде морфем имеет место деллабиализация *'ý* (*л'íb'á* и *л'íbóми'ик*, *л'íl'ак*). Это создает условия для широко развитой вариативности (взаимозаменяемости) между нелабиализованным и лабиализованным гласными верхнего подъема в положении после палатализованного сегмента.

Сочетания ударных гласных с безударными, где вторым членом выступают заударные *и* и *у*, фактически, запрещены как в КН, так и в КЯ. Они заменяются более употребительными дифтонгоидными сочетаниями соответствующих ударных гласных с согласными *й* и *ý/у*, появившимися в результате консонантизации заударных *и* и *у*. Поэтому в говорах КН и КЯ более распространены вокальные сочетания, в которых ударный гласный является вторым членом (т. е. V_1V), а не первым (VV_1).

Приведенный материал показал, что дистрибуция ударных гласных в двух говорах – в КН и КЯ – в подавляющем большинстве случаев является одинаковой. Однако между КН и КЯ существуют и некоторые расхождения.

Речь идет прежде всего о варьировании между гласными *á* и *é* в позиции $C'VC'$ (типа *йáс'л'и / йэс'л'и*, *ч'áйн'ик / ч'эйн'ик*, *йáд'ин'и*, *йэд'анту*, *ш'áл'ч'и*, *ш'эр'ану*, *тув'áг'и*, *Трув'э́н'ч'и*), которое в своей реализации характеризуется особенностями, различными в КН и КЯ.

В корневых морфемах после некоторых мягких согласных, шипящих и *й* в большем количестве словоформ в говоре КН употребляется гласный *á*, а в говоре КЯ — гласный *é*. При этом гласный *á* в КН зафиксирован преимущественно в исконно болгарских словах (таких, как *ч'áш'u*, *ж'áб'u*, *йáтк'u*, *пр'ийáт'áлка*), в КЯ же этот гласный произносится, в основном, в заимствованиях из русского языка (*ш'ур'áц'u*, *ж'áр'áм'u*, *стр'áл'áйáт*, *нар'áд'ит'u*, *укт'áбр'u*), в то время как исконно болгарские слова имеют в КЯ гласный *é* (*ч'éш'á*, *ж'éбá*, *йéтк'u*, *пр'ийéт'эл'к'u*). При наличии вариативного произношения одних и тех же словоформ с гласными *á* и *é* (например, *йáтк'u* / *йéтк'u*, *дáмáц'án'u* / *дáмáц'én'u*) вариант с *é* отмечается, как правило, у лиц более старшего возраста. Однако и в КН, и в КЯ гласный *á* одинаково широко и без варьирования с гласным *é* представлен в позиции С'VCC' в том случае, если он реализует аористную или имперфектную связочные морфемы в формах аориста и имперфекта 1 и 2 л. мн.ч. (*разбул'áфм'u*, *разбул'áфт'u*, *пл'ит'áум'u*, *пл'ит'áут'u*, *п'ар'áм'u* и т. п.).

Выше достаточно подробно были описаны и различия в дистрибуции гласного *é* в говорах КН и КЯ, которую определяет морфологический фактор (см. раздел 2.4.). Так, в позиции С'V# гласный *é* и в КН, и в КЯ реализует субстантивные аффиксы (*зáм'é*, *мъж'é*). Также в позиции С'V# гласный *é* передает глагольную флексию 1 л. ед. наст. в КЯ (*дув'é*, *гърм'é*). В КН в данных словоформах употребляется преимущественно флексия *é* (*дув'é*). В позиции С'VC' гласный *é* в КН входит в состав глагольной флексии 3 л. мн. наст. (*дув'éт*, *кус'éт*). В КЯ эти словоформы образуются в основном с флексией *-éт* (*дув'éт*).

Отметим также, что в говоре КЯ (по сравнению с говором КН) сочетание гласного *ó* с предшествующим мягким согласным (т. е. С'ó) является более частотным в результате заимствований из русского языка (ср., например, *лар'ók*, *л'óч'ик*, *т'óхч'á*).

Что касается особенностей в артикулировании отдельных гласных, то можно отметить, что в позиции начала слова после паузы, а также после твердых согласных гласный *ó* в КЯ почти всегда имеет уобразную экскурсию. В КН это явление наблюдается реже.

Существуют определенные различия и в артикуляционно-акустических свойствах гласного *ъ* в говоре КН, с одной стороны, и в говоре КЯ, с другой. По сравнению с КН в КЯ этот гласный имеет более переднее образование. В то же время именно в КЯ зафиксировано

несколько словоформ, в составе которых гласный *ǔ* имеет настолько заднее образование, что акустически приближается к гласному *ы* в русском языке. В большинстве случаев такой *ǔ* находится в соседстве с задненебными и *р* (*кѣк*, *с'игѣ*, *брѣзгѣм'и*).

Важно отметить и еще одно различие между КН и КЯ: возникновение интервокальных протез более свойственно говору КЯ, чем говору КН.

3. ГЛАСНЫЕ В БЕЗУДАРНОЙ ПОЗИЦИИ

3.0. Между гласными ударных и безударных слогов в КН и КЯ отмечаются существенные различия. Безударные гласные имеют иную артикуляционную характеристику, чем гласные в слоге под ударением. Ударный гласный, попадая в безударный слог, может менять степень открытости-закрытости, появляется значительная свобода в отношении места подъема языка в пределах переднего, среднего и заднего рядов, возникает относительная инертность произносительных органов (49: с. 111; 55: с. 87). В результате в ударной и безударной позициях инвентарь гласных звуков в КН и КЯ оказывается неодинаковым.

В болгаристике изменение гласных в безударных слогах называется «качественная редукция». Наиболее известен и подробно описан тип редукции, характеризующий литературный болгарский язык и большинство восточноболгарских диалектов. В их вокальных системах в позиции под ударением может употребляться шесть гласных – *á*, *é*, *í*, *ó*, *ú*, *ǔ*. При этой редукции ударные гласные неверхнего подъема *é*, *á*, *ó*, оказавшись в безударной позиции, повышают свою артикуляцию и приближаются к гласным средне-верхнего подъема типа *ɛ/и*, *ɑ/ѣ*, *o/у* (56: с. 44); ударные гласные верхнего подъема *í* и *ú* и среднего подъема *ǔ* в безударной позиции, фактически, не меняют своих артикуляционно-акустических признаков – *í*, *ú*, *ǔ* > *и*, *у*, *ѣ*; в результате выстраивается такая схема: *é*, *í* > *ɛ/и*; *á*, *ǔ* > *ɑ/ѣ*; *ó*, *ú* > *o/у*. При данном типе редукции ряд безударного гласного (по сравнению с ударным) остается прежним, а изменения затрагивают только подъем – он либо повышается (*é* → *ɛ/и*, *ó* → *o/у*), либо несколько понижается (*ǔ* → *ѣ/ɑ*), либо остается прежним (*í* → *и*, *ú* → *у*). Условно такую редукцию можно назвать ‘вертикальной’ (73: с. 143–144; 51: с. 224; 53).

Однако большинству юго-восточных болгарских диалектов, различающих в позиции под ударением также шесть гласных – *á, é, ú, ó, ý, ǔ*, известен и другой тип редукции, как бы противоположный только что описанному. Он, в отличие от ‘вертикального’ типа, более ограничен как по составу гласных, вовлеченных в редукцию, так и позиционно. Данная редукция охватывает лишь локализующиеся в пределах переднего и передне-среднего рядов нелабиализованные гласные верхнего, среднего и средне-нижнего подъема, которые находятся в положении после мягких согласных: ‘*ú, é, á*. Указанные ударные гласные, оказавшись в безударной позиции, заменяются гласными средне-нижнего подъема и локализуются в пределах среднего ряда, т. е. ‘*ú* > ‘*ɛ* или ‘*ɑ*; ‘*é* > ‘*ɛ* или ‘*ɑ*; ‘*á* > ‘*ɑ* или ‘*ɛ* (53: с. 224; 52: с. 45–49; 57; 73). При этом следует иметь в виду, что гласные ‘*ɑ* и ‘*ɛ* являются как бы крайними точками зоны от среднего до средне-нижнего подъема и от передне-среднего до средне-заднего ряда, в границах которой может выступать безударный гласный в своих многочисленных произносительных оттенках. Условно такую редукцию можно назвать ‘горизонтальной’ (73: с. 144).

Суть данной редукции заключается в том, что в положении после палатализованного сегмента для ударных гласных переднего ряда (*‘ú, ‘é*) в безударной позиции отмечается передвижка в зону среднего ряда и понижение подъема, а для гласного среднего ряда и ниже-среднего подъема (*‘á*) – повышение подъема при сохранении рядности (см. таблицы 1 и 2). Таким образом, в результате реализации ‘горизонтального’ типа редукции в безударных слогах в позиции после палатализованного сегмента увеличивается употребление гласных среднего ряда.

Что касается ударных гласных *á* и *ǔ* (в положении после твердых согласных) и ударных *ó* и *ý* (после твердых и мягких согласных) в этих вокальных системах, то они соотносятся с безударными гласными по законам ‘вертикального’ типа редукции, т. е. *á, ǔ > ɑ, ǔ; ó, ý > ɔ, у*.

Таблица 1
'Вертикальный' тип редукции

и́ → и		у́ → у
е́	ь́ → ь	о́
	а́	

Таблица 2
'Горизонтальный' тип редукции
(позиция после мягких согласных)

и́		
е́	а́	е́
	а́	

По характеру своего проявления два типа редукции, действующие в позиции после мягких согласных и охватывающие нелабиализованные гласные, существенно отличаются друг от друга.

Так, если 'вертикальный' тип редукции, свойственный большинству восточноболгарских вокальных систем, носит универсальный и безысключительный характер (т. е. всегда *и́, е́, ь́, а́, у́, о́* > *и, ь, у*), то 'горизонтальный' тип редукции, отмеченный, в основном, в юго-восточных болгарских говорах, имеет значительно более ограниченную сферу своего проявления, обусловленную как фонетическими, так и морфологическими факторами (см. об этом ниже). Он обычно существует в рамках вокальной системы с 'вертикальным' типом редукции, в силу чего в одном и том же юго-восточном диалекте возможны следующие соответствия между ударными и безударными гласными: *и́* > *и, а, е*; *е́* > *е, и, а, е*; *а́* > *а, е*; *а́* > *а, ь*; *ь́* > *ь, а*; *о́, о́* > *о, у*; *у́, у́* > *у, у*. Вокальные системы, сочетающие оба типа редукции, обладают более сложной организацией по сравнению с вокальными системами тех диалектов, которым присущ только один, 'вертикальный', тип редукции.

Одну из разновидностей болгарской диалектной редукции гласных, своеобразно сочетающей первый и второй типы, находим в говорах КН и КЯ.

3.1. Предударный вокализм

В данном разделе попарно рассматриваются те безударные гласные, которые свободно варьируются в речи одних и тех же лиц.

3.1.1. Гласные *a* и *ɤ*

Эти гласные в КН и КЯ очень близки по своим артикуляционно-акустическим свойствам, незначительно различаясь только степенью раствора ротовой полости в пределах средне-нижнего подъема. Гласный *a* локализуется на нижне-средней ступени подъема, а гласный *ɤ* — на несколько более высокой средне-нижней ступени подъема. Гласные *a* и *ɤ* отчасти различаются между собой и в зависимости от консонантного окружения. Так, например, в соседстве с *p* и задненебными чаще произносится гласный *ɤ*, в других же позициях — *a*: *д̣ьрц'и́*, *ст̣ьри'и́и* 'т'и, *сутр̣ьна́та*, *к̣ьт̣ьр*, но *па́ар'а*, *заб̣ь*. Как правило, эти гласные свободно варьируются, но и в КН, и в КЯ более высокая частота употребления присуща гласному *a*.

Гласные *a* и *ɤ* зафиксированы в позициях #VC⁻, #VC^{'-}, CVC⁻, CVC^{'-}, C'VC⁻, C'VC^{'-}.

3.1.1.1. В позициях #VC⁻ и #VC^{'-} в КН и КЯ широко представлен гласный *a* независимо от степени удаленности предударного гласного от ударного. Качество последующего согласного, его твердость или мягкость, лабиализованность или нелабиализованность не оказывают влияния на дистрибуцию *a*. Гласный *ɤ* в данных позициях в КН и КЯ отмечен лишь в единичных случаях, параллельно с *a*.

КН, КЯ: *апр'и́л*, *а́ванс*, *а́мак'а*, *а́бац'и́й*, *а́ма́та* / *ɤ́ма́та*, *а́с̣ьр* / *ɤ́с̣ьр* / *ха́с̣ьр*, *а́к̣ьл* / *ɤ́к̣ьл*;

КН: *а́кра̣н'к'и* 'сверстницы'.

Артикуляционная устойчивость предударного *a* в начале слова после паузы объясняется, видимо, тем, что в позиции абсолютного начала слова основные характеристики безударного гласного в наименьшей степени подвержены влиянию фонетического контекста (49: с. 112).

Предударные *a* и *ɤ* употребляются в КН и КЯ и после потенциальной паузы: *на а́к̣ьла*, *про́с а́к̣ьл*, *да́й м'и а́др'э́за*, *за а́ма́та* / *ɤ́ма́та*, *ху́баф ɤ́рма́н*.

В КН в одном идиолекте была зафиксирована протеза *φ* в словоформе *φасфáлт*, а в КЯ после потенциальной паузы, также однократно, – протеза *х*: *áс н'и сь́м харт'éлнaтa*.

3.1.1.2. В п о з и ц и и CVC-² предударные *а* и *ъ* отмечены в КН и КЯ после согласных *п, б, в/в, ф/ф, м, т, д, с, з, ц, и, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: *пá / пъ – пaтoк / пьтoк, пaзáр'а, пaтyвaм / пьтyвaм; бá / бъ – бaкър / бькър, бaстун, бaлгáр'ийa; вá / въ / wá / wъ – вaлнá, вьрбá, кaвaрмá / кьwьрмá, вaскр'ьснa; мá / мъ – мaглá / мъглá, мaлáч'и, мaгaз'ин;*

КН: *пъ – пьрaл'á; фá / фá / фъ – фaсyл', фaсфáлт / фьсфáлт; мá – мaмyл;*

КЯ: *фá / фъ / фá – фaртyнa / фьртyнa, фaм'ep'икa;*

КН, КЯ: *тá / тъ – тaркáл'ам / тьркáл'ам, тaмaзл'эк, тaкáлa; дá / дъ – дaрáк / дьрáк, дaнáч'и; сá / съ – сaбрáхa / сьбрá'а / сьбрáа, сaкá, сaтун; зá / зъ – зaбyч'и / зьбyч'и, зaбъ / зьбъ; цá / цъ – цaлyнa / цьлyнa, цaрyл'и / цьрwул'и / цьрyл'и; нá / нъ – нaхá / нaá / сн'á, нaлáгa, мaнaст'ыр / мън'ьст'ыр; лá / лъ – лaвá / львá, лaвъ / львъ, плá'ок / плъ'ок;*

КН: *тъ – тьркyл'и; дá / дъ – дaждoмнa / дьждoмнa; зá / зъ – зaрзaвáт / зьрзьвáт;*

КН, КЯ: *рá / ръ – рaмнáк / рьмнáк, брaдá / брьдá;*

КН, КЯ: *кá / къ – кaлбá / кьлбá, кaтър / кьтър; гá / гъ – гaрдáтa / гьрдáтa, гьркъ; хá / хъ – хaтър / хьтър, хaсър / хьсър;*

КН: *хá – хaст'эк / фьст'эк.*

В говорах КН и КЯ в предлоге *във* (*wъф / wáф, фъф / фáф*) предударные *а*-и *ъ* перед слогом с лабиализованным гласным приобретают элемент лабиализованности, а именно: *wъ^oф уфóту, фá^oф'óсaк, wъ^oф уйнá*. Эти оттенки гласных в транскрипции не учитываются.

В позиции CVC-² в КН и КЯ наиболее частотным вариантом является гласный *а*. Предударный *ъ* употребляется сравнительно редко и преимущественно после согласных *р, к, г*.

При делении на слоги словоформ *бaлгáр'ийa, вaскр'ьснa, мaрaф'ин'ак* предударный *а* восстанавливается либо как ударный гласный *á*, либо как ударный гласный *ъ* – *бъ'и'гá'р'и'йá, вь'скр'ь'снá, мъ'рá'ф'и'н'эк*.

3.1.1.3. В позиции CVC^{\prime} в КН и КЯ предударный *a* и реже предударный *ɤ* зафиксированы после согласных *n, b, w, f/φ, m, t, d, s, z, ɥ, ɲ, l, ʀ, k, ʒ, x*.

КН, КЯ: *pɑ / pɤ – pɑn'úɥɑ / ɲɲn'úɥɑ, ɲɑrɥ'é; bɑ / bɤ – bɑs'm'ú, bɑki'úɲi' / bɤki'úɲi'; wɑ / wɤ / wɑ / wɤ – wɑri'éɥɑ / wɤri'éɥɑ, wɑl'ç'éɥ / wɤl'ç'éɥ; fɑ / fɤ / fɑ / fɤ – fɑn'éla / fɤn'éla, fɑl'báta / fɤl'báta, fɑɥdɑ / fɤɥdɑ; mɑ / mɤ – mɑl'ç'ú / mɤl'ç'ú, mɑɣ'ós'n'úɥɑ;*

КЯ: *wɑ – ɲwɑl'úɲ;*

КН, КЯ: *tɑ / tɤ – tɑɥ'ém / tɤɥ'ém, ɲr'utɑrɲ'á, tɑks'ú; dɑ / dɤ – udɑɥá / udɤɥá, dɑɣ'dɤ / dɤɣ'dɤ; sɑ / sɤ – sɑɥáta / sɤɥáta, ɲr'usɑn'ú; zɑ / zɤ – zɑs'úr'ɣn'u / zɤs'úr'ɣn'u, zɑm'éɲ'ɑ; ɥɑ / ɥɤ – ɥɑft'ú / ɥɤft'ú, ɥɑr'úɥɑ, ɥɑɥwán / ɥɤɥwán; ɲɑ / ɲɤ – ɲɑk'úswɑ / ɲɤk'úswɑ, ɲɑwɲ'éɲ / ɲɤwɲ'éɲ, ɲɑ íámatɑ; lɑ / lɤ – lɑɣ'úɥɑ / lɤɣ'úɥɑ, kɑɥɥ'úɥ, mɑkn'ú / mɤkn'ú;*

КН, КЯ: *ɲɑ / ɲɤ – ɲɑs'éta / ɲɤs'éɲ'ftɑ, kɲɑd'éɥ / kɲɤɥ'ç'ú;*

КН, КЯ: *kɑ / kɤ – kɑɥmák / kɤɥmák, kɑɥ'émbɑla / kɤɥ'émbɤlɤ, kɑɲ't'á / kɤɲ't'á; ɣɑ / ɣɤ – ɣɑl'ç'ú / ɣɤl'ç'ú; xɑ / xɤ – xɑr'úzwɑm / xɤr'úzwɤm / ɑr'úzwɤm, xɑrt'úɥɑ, xɑɥdút'u / xɤɥdút'u / ɑɥdút'u.*

В КН и КЯ при делении на слоги словоформ *ɲɑl's'ú / ɲɤl's'ú, fɑm'úl'úɥɑta / fɤm'úl'úɥéɲ* предударные *a* и *ɤ* восстанавливаются как ударный *á* – *ná/l's'ú, fám'ú/l'ú'úá/má*.

3.1.2. Гласные *a* и *ɤ*

3.1.2.0. Варьирующиеся друг с другом г л а с н ы е *a* и *ɤ* в предударных слогах зафиксированы в КН и КЯ лишь в п о з и ц и я х $C^{\prime}VC^{\prime}$ и $C^{\prime}VC^{\prime}$, т.е. после мягких согласных. При подаче иллюстративного материала данные позиции рассматриваются недифференцированно, так как твердость или мягкость следующего за предударным гласным сегмента не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на выбор свободно варьирующихся предударных *a* и *ɤ*. Только в некоторых случаях как будто бы просматривается тенденция предпочтительного употребления *ɤ* – перед мягким согласным, а *a* – перед твердым. Ср.: *d'ɑrá* и *d'ɤr'éu* (хотя возможно и обратное соотношение: *d'ɤrá* и *d'ɑr'éu*).

3.1.2.1. В названных позициях предупредительные *a* и *e* отмечены в КН и КЯ после согласных *n', b', v'/w', m', t', d', c', ɥ', n', l', r', j, ɥ, ɥ', ɥ', k', z'*, а также в КН после согласного *x'*, а в КЯ — после согласного *φ'*.

КН, КЯ: *п'а / п'е – п'арá / п'ерá, п'ер'эш'; б'а / б'е – б'алá / б'елá* 'была', *б'ел'е* 'были', *б'ар'ът*; *в'а / в'е – зв'аруу'е / зв'эруу'е, дърв'ан'ица; м'а / м'е – м'ар'иш'и / м'ер'иш'и, м'ер'из'л'иша, м'а'уш'е;*

КН: *п'е – п'ерг'иш'ан; б'а – б'арóту* 'бюро'; *в'е – цв'етъ, в'етруу'е, w'ел'ик д'ен* (и *w'ел'игд'ен*); *м'а / м'е – им'анá / им'енá, знам'анá / знам'енá, стр'ем'анá, см'а'уш'е / см'эуш'е, м'ар'из'л'иш'ф, м'ар'измá;*

КЯ: *п'а – ɥп'арáɥ'ица; ф'е – мараф'ет'л'иш'ка* 'старательная'; *м'а – им'анá* (и *им'ишá*), *т'им'анá* (и *т'им'ишá*);

КН, КЯ: *т'а / т'е – т'алъ / т'елъ* 'затылок', *ст'анá, даш'т'ар'á / дъш'т'ер'á; д'а / д'е – д'арá / д'ерá, д'ер'ем, нуд'ер'м'ен'а; с'а / с'е – с'алá / с'елá, ис'антъ / ис'ентъ; ц'а / ц'е – ц'аруу'е / ц'эруу'е; н'а / н'е – гн'ездó / гн'ездá, сн'агъ; л'а / л'е – прул'атá / прул'етъ;*

КН: *т'а / т'е – т'арз'иш'а / т'ерз'иш'; д'е – д'ер'ектур* (и *д'ир'ектур*); *с'а / с'е – с'ерáч', с'анъ* (в одном идиолекте при повсеместном *с'иш'ъ*); *ц'е – ц'ейш'ана, ц'ер'ет; л'а – кул'алóту, мл'акá; н'а / н'е – сн'агъ / сн'эгуш'е;*

КЯ: *д'а – д'ар'ектур; с'а / с'е – ус'амнаш'и, с'ардáтá / с'ердáтá; н'а – дун'аслá;*

КН, КЯ: *р'а / р'е – кр'ей'к'иш'та, др'ануш'е / др'энуш'е, р'едуш'е, р'эдóш'и* (но *р'идъ*); *йá / йе – йармá, йарг'ен / йерг'ен, йад'ем; ш'а / ш'е – ш'арóку / ш'ерóка, ш'арá / ш'ерá* 'виноградное вино'; *ж'а – ж'алт'эк; ч'а / ч'е – ч'алá, ч'арwá, ч'арш'аф / ч'ерш'аф;*

КН: *р'а / р'е – кр'ал'ч'етá / кр'ел'ч'етá; йá / йе – ^hа'и'иш'а* и *и'и'иш'а* (в разных идиолектах), *буш'енáк* 'ливень'; *ж'е – ж'елтáшу; ч'е – ч'еш'ел* 'крючок для ведра'; *ч'е'к'иш'а, фч'ер'атá / уч'ар'á, ч'етмó* 'письмо'; *ц'а – баш'анáк* 'муж сестры';

КЯ: *р'а / р'е – р'адáш'ой, кур'енáк; йе – йешруш'ан; ш'а – ш'ар'ишá, бэл'ш'аш'иш'к; ч'а / ч'е – н'иш'аш'о, ч'ердáтá крáш'и;*

КН, КЯ: *к'а / к'е – к'ар'еч' / к'ер'еч'; х'е – з'их'ер'á;*

КН: *к'а / к'е – к'арш'иш' / к'ерш'иш', к'ерш'ид'и, к'ал'еш', аск'ерш'иш'к* 'военная служба', *к'арш'иш'к* 'сельдерей'; *г'а / г'е – г'армáш'и, г'ерш'иш'к;*

КЯ: к'а – *тр'и к'ала* (но *млогу к'ил'и*), *к'елуграм*; г'а / г'е – *йерг'анаш'*, *зайерг'ан'ава* / *зайерг'ен'ава*, *г'ердан'ч'ефта*.

В КН и КЯ при делении на слоги некоторых словоформ предударные 'а и 'е восстанавливаются как ударные гласные *é* или *ê* – КН, КЯ: *зв'арув'é* > *зв'éро'в'é*; КН: *ц'ейвана*, *т'икв'ен'ик*, *т'ит'ер'ич'к'и*, *к'арп'ич'а*, *с'енб' м'и* > *ц'é/й'ва/нб'*, *т'ú/кв'é/и'ик*, *т'ú/т'é/р'ич'к'и*, *к'é/рп'ич'é*, *с'é/нб'/м'и*.

Как показал материал, предударные гласные *а* и *е* в положении после мягких согласных в говорах КН и КЯ свободно варьируются, что обусловлено неустойчивостью и подвижностью подъема в зоне 'ниже среднего – выше нижнего'. Часто выбор *а* или *е* зависит от темпа речи и четкости артикулирования. При быстром темпе речи и смазанной артикуляции произносится, как правило, предударный *е*, хотя возможен и *а*. В то же время необходимо отметить, что преимущественный выбор *а* или *е* может зависеть от индивидуальной произносительной манеры отдельных носителей говора. В целом же в говорах КН и КЯ характерной особенностью предударных нелабиализованных гласных передне-среднего ряда после мягких согласных является скользящий характер такого признака, как ступень подъема. Сами носители говоров КН и КЯ не замечают разницы в произношении предударных гласных 'а и 'е.

Предударные *а* и *е* в КН и КЯ зафиксированы в корневых морфемах после 18 перечисленных выше мягких согласных. Лексически не представлены, но фонетически допустимы сочетания *а* и *е* с предшествующими согласными *з'*, *с'*.

Предударные *а* и *е* после мягких согласных чаще всего соответствуют безударному гласному *е* в современном литературном болгарском языке (например, *б'ар'ът*, *прул'ет'ь*) и значительно реже – безударному гласному *и* (например, *т'аль*, *д'ер'эктур*).

Следует отметить, что в КН, с точки зрения употребительности в речи, оба гласных являются равноправными. В КЯ же предударный *а* в позиции после мягких согласных встречается в речи носителей диалекта значительно чаще, чем предударный гласный *е*, что придает особую окраску фонетике КЯ.

3.1.3. Гласные и и е

3.1.3.0. Эти предударные гласные в говорах КН и КЯ очень близки друг другу по своим артикуляционно-акустическим характеристикам. Им свойственно небольшое различие в степени раствора ротовой полости в пределах верхнего и верхне-среднего подъема. Гласные *и* и *е* свободно варьируются и оформляют фонетические дублеты (варианты) словоформ. Наиболее частотным в КН и КЯ является более закрытый гласный *и*. При этом соотношение безударных *е* и *и* в КН и КЯ неодинаково. Так, в КН чаще, чем в КЯ, употребляется гласный *е*, который в КЯ можно услышать достаточно редко. Гласный *е* выступает параллельно с *и* как результат реализации одного из типов редукции ('вертикального'), при которой нелабиализованному ударному гласному среднего подъема *é* соответствуют в безударной позиции гласные верхне-среднего и верхнего подъема *е* и *и*, т. е. *é* → *е, и*.

В КН и КЯ безударные гласные *и* и *е* употребляются в предударных слогах в позициях #VC⁻, #VC^{'-}, C'VC⁻, C'VC^{'-}.

3.1.3.1. В позициях #VC⁻ и #VC^{'-}, независимо от удаленности от ударного слога и качества последующего сегмента, предударный *и* (и реже *е*) произносится в КН и КЯ без *й*-образного приступа: *изб'урам, Ива́н, истр'рц'а, ид'и́н, ел'е́н / ил'е́н, ез'ара́ / из'ара́*.

После потенциальной паузы, которой предшествует гласный, может происходить консонантизация ударного *и*, особенно при быстром темпе речи, например.

КН, КЯ: *кѣту́ Ива́н / кѣту́ Ива́н, ту́ка ѡ́ до́йд'и / ту́ка и до́йд'и, да́ истр'рц'е́м;*

КЯ: *до́в'е́ста ѡ́ со́рук са́ж'ин'.*

Однако предударный гласный *и* сохраняется после предшествующего потенциальной паузе согласного. Ср:

КН, КЯ: *ид'и́н ил'е́н, w'и́кам Ива́н;*

КН: *пр'и́емат и н'и́ фт'у́ват;*

КЯ: *да́ват и на́ До́на.*

Подчеркнем, что в позиции после паузы как в КН, так и в КЯ произносится преимущественно предударный *и*, а гласный *е* отмечен крайне редко.

3.1.3.2. В позициях $C'VC-$, $C'VC'-$ в КН и КЯ предупредительные гласные *и* и реже – *е*, независимо от расстояния от ударного слога и качества последующего сегмента, зафиксированы после согласных *п', б', ф'/ф, м', т', д', с', з', ц', с', н', л', р', ш', ж', ч', ц', к', г', х'*. Приводимый ниже материал, иллюстрирующий позиции $C'VC-$ и $C'VC'-$, дается недифференцированно.

КН, КЯ: *п'и / п'е*⁴ – *п'исмо́, уп'ич'эиш' / уп'еч'эиш', п'иш'тэ́ / п'еш'тэ́, п'ит'эл;* *б'и* – *уб'икул'а́, б'инз'и́н / б'евз'и́н;* *в'и* – *св'ин'а́, цв'ит'а́, в'ийа́ч' / в'ейа́ч';* *ф'и* – *ф'иток, ф'ин'эр / ф'ен'эр, уф'иц'эр'и;* *м'и* – *м'иста́ / м'еста́, м'исо́, м'идэ́ / м'едэ́;*

КН: *п'и* – *п'ит'а́ф с'м'и, п'ип'ел'а́и'кэ;* *в'и* – *зв'изда́, д'ев'ид'ис'э́, в'ин'эц;* *ф'и* – *ф'ил'ц'а́на, Ф'ил'и́н / Ф'ел'и́н / Х'ил'и́н;* *м'и* – *м'иш'л'э́, м'иш'эц;*

КЯ: *п'и* – *п'ип'ил'эиш'кэ, п'ир'иш'и́нэ;* *в'и* – *св'изда́, д'ив'ивд'ис'э́ / д'ев'ивд'ис'э́;* *м'и* – *с'им'и́на́ / с'им'е́на́;*

КН, КЯ: *т'и* – *т'ич'э́ / т'еч'э́, т'ипс'и́йэ, т'ил'ифо́н / т'ил'и́о́н / т'ил'и́о́н;* *д'и* – *п'ид'ис'э́ / п'ед'ес'э́, д'ица́та / д'еца́та, д'иб'эла́ / д'еб'эла́, пр'из д'иш'б';* *с'и* – *с'иш'н'и́ / с'ен'н'и́, с'игá, с'иш'ц'и́р;* *з'и* – *з'ил'эну́ / з'ел'эну́, з'има́, з'и'ар'а́ / з'иар'ата́;* *ц'и* – *ц'игар'и;* *н'и* – *н'иш'а́, н'иб'эту́, н'ид'эл'а́ / н'ед'эл'а́, маз'н'и́на́; л'и* – *л'иста́, л'иц'эту́, л'иж'а́ф / л'еж'а́ф, убл'икэ́т;*

КН: *с'и* – *с'ин'эц;* *ц'и* – *ц'ид'ала́ / ц'ед'ала́, ц'им'энт;* *л'и* – *л'естэ́, л'етура́з'и;*

КЯ: *с'и* – *иц'ика́ / иц'ека́;* *ц'и* – *ц'игар'ид'и, ц'иш'ул'у́у́ дьрво́ 'чахлое дерево';* *с'и* – *мапс'ил'и́на́ / мапс'ел'и́на́;* *л'и* – *л'ико́ 'лыко', пр'ил'ип'э́на́ / пр'ил'еп'э́на́;*

КН, КЯ: *р'и* – *кр'иш'о́, пр'ип'э́клу, р'ибро́, тр'иш'а́ / тр'еш'а́;* *ш'и* – *ш'иш'а́ч', ш'иш'э́;* *ж'и* – *ж'иш'а́ / ж'еш'а́, ж'иш'о́т;* *ч'и* – *ч'иш'а́ / пч'елá, ч'итэ́т, ч'итш'э́ртак, ч'еш'арна́йс'и;*

КН: *р'и* – *тр'еш'ка́, тр'иск'и́, р'имарк'э́;* *ш'и* – *ш'иш'н'а́ / ш'еш'н'а́, ш'иф'ор;* *ж'и* – *ж'иш'э́тка;* *ц'и* – *дал'ц'и́на́, ц'им'и́йэ;*

КЯ: *р'и* – *р'ика́та, тр'ип'э́ра / тр'еп'э́ра;* *ш'и* – *ш'ика́ф, ш'ико́ла, ш'ик'эр' / ш'ек'эр';* *ц'и* – *ц'иг'эр', иш'ц'ин'эр' / иш'ц'ин'эр';*

КН, КЯ: *к'и* – *ик'ивд'и́йэ, к'ил'и́м; х'и* – *х'ил'а́да́ / ил'а́да́;*

⁴ В дальнейшем гласный *е* в качестве варианта гласного *и* в заглавных сочетаниях не будет указываться, например, только *б'и*, а не *б'и / б'е*.

КН: к'и – к'и'л'ибáр / к'е'л'ибáр, к'ис'м'ик'а; г'и – г'иктáр'а / г'ектáр'а, г'им'ирц'ийн'ица 'кузница'; х'и – х'иру'рк;

КЯ: г'и – г'им'иро'й (в одном идиолекте), г'иро'й / г'еро'й; х'и – з'а'итр'á, х'иктáр / х'ектáр.

При делении на слоги предударные *и* и *е* восстанавливаются как гласные *í* и *é*. Например: КН, КЯ – ч'ел'ú / ч'ил'ú → ч'é/л'ú; КН – т'иб'иркулóзa, л'етурáз'и → т'é/б'é/р/кú/лó/з'é, л'é/тó/рá/з'ú.

3.1.4. Сопоставление дистрибуции в п р е д у д а р н о м положении безударных *и* и *е*, с одной стороны, и *а* и *е*, с другой, показало, что в вокальных системах говоров КН и КЯ больший удельный вес имеет 'вертикальный' тип редукции (т. е. 'и – редукция', а не 'е – редукция').

Лишь единичные слова, особенно новые, проявляют колебания в выборе типа редукции, различаясь по идиолектам (например, в КН – д'ир'эктур и д'ар'эктур, с'ин'б и с'ен'б; КЯ – им'ина и им'ана, знам'иша и знам'ена). Также интересно сопоставление разных словоформ с морфемами одной морфемы, различающимися типами редукции: КН – р'адун'е, но р'ид'б, р'ид'буну; в'ин'еу, но в'ан'ц'и; КЯ – р'едáво'й, но р'ид'б; а также: в'ин'еу, w'ин'ц'и / w'ан'ц'и; м'ен'ч'и, м'ин'еу / м'ан'еу, м'ан'ц'и / м'ин'ц'и; с'ин'еу, с'ин'ц'и / с'ан'ц'и (варианты зафиксированы в разных идиолектах). Приведенные факты, хотя и немногочисленные, свидетельствуют о том, что в КН и КЯ и в настоящее время продолжают действовать тенденции двух типов редукций безударных гласных, распространенных в современных восточноболгарских говорах, т. е. такую систему безударного вокализма, видимо, еще преждевременно считать полностью устоявшейся.

В употреблении гласных *и* и *е* в предударных слогах в положении после мягких согласных в КН и КЯ отмечаются некоторые различия. Ниже приводятся отдельные словоформы, иллюстрирующие незначительные расхождения в этом плане между двумя говорами.

Корген:

1. д'ар'эктур и д'ир'эктур
2. йад'áфм'и и ид'áфм'и
3. ус'имд'ис'е
4. дун'исá

Кирютня:

1. д'ар'эктур / д'ар'эктур
2. йад'áфм'и
3. ус'áмнáйс'и
4. дун'аслá (однократно),

	дун'исá, дун'ислá (обычно)
5. <i>и́н'ийá / йá'н'ийá</i>	5. <i>и́н'ийá</i>
6. <i>р'акáтá</i> (однократно), <i>р'икáтá</i>	6. <i>р'икáтá</i>
7. <i>с'ань</i> (в одном идиолекте), <i>с'инь</i>	7. <i>с'инь</i>
8. <i>к'илá, к'илó, к'шугрám</i>	8. <i>тр'и к'áлá, инóту к'ишу,</i>
<i>д'эс'ат' к'ил'и браш'и́о</i>
9. <i>цв'ать</i> (однократно), <i>цв'ит'á</i>	9. <i>цв'ит'á</i>
10. <i>с'ем'анá, им'анá, wr'им'анá,</i>
<i>стр'ем'анá, зям'анá</i>	10. <i>с'им'инá / с'им'анá, им'инá /</i>
<i>им'анá, wr'им'инá / wr'им'анá,</i>
<i>т'им'инá / т'им'анá, зям'инá /</i>
<i>зям'анá</i>

Можно также сравнить современные данные (конец 80-х годов прошлого столетия) по двум типам редукции в предударных слогах в КЯ с наблюдениями, сделанными в этом говоре Л.С. Плотниковой в 50-е годы прошлого столетия (57: с. 260–269). Это сопоставление показывает, что различий в фактах *и*- и *е*-редукций на двух синхронных срезах, разделенных более чем тридцатью годами, практически нет. Исключения составляют несколько примеров. Из отмеченных Л.С. Плотниковой дублетов с предударными *и* и *а/е* в современном говоре (в 80-е годы) произносится только вариант с *а/е* в словоформах *б'арá / б'ерá, н'арá, т'астó* и только вариант с *и* в словоформе *пр'илá*. Для словоформ типа *имена* с предударным *и* в записи Л.С. Плотниковой (*иминá, симинá*) нами отмечены дублеты с *и* и *а/е* (*им'инá / им'анá / им'енá*).

3.1.5. Гласные *у* и *о*

3.1.5.0. Эти гласные по своей артикуляции очень близки друг другу, являясь лабиализованными гласными заднего ряда. Они различаются между собой лишь степенью закрытости: гласный *о* локализуется на верхне-средней ступени подъема, гласный *у* – на верхней ступени подъема. Эти гласные могут оформлять фонетические дублеты словоформ в одном и том же идиолекте, вступая в отношение свободного варьирования. При этом фонетические варианты с *о* и *у* фиксируются преимущественно для тех словоформ, в которых данные предударные гласные при смене безударной позиции на ударную в тождественных

венных морфемах (в результате словоизменения и словообразования) чередуются с ударным гласным *ó* (*кун'э / кон'э* при *кон, султ' / солт'* при *сол*). В других случаях, т. е. при реально существующей корреспонденции с ударным *ú* или же при устойчивом положении гласного только в безударной позиции в определенных морфемах, т. е. в так называемой «гиперфонемной» позиции, фонетические дублиеты с *o* и *y* возникают реже: в диалектной речи произносятся в этих случаях обычно безударный гласный *y*. Например:

КН, КЯ – *ow'én / uw'én, dób'ítak / дуб'итак*, но только – *кл'укáрка, гугуш'ка, Мусквá, кумá, суц'úk*.

Сильная тенденция к изменению верхне-среднего подъема в направлении к верхнему, характерная для гласного *o* (т. е. *o* → *y*), делает его очень неустойчивым и легко совпадающим с *y*. Артикуляционно-акустические признаки безударного гласного *y* не подвержены сколько-нибудь заметным изменениям. Это приводит к тому, что в диалектной речи всех без исключения кортенцев и кирютненцев количественно преобладает безударный гласный *y*.

Предударные гласные *y* и *o* употребляются в КН и КЯ в позициях $\#VC^-$, $\#VC'^-$, CVC^- , CVC'^- , C^VC^- , $C^VC'^-$.

3.1.5.1. П о з и ц и и после паузы.

П о з и ц и я $\#VC^-$.

КН, КН: *уко́, ура́лу, осьд'ан, уса́, уткра́мнала;*

КЯ: *ора́л 'Урал'.*

П о з и ц и я $\#VC'^-$.

КН, КЯ: *убл'áкэл, ур'ízан, ow'én, уч'ú, ур'él.*

Появление в говорах КН и КЯ предударных *y* и *o* после паузы в ряде случаев обусловлено утратой инициальных фрикативных *w, φ, x* – *удá, ура́ж'а, уртúвам, урб / орб*, но и – *вудá, фура́ж'а, ^xуртúвам, ^xурб*.

При делении на слоги словоформ *уч'úл'иш'ту, uw'á'на, фц'ém'и* было получено: *ú/ч'úл'úш'т'é/тб, д/в'á'хна́, ú/фц'é/т'é*.

Предударный *o* в данных позициях встречается значительно реже, чем предударный *y*.

3.1.5.2. В п о з и ц и я х CVC^- , CVC'^- , которые рассматриваются недифференцированно, предударные *y* и *o* (реже) зафиксированы,

независимо от расстояния от ударного слога, после согласных *п, б, в/ф, ф/ф, м, т, д, с, з, ш, н, л, р, к, г, х*.

КН, КЯ: пу / po^5 – *пурдáва, пурарп'á, пол'áна / пул'áна; бу – бустáн, буклук, будѳ' / бодѳ'; ву – вудá / вудá / удá, вѳин'ик / вѳин'ик, вѳортѳрн'ик / вѳѳортѳрн'ик; му – измутáна, мумá / момá, мур'ѳ' / мор'ѳ';*

КН: po – *формѳ'ч'ик;*

КЯ: бу – *Булгáр'ийá, Бу'урч'и / Бу'урч'и;*

КН, КЯ: ту – *стумá' / стѳмá', турлák, ш'тур'ѳ; ду – дубѳ'р, дуw'ѳн'и / дѳw'ѳн'и; су – султá / солтá, исуш'ѳну; зу – зурá / зѳрá, нáзуб'и сá; су – зуwá сá; ну – нуш'т'á / нѳш'т'á, д'шунѳш'т'ий; лу – лузá / лѳзá, луйтá / лѳйтá;*

КН: sy – *сурлá 'мордá';*

КН, КЯ: ру – *грудáтá / гѳрдáтá, прул'áтá / прул'ѳтá;*

КН, КЯ: ку – *кукур'иѳ'и, куѳкуд'ѳч'áт, кумѳ, кун'ѳ' / кѳн'ѳ'; гу – гурá / гѳрá, гул'áм / гѳл'áм; ху – 'урѳ' / урѳ, худ'илу / хѳд'илу.*

При делении на слоги словоформ *бустáн, сукмáн, муг'и́лá, кулѳw'и* было получено: *бѳ/стáн, сѳ/кмáн, мѳ/г'и́л'ѳ, кѳ/лѳ/в'ѳ.*

В данных двух позициях, как уже указывалось ранее, предударный p употребляется в КН и КЯ (как и в других рассмотренных позициях) реже, чем предударный *у*.

3.1.5.3. В п о з и ц и я х C'VC' -, C'VC' '-, представленных совместно, предударный *у* может употребляться в КН и КЯ параллельно с безударными гласными *ѳ* и *и*. Данные варианты возможны только после мягких согласных. Предударный p в положении после мягких согласных, фактически, не произносится, что является особенностью дистрибуции предударных лабиализованных гласных в этой позиции.

КН, КЯ: б'у – *б'ул'ук' / б'ул'ук' / б'ил'ук' 'множество';*

КН: б'у – *ц'умб'уш'л'ийá / ц'умб'уш'л'ийá / ц'умб'уш'л'ийá, б'ишул'á / б'йул'á; м'у – м'уж'д'ѳ, к'ум'уйѳн / к'ум'уйѳн / к'им'иѳн;*

КЯ: б'у – *б'ушулар' / б'ишулар'; м'у – м'урд'á;*

КН, КЯ: т'у – *т'ут'ун', т'ут'ун'ц'ий; д'у – д'уш'ѳк' / дѳш'ѳк' / д'иш'ѳк, д'ук'áна / д'ик'áна, д'ул'г'ѳр'áн'; с'у – с'урмуш'ийá,*

⁵ В дальнейшем гласный p в качестве варианта гласного *у* в заглавных сочетаниях указываться не будет, т. е. только *бу*, но не *бу / бѳ*.

с'урмаши'ка / с'урмаши'ка / с'ирмаши'ка; л'у – кл'укарка, л'ут'уф / л'ит'уф / л'ит'уф;

КН: *с'у – с'ур'ен'т'ийа; з'у – з'уик'урц'ийа; с'у – с'умб'ул' / с'имб'ул'; л'у – л'утург'ийа, да ул'ува' / да ул'ува';*

КЯ: *д'у – д'ул'ама' 'вид одежды'; з'у – з'умб'ул' / з'умб'ул'; л'у – л'убоми'ик / л'убоми'ик;*

КН, КЯ: *йу – йурган'и, йурдануф, йумурлук; ч'у – ич'ум'ик' / ич'им'ик', ч'урба; ж'у – ж'уу'ейа / ж'уу'ей, ж'ууботну / ж'ууботну; ц'у – ц'убоу'и;*

КН: *ч'у – ч'уки'е; ж'у – уж'уу'а; ц'у – ц'узб'е' 'джезве';*

КЯ: *ч'у – ч'урупка / ч'урупка, ч'ухот'ан / ч'уфот'ан; ш'у – ш'уш'улка / ш'уш'улка;*

КН' КЯ: *к'у – К'ур'ут'н'а / К'ур'ут'н'а / К'ир'ут'н'а, к'уш'ету / к'уш'ету;*

КН: *к'у – з'уик'урц'ийа; г'у – г'убр'е' 'навоз', г'уу'еч' / г'уу'еч';*

КЯ: *г'у – г'ул'н'ук' / г'ул'н'ук' 'поденщик', г'ул'н'уц'ий.*

В позиции после мягких согласных, шипящих и *й* предупредительный гласный *у* в КН и КЯ имеет *й*-образный глайдовый призвук. Это приводит к тому, что в условиях верхнего подъема такие признаки предупредительного *у* как задний ряд и лабиализованность оказываются крайне неустойчивыми. Гласный стремится продвинуться в более переднюю зону, следствием чего являются фонетические дублеты типа *з'умб'ул' / з'умб'ул', т'ут'ун' / т'ут'ун'*. Если *й*-образный глайд вызывает элиминацию лабиализованности, гласный *у* заменяется гласным *и*. Данное обстоятельство обуславливает возможность произношения в КН и КЯ вариативных словоформ с тремя взаимозаменяющимися гласными: *'у / 'у / 'и*, которые могут свободно варьироваться между собой в одном диалекте.

Важно отметить, что как в КН, так и в КЯ в позиции после палатализованного сегмента лабиализованный гласный верхнего подъема и заднего ряда *у* в ряде случаев произносится на месте исконного гласного *и*, также верхнего подъема, но переднего ряда и нелабиализованного; лабиализация гласного *и* наблюдается чаще всего в соседстве с предшествующими и последующими губными и задненебными согласными, а также с согласными *л'*, *р* и некоторыми шипящими (ср.: *ж'уу'ейа, ч'урупка, К'ур'ут'н'а, к'ум'уйои, л'утург'ийа*).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в говорах КН и КЯ в зоне верхнего подъема позиция после мягких согласных является причиной подвижности такого признака гласных, как 'лабиализованность / нелабиализованность'.

3.1.5.4. В КН и КЯ зафиксированы следующие сочетания предударных гласных (VV-): *aa / aʔ / ʔa / ʔʔ, ay / ʔy, ai / ʔi; ya / yʔ, uy, ui; ia / iʔ, iy, ih*. Данные сочетания употребляются в рамках фонетического слова и на стыке словоформ, разделенных потенциальной паузой. В обоих случаях указанные вокальные сочетания ведут себя одинаково. В позиции после гласных безударные *y* и *i*, как правило, консонантизируются, т.е. изменяются в *ʔ* и *й*. Однако при медленном темпе речи и отчетливом произношении консонантизации данных гласных не происходит.

КН, КЯ:

aa / aʔ / ʔa / ʔʔ (после мягких согласных – *ʔa / ʔʔ*) – *da ap'ésva, na ʔrman'ʔ, ʔʔartá, nʔ ʔkʔla, ih'ʔ ʔr'ésam, ih'ʔ apad'úsam*;

aʔ / ʔʔ (при медленном темпе речи – *ay / ʔy*) – *sa ʔʔʔ'én'u* (ср. *ʔʔʔ'én'an*), *st ʔb'í' / st ʔb'úʔ / st wb'úʔ* (ср. *ub'íwam*), *za ʔdá / zʔ wdá* (ср. *udáta*), *za ʔrálu* (ср. *urálu*), *iaʔm'ix, brátuwa wnúka* (ср. *unúka*). В КН отмечено сочетание *ay* в *da udmʔc't'í* (без консонантизации *y*);

ai / ʔi – *na Íwán / nʔ Íwán* (ср. *Íwán*), *za ʔglá* (ср. *iglá*);

ʔi / ʔi – *ih'ʔ izw'íkam / ih'izw'íkam* (в этом сочетании консонантизация гласного *i* не зафиксирована);

ya / yʔ – *ny azmáka / ny ʔzmáka*;

yʔ / uy / yʔ – *ih'ʔ gy ʔn'ich'ém' / ih'ʔ gy n'ich'ém'*, *da gy ʔtkʔsna / da gy ʔtkʔsna / da gy tkʔsna*;

yí / yi – *dʔ gy ʔzm'íʔa / da gy izm'íʔa, da gy ʔd'ém'* (ср. в КН – *id'ém*, в КЯ – *ʔed'ém*);

ia / iʔ – *z'iar'átá / z'í'ʔr'á, n'í ʔr'éswa*;

iʔ / iy – *pr'íwúnuka, da s'í ʔzdr'áwat, ih'á g'í ʔb'él'u / g'í ub'él'u*;

ih' / ih' – *n'í Íwán* (а также в КН – *n'í id'ém*, в КЯ – *n'í ʔed'ém*);

В КН словоформа *yídr'énu* с сочетанием *yí* была произнесена по слогу как: *y'íé/dr'é/nó*.

3.2. Заударный вокализм

3.2.0. В говорах КН и КЯ правила сочетания заударных *а/ѣ*, *а/ѣ*, *ѣ/и*, *ѣ/у*, а также *о* и *е* с согласными и паузой в целом не отличаются от синтагматических правил, актуальных для предупредарных гласных. Гласные *а/ѣ* употребляются после твердых согласных; *а/ѣ* и *ѣ/и* – после мягких, шипящих и *й*; *ѣ/у* и *о* – после твердых и некоторых мягких; *е* – после некоторых мягких.

В связи с тем, что синтагматика гласных в предупредарной и заударной частях фонетического слова в КН и КЯ является, фактически, одинаковой (особенно в позиции после твердых согласных), мы не будем специально рассматривать правила поведения заударных гласных *а/ѣ* и *ѣ/у* в фонетическом контексте, а остановимся на их морфологической характеристике. Такая характеристика данных гласных необходима для анализа позиционных чередований ударных и безударных гласных в разных морфах одной морфемы. Что касается заударных *а/ѣ* и *ѣ/и*, то тщательный анализ их дистрибуции чрезвычайно важен для сопоставления двух типов редукции в заударных слогах и определения кортенско-кирютненской разновидности вокальной системы, которая отличается от других восточноболгарских вокальных разновидностей, имеющих в позиции под ударением одинаковый инвентарь гласных единиц, но характеризующихся различным сочетанием 'вертикального' и 'горизонтального' типов редукции (см.: 51; 52; 53).

3.2.1. Гласные *а* и *ѣ*

В говорах КН и КЯ заударные гласные *а* и *ѣ*, связанные отношением взаимозаменяемости, в позиции $-CV\#$ реализуют следующие аффиксальные морфемы:

- а) флексию сущ. ж.р. ед.ч. (*ба́ба* / *ба́бѣ*, *кѣи*'*та* / *кѣи*'*тѣ*);
- б) флексию сущ. ср.р. мн.ч. (*п'ил'а**нца*, *мун'ч'ѣ**нца* / *мумч'ѣ**нцѣ*, *уч'ил'и**тѣ*, *п'ил'а**тѣ*, *кр'ил'ѣ**тѣ* / *кр'илѣ*);
- в) флексию прил. и прич. ж.р. ед.ч. (*но́ва* / *но́вѣ*; *кѣи**ца* / *кѣи**тѣ*);
- г) членную морфему сущ. м.р. ед.ч. (*в'а**тѣ**ра* / *в'а**тѣ**рѣ*);
- д) вокальный элемент в членной морфеме сущ. ж.р. ед.ч. (*мумѣ**тѣ* / *мумѣ**тѣ*);

- е) вокальный элемент в членной морфеме сущ. ср.р. мн.ч. (*с'алáтa / с'елáтъ*);
 ж) глагольную флексию 1 л. ед.ч. наст. (*блѣсна / блѣснѣ*);
 з) глагольную флексию 3 л. ед.ч. наст. (*з'ѣма / з'ѣмѣ*);
 и) флексию лично-мужских форм числ. (*тр'има / тр'имѣ*);
 к) вокальный элемент в возвратном местоимении 'се' (*кѣн'и са / кѣн'и сѣ*).

3.2.2. Гласные а и е

Эти гласные в КН и КЯ в заударных слогах в положении после мягких согласных, шипящих и й свободно варьируются. Они употребляются как в середине словоформы, так и в ее исходе перед паузой.

3.2.2.1. Позиции '-С'VC, '-С'VC'.

КН, КЯ: п'а / п'е⁶ – *п'ѣп'ал / п'ѣп'ел, кѣп'ен'и, кѣп'афм'и / кѣп'ѣм'и*; б'а – *бáб'ан / бáб'ен, зазуб'ел'и*; в'а / w'а – *С'л'ив'ан / С'л'ив'ен, д'ѣw'ар / д'ѣw'ер, гóтв'ал'и / гóтв'ел'и*; ф'а / ф'а – *картóф'ан / картóф'ен, куис'уф'ан, куис'уф'ен'и*; м'а – *хрóm'ал / фрóm'ел, тѣм'ан, йѣм'еш'*;

КН: ф'а – *трандáф'ал, натрúф'ел'и*;

КЯ: м'а – *изгáм'ан'т'и, п'óm'ет 'мусор', нóm'ер*;

КН, КЯ: т'а – *уч'ит'ал / уч'ит'ел, аргáт'ан, йóфт'ан, йóфт'ен'и*; д'а – *с'ѣд'ам / с'ѣд'ем, йѣд'ен'и, испѣд'аф*; с'а – *у'óс'ам / у'óс'ем, к'ис'ал, к'ис'ел'и, с'м'ѣс'ан'и*; з'а – *вѣз'ал / wѣз'ел, ж'ил'ѣз'ан; н'а – ц'иган'ан / ц'иган'ен, в'ин'ан, в'ин'ен'и, ж'ѣн'еш'и*; л'а – *прól'ат / прól'ет, запáл'ѣм'и / запáл'афм'и, бóл'ас / бóл'ес, п'ил'ахта / п'ил'ѣфта*;

КН: с'а – *ш'л'óс'ар*;

КЯ: з'а – *к'óз'ана 'шерсть'*;

КН, КЯ: р'а – *магáр'ата, магáр'а'та / магáр'ѣфта, бѣлгар'ан, тѣр'ат / тѣр'ет, нам'ѣр'а'м'и*; ѣа – *пáак, пáйѣц'и, напráйат*; ш'а – *завѣрш'ал / завѣрш'ел, м'ѣр'иши'ат*; ж'а – *лѣж'ат / лѣж'ет, мáж'ѣвг'и, к'óж'ата; ч'а – м'ѣч'ат / м'ѣч'ет, мѣч'ел'и, инá в'ѣч'ар; ц'а – т'ѣн'ц'ара, т'ѣн'ц'ѣр'и, гáц'ата*;

⁶ В дальнейшем гласный е в качестве варианта гласного а в позиции после мягкого сегмента в заглавных сочетаниях указываться не будет, т. е. только б'а, но не б'а / б'ѣ.

КЯ: р'а – *pár'аn*, *dwá páр'аnа*; йа – *гул'эйат* / *гул'эйет*; ч'а – *ж'эл'ч'ана*; ц'а – *пáйц'аnа*;

КН, КЯ: к'а – *ш'търк'ал*, *ш'търк'ел'т'и*; г'а – *'ог'ан* / *'ог'ен*, *калу'ар'ан*;

КЯ: к'а – *бархутк'ен'и*, *как'ан*, *как'ен'и*; г'а – *ра'аг'ал*; х'а – *бáрх'ат*.

В дистрибуции заударных 'а и е в позициях 'C'VC, 'C'VC' просматривается некоторая закономерность, заключающаяся в том, что перед сегментом с твердым согласным как будто бы чаще произносится гласный 'а, а перед сегментом с мягким согласным – е. В целом же в КН более частотным является гласный е, а в КЯ – гласный 'а.

Заударные гласные а и е в говорах КН и КЯ входят в состав многих аффиксальных морфем или в состав финальных и реже средних (неконечных) отрезков тех корневых морфем или основ, которые в синхронном плане не поддаются морфологическому членению. Эти отрезки по своему сегментному (звуковому) строению совпадают с теми или иными аффиксами. Они могут быть либо субморфами, либо морфонологическими сегментами, наращивающими основу. Ниже дается инвентарь аффиксов и тождественных с ними по структуре субморфов и морфонологических отрезков, которые содержат заударные гласные а и е. При этом считаем возможным в работе по фонетике не давать исчерпывающую морфологическую характеристику данным заударным частям зафиксированных в КН и КЯ словоформ. Констатируя, фактически, полную взаимозаменяемость а/е в заударной позиции, в транскрипции приводимых примеров будет указан только гласный а.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е:

КН, КЯ:

а) ал / ел (в конце и середине основы) – *пуказат'ал*, *хрóm'ал* / *фрóm'ал* 'жернов', *гърм'ал*, *ж'ит'ал*, *уч'ит'ал* / *фч'ит'ал*, *ж'ит'ал*стwu;

б) ак / ек – *зáйак*, *дуп'ак*, *пáйак*;

в) ар⁽¹⁾ / ер⁽¹⁾ (в конце и середине основы) – *д'ев'ар*, *д'иш'т'ар'и*, *т'ен'ц'ара*, *кóc'арч'и*;

г) ан⁽¹⁾ / ен⁽¹⁾ (в конце и середине основы) – *българ'ан*, *гагауз'ан* / *гагаууз'ан*, *аргат'ан*, *гуйдар'ан* / *гуйдар'*, *куж'уфар'ан*, *'аз'айан* / *аз'ай*, *куми'ийан* / *куми'ий*, *прѣс'т'ан*, *ог'ан*, *пáйц'ана*, *ш'эл'ч'ан'и'и*,

t'él'an'ı'u, φ'ít'an'ı'u, ukráıan'ı'u, klád'an'ı'u, s'ı́r'an'ı'u, t'ı́kw'an'ık;

д) ат / ɛт – *nám'at, pról'at*; а также ат / ɛт – как морфонологический сегмент, распространяющий основу сущ. ср.р. в неопределенной форме мн.ч.: *n'ıl'ata* (от *n'ıl'u*), *ıı'ıl'ata, mağár'ata, záyıç'ata, maqláç'ata, kót'ata, lán'ata, ım'ata* (от *ım'u / w'ım'u* 'вымя'), *baķırç'ata* (см.: 60);

е) афт / ɛфт / ахт / ɛхт – морфонологический сегмент, распространяющий основу сущ. ср.р. в определенной форме мн.ч.: *n'ıl'afta / n'ıl'axta, mağár'afta, kót'afta*;

ж) ах / ɛх / аф / ɛф – *ór'ax / ór'af*;

з) ай / ɛй – *ç'érw'ayı, zóz'd'ayı*;

и) ас / ɛс – *póıas, ádr'as, n'ér'as, ç'ól'as* (КЯ; в КН – *ç'ól'us*);

к) аб' / ɛб' – *ı́ér'ab'ııça* (КЯ, в КН – *ı́ár'ab'ııça*);

л) ап / ɛп – *X'ıl'an / Ф'ıl'an* (КЯ; в КН – *Ф'ıl'ım*);

м) аф / ɛф – *K'ıııaf* (КЯ).

Прилагательные:

КН, КЯ:

а) ан / ɛн – *mám'an, kumıı'ııan, ım'an, zaxar'an, ç'ér'an, part'ėııan* (КЯ);

б) ал / ɛл – *k'ıs'al, v'és'al*;

в) аст / ɛст – *gl'ın'asta, klón'ç'astu, s'én'ç'as*.

Причастия:

КН, КЯ:

ан / ɛн – *n'éç'an, xç'up'an, zaw'ıd'an, ubl'éç'an*.

Глаголы:

а) ат / ɛт – флексия 3 л. мн.ч. наст. III диалектного спряжения (58; 59: с. 38–39): *ıgráıat, s'ın'at, túr'at*;

б) а / ɛ – имперфектная связочная морфема в глаголах III диалектного спряжения: *kúp'ax, kúp'aıı'u, kúp'axm'u / kúp'afm'u / kúp'ııfm'u, kúp'axa / kúp'aa, zaxub'al, túr'al'u*; аористная связочная морфема в глаголах III диалектного спряжения: *um'és'ax / um'és'af, um'és'a, zatór'axm'u / zatór'aft'u, ıstıl'n'axt'u / ıstıl'n'aft'u, ızmıl'ç'al'u*.

Заударные *a* и *e* в перечисленных сегментах соотносятся с ударными гласными *é, é, á, ı*. Как известно, для того, чтобы установить соответствие между безударными и ударными гласными, необходимо

сопоставить данные гласные в одинаковых линейных фонетических сегментах, которые имеют разную суперсегментную характеристику (например, C'VC и -C'VC или C'VC' и -C'VC'); эти сегменты должны реализовывать тождественные (т.е. грамматически однозначные) аффиксальные морфемы. Приведем несколько примеров.

Соотношение заударных *a/ɛ* с ударным гласным *é* – а) в прилагательных и причастиях с суффиксами *ан* / *ен* и *эн*: *бáб'ан* / *бáб'ен*, *п'эч'ан* / *п'эч'ен* и *з'ил'эн*, *замáгл'эн*, *угуй'эн*; б) в существительных с именным 'срединным' суффиксом (или субморфом) *ан* / *ен* и *эн*: *мум'ич'анца* / *мум'ич'енца* (КН, КЯ) и *мумч'эница* (КН), *мун'ч'эница* (КЯ); *ц'эм'ант*, *дукум'энт* и *пруц'энт* (КЯ); в) в неопределенных существительных ср. р. мн. ч. с морфонологическим сегментом *ат* / *ет* и *эт*: *п'ил'ата* / *п'ил'ета*, *кón'ч'ата* / *кón'ч'ета*, *н'ó'ч'ата* / *н'ó'ч'ета* и *мумч'эта*, *дарw'эта*, *замч'эта* и др.

Соотношение заударных *a/ɛ* с ударным гласным *á* находим в реализации имперфектной связочной морфемы в глагольных формах имперфекта 1 л. ед.ч и 1, 2, 3 л. мн.ч.: *кúp'ах* / *кúp'эх*, *кúp'ахм'и* / *кúp'эхм'и*, *кúp'ахт'и* / *кúp'эхт'и*, *кúp'а'а* / *кúp'э'а* и *пас'ах* / *пас'аф*, *пас'ахм'и* / *пас'афт'и* и т. д.

Соотношение заударных гласных *a/ɛ* с ударным *é* отмечено в глагольной флексии 3 л. мн.ч. наст. в говоре КН: *с'ип'ат* / *с'ип'ет* и *тарп'эт*.

Ср. также соотношение заударных *a/ɛ* с ударным гласным *ú*, реализующих аористную связочную морфему в глаголах III диалектного и II спряжений: *нагрáб'ах* / *нагрáб'эх*, *изгón'ахм'и* / *изгón'эхм'и* и *издуw'их*, *издуw'ихм'и* и т. д.

Интересно, что при делении на слоги словоформ типа *б'ългар'ан* / *б'ългар'ен*, *ц'úган'ан* / *ц'úган'ен* были получены формы как с суффиксом *эн*, так и с суффиксом *ин*: *б'ъл/гá/р'эн*, *ц'ú/гá/н'эн* (КН, КЯ); *б'ъл/гá/р'ин*, *фрá/нр'ú/з'ин* (КН). Произносительные варианты с *эн* и *ин* в словоформах, разделенных на слоги, зафиксированы в говоре КН от разных информаторов; при этом вариант с *эн* характеризует речь людей старшего поколения, а вариант с *ин* употребляется в речи более молодых людей. В то же время сопоставление однозначных суффиксов с ударными и безударными гласными в существительных мужского рода типа *б'ългар'ан* / *б'ългар'ен* и *густуд'ин* (КН, КЯ), *думак'ин* (КН)

свидетельствует о соотносительной связи заударных *a/ɛ* и ударного *í*, а не ударного *é*.

3.2.2.2. Позиция -C'V#.

КН, КЯ: п'а / п'ε⁷ – к'п'а / к'п'ε, у'ап'а / у'ап'ε; б'а – загуб'а / загуб'ε, т'эб'а; в'а / w'а – зг'отв'а / зг'отв'ε, забр'ав'а / забр'ав'ε; м'а – клум'а / клум'ε, з'им'а / з'им'ε;

КН: ф'а / ф'а – разгр'аф'а / разгр'аф'ε, патр'уф'а / патр'уф'ε;

КН, КЯ: т'а – раб'ут'а / раб'ут'ε; д'а – п'д'а / п'д'ε, нагн'эз'д'а / нагн'эз'д'ε; с'а – зам'эс'а / зам'эс'ε, т'эрс'а / т'эрс'ε; з'а – мр'аз'а / мр'аз'ε, турм'оз'а / турм'оз'ε; н'а – уж'эн'а / уж'эн'ε, м'игд'ан'а / м'игд'ан'ε, м'эн'а / м'эн'ε, пл'ан'н'а / пл'ан'н'ε; л'а – зап'ал'а / зап'ал'ε, са исул'а 'вырваться';

КН, КЯ: р'а – м'эмп'а / м'эмп'ε, л'экар'а / л'экар'ε, у'тр'а / у'тр'ε; йа – ба'йа / ба'йε, сарал'ийа / сарал'ийε, на'ш'ийа / на'ш'ийε; ш'а – п'иш'а / п'иш'ε; ж'а – ма'ж'а / ма'ж'ε, л'эж'а / л'эж'ε; ч'а – д'упч'а / д'упч'ε, д'эфч'а / д'эфч'ε; ц'а – ст'эриц'а / ст'эриц'ε, т'эриц'а / т'эриц'ε;

КН: ш'а – ч'аш'а / ч'аш'ε;

КЯ: р'а – з'эстр'ε; ш'а – ч'эш'а / ч'эш'ε;

КН, КЯ: к'а – из'ик'а / из'ик'ε, т'из'эк'а / т'из'эк'ε.

Артикулирование заударных *a/ɛ* перед паузой отличается сильной инертностью произносительных органов, в результате чего качественные характеристики гласных оказываются на слух очень неясными и как бы стертими (п'д^ε, мут'ай^ε). Но при делении на слоги на месте заударных *a/ɛ* восстанавливаются гласные *á, é, é*. Например.

КН, КЯ: *ú/з'úk'ε, з'э/т'ε, т'р'ú/мá/брá/т'á, зá/нá/л'á и зá/нá/л'ε, з'э/стр'á и з'э/стр'ε;*

КН: *п'рá/т'э и п'рá/т'á, ма'ж'э и ма'ж'á;*

КЯ: *зá/м'э/с'ε и зá/м'э/с'á, п'ú/ш'ε и п'ú/ш'á.*

Заударные гласные *a/ɛ* в позиции перед паузой в говорах КН и КЯ входят в состав следующих аффиксальных морфем:

а) глагольная флексия 1 л. ед.ч. наст. III спряжения (*ма'ж'а / ма'ж'ε*);

б) флексия сущ. ж.р. ед.ч. (*сарал'ийа / сарал'ийε*);

в) флексия определенного мн.ч. (счетная форма) сущ. м.р. (*ш'ε* *з'эт'а / ш'ε з'эт'ε*);

г) членная морфема м.р. ед.ч. сущ. и прилаг. (*из'ик'а / из'ик'ε*, *б'эл'ийа / б'эл'ийε*);

д) местоименные и наречные флексии (*м'эн'а / м'эн'ε*; *с'эт'н'а / с'эт'н'ε*, *з'им'а / з'им'ε*).

3.2.3. Гласные и и ε

Эти заударные гласные (как и гласные *и*, *ε* в предударных слогах) близки по своим артикуляционно-акустическим признакам и свободно варьируются в одном и том же диалекте. Поэтому они рассматриваются совместно.

3.2.3.1. Позиции -C'VC, -C'VC'.

КН, КЯ: п'и / п'ε⁸ – *пóтп'ис*, *ч'урáп'ит'и*, *ст'эн'иши*; б'и – *грóб'иши'тá*, *б'эб'иту / б'эб'εту*; в'и / w'и – *с'л'ив'иц'и*, *с'ив'ич'ка*, *п'ив'ит'и*; ф'и / ф'и – *картóф'ит'и*, *с'уф'ит'и / с'ух'ит'и*; м'и – *с'эм'иту / с'эм'εту*, *з'эм'иши / з'эм'εши*;

КН: б'и – *дóб'иф / дóб'йф*; w'и – *пázw'иши'т'и*;

КЯ: п'и – *р'п'ич'ка* 'овражек', *кар'п'ит'и*, *к'ип'иши'тá*;

КН, КЯ: т'и – *цв'эт'иту / цв'эт'εту*, *w'эш'т'ица*; д'и – *фóд'им / хóд'им*, *рáд'иу / рáд'йу*; с'и – *уб'эс'иши*, *зам'эс'ит'и*; з'и – *м'уз'ика*, *рóз'ич'ка*, *лóз'иту*; ц'и – *сл'эн'ц'иту / сл'эн'ц'εту*, *зáйц'ит'и*; н'и – *с'эн'н'иши / с'эн'н'εши*, *з'им'ик*, *турлáч'ан'иц*; л'и – *м'ул'иту / м'ул'εту / м'ул'ту*, *пáл'иц*, *г'ул'иши'тá*;

КН: д'и – *йáд'ин'и*; н'и – *ч'áйн'ик*, *л'ич'эбн'ица*, *сóракн'иц'и* *сóркуwат*, *н'икáп'ин'т'и*;

КЯ: н'и – *ч'эйп'ик*, *кар'хóзн'ик*, *сw'ихч'эн'ик*, *к'уфн'иту* (инó *к'уфн'и*), *пус'ихч'эн'ий* 'посещение';

КН, КЯ: р'и – *ч'убр'ика*, *магáр'иту / магáр'εту*, *пóкр'иф / пóкр'йф*; ч'и – *к'уч'иту / к'уч'εту*, *тóч'им*, *ун'эч'и'ли?*; ж'и – *мóж'иши / мóж'εши*, *нóж'иц'и*; ш'и – *к'руш'ит'и*; ц'и – *гáц'иту*, *ст'ърц'им*;

⁸ В дальнейшем гласный *ε* в качестве варианта гласного *и* в позиции после мягкого сегмента в роли заглавного сочетания указываться не будет, т.е. только *б'и*, но не *б'и / б'ε*.

КН: р'и – *йáстр'ит, йáстр'иб'ица* (в одном идиолекте); ж'и – *мъж'ит'и; ш'и – ч'áш'ит'и;*

КЯ: ш'и – *ч'éш'ит'и; ч'и – зрúх'ик'и, пум'эхч'ик'и;*

КН, КЯ: к'и – *мáйк'ит'и, пáтк'ит'и; г'и – ч'éрг'ит'и; х'и – др'эх'ит'и / др'éйт'и, стр'эх'ит'и;*

КН: г'и – *ки'úг'ит'и;*

КЯ: к'и – *кэл'эк'ит'и; г'и – кѣн'úг'ит'и.*

В рассмотренных позициях заударный *и* соотносится в одной и той же морфеме как с ударным гласным *ú*, так и с ударным гласным *é*, а заударный *е* – только с ударным *é*. Например: *рóгуw'ит'и / рóгуwет'и, фтóри'ик* и *плудуwét'и, wrѣс'н'ик*. Поэтому лексическая представленность заударного *и* значительно выше, чем заударного *е*.

Перед губными согласными заударный *и* может лабиализироваться. Поэтому в КН и КЯ обычны фонетические дублиеты словоформ с заударными гласными *и* и *у*, *ý*: *пóкр'иф / пóкр'ýф, дóб'иф / дóб'уф, рáд'иý / рáд'ýý.*

Характерной особенностью говоров КН и КЯ является часто встречающаяся при более быстром темпе речи редукция до нуля заударных *и/е* во флексиях определенных сущ. ср.р. ед.ч. перед членной (определенной) морфемой *ту* (*мúл'иту / мúл'ету / мúл'ту; угн'úш'т'иту / угн'úш'ту < *угн'úш'т'ту*), во флексиях определенных сущ. муж. и жен. рода мн.ч. перед членной морфемой *ти* (*кл'úч'уфт'и, ср. кл'úч'уw'и; крúш'ит'и / крúш'т'и*), во флексиях определенных прилаг. мн.ч. перед членной морфемой *т'и* (*з'ил'эн'ит'и / з'ил'эн'т'и*). Данная фонетическая закономерность повышает частотность встречаемости в звуковой цепи консонантных сочетаний, вторым компонентом которых являются согласные *т* и *т'*.

В говорах КН и КЯ заударные гласные *и* и *е* в позиции не перед паузой входят в состав следующих аффиксальных морфем (субморфем, морфонологических сегментов):

а) флексия определенных сущ. ср.р. ед.ч. *и / е* перед членной морфемой *ту* (*кúч'иту / кúч'ету*);

б) флексия определенных сущ. муж. и жен. рода мн.ч. *и* перед членной морфемой *т'и* (*ч'урáп'ит'и, бáб'ит'и*);

в) флексия определенных прилаг. мн.ч. *и* перед членной морфемой *т'и* (*з'ил'эн'ит'и*);

г) суффикс *иш'т'* в некоторых сущ. ср. р. (*уч'úл'иш'т'и*);

д) суффикс или субморф *иц/ец* в сущ. муж. и жен. рода (*пáл'иц / пáл'ец, м'эх'иц, үл'ица, а'ч'ийн'ица, нóж'иц'и*);

е) суффикс или субморф *ик* в сущ. муж. и жен. рода (*з'ймн'ик, сw'ихч'эн'ик, пум'эхч'ик, гpухч'ик, мýз'ика*);

ж) уменьшительный суффикс *ич'* в сущ. и прилаг. (*күфн'ич'ка, л'эл'ич'ка, гул'эм'ич'ак*);

з) суффикс *ий* в сущ. ж.р. (*С'ърб'ийа, Балгáр'ийа*);

и) морфонологический сегмент *ий*, распространяющий основу прилаг. м.р. ед.ч. перед членной морфемой *а* (*з'ил'эн'ийа, стар'ийа*);

к) суффикс или субморф *иф / иw* в сущ. муж. и ср. рода (*пóкр'иф, дóб'иф, рáд'иwу*);

л) субморф *ихч'* в некоторых сущ. ср.р. (*пázw'ихч'и*);

м) морфонологический сегмент *иш'т*, распространяющий (наращивающий) основу некоторых сущ. м.р. при образовании мн.ч. (*грóб'иш'та, с'эн'иш'та, г'ол'иш'та, w'гл'иш'та*);

н) флексии 2 л. ед.ч. и 1, 2 л. мн.ч. наст. в глаголах III спряжения (*измáм'иш', измáм'им, измáм'ит'и*);

о) корень *п'ис* в сущ. м.р. *пóтп'ис*.

3.2.3.2. В п о з и ц и и $-C'V\#$ в говорах КН и КЯ употребляется только заударный гласный *и*.

КН, КЯ: п'и – *лáп'и, сá к'эп'и; б'и – б'éb'и, г'ялáб'и, зáгуб'и; в'и / w'и – н'иw'и, здрáв'и; ф'и / ф'и – кóф'и, кáртóф'и; м'и – с'ém'и, к'ýрм'и;*

КН: м'и – *ф'ím'и* 'вымя';

КЯ: м'и – *ím'и* 'вымя';

КН, КЯ: т'и – *кóт'и, бáйрт'и, гáл'ч'йт'и, в'ий л'и с'т'и?*; д'и – *грóз'д'и, к'ёрм'ид'и, в'ид'и; с'и – ч'ит'арнáйс'и, т'и л'и с'и?*; з'и – *лóз'и, р'из'и, н'ёр'ез'и; ц'и – кур'иц'и, пáт'иц'и; с'и – 'óvс'и; н'и – с'иp'ен'и, ж'эн'н'и, уж'эн'и; л'и – з'эл'и, фрóm'ел'и, зáпáл'и;*

КН, КЯ: р'и – *йёр'и, бáйр'и, сá ш'ёр'и; ш'и – б'еш'и, п'ейш'и; ж'и – w'эж'и, пóдпуж'и; ч'и – нóхч'и, дáпáч'и, wлáч'и; ц'и – гáц'и, ст'ёрц'и;*

КН, КЯ: к'и – *п'йтк'и, йáк'и, в'эк'и / в'еч'и; г'и – ч'éрг'и, тw'эг'и, wód'и г'и; х'и – кóх'и / кóф'и, др'эх'и / др'эй'и.*

Перед паузой после мягких согласных заударный *и* в говорах КН и КЯ входит в состав следующих аффиксальных морфем:

а) флексия сущ. ср.р. ед.ч. (*лáп'и, йёр'и, угн'иш'т'и*);

- б) флексия сущ. муж. и жен.р. мн.ч. (*байр'и, р'из'и*);
 в) флексия прилаг. и прич. мн.ч. (*др'эмн'и, уб'ит'и, рабут'ел'и*);
 г) флексия числительных (*тр'ийс'и*);
 д) флексии указ. мест. ед. и мн.ч. (*ʽóvs'и, т'éz'и*);
 е) вокальный элемент в членной морфеме мн.ч. (*ж'ил'ит'и, з'ил'ен'ит'и, т'эрс'ен'ит'и*);
 ж) глагольная флексия 3 л. ед.ч. наст. (*маж'и, к'п'и*);
 з) конечный вокальный элемент в глагольных флексиях: 2 и 3 л. ед.ч. имп. (*имаш'и, б'эш'и*), 1 и 2 л. мн.ч. имп. (*рабут'эхм'и, маж'эхт'и*), 1 и 2 л. мн.ч. аор. (*измазэхт'и, исп'экэхм'и / исп'экуфм'и*);
 и) аористная связочная морфема в глаголах I спряжения типа *п'ич'á* в формах 2 и 3 л. ед.ч. аор. (*исп'эч'и, распл'эт'и*);
 к) вокальный элемент в формах 2 л. ед.ч. и 1, 2 л. мн.ч. вспомогат. глагола *съм* (*с'и, с'м'и, с'т'и*).

3.2.4. Г л а с н ы е о и у

3.2.4.0. Эти заударные гласные в говорах КН и КЯ, как и в предударном слоге, свободно варьируются в одном и том же идиолекте и входят в состав многих словоформ. Необходимо отметить, что сравнительная частота употребления этих варьирующихся гласных различна. Она значительно выше у заударного *у*, так как этот гласный при варьировании с *о* произносится чаще, а кроме того в КН и КЯ имеется большое количество словоформ, в которых в заударной позиции представлен только *у* (*в'эздух, прас'эту, рамуту, цар'уф, кóз'у, зáйд'ууа* и мн.др.).

Заударные *о* и *у* зафиксированы в позициях 'CVC , 'CVC , 'C'VC , 'C'VC , 'CV\# , 'C'V\# .

После твердых согласных, т.е. в п о з и ц и я х 'CVC , 'CVC , 'CV\# , правила синтагматики заударных *о/у* такие же, как и в предударных слогах в аналогичных сегментах. Эти гласные в заударной позиции употребляются очень активно после всех твердых согласных; в рамках словоформы они входят в состав как корневых/основных морфем (*пр'áкур, дóктур, íстòк, мóркуф, г'úзум, п'ítумн'и, тóлкус*), так и аффиксальных морфем (*с'элуту, гуснуд'инуфц'и, д'áдуф, кáмфурруу ма́слу, т'á п'икáйстууа* 'злится', *паст'бгууам'и*), где они встречаются в речи значительно чаще. Поэтому считаем возможным не приводить

иллюстративный материал, характеризующий употребление заударных *o/u* в указанных позициях.

3.2.4.1. Однако необходимо дать грамматическую характеристику заударным *o/u* в положении перед паузой (т. е. в п о з и ц и и $-CV\#$, в конце словоформы), где эти гласные употребляются в составе следующих аффиксальных морфем:

а) флексия сущ. ср.р. ед.ч. (*rámq / rámu, кур'ítq / кур'ítu, ч'элу*);

б) флексия прилаг. ср.р. ед.ч. (*сл'ánu ukó / сл'án ukó, úbawq kótm'u / úbaŭ kótm'u*);

в) флексия наречий (*скъ́nq / скъ́nu, фл'áwu*);

г) вокальный элемент членной морфемы ср.р. ед.ч. (*с'э́луту, жс'э́луту цw'эт'u / жс'э́лту < *жс'э́лтту*).

3.2.4.2. В п о з и ц и я х $-C'VC, -C'VC'$ в говорах КН и КЯ зафиксирован только заударный гласный *u*. Он употребляется после согласных *t', d', z', l', n', p', č', ш'* (КН, КЯ); *й, к'* (КН); *жс', з'* (КЯ). После мягких губных согласных заударный *u* в этих говорах не отмечен.

КН, КЯ: *т'у – з'э́т'uw'u, з'э́т'уфт'u; д'у – зáйд'уwа; л'у – 'óxl'уф / 'ófl'уф;*

КН: *т'у – д'э́рт'uw'u* (мн.ч. от *д'э́рт'* 'неприятность'); *з'у – брónз'uw'u qerád'u; н'у – сап'ун'уwа wudá, пр'ипóмн'уwа, с'э́лу Кón'uwу; л'у – óл'уwq / 'ól'уŭ, ч'ól'ус't'u;*

КЯ: *т'у – т'э́т'uw'u, закр'ут'уwам; з'у – кóз'уту мл'áку; н'у – т'ут'ýн'уф, w'íш'u'уф; л'у – з'э́л'уwа;*

КН, КЯ: *ч'у – ф'íч'уту / ф'íч'иту, пáч'уту / пáч'иту, ч'íч'uw'u; ш'у – куко́ш'уту;*

КН: *р'у – цáр'уф; йу – б'éйuw'u / б'éйw'u; ч'у – ч'арн'íч'уф л'ís; ш'у – ш'íш'uw'u / ш'íш'уŭ;*

КЯ: *р'у – нáтwáп'уwам'u, цáр'uw'ицá; ч'у – сл'ён'ч'uw'u д'н'í; ж'у – м'б'ж'уф;*

КН: *к'у – фр'э́жк'uw'u;*

КЯ: *г'у – Г'э́рг'уф.*

3.2.4.3. В п о з и ц и и $-C'V\#$ также представлен только гласный *u*, который характеризуется ограниченным употреблением. Он зафиксирован после согласных *t', d', z', l', n', й, ч', жс', ш'*.

КН, КЯ: т'у – *bát'у*; з'у – *kóz'у*; н'у – *Bán'у*; л'у – *n'ém'л'у*,
n'íкл'у;

КН: д'у – *dývd'у*; л'у – *múкл'у*, *кúцл'у*, *др'émл'у*;

КЯ: л'у – *Пáвл'у*;

КН, КЯ: йу – *móйу*, *тwóйу*; ч'у – *ч'úч'у*, *пáч'у*, *бфч'у*; ш'у – *лóш'у*,
нáш'у;

КН: ш'у – *w'úш'у* 'высшее (образование)';

КЯ: ж'у – *св'эж'у*.

В позиции '-С'V# заударный у реализует следующие аффиксальные морфемы:

а) флексия сущ. ср.р. ед.ч. (*úйч'у*, *n'émл'у*, *кúцл'у*);

б) флексия прилаг. ср.р. ед.ч. (*лóш'у*);

в) флексия притяж. местоим. ср.р. ед.ч. (*móйу*, *нáш'у*).

3.2.5. Гласные о и е

В КН и КЯ в заударной позиции перед паузой допустимы гласные *о* и *е*. Они отмечены после немногих согласных и только во флексии звательной формы единственного числа существительных морфологического мужского, среднего и женского рода, которые обозначают лиц мужского и женского пола, а также некоторые персонифицированные предметы и некоторых животных.

Гласный *е* зафиксирован после согласных *п', т', с', ц', ч', к'*, например: *пón'е*, *bát'е*, *t'ém'е*, *Рус'е*, *госпóж'иц'е*, *брáч'е*, *дóч'е*, *Стáжк'е*, *аз'áйк'е*.

Гласный *о* отмечен после согласных *б, м, т', д, с, н, н', л', ч'*, например: *бáбо*, *свát'о*, *П'ém'о*, *д'áдо*, *кумá Л'éсо*, *Бур'áно*, *Bán'о*, *Кól'о*, *Ж'éч'о*, *въл'ч'о*.

3.2.6. Ранее уже отмечалось, что одной из характерных черт говоров КН и КЯ является склонность к элизии безударных гласных, особенно при быстром темпе речи. Однако следует отметить, что в КЯ данное явление распространено значительно шире, чем в КН. Утрата гласных фиксируется, в основном, в заударной позиции перед членными морфемами *та, ту, т'и*, в корневых морфах словоформ утрата гласных встречается реже. Например: КН, КЯ – *м'éйц*, *клáйвц* / *клáйн'иц*, *кул'н'ém'и*, *крáстафц'и*, *българт'и*, *ц'úгав'т'и*, *з'ém'уфт'и*, *кл'úч'уфт'и*; КЯ – *ки'áтá* / *к'иш'á*, *мáш'úвтá*, *фóртá*, *с'úттy* / *с'úту*,

кур'ици (< коритцето), *амбарт'и*, *кóкэл'т'и*, *уло́й / уло́йт'и*, *куш'о́й / куш'о́йт'и*, *муш'и́й / муш'и́йтэ* 'имущество', *м'и́л'д'и́й / м'и́л'д'и́йтэ* 'мгла', *м'ирац'и́й / м'ирац'и́йтэ* 'сторож' и мн. др. Элизия гласных приводит к появлению новых и увеличению числа уже имеющихся в КН и КЯ сочетаний согласных.

3.3. Позиционные наборы гласных в безударной позиции

Выше было показано, что в подсистеме безударного вокализма в говорах КН и КЯ выделяются две позиции, определяемые отношением к ударению: предударная и заударная. Они различаются между собой позиционными наборами гласных.

В позиции п е р е д у д а р е н и е м зафиксировано три позиционных набора гласных.

В сегментах #VC' и #VC'': гласные *а, ъ, е, и, о, у*.

В сегментах CVC' и CVC'': гласные *а, ъ, о, у*.

В сегментах C'VC' и C'VC'': гласные *а, е, и, у, ъ*.

В предударной позиции в одной из лексических подсистем (а именно – в слоговых аббревиатурах) произносятся гласные *е* и *о*, например: *т'ек'ез'эту*, *м'ев'ер'эту* (КН). В данной работе звуковая организация этой подсистемы не исследуется.

В позиции п о с л е у д а р е н и я зафиксировано четыре позиционных набора гласных.

В сегментах 'CVC и 'CVC': гласные *а, ъ, о, у*.

В сегментах 'C'VC и 'C'VC': гласные *а, е, и, е, у, ъ*.

В сегменте 'CV#: гласные *а, ъ, о, у, о*.

В сегменте 'C'V#: гласные *а, е, и, е, о, е*.

Различия в наборах безударных гласных по позициям обусловлены твердостью-мягкостью предшествующих согласных, положением после паузы / не после паузы, наличием последующей губной артикуляции (чаще всего – губного спиранта), соседством с сонорными согласными – см., например, (536).

В говорах КН и КЯ отмечается также и определенная зависимость состава безударных гласных в отдельных позициях от грамматического фактора (преимущественно в заударных слогах) и от лексического (в основном в предударных слогах).

4. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

4.0. Языковая функция фонетических позиционных чередований состоит в том, что чередование устраняет, как правило, недопустимые для данной языковой системы сочетания звуков (которые появляются в тех или иных морфах одной морфемы при словоизменении или словообразовании) путем замены одного из компонентов сочетания. Например, в вокальных системах многих северо-восточных болгарских диалектов в двустороннем палатализованном контексте недопустим ударный гласный *á*, но закономерен гласный *é*. Поэтому в данных системах отмечается позиционное чередование *á* : *é* в сегментах *С'áС* : *С'éС'* (*С'éСС'*), принадлежащих разным морфам одной морфемы, – *пул'áна* : *пул'эн'и*, *ч'арш'áф* : *ч'арш'эф'и*, *с'áшка* : *с'еш'ч'аста*, *ш'áпка* : *ш'епк'и*.

Важно отметить, что если в языковой системе какое-либо недопустимое сочетание вообще отсутствует и не появляется в речи, то это означает, что позиционное чередование, устраняющее данное недопустимое сочетание, реализуется строго последовательно. Однако для большинства современных диалектных систем такая ситуация мало вероятна (нереальна). Обычно в результате контактов с соседними диалектами, характеризующимися иными нормами допустимости / недопустимости сочетаний, а также в результате действия грамматической аналогии, появления заимствований и т. п. позиционные чередования утрачивают свой последовательный и строгий характер.

Так, в говорах КН и КЯ, которым, как и большинству подбалканских диалектов, свойственно указанное выше чередование *á* : *é* для устранения недопустимого сочетания *С'áС'*, фиксируются, тем не менее, отдельные словоформы, содержащие именно это недопустимое сочетание. Ср., например, в КН – *ч'áш'и*, *йáтк'и*, *разбул'áхм'и*; в КЯ – *укт'áбр'и*, *ж'áр'им'и*, *wart'áхт'и*. В КН в словоформах *ч'áш'и*, *йáтк'и* с *á* в двустороннем палатализованном контексте можно предположить влияние крайних юго-восточных болгарских диалектов, для которых допустимыми являются именно сочетания *С'áС* и *С'áС'* (т. е. *пул'áна*, *пул'án'и*). Словоформы *укт'áбр'и*, *ж'áр'им'и* в КЯ относятся к явным заимствованиям из русского языка. А в таких глагольных словоформах, как *разбул'áхм'и*, *wart'áхт'и* (с сочетанием *С'áСС'*) просматривается аналогическое воздействие других словоформ глагольной

парадигмы – *разбул'áx*, *разбул'áxα*, *wart'áx*, *wart'áxα* (с сочетанием C'áC).

Возникает вопрос об интерпретации непоследовательно реализующегося позиционного чередования: можно ли считать его по-прежнему позиционным (фонетическим), если в говоре сосуществуют варианты с 'правильными' и 'неправильными' для его системы звуковыми сочетаниями (при подавляющем большинстве 'правильных' сочетаний).

Существует мнение, что характерной чертой собственно фонетического чередования является его безысключительность на уровне позиции, когда действует принцип «охвата всех слов» (20: с. 405). Однако сам по себе факт непоследовательности чередования вовсе не означает, что оно утратило функцию регулирования позиционных наборов звуков. Если состав морфем, где недопустимое сочетание то устраняется чередованием, то сохраняется, нельзя унифицировать ни по морфемному, ни по лексическому признакам, то можно считать, что чередование обусловлено фонетической позицией. И хотя такие чередования реализуются непоследовательно (т. е. часть недопустимых сочетаний остается вне поля их действия), тем не менее они ничем, кроме фонетического контекста, мотивированы быть не могут.

Чередование, как компонент фонетического строя, характеризуется двумя показателями: а) качеством чередующихся элементов и б) позиционными условиями чередования. Соединением этих показателей определяется содержание каждого конкретного звукового чередования.

Однако при выявлении правил позиционной мены гласных в говорах КН и КЯ необходимо привлекать не только данные фонетического уровня, но и учитывать грамматический фактор, так как наиболее убедительно определить позиционное чередование гласных можно именно при анализе сочетаний, находящихся в составе разных морфем одной морфемы. Например, чередование гласных *á* : *α*, обусловленное позицией по отношению к ударению, устанавливается при сопоставлении одинаковых сегментов в морфах корневой морфемы (сегмент CVC в *ка́л* : *калѣ́*) или в морфах той или иной аффиксальной морфемы (ср. реализацию флексии суш. ж.р. ед.ч. в сегменте CV# в *ч'урба́* : *ба́ба*). Но подчеркнем еще раз, что основными факторами, обуславливающими любое позиционное чередование, являются фонетические факторы.

Так, чередование гласных в КН и КЯ связано прежде всего с отношением позиции к ударению и с твердостью / мягкостью согласного, следующего после гласного.

4.1. Чередования гласных, связанные с отношением позиции к ударению

Выше указывалось, что для вокальной системы говоров КН и КЯ характерны два типа редукции гласных – ‘вертикальный’ и ‘горизонтальный’. Соотношение гласных в ударных и безударных слогах в зависимости от типа редукции, реализующемся в этом соотношении, также различно (например, \acute{e} : i и \acute{e} : e).

4.1.1. Чередования, обусловленные ‘горизонтальным’ типом редукции безударных гласных

В КН и КЯ наиболее сложную организацию представляют собой чередования ударных и безударных гласных, которые обусловлены в т о р ы м, или ‘горизонтальным’, типом редукции; он, как указывалось выше, затрагивает только нелабиализованные гласные, находящиеся в позиции после палатализованного сегмента. Рассмотрим в первую очередь эти чередования.

4.1.1.1. Ч е р е д о в а н и е \acute{a} : e/a в положении после мягких согласных, шипящих и \dot{y} .

В результате этого чередования ударный \acute{a} заменяется в безударном слоге гласными e/a в пределах тождественных морфем (т. е. в одинаковых сегментах разных морфов одной морфемы). Чередование ударных и безударных гласных охватывает ударные и, соответственно, предупредительные и заударные слоги. Качество сегмента, следующего после гласного (твердый, мягкий согласный, пауза), на выбор второго компонента чередования не влияет.

Данное чередование отмечено в следующих корневых и аффиксальных морфемах:

а) фонетическая позиция $C'VC$, $C'VC'$ – в разных морфах одной корневой (или основной) морфемы – $\dot{c}w'\acute{a}t$: $\dot{c}w'e\dot{t}uw'e$ / $\dot{c}w'a\dot{t}uw'e$, $uw'\acute{a}x\dot{a}$: $uw'a\dot{x}t'a$ / $uw'e\dot{x}t'a$, $\dot{c}'\acute{e}p'\acute{a}slu$: $\dot{c}'\acute{e}p'e\dot{s}l\acute{a}$ / $\dot{c}'\acute{a}p'a\dot{s}l\acute{a}$, $\dot{c}'\acute{a}s$: $id'in$ $\dot{c}'\acute{e}s\dot{c}$ / $\dot{c}'\acute{a}s\dot{c}$ и др. (второй компонент чередования находится в

предударной позиции); *x'íl'áda* : *x'íl'éd'u* / *x'íl'ád'u* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

б) фонетическая позиция C'VC, C'VCC' – в рамках имперфектной и аористной связочных морфем (в глагольных словоформах с разной акцентной характеристикой) – *пѣс'áf, пѣс'áfм'и; умр'áf, умр'áf'a* : *м'эс'эф / м'эс'áf, м'эс'эфм'и / м'эс'áfм'и; изъм'р'эф / изъм'р'áf, изъм'р'эха / изъм'р'аха* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция C'V# – в рамках флексии сущ. ж.р. ед.ч. (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *с'w'in'á, мѣйá, дѣш'т'ар'á* : *руск'ин'э / руск'ин'а, сѣрал'ийэ / сѣрал'ийа, з'эстр'э / з'эстр'а* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция C'V# – в рамках глагольной флексии I л. ед.ч. наст. (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *к'ип'á* (и *к'ип'э, к'ип'э* – см. выше, в разделе 2.1.9), *кад'á, суш'á* : *кѣп'э / кѣп'а, пѣд'э / пѣд'а, п'иш'э / п'иш'а* (второй компонент чередования находится в заударной позиции).

Чередование *á* : *э/а* характеризует в основном аффиксальные морфемы и фиксируется в заударной части слова. В корневых морфемах этот тип чередования в говорах КН и КЯ встречается значительно реже.

4.1.1.2. Ч е р е д о в а н и е *э* : *а/э* в положении после мягких согласных, шипящих и *й*.

Данное чередование отмечено только в составе аффиксальных морфем:

а) фонетическая позиция C'V# – флексия сущ. ж.р. ед.ч. (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *зам'э, главн'э, лаж'э* : *л'эл'а / л'эл'э, сарал'ийа / сарал'ийэ, бам'а / бам'э* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

б) фонетическая позиция C'V# – глагольная флексия I л. ед.ч. наст. – только в КЯ (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *мал'ч'э, кус'э, п'ийэ* : *мъм'а / мъм'э, губ'а / губ'э, тѣрс'а / тѣрс'э* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция $C'VC$ – глагольная флексия 3 л. мн.ч. наст. – только в КН (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *кус'ѣт, глуб'ѣт, сад'ѣт* : *с'ѣп'ѣт / с'ѣп'ѣт, нѣтрѣф'ѣт / нѣтрѣф'ѣт, дѣфч'ѣт / дѣфч'ѣт* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция $C'V\#$ – членная морфема сущ. м.р. ед.ч. (в словоформах с разной акцентной характеристикой) – *д'ѣн'ѣ, кун'ѣ, маж'ѣ* : *м'ѣгдѣн'ѣ / м'ѣгдѣн'ѣ, з'ѣт'ѣ / з'ѣт'ѣ, л'ѣкар'ѣ / л'ѣкар'ѣ* (второй компонент чередования находится в заударной позиции).

4.1.1.3. Рассмотренные чередования \acute{a} : e/a и \acute{e} : a/e , характеризующие аффиксальные морфемы (за исключением членной морфемы и глагольных связочных морфем) и иллюстрируемые одними и теми же примерами (словоформами), находятся между собой в сложных отношениях, так как в позиции под ударением после палатализованного сегмента широко представлено свободное варьирование ударных гласных \acute{a} и \acute{e} , а иногда и гласного \acute{e} (см. выше разделы о дистрибуции в КН и КЯ данных ударных гласных); в безударной же позиции и тому, и другому ударным гласным соответствуют гласные a и e , которые также свободно варьируются. Такая дистрибуция данных ударных и безударных гласных свидетельствует как будто бы об идентичности этих чередований. Однако обращение к знаковому строению текста позволяет обнаружить между ними некоторые различия и разделить их между собой. Дело в том, что в корневых морфемах, а также в имперфектной и аористной связочных морфемах представлено только чередование \acute{a} : e/a (*ч'ѣс* : *ч'ѣсѣ / ч'ѣсѣ; тѣс'ѣф* : *м'ѣс'ѣф / м'ѣс'ѣф, умр'ѣф* : *измѣмр'ѣф / измѣмр'ѣф*), а в членной морфеме сущ. м.р. ед.ч. – только чередование \acute{e} : a/e (*д'ѣн'ѣ* : *з'ѣт'ѣ / з'ѣт'ѣ*), что отрицает тождественность этих двух видов чередований. Что касается словоформ существительных ж.р. ед.ч. и глаголов наст.вр. 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч., то можно считать, что в их флексиях реализуются находящиеся в отношении вариативности позиционные чередования ударных и безударных гласных – \acute{a} : e/a и \acute{e} : a/e .

4.1.1.4. Ч е р е д о в а н и е *é* : *ǵ/a* в положении после мягких согласных, шипящих и *й*.

Указанное чередование отмечено в пределах как корневых (основных), так и аффиксальных морфем:

а) фонетические позиции C'VC, C'VC' – в рамках корневых (и основных) морфем (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *с'элу* : *с'эла* / *с'ала*, *вр'ит'эну* : *вр'ит'эна* / *вр'ит'ана*, *ч'элу* : *ч'эла* / *ч'ала*, *фч'эр'* : *фч'эр'ата* / *фч'ар'ата*, *ж'элт* : *ж'элтаву* / *ж'алтаву*, *ж'др'эпцуw'u* : *ж'др'эб'эц* / *ж'др'аб'эц* (второй компонент чередования находится в предупредительной позиции);

б) фонетическая позиция C'VC – в именном суффиксе *эн/эи/эи* (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *ч'арw'эи*, *студ'эн*, *сул'эн*, *з'ил'эн* : *им'ан'эи* *д'эн* / *им'ан'эи* *д'эн*, *пр'эс'эи* / *пр'эс'эи*, *дбл'эи* / *дбл'эи*; *дуw'эн*, *уц'ит'ин'эи*, *уйдр'эн*, *ур'ид'эн* : *згбтw'эи* / *згбтw'эи*, *уж'эн'эи* / *уж'эн'эи*, *зътбр'эи* / *зат'бр'эи*, *п'эч'эи* / *п'эч'эи* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция C'VC – в морфонологическом сегменте *эт/эт/ат*, расширяющем основу неопределенных и определенных сущ. ср.р. мн.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *к'уфт'эта*, *сарц'эта*, *струкч'этэ* : *кбт'эта* / *кбт'ата*, *зрбнц'эта* / *зрбнц'ата*, *апч'эта* / *апч'ата*; *пул'этафта*, *ч'эвр'этахта*, *прас'этафта* : *күтл'эфта* / *күтл'эфта*, *йар'эфта* / *йар'эфта*, *фт'ич'эфта* / *фт'ич'эфта* – см. (60) (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция C'V# – во флексии наречий, а также – реже – в глаг. флексии 1 л. ед.ч. наст. и во флексии сущ. ж.р. ед.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *дубр'э*, *кад'э* : *утр'э* / *утр'а*, *с'эти'э* / *с'эти'а*, *н'икбд'э* / *н'икбд'а*; *мал'ч'э* (наряду с *мал'ч'э*, *мал'ч'а*) : *дбфч'э* / *дбфч'а*; *зам'э* (наряду с *зам'э*, *зам'а*) : *бам'э* / *бам'а* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

д) фонетическая позиция C'VC – в субморфе *энт/энт/энт* сущ. м.р. (только в КЯ) – *пруц'энт* : *ц'эм'энт*, *дукүм'энт* (второй компонент чередования находится в заударной позиции); в КН зафиксированы словоформы *пруц'энт*, *ц'им'энт*, *дукум'энт*.

4.1.1.5. Ч е р е д о в а н и е \acute{u} : \acute{e}/\acute{a} в положении после мягких согласных, шипящих и \acute{y} .

Данное чередование реализуется в пределах корневых (очень ограниченно) и аффиксальных морфем:

а) фонетическая позиция $C'VC$ – в корневых морфемах (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – КН, КЯ: $b'íl$: $b'elá$ / $b'álá$, $b'eló$ / $b'aló$, $b'el'é$ / $b'al'é$; $id'ín$: $id'énáys'u$ / $id'anáysú$; КЯ: $inó k'ílu$: $tr'ú k'elá$ / $n'ét k'alá$ (второй компонент чередования находится в предударной позиции);

б) фонетическая позиция $C'VC$ – в субстантивном суффиксе $ín/en/án$ (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – $guspud'ín$, $думак'ín$: $ʔrgát'en$ / $argát'an$, $č'úgan'en$ / $č'úgan'an$, $guydár'en$ / $guydár'an$, $gʔgʔúz'en$ / $gʔgʔúz'an$ (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция $C'VC$ – в суффиксе притяж. прилаг. $en/án$ (в словоформах только с наосновным ударением) – $mám'en$ / $mám'an$, $báb'en$ / $báb'an$, $búl'č'en$ / $búl'č'an$, $básh't'en$ / $básh't'an$, $куми'ийен$ / $куми'ийан$, $майт'ен$ / $майт'ан$. В связи с тем, что позиция ударного \acute{u} в данном притяжательном суффиксе лексически не представлена, эквивалентность заударных \acute{e}/\acute{a} ударному \acute{u} устанавливается экспериментально – путем разделения данных словоформ на слоги: $báb'en$ / $báb'an$ → $bá/b'ín$, $búl'č'en$ / $búl'č'an$ → $bú/l'č'ín$ (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция $C'VC$ – в рамках аористой связочной морфемы \acute{u}/\acute{e} (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – $издуw'ix$, $нѣдруб'ix$: $zóbtw'ex$ / $zóbtw'ax$, $нагрáb'ex$ / $нагрáb'ax$ (второй компонент чередования находится в заударной позиции).

Таким образом, в говорах КН и КЯ для безударных членов чередований, основанных на втором 'горизонтальном' типе редукции, наиболее характерна заударная позиция и местоположение в рамках аффиксальных морфем. Предударная позиция указывает на принадлежность чередований корневым (основным) морфемам; эти чередования встречаются сравнительно в узком круге слов (морфем), которые поддаются перечислению. Рассмотренные чередования зафиксированы в следующих фонетических сегментах: $C'VC$, $C'VC'$, $C'V\#$. Наиболее типичной для данных чередований является позиция $C'V\#$.

4.1.2. Чередования, обусловленные ‘вертикальным’ типом редукции безударных гласных

Вокальные чередования, обусловленные п е р в ы м, или ‘вертикальным’, типом редукции, охватывают в КН и КЯ значительно большее число морфем (как корневых, так и аффиксальных) и для них нет синтагматических ограничений. Они могут употребляются после твердых и мягких согласных.

Ударные гласные нижнего и среднего подъема *á, é, ó*, оказавшись в результате формо- и словообразования в безударной позиции, повышают степень подъема и заменяются безударными гласными *ǎ/a, ǣ/u* и *o/y*. Ударные гласные верхнего подъема *ú* и *ý* в безударной позиции не меняют своих основных артикуляционно-акустических признаков и заменяются безударными гласными *и* и *у*. Ударные нелабиализованные гласные среднего ряда и среднего подъема *ǖ* и *Ǘ* в безударной позиции лишь немного понижают свой подъем и заменяются безударными гласными *ǘ/a* и *Ǚ/a*.

Таким образом, основой ‘вертикального’ типа редукции является изменение степени подъема ударного гласного, попавшего в безударную позицию; при этом его ряд остается прежним.

В КН и КЯ функционируют следующие позиционные чередования, сформировавшиеся на основе ‘вертикального’ типа редукции: *á* : *a/ǎ* (после твердых согласных), *ǎ* : *a/ǣ* (после мягких согласных), *é* : *e/u* (после мягких согласных), *ǖ* : *ǘ/a* (после твердых согласных), *Ǘ* : *Ǚ/a* (после мягких согласных), *ó* : *o/y* (после твердых и мягких согласных), *ú* : *и* (после мягких согласных), *ý* : *у* (после твердых и мягких согласных). Чередования *á* : *a/ǣ* и *ǎ* : *ǣ/a* в говорах КН и КЯ, функционирующие в позиции после мягких согласных, уже были рассмотрены выше в ряду других чередований, образованных на основе ‘горизонтального’ типа редукции (поскольку эти гласные относятся к зоне среднего ряда); и при ‘вертикальном’, и при ‘горизонтальном’ типах редукции ударные гласные *á* и *ǎ* образуют чередования с одними и теми же безударными гласными (*a* и *ǣ*), которые, по сравнению с соответствующими ударными гласными, слегка понижают степень подъема, но не меняют локализации в области среднего ряда.

4.1.2.0. Основные различия между чередованиями, действующими по правилам либо первого, либо второго типов редукции, касаются

лишь тех чередований, которые возглавляются ударными нелабиализованными гласными верхнего и среднего подъема, локализующимися в пределах переднего ряда – это гласные *í* и *é*. При ‘вертикальном’ типе редукции данные гласные в безударной позиции заменяются гласными *u* ← *í* и *e/u* ← *é*: ряд остается прежним (передний), а ступень подъема у безударных гласных *e/u* – выше, чем у ударного гласного *é*. При ‘горизонтальном’ типе редукции гласные *í* и *é*, как было показано ранее, в безударной позиции заменяются гласными *a/ɛ*, которые, по сравнению с ударными, характеризуются не только понижением ступени подъема, но и перемещением из переднего в средний ряд.

Таким образом, при полной и последовательной реализации ‘горизонтального’ типа редукции в безударной позиции после мягких согласных значительно повышается частотность употребления нелабиализованных гласных среднего ряда и среднего подъема (*a* и *ɛ*); в крайнем случае можно даже предположить ситуацию, при которой нелабиализованные гласные переднего ряда средне-верхнего и верхнего подъема (*e* и *i*) будут в подсистеме безударного вокализма вообще отсутствовать. При реализации же ‘вертикального’ типа редукции в безударной позиции после мягких согласных функционируют все нелабиализованные гласные переднего и среднего ряда среднего, средне-верхнего и верхнего подъема (*u*, *e*, *a*, *ɛ*).

В данном разделе будут рассмотрены следующие позиционные вокальные чередования, обусловленные ‘вертикальным’ типом редукции: *é* : *e/u*, *í* : *u*, *ɔ̃* : *ɔ/a*, *á* : *a/ɔ*, *ó* : *o/y*, *ý* : *y*. (О чередованиях *á* : *a/ɛ* и *é* : *e/a*, общих для безударного вокализма с ‘горизонтальным’ и ‘вертикальным’ типами редукции, см. выше).

4.1.2.1. Ч е р е д о в а н и е *é* : *e/u* в положении после мягких согласных, шипящих и согласного *й*.

Данное чередование представлено в рамках корневых (основных) и аффиксальных морфем:

а) фонетические позиции (сегменты) *C'VC*, *C'VC'* – в пределах корневых (основных) морфем (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *n'ét* : *n'ud'us'é* / *n'éd'us'é*, *m'ém* : *m'éd'ɔ* / *m'id'ɔ̃*, *s'ém'u* : *s'em'áná* / *s'im'áná*, *w'étyu* : *uw'et'álu* / *uw'ut'álu*, *b'ixçén'an* : *ç'ená* / *ç'iná*, *n'ésaɸ* : *n'és'é* / *n'us'é*, *n'ém'iuç* : *n'imk'im'a* (второй компонент чередования находится в предударной позиции);

б) фонетические позиции $C'VC'$, $C'V\#$ – в рамках флексии мн.ч. неопределенных и определенных сущ. м.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *кун'э, плудуw'э : снóп'и, стулów'и; кун'эт'и, плудуw'эт'и : снóп'ит'и, стулów'ит'и* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетические позиции $C'VC$, $C'V\#$ – во флексии ед.ч. неопределенных и определенных сущ. ср.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *н'иб'э, маэ'э : б'эб'и, лóз'и; н'иб'эту, маэ'эту : б'эб'иту, лóз'иту* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция $C'VC$ – в рамках суффикса *é/éи/иц* сущ. м.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *лэж'эц, лэс'т'эц : турлэч'ан'эц / турлэч'ан'иц, нэл'эц / нэл'иц* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

д) фонетические позиции $C'VC'$, $C'VC$ – в рамках суффикса прилагательных *эш'к'иши'к'* (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *ч'уw'эш'к'и, ч'уw'эш'кэ : нát'иши'к'и / нát'иши'ку, н'ил'иши'к'и* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

е) фонетическая позиция $C'V\#$ – в глагольной флексии 3 л. ед.ч. наст. и во флексии сущ. ср.р. ед.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *дад'э, кэл'н'э, н'ер'э : дóд'и, ужэ'эн'и, да сэш'эр'и; пул'э, д'ар'э, прас'э, замч'э, д'ит'э, мумч'э / мун'ч'э, н'исамц'э : н'ил'и, магáр'и, кóн'ч'и, плáхч'и, лáп'и, ку'ч'ан'иц'и* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

ж) фонетическая позиция $C'V\#$ – во флексии числительных (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *н'ид'ис'э, ш'ийс'э : дwáйс'и, тр'ийс'и* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

з) фонетическая позиция $\#VC'$ – зафиксированы только словоформы *эс'ан : ис'энтэ* и *эз'ару : из'арá* (первый и второй компоненты чередования находятся в начале словоформы после паузы, второй – в предударной позиции).

4.1.2.2. Ч е р е д о в а н и е *í : и* в положении после мягких согласных, шипящих и согласного *й*.

Это чередование зафиксировано в рамках корневых (основных) и аффиксальных морфем:

а) фонетические позиции C^VC , C^VC' – во многих корневых морфемах (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *sw'in'u* : *sw'in'a*, *b'ik* : *b'ikb'*, *kur'itu* : *kur'ita*, *ustr'igan* : *str'igt* (второй компонент чередования находится в предударной позиции);

б) фонетические позиции $C^V\#$, C^VC' – во флексиях мн.ч. неопределенных и определенных сущ. и прилаг. ж.р., а также в глагольной флексии 3 л. ед.ч. наст. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *turb'u*, *duh'u* : *bab'u*, *gu'u*; *dubr'u* : *mokr'u*; *turb'it'u*, *duh'it'u* : *bab'it'u*, *gu'it'u*; *dubr'it'u* : *mokr'it'u*; *toij da wprt'u* : *toij da k'kr'u* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция C^VC – в рамках суффикса *ik/uk* сущ. м.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *vrbs'n'ik*, *wuin'ik*, *gud'en'ik* : *sw'ixch'en'ik*, *l'ibomn'ik* / *l'ubomn'ik*, *ni'emn'ik*, *kur'n'ik* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция C^VC – в рамках суффикса *iui/ii* сущ. ж.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *es'el't'iiqa*, *kuuw'iiqa*, *m'g'gr'iiqa*, *sw'ixch'iiqa* : *g'gur'iiq*, *l'ibomn'iiqa*, *iar'ab'iiqa* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

д) фонетическая позиция C^VC' – в пределах суффикса *ich'k/ich'k* сущ. ж.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *l'ej'ich'ka*, *kul'ich'ka* : *l'el'ich'ka*, *mas'ich'ka* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

е) фонетические позиции C^VC' , C^VCC' – в рамках суффикса *iui't'ixch'/iui't'ixch'* сущ. ср.р. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *ugn'iui't'u* / *ugn'ixch'u*, *l'it'iui't'u* / *l'it'ixch'u* : *uch'il'iui't'u* / *uch'il'ixch'u*, *nazw'iui't'u* / *nazw'ixch'u* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

ж) фонетическая позиция C^VC' – в морфонологическом сегменте *iui't'/iui't'*, расширяющем основу в сущ. м.р. мн.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *gr'd'iui'ta*, *k'rl'ch'iui'ta* : *dwor'iui'ta*, *k'br'iui'ta*, *g'ul'iui'ta* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

з) фонетическая позиция #VC – в рамках префикса *iz/íc/iz/ic* (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *izgr'ęf, izbur, ísхода* : *izmámъ, izl'ęж'ę, ispl'n'u* (второй компонент чередования находится в предупредной позиции).

4.1.2.3. Ч е р е д о в а н и е á : a/ъ в положении после твердых согласных и паузы.

Это чередование отмечено в корневых (основных) и аффиксальных морфемах:

а) фонетические позиции CVC, CVC' – в рамках корневых морфем (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *más* : *masť / męsť, kál* : *kalť / kęľť, prák* : *prağb' / pręğb', lákът'* : *lakът'et'u / lękът'et'u, násъx* : *nas'é / nęs'é* (второй компонент чередования находится в предупредной позиции);

б) фонетические позиции CV#, CVC – в рамках именной флексии ж.р. ед.ч. неопределенных и определенных сущ., прилаг. и прич. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *ж'ина, мумá, гл'wá* : *rod'ina / rud'инъ, ýáma / ýámъ, з'lwа / з'lwъ; мумáта* : *ýáмата / ýámътъ; дубра, sw'itá* : *mókpa / mókръ, izm'itа / izm'итъ; дубра́та* : *mókpaта / mókрътъ; 'дуи'lá* : *s'énna / s'énнъ; дуи'láта* : *s'énnaта / s'énнътъ* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция CV# – в глагольной флексии 1 л. ед.ч. наст. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *пabудá* : *ída / идъ* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция #VC (редко) – в пределах корневых морфем (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – зафиксированы только словоформы *ápm'ийę* : *apm'éиц / ępm'éица* (второй компонент чередования находится в предупредной позиции).

4.1.2.4. Ч е р е д о в а н и е ь : ъ/a в положении после твердых согласных.

Это чередование зафиксировано как в корневых (основных), так и в аффиксальных морфемах:

а) фонетические позиции CVC, CVC' – в рамках корневых (основных) морфем (в словоформах с различной акцентной характери-

стикой) – *дѣхч'аи* : *дѣска́* / *даска́*, *зѣрну* : *зѣрна́* / *зарна́*, *зѣм'и* : *зѣм'а́* / *зам'а́*, *ид'ини џѣф* : *џѣфтѣ́* / *џафтѣ́*, *мѣх* : *мѣх'уw'е́* / *мѣуw'е́*, *врѣфт'и* : *врѣфтѣ́* (второй компонент чередования находится в предупредительной позиции);

б) фонетическая позиция CVC – в глагольной флексии 3 л. мн.ч. наст. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *набудѣт* : *идѣт* / *идат* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетическая позиция CV# – в членных морфемах сущ. м.р. ед.ч. и сущ. ж.р. ед.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *плѣтѣ́*, *крѣгѣ́* : *крѣстѣ́* / *крѣста*, *плугѣ́* / *плуга*; *прул'ѣтѣ́*, *султѣ́* : *ж'иниатѣ́* / *ж'иниата*, *кѣши'тѣтѣ́* / *кѣши'тата* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

г) фонетическая позиция CVC – в неопределенных прилагательных м.р. ед.ч. с вставными (вмѣкнати) гласными ѣ/ѣ/а типа *дубѣр* : *х'итѣр* / *х'итар*, *мокѣр* / *мокар* (второй компонент чередования находится в заударной позиции).

4.1.2.5. Ч е р е д о в а н и е *о* : *о/у* в положении после твердых и мягких согласных.

Данное чередование широко представлено в корневых и аффиксальных морфемах:

а) фонетические позиции #VC, CVC, C'VC, C'VC' – в рамках корневых морфем (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *џѣфч'у* : *џѣца́* / *џѣца́* / *џѣца́*, *џѣс'ам* : *ус'амна́йс'и*; *пѣт* : *пѣтѣ́* / *пѣтѣ́*, *лѣи* : *лѣитѣ́* / *лѣитѣ́*, *плѣт* : *плѣдѣw'е́* / *плѣдуw'е́*, *моc* : *моcтѣw'и* / *муcтѣw'и*, *бѣдѣх* : *бѣдѣт* / *будѣт*; *ц'ѣп* : *ц'ѣбѣw'и* / *ц'убѣw'и*; *ч'ѣл'ѣс* : *ч'ѣл'ѣсѣ́* / *ч'ѣл'ѣсѣ́* (второй компонент чередования находится в предупредительной позиции);

б) фонетические позиции CV#, CVC – в именной флексии ср.р. ед.ч. неопределенных и определенных сущ., прилаг. и прич. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *п'исмѣ*, *кр'илѣ*, *л'истѣ* : *ра́мѣ* / *ра́му*, *с'ѣлѣ* / *с'ѣлу*, *кул'анѣ* / *кул'ану*; *дубрѣ* (*т'ѣл'и*) : *гѣлѣ* / *гѣлу*, *ч'ѣрниѣ* / *ч'ѣрну*; *душ'лѣ* : *искѣпѣлѣ* / *искѣпѣлу*; *р'ибрѣту*, *с'анѣту* : *д'адѣту* / *д'адуту*, *ч'ѣлѣту* / *ч'ѣлуту*; *дубрѣту* : *з'ил'ѣнѣту* / *з'ил'ѣнуту*; *душ'лѣту* : *зѣбѣтѣw'алѣту* / *зѣбѣтѣw'алуту* (второй компонент чередования находится в заударной позиции);

в) фонетические позиции CVC' , $C'VC'$ – в морфонологическом сегменте *óv/ov'uv'*, расширяющем основу сущ. м.р. мн.ч. (в словоформах с различной акцентной характеристикой) – *куш'ów'u*, *стулów'u*, *мустów'u* : *кш'úч'uw'u*, *ш'úш'uw'u*, *д'ёрт'uw'u*, *брáтow'u* / *брáтуw'u*, *сб́дow'u* / *сб́дуw'u*, *сб́рнуфт'u* (второй компонент чередования находится в заударной позиции).

4.1.2.6. Ч е р е д о в а н и е $ú$: $у$ в положении после твердых и мягких согласных и после паузы.

Это чередование реализуется, в основном, в корневых морфемах в следующих фонетических позициях: а) $\#VC$, $\#VC'$; б) CVC , CVC' ; в) $C'VC$, $C'VC'$ – а) *úч'а* : *уч'út'эл* / *фч'út'ал*; *úm*, *úm'ан* : *умб*; *úrнэ* / *фúrна* : *урнац'úйката*; б) *кúm* : *кумб*, *тúrч'ен* : *турк'ún'а*, *сúч'е* : *суч'ú*, *мúхъл* : *мухл'асва*; в) *л'út* / *л'út* : *л'ут'úф* / *л'ит'úф*, *кл'úка* : *пукл'укóсвам*, *кл'укáч'ка* (второй компонент чередования находится в преударной позиции).

4.1.3. Реализованный в работе метод рассмотрения вокальных чередований, обусловленных как 'вертикальным', так и 'горизонтальным' типами редукции гласных, может вызвать ошибочное представление о том, что характеризующие говоры КН и КЯ чередования осуществляются только в рамках одной морфемы (в разных ее морфах). На самом же деле, морфологические аргументы (т.е. учет морфологического членения словоформ), используемые при анализе чередований ударных и безударных гласных, помогают прежде всего увидеть реальную связь, существующую между единицами ударного и безударного вокализма, а также понять значение позиционных чередований, которые выражают не только целостность всей вокальной системы, но и взаимодействие ее с другими уровнями языка. Кроме того, с помощью этого метода выявляется максимально доступный исследователю инвентарь позиционных чередований в КН и КЯ.

Однако и ударные, и безударные гласные большинства морфем при словоизменении и словообразовании не меняют своего положения относительно ударения в словоформах одного слова (или словообразовательной цепочки слов). Поэтому в рамках таких морфем чередование не реализуется. Ср., например, следующие наборы словоформ с постоянным (колонным) ударением, как *ъгъл* и *ъгъла*; *прът* и *прът'u*; *брът*

и *брáта*, *брáтуw'и*; *кл'уч'* и *кл'уч'уфт'и*; *кóрап* и *кóраб'и*; *д'эв'ер* и *д'эв'эра*; *ц'эр* и *ц'эра*, *ц'эруw'и*, *ц'эруwа м'иш'а*; *звóз'д'ай* и *звóз'д'айч'иу*; *с'арáк* и *с'арáш'к'и жс'иwóт* (КН, КЯ), а также *м'ик'адбн'иц* и *м'ик'адбн'ц'и*, *м'ик'адбн'ка*, *М'ик'адбн'ийа* (КН, в одном идиолекте) и т. п. Вывести правила позиционного чередования ударных и безударных гласных на основании только таких примеров, естественно, можно, но они будут менее убедительны, чем анализ соотношения данных гласных, функционирующих в рамках определенных морфем.

Инвентарь позиционных чередований ударных и безударных гласных, установленный в результате сопоставления этих гласных в одних и тех же линейных отрезках (фонетических позициях) в разных морфах одной морфемы, позволяет идентифицировать, фактически, и все случаи с неизменяемыми гласными с точки зрения их соответствия тем или иным видам чередований. Следовательно, в морфемах с постоянным ударением находится только один из членов (компонентов) позиционного чередования, тогда как другой – лексически не представлен, хотя и допустим (и его можно найти в других словоформах). Так, для ударного гласного *ѣ* в *прѣт* или *ѣгъл* можно установить связь с безударными гласными *ѣ* и *а*, например, в *грѣмнѣк* / *грамнѣк*, *длтѣн* / *ѣлтѣн* (которые в данных корневых морфемах также являются неизменяемыми) и сконструировать чередование *ѣ* : *ѣ/а*, а для ударного *á* в *брáт* – выявляется связь с безударными *а* и *ѣ* и в *грѣмнѣк* / *грамнѣк*, и в *пѣш'мáк* / *пáш'мáк* 'обувь', и в *тáбáн* / *тѣбáн* 'ступня' и т. д., на основании чего определяется позиционное чередование *á* : *а/ѣ*, установленное ранее в результате анализа функционирования ударных и безударных гласных в рамках одной морфемы. Для заударного *а* в *кóрап* допустимо выстроить альтернативные отношения с ударным *á* в *брáт* или с ударным *ѣ* в *прѣт* и включить данный гласный *а* либо в чередование *á* : *а/ѣ*, либо в чередование *ѣ* : *а/ѣ*.

Такие чередования являются автоматическими и предсказуемыми, а отсутствующие члены этих чередований могут быть восстановлены на основе исследования синтагматики гласных (т. е. руководствуясь исключительно лишь фонетическими факторами). Следовательно, при наличии морфов с тождественной акцентной характеристикой (в рамках одной морфемы) альтернативные отношения между ударными и безударными гласными в приведенных примерах устанавливаются

только на уровне фонетической позиции, без привлечения грамматических аргументов, но с учетом того инвентаря позиционных чередований, который предварительно был уже выявлен. Для говоров КН и КЯ описанная ситуация возможна только для гласных, находящихся в позиции после *т в е р д ы х* согласных. Для таких чередований главное (а, возможно, и единственное) значение имеет фонетическая позиция. В то же время следует учитывать некоторую условность при включении данных неизменяемых в морфеме гласных в то или иное позиционное чередование. Ср., например, произнесенные в КН по слогам словоформы *слуг'ин'ч'и* → *слó/г'и́н'ч'э* и *запу́и'а́лка* → *за́но/и'а́л/ка́* и *за́ну/и'а́л/ка́* (в разных идиолектах): предударный *у* в данном случае с равным правом может быть членом и чередования *ó : o/u*, и чередования *ú : у*. Ср. и приведенный выше пример с гласным *а* в *кóран*, который также может быть членом двух чередований.

Однако для гласных, которые в КН и КЯ: а) употребляются после *м я г к и х* согласных (это гласные *é, ú, e, и, 'а, e*), б) являются членами разных чередований, обусловленных разными типами редукции безударных гласных, и в) представлены без изменений в изолированных морфемах (словах), – решение об их принадлежности к тому или иному виду чередований (т. е. *é : e/a, é : e/u, ú : e/a, ú : и*) не может быть однозначным. Например, безударные гласные *e/a* в словоформах *м'ар'и́и'и*, *прóл'ет / прул'атъ, а́нг'ал, и'търк'ел / и'търк'ал, бус'и́л'ек / бус'и́л'ак, мараф'и́н'ак* (КН, КЯ); *йе́ва́нг'и́л'и́ту, йа́варла́ц'и = d'иб'ел'и прас'ета, с'ерóп* (КН); *йе́врүүлáн* (КЯ) – могут на равных основаниях быть включенными как в чередование *é : e/a*, так и в чередование *ú : e/a*. А ударный *и́* в *п'и́л'и* и ударный *é* в *w'éч'и* могут с равным правом возглавить чередования *ú : a/e, ú : и, é : a/e, é : e/u*. Данные чередования, члены которых фиксируются только в позиции после палатализованного сегмента, не являются ни автоматическими, ни предсказуемыми.

Поэтому для говоров КН и КЯ, вокализм которых характеризуется двумя типами редукции, так важен при определении инвентаря чередований анализ не только фонетических позиций, в которых функционируют вокальные единицы, но и тех морфем, в которые данные позиции входят. Кроме того, необходимо иметь максимальное представление о том круге слов (в совокупности всех их словоформ), кото-

рые содержат гласные из альтернативных чередований (ср., например, *с'элу* : *с'алá*, но *с'эстр'и* : *с'истрá*).

Следовательно, при изучении позиционных чередований ударных и безударных гласных в говорах КН и КЯ неизбежно обращение к фонетике, грамматике (морфологии, словообразованию) и лексике.

Что касается фонетически допустимых, но лексически не представленных в чередованиях (в рамках морфемы) одного из компонентов альтернации, то в наибольшей степени это, если исходить из зафиксированного в КН и КЯ материала, характерно для следующих позиций: а) #VC, #VC' – чередования *á* : предуд. *а/ъ* и *ъ* : предуд. *а/ъ*; б) C'VC, C'VC' – чередование *é* : предуд. *е/а*; в) C'V# – чередование *í* : зауд. *е/а*; г) C'VC, C'VC', C'V# – чередование *ó* : *о/у*.

Таким образом, в говорах КН и КЯ чередования гласных, обусловленные отношением фонетической позиции к ударению, устраняют из безударных слогов те гласные, которые запрещены правилами вокальной синтагматики в безударном вокализме. Так, в безударной позиции запрещены гласные *ъ, а, о, е*. Для гласных *е, и, у* синтагматического запрета на их употребление в безударном положении нет.

Важно еще раз подчеркнуть, что некоторые чередования (например, все чередования в позиции после твердых согласных, а также чередования, возглавляемые ударными *ó* и *ú* в позиции после твердых и мягких согласных) имеют автоматический и предсказуемый характер: эти чередования реализуются только по правилам 'вертикального' типа редукции. Чередования же, отмечаемые для нелабиализованных гласных *é, í, é, е, á, а* в положении после палатализованного сегмента, могут осуществляться в рамках как 'вертикального', так и 'горизонтального' типов редукции: при этом они привязаны, как правило, к определенным морфемам и поэтому, только по наличию ударного гласного или указанных безударных гласных, определить вид чередования не представляется возможным. Важно отметить, что среди данных чередований имеются исключения – это чередования, возглавляемые ударными *é* и *á*, т.е. *é* : *а/е* и *á* : *а/е*. Они автоматически (предсказуемо) происходят во всех морфемах, где возможны гласные *á* и *é* под ударением, попадающие в результате формо- и словообразования в безударный слог. Однако эти чередования (особенно *é* : *а/е*) ограничены небольшим кругом морфем, и их удельный вес в системе вокализма не высок.

Также в определенных морфемах употребляются и чередования, возглавляемые ударными *é* и *ú*, которые, в зависимости от значения морфемы, изменяются в безударном слоге либо по 'вертикальному' типу (*é* : *ɛ/u*, *ú* : *u*), либо по 'горизонтальному' (*é* : *ɛ/a*, *ú* : *ɛ/a*). Но именно эти четыре вида чередований, которые невозможно предсказать лишь на уровне позиции, буквально, пронизывают всю вокальную систему говоров КН и КЯ и, фактически, формируют диалектную специфику кортенско-кирютненского вокализма.

Кроме того, собранный материал свидетельствует о том, что чередование *ú* : *u* значительно превосходит по употребительности чередование *ú* : *ɛ/a*. Создается впечатление, что и чередование *é* : *ɛ/u* более распространено в КН и КЯ, чем чередование *é* : *ɛ/a*. Поэтому безударный *u* (в корневых морфемах – особенно, а также и в аффиксальных морфемах, прежде всего в позиции перед паузой), по сравнению с безударным *ɛ*, более частотен (ср. *м'эт* : *м'идѣ*, *св'ѣш* : *св'ихч'ица*, *п'ѣш* : *п'иш'тѣ*, *з'им'á*, *тр'ивá*, *ж'ишá*, *мъз'ѣ* : *лôз'и*, *гърбуу'ѣ* : *сѣдуу'и* и т.д.).

4.1.4. Ранее было показано, что в говорах КН и КЯ два типа редукции в большей части своих проявлений позиционно и, особенно, грамматически разграничены. Конкурирующими являются чередования *é* : *ɛ/a*, *é* : *ɛ/u*, *ú* : *ɛ/a* и *ú* : *u* (*с'ѣлу* : *с'ѣлá*, *в'ѣту* : *ув'ит'áла*, *б'ил* : *б'ѣлá*, *св'ит'т'и* : *св'ит'á*). В ряде случаев их фонетические позиции совпадают, но в то же время каждое из этих чередований является приметой определенных морфем (см. выше в разделах 4.1.1. и 4.1.2. описание данных позиционных чередований). Подавляющее большинство примеров свидетельствует о том, что то или иное конкретное чередование, с точки зрения реализации двух типов редукции гласных, является одной из характерных особенностей определенных морфем (именно морфем, но не словоформ, ср., например, *с'ѣстр'ан*, но *с'истра́*, *с'ѣд'ам*, но *с'ид'м'ица* – в данных словоформах ударные и безударные гласные в корневой морфеме подчиняются правилам 'вертикального' типа редукции, а в суффиксальной морфеме – правилам 'горизонтального' типа редукции). Это означает, что в пределах одного и того же корня и в каждой конкретной аффиксальной морфеме фиксируется только один вид чередования. По крайней мере, нами не было зафиксировано вариативное употребление разных, конкурирующих, видов чередований в рамках одной и той же морфемы в одном и том же

идиолекте (исключения составляют лишь некоторые словоформы, вариативное произношение которых отмечено отдельно в КН и КЯ, например: в КН – *с'ем'анá, инó к'шó*, в КЯ – *с'им'инá / с'им'анá, инó к'елó*, см. выше); изредка отмеченные варианты в отдельных морфемах были записаны нами у разных лиц, например: *р'эт, р'идѣ, р'адóвн'и*. Именно морфологическая обусловленность чередований, возглавляемых нелабиализованными ударными гласными и реализуемых в позиции после палатализованного сегмента, составляет специфическую особенность говоров сел КН и КЯ. Таким образом, в регулирование чередований включен морфемный, а если принимать во внимание разное проявление чередований в отдельных корнях, то и лексический фактор.

Анализ чередований показал, что оба типа редукции, определяющие сферу вокальных чередований в говорах КН и КЯ, в настоящее время не представляют собой чисто фонетического явления. В определенной степени такой же вывод делают и болгарские диалектологи и историки языка. Например, К. Мирчев полагает, что в случаях типа *глад'ѣн, злат'ѣн* имеет место «не редукция безударного *e*, а прямое наследование старого суффикса *-ѣнь*» (53а: с. 132). И. Кочев, подробно исследовавший вокализм сливенского говора, специально подчеркивает нефонетический характер 'горизонтального' типа редукции и высказывает мнение, что она «не имеет опоры в фонетике говора», а носит ярко выраженный «суффиксальный характер» (53: 297–299).

Однако в дальнейшем, на основе богатейшего материала, собранного в говорах КН и КЯ, И. Кочев останавливается на вопросе об истоках данного типа редукции и аргументирует его фонетическую природу и обусловленность (53б). При этом он исходит из сформулированного Н.С. Трубецким положения о том, что отдельные гласные, противопоставленные друг другу по такому признаку, как разная степень раствора, могут – под воздействием носовых и плавных согласных – подвергаться ассимилятивной контекстно-обусловленной нейтрализации и утрачивать этот признак (22: 261–262). И. Кочев тщательно исследует все фонетические позиции, в которых в говорах КН и КЯ зафиксированы безударные гласные *'а/ѣ/ѣ'*, заменившие противопоставленные по подъему ударные гласные *ѣ* и *и*, и на основании этого анализа делает вывод, что такая нейтрализация гласных *ѣ* и *и* в говорах КН и КЯ происходит наиболее последовательно под влиянием сосед-

них сонантов, вибрантов и спирантов (*л, л', и, и', м, м', р, р', ш, ш', й*), которые могут находиться как перед гласными, так и после них. Большой и информативный иллюстративный материал из КН и КЯ по дистрибуции безударных гласных 'а/е/'ь (особенно в корневых морфемах), приведенный И. Кочевым, подтверждает мысль автора о том, что именно данные согласные являются «фактором, выстраивающим целостную структуру слова,...и активно воздействующим на вокализм»; «под их влиянием в подавляющем большинстве случаев гласные *и* и *е* превращаются в передне-средние или в средние широкие гласные ('*е, ъ, ъ, 'а, 'а*') (53б: 492, 494). Придавая большое типологическое значение особой роли сонорных согласных в КН и КЯ, автор относит кортенско-кирютненский диалект к «самостоятельному сонорному типу» (53б: 494). Однако в данной статье И. Кочев не останавливается специально на чередованиях *é, ú* : '*а* ('*ь, е*) и на привязанности указанных гласных к разным морфемам (корневым и аффиксальным). Также не касается он и вопроса о конкуренции (или сосуществовании) в говорах КН и КЯ чередований *é, ú* : *е/и* и *é, ú* : '*а/е*.

Интересно отметить, что целый ряд восточноболгарских диалектов так же, как и говоры КН и КЯ, характеризуется двумя указанными типами редукции, имеет тот же инвентарь вокальных единиц и те же чередования. Однако в них фиксируется иное, чем в КН и КЯ, распределение членов позиционного чередования по морфемам. Например, в КН и КЯ: *д'ен* : *д'ин'э*, *цв'ет* : *цв'ит'а* и *цв'ету'э*, *маз'э* : *лóz'и*, *турб'и* : *бáб'и*, *си'агу'э* : *т'иру'и* 'борозды', *хр'ьбр'ец* : *пáл'иц*, *гуд'ен'ик* : *пун'д'эл'н'ик*, *пул'этъ* : *кутл'этъ*, *фч'эр'* : *фч'ер'á*, *с'элу* : *с'алá*, *w'афруш'ка*, *дубр'э* : *утр'а* и т. д. В сливенском говоре, по данным И. Кочева, безударный гласный *е* (или, в его транскрипции, '*ь*') имеет значительно более широкое распространение – прежде всего за счет высокочастотной именной флексии мн.ч. и членной морфемы мн.ч.: *ц'урап'ь*, *дáрув'ь*, *кълкит'ь*, *пънталоит'ь*, *тiкв'ьн'ьк*, *ниверн'ьк*, *врати'ьк*, *връши'ьк*, *ръздрунд'ьл*, *дэс'ьт*, *бол'ьс*, *дév'ьр*, *п'ьтoръ*, *чьдá*, *шьрoк* и др. (52: с. 45–47; 53: с. 297, 299). Различия в соотношении двух типов редукции и в распределении чередований по морфемам в разных восточноболгарских диалектах в значительной степени обуславливают индивидуальность и специфичность системы вокализма в каждом из них.

Наличие в КН и КЯ двух типов редукции и, как следствие этого, двух видов чередований ударных *é* и *í* с безударными гласными, можно интерпретировать и как сосуществование в одном говоре двух подсистем безударного вокализма: в одной подсистеме ударные *é* и *í* чередуются с безударными *u/ε*, в другой – с безударными *ε/а*.

Такое предположение является вполне допустимым в связи с известным в диалектологии положением о том, что любой современный говор непременно содержит в своей системе и черты других диалектных систем, и это обуславливает наличие тех или иных сосуществующих в говоре элементов (9: с. 189). Однако разные диалекты характеризуются, как правило, разным составом сосуществующих элементов. «Взаимодействие различных систем в отдельном говоре может быть выражено в виде единичных случаев в ограниченном числе явлений... В других случаях взаимодействие двух систем может пронизывать весь говор, и тогда два варианта звукового воплощения явления (“соотносительные члены”) существуют параллельно. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» (Там же).

Если признать факт сосуществования в вокальной системе говоров КН и КЯ двух подсистем безударного вокализма, выступающих в виде ‘вертикального’ и ‘горизонтального’ типов редукции гласных в безударных слогах, то следует, видимо, предположить наличие длительного взаимодействия и давних контактов между северо-восточными и юго-восточными диалектными системами. В результате этого взаимодействия в говорах КН и КЯ (как и в других говорах подбалканского диалектного типа) возникла специфическая, объединяющая отдельные признаки взаимодействующих между собой систем и как бы компромиссная по своему характеру, *новая система вокализма*, в которой проявилась своеобразная лексико-грамматическая «специализация» безударных гласных *u/ε* и *а/ε*, особенно в заударных слогах. При этом следует подчеркнуть, что в пределах каждой из двух подсистем типы редукции (в одной подсистеме – ‘вертикальный’, в другой – ‘горизонтальный’) действуют безысключительно. В соответствии с этим и вокальные чередования, возглавляемые ударными гласными *é* и *í* и обусловленные в одной подсистеме одним типом редукции, а в другой – другим, также характеризуются последовательностью и не

образуют морфемных вариантов с безударными гласными *u/ε* и *a/ε*, принадлежащими в качестве членов чередований разным подсистемам безударного вокализма (т. е. отдельно *é,ú : ε/u* и *é,ú : a/ε*, но не варианты *é,ú : ε/u // é,ú : a/ε* в рамках одной морфемы). Возможно, такая строгость в реализации указанных чередований является вполне убедительным доказательством известной автономности двух типов редукции безударных гласных, сосуществующих в рамках одной системы вокализма говоров КН и КЯ.

4.2. Чередования ударных гласных, обусловленные качеством последующего согласного (последующего сегмента)

4.2.1. В данном подразделе рассматривается чередование двух ударных гласных – *á* и *é*, находящихся в позиции после палатализованного сегмента, т. е. после мягких согласных, шипящих и согласного *й*.

Ч е р е д о в а н и е *á : é*, как в КН, так и в КЯ, обусловлено заменой твердого согласного, следующего после гласного, мягким: *С'áС : С'эС'*. Например, *гул'ám : гул'ém'и*, *л'átu : л'эт'ан*, *нас'áкля : нас'эч'и*, *м'áсту : изм'эс'т'ан*, *глуб'áх : глуб'эш'и*, *туw'áга : туw'эг'и*, *ч'арш'áф : ч'арш'эш'и*, *ш'áл*, *ш'áлуw'и : ш'эл'ч'и* и др.

Ударные гласные *á* и *э*, находящиеся между собой в отношении позиционного чередования (в рамках одной морфемы), в свою очередь, могут оказаться в отношении позиционного чередования (в рамках той же морфемы) и с безударными гласными *u/ε* и *a/ε*, выбор которых зависит от значения морфемы. Например, *убл'ика́, нас'икъ́т, дв'эт'и кул'ина́, сн'агъ́, сн'эгъуw'э́, т'бд'эш'и'и, исп'бд'аф* (КН, КЯ); *гул'им'эц, д'ид'и́, пул'эк'ин'а / пул'к'ин'а, ж'артъ́* (КН); *л'ита́, м'иста́* (КЯ). Данные примеры свидетельствуют о том, что одна морфема в разных своих морфах (в зависимости от положения гласного, с одной стороны, относительно ударения, и, с другой – относительно твердости-мягкости последующего согласного) может содержать гласные *á, é, u/ε* (*м'áсту, м'эс'т'ан, м'иста́*) и *á, é, a/ε* (*пул'ák, пул'эц'и, пул'эк'ин'а*). Выше отмечалось, что ударный *э́* возглавляет два вида чередований с безударными гласными: *э́ : ε/u* и *э́ : a/ε*, а ударный *á* после палатализованного сегмента – только один вид чередования: *'á : a/ε*. Отсюда следует, что безударный член чередования *a/ε* соотносится как с ударным

á, так и с ударным é, в то время как безударный член чередования *e/u* – только с ударным é, но не с á.

Поэтому наличие таких зафиксированных нами однокоренных словоформ, как, например, *ж'ил'áзу* : *ж'ил'изá* / *ж'ел'езá*, *ж'ил'изáр'ан* (КН, КЯ); *в'áтар* : *в'итруу'é* / *w'етруу'é*, *ò'ál* : *уд'ил'íла*, *разд'ил'á* (КН) с нехарактерным для КН и КЯ чередованием á : *e/u*, заставляет предполагать существование в этих говорах не отмеченных при сборе материала одноморфемных словоформ с ударным гласным é в позиции С'VC' (например, **ж'ел'éz'ан*). По правилам позиционной мены ударных и безударных гласных в КН и КЯ, именно ударный é (но не 'á) только и может чередоваться с безударными *e/u*. В случаях же *сн'ák* : *сн'аэв*, *сн'эгуу'э* фиксируется правильное чередование á : 'а/э, однако можно предположить и вероятность существования несобранной словоформы с тождественной морфемой, но с ударным é в позиции С'VC' (например, **сн'эж'иá*); гласный é так же, как и á, мог бы чередоваться с а/э. Следовательно, при наличии одноморфемных словоформ *ж'ил'áзу* и *ж'ил'изá* безударный гласный *и*, по правилам вокальной синтагматики, должен был бы вступить в альтернативные отношения только с ударным é (например, в незафиксированной словоформе **ж'ел'éz'ан*), но не с á в *ж'ил'áзу* (однако ср. *ж'л'езá* – КН); в словоформах же *сн'ák* : *сн'эгуу'э* безударный *е* может коррелировать как с á в *сн'ák*, так и с é (в незафиксированной словоформе **сн'эж'иá*).

Итак, дистрибуция ударных á и é в говорах КН и КЯ связана с твердостью-мягкостью последующего сегмента. Однако на современном синхронном срезе эти правила дистрибуции нарушены, что выражается в допустимости произношения á в двустороннем палатализованном контексте (т. е. С'áС') как в исконных для КН и КЯ славянских морфемах, так и в заимствованиях (*ч'áш'и*, *укт'áбр'и*).

Можно предположить, что такое положение явилось результатом столкновения двух фонетических тенденций. Одна из них, характерная для северо-восточных диалектов, запрещает употребление ударного á в позиции между мягкими согласными (т. е. С'áС, но С'эС'), а другая, свойственная юго-восточным диалектам, допускает сочетания типа С'áС', С'áСС'. Следует при этом подчеркнуть, что для говоров КН и КЯ в подавляющем большинстве случаев отмечается проявление первой тенденции, что обнаруживается во всех корневых морфемах и мно-

гих аффиксальных с исконным **ě* (*гул'ám*, но *гул'ém'и*, *б'ал*, но *б'él'и*, *умр'ál*, но *умр'él'и*, *м'ит'áx*, но *м'ит'эш'и*), а также в большинстве морфем, содержащих **a* (*п'ийán*, но *п'ийén'и*, *тув'áга*, но *тув'эг'и*, *пул'ána*, но *пул'эн'и*, *ж'áба*, но *ж'эб'и*, *стр'áа*, но *стр'эи*). Это же явление имеет место и в некоторых заимствованиях (ср. *патлац'án*, но *патлац'эн'и*, *ч'арш'áф*, но *ч'арш'эш'и*, *ш'ál*, но *ш'эл'ч'и*). Значительно реже, особенно в КЯ, встречается проявление второй тенденции, т. е. случаи произношения ударного *á* в позиции между мягкими согласными (ср., например, *с'эл'án'и*, *ч'áш'и*, *ч'áйн'ик*, *ш'áйк'и*, *йám'и*, *йáд'иш'и*, *п'ийáт'ел*, *п'ип'иш'áш'к'и*, *дáмац'án'и* – в КН; *укт'áбр'и*, *ш'ур'áц'и*, *ж'áр'им'и*, *с'эл'án'и* – в КЯ).

Употребление *á* в позиции C'VC' в говорах КН и КЯ характеризуется некоторыми особенностями. Так, гласный *á* последовательно произносится в формах имперфекта и аориста 1 и 2 л. мн.ч. ряда глаголов I и II спряжения, где данный гласный реализует связочную морфему (48: с. 44–46). Ср. глагольные формы: 1 л. мн.ч. аор. *разбул'áфм'и*; 2 л. мн.ч. имп. *пл'ит'áфм'и*. В данном случае имеет место грамматическая “специализация” ударного *á*, нарушающая фонетическую закономерность.

Столкновение северо-восточной и юго-восточной тенденций, затрагивающих дистрибуцию ударных *á* и *é* в позиции после мягких согласных, проявляется и в том, что в одном и том же идиолекте или в речи разных лиц встречается вариативное произношение некоторых словоформ, например: *йáтк'и* / *йэтк'и*, *ж'áба* / *ж'эб'и*, *ч'áйн'ик* / *ч'эйн'ик*, *пул'án'и* / *пул'эн'и*, *д'ук'án'и* / *д'ук'эн'и* и др. В данном случае нарушение правила, не допускающего *á* в двустороннем палатализованном контексте, нельзя унифицировать ни по морфемному (за исключением отмеченных выше форм имперфекта и аориста), ни по лексическому признаку. Это свидетельствует о том, что старое фонетическое правило действует уже непоследовательно и допускает произношение запрещенных сочетаний в отдельных изолированных словоформах. Важно при этом отметить, что говор КН существует в условиях болгарского диалектного континуума, и общие тенденции развития болгарских диалектов воздействуют на него значительно сильнее, чем на говор КЯ, который уже два столетия оторван от естественной болгарской среды. Поэтому влияние прогрессивной, по-видимому, юго-восточной тенденции легче проникает в говор КН, что и объясняет

достаточно активное употребление в речи кортенцев ударного *á* в двустороннем палатализованном контексте (т. е. *С'VC'*).

Однако необходимо сказать, что выявить точно как в КН, так и в КЯ определенный круг словоформ, в которых в позиции *С'VC'* произносится только ударный *á* или *á*, варьирующийся с *é*, очень трудно. Как правило, произношение таких словоформ характеризуется неустойчивостью с точки зрения употребления ударных *á* и *é* в позиции между палатализованными сегментами (и в одном, и в разных идиолектах). Отсюда следует, что в КН и КЯ взаимоотношение двух производительных тенденций (северо-восточной и юго-восточной) в настоящее время находится еще в стадии становления.

Можно дать и другую интерпретацию непоследовательности чередования *á* : *é* в сегментах *С'VC* и *С'VC'*, определив ее как проявление сосуществования двух самостоятельных подсистем ударного вокализма в КН и КЯ. В одной из них запрещен ударный *á* между мягкими согласными, как это присуще северо-восточному болгарскому диалектному ареалу. В другой – гласный *á* допустим в той же позиции, что свойственно юго-восточному ареалу. В КН и КЯ преобладает северо-восточная подсистема, а юго-восточная проявляется слабо, ограничиваясь некоторыми корневыми и аффиксальными морфемами.

4.2.2. В КН и КЯ в ряде морфем отмечается позиционное чередование *í* : *ý/ÿ*. Лабиализация ударного гласного *í* происходит в положении перед губным спирантом и реже перед слогом с лабиализованным гласным, например: *ш'íиш' : ш'ýш'уш'и, нáш'íи : нáш'ýш'а, ут'íда : ут'ýш'ам, п'íл : исп'ýр, с'íп'á : пус'ýпуш'а* и др. Это чередование проведено в говорах непоследовательно.

4.2.3. В связи с тем, что нам не удалось собрать в КН и КЯ достаточно полный материал, характеризующий чередования гласных с нулем звука *V* : \emptyset (отмечаемые в сегментах *CVC* : *C \emptyset CV₁* и *CVCV₁* : *C \emptyset CV₂*), они в данной работе не рассматриваются.

Эти чередования охватывают определенный, но сравнительно узкий круг лексики и имеют ограниченную сферу употребления. Например, к чередованиям, обозначаемым как *V* : \emptyset , относятся типы *é* : \emptyset (ср. *п'ит'él, двá п'ит'éла : п'ит'л'ú, п'ét'л'о!*; *жс'д'р'аб'éц, двá жс'д'р'аб'éца : жс'д'р'étпуш'и; мѣдр'éц, двáма мѣдр'éца : мѣдр'ц'ú;*

ур'ел : урл'и), и : Ø (ср. н'эм'иц : н'эмц'и, н'имк'ин'а), 'а : Ø (ср. зэйак : зэйц'и), а/ъ : Ø (ср. р'экал : р'икла, мокър : мокра, н'эгър : н'егр'и) и др. При анализе этих чередований необходимо привлекать как грамматические, так и лексические аргументы: они выходят за рамки явлений, обусловленных только фонетической позицией. Об инвентаре и функционировании подобных чередований в современном болгарском литературном языке см. в (48а: с. 226–231).

Кроме того, в говорах КН и КЯ получили широкое распространение и многочисленные чередования гласных с нулем звука, появление которых обусловлено таким фонетическим фактором, как элизия безударных гласных (например, ч'эркува : ч'эркуфта, кл'уч'уw'и : кл'уч'уфт'и, кóкэл'и : кóкэл'т'и, маи'ина : маи'инта, гуд'ан'ик / гуд'н'ик, ч'эт'ар'и : ч'эт'ар стóт'ан, сýрувак'и / сýрвак'и, сóруква / сóрква и т. д.).

4.3. Таким образом, именно перемена фонетической позиции, вызванная действующими в говорах КН и КЯ моделями словоизменения и словообразования, обуславливает появление позиционных чередований. Однако на конкретную реализацию позиционных чередований в говорах КН и КЯ большое влияние оказывает и знаковое строение текста. Данное обстоятельство ослабляет зависимость чередований от чисто фонетических факторов. Кроме того, как было показано выше, перемена позиции не всегда приводит к возникновению чередования и устранению запрещенного сочетания (ср., например: при наличии фонетической закономерности С'áС → С'эС' могут появляться сочетания С'áС' – пул'ан'и). И в этом случае приходится констатировать, что фонетическое правило, устраняющее запрещенное сочетание, уже не действует с той строгостью и последовательностью, которые характеризуют подлинно фонетическую закономерность. Все это свидетельствует о том, что в говорах КН и КЯ роль позиционных чередований в устранении запрещенных системой звуковых сочетаний на современном этапе развития постепенно ослабевает.

5. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА

5.1. Гласные фонемы в составе максимального позиционного набора

Максимальный позиционный набор гласных, в полном виде отражающий фонемные отношения, существующие в говорах КН и КЯ, представлен под ударением в двух позициях – а) после паузы и б) после палатализованного сегмента.

После паузы – это гласные *í, é, á, ʔ, ó, ʔó, ý*.

После мягких согласных, шипящих и *й* – это гласные *í, é, é̃, á, ó, ý, ý̃*

Функциональное значение для ударных гласных имеет такой признак как *ступень подъема*. Данные гласные противопоставлены между собой по трем ступеням подъема – верхней, средней и нижней. Верхний подъем представлен гласными *í, ý, ý̃*; средний – гласными *é, ʔ, é̃, ó, ʔó*; нижний – гласным *á*. Оппозиции по этому признаку можно проиллюстрировать следующими примерами:

верхний подъем: КН, КЯ – *íма, úдар; н'ítам, кл'úка, пул'ýва; сп'íи, м'ин'ý;*

средний подъем: КН, КЯ – *édру, ʔгъл, óдър / ʔóдар; н'ét, гул'ém'и, йóфт'ан; н'иб'é, зам'é̃, туп'é̃, w'ис'ил'é̃; КН – дув'é̃т, кус'é̃т; б'ил'ó; КЯ – б'ил'^шó;*

нижний подъем: КН, КЯ – *ác; н'ácьк; исп'á, луз'á.*

Различие между гласными *ó* и *ʔó*, которые свободно варьируются после паузы, функционального значения не имеет. О гласном *ý̃*, характеризующемся весьма ограниченной сферой употребления, малочастотностью и выступающем в определенных позициях на месте гласного *í*, см. ниже.

В пределах верхнего и среднего подъемов ударные гласные противопоставляются по такому признаку как *ряд*. В КН и КЯ различаются три ряда: передний, средний и задний. В переднем ряду локализуются гласные *í, ý, é*; в среднем – гласные *ʔ, é̃*; в заднем – гласные *óʔ, ó, ý*:

передний ряд: КН, КЯ – *íd'иш', éр'и; б'úk, б'ýвул, б'éнна / б'édна, н'эш'ту; уб'иц'и, н'иб'é; КН – пр'ич'ýс'т'ува, наw'ýвам;*

средний ряд: КН, КЯ – *ʔгал; сáйé, д'ин'é̃, war'é̃; КН – гарм'é̃т;*

задний ряд: КН, КЯ – *óg'ан / ʔóg'ан, уйч'у; ц'ón, т'ут'ун'; м'ин'ý;*

КН – *б'ил'ó; КЯ – Ст'ónа; б'ил'^шó.*

На нижней ступени подъема, которую занимает один лишь ударный гласный *á*, оппозиция по ряду не образуется. Но *á* по подъему противопоставлен гласным *ѓ* и *ѣ*, локализованным в среднем ряду. Это является основанием для помещения гласного *á* в средний ряд. Таким образом, признак ряда присутствует на всех трех ступенях подъема.

Противопоставление между гласными заднего и незаднего ряда сопровождается наличием / отсутствием лабиализованности. Нелабиализованностью характеризуются гласные *í, é, ѓ, ѣ, á*; лабиализованностью – гласные *ó /^ʸó, ú, ŷ*. Лабиализованность гласного *ŷ* функционально незначима, поскольку этот гласный выступает во многих морфемах в качестве позиционной замены гласного *í* в соседстве с губными спирами и перед слогом с лабиализованным гласным.

Артикуляционные характеристики, по которым противопоставляются гласные в позиции максимального различия, приобретают значение ДП. Различные комбинации ДП подъема, ряда и лабиализованности / нелабиализованности формируют следующие гласные фонемы в говорах КН и КЯ:

/и/ – верхний подъем, передний ряд, нелабиализованная; реализуется гласными *í, ŷ*;

/е/ – средний подъем, передний ряд, нелабиализованная; реализуется гласным *ѣ*;

/ъ/ – средний подъем, средний ряд, нелабиализованная; реализуется гласными *ѓ, ѣ*;

/а/ – нижний подъем, средний ряд, нелабиализованная; реализуется гласным *á*;

/у/ – верхний подъем, задний ряд, лабиализованная; реализуется гласным *ŷ*;

/о/ – средний подъем, задний ряд, лабиализованная; реализуется гласными *ó, ^ʸó*.

Данные гласные фонемы образуют типичную для болгарского языка трехклассную треугольную вокальную систему.

Ниже будут перечислены те характеристики гласных фонем, которые обуславливают специфику говоров КН и КЯ.

Ограниченную сферу употребления имеют следующие фонемы: фонема /ъ/ – после паузы; фонемы /ъ/, /у/, /о/ – после мягких согласных; фонема /о/ – перед паузой.

Фонема /ъ/, реализуемая гласным \acute{e} , в позиции после мягких согласных не перед паузой (C'VC) представлена только в КН. Полагаем, что в КЯ в этой позиции фонема /ъ/ допустима, но лексически не представлена. Такой вывод можно сделать на основании того, что в КЯ данная фонема достаточно широко употребляется в позиции после мягких согласных перед паузой (C'V#). Поэтому нет оснований считать, что она запрещена в той же позиции после мягких согласных, но не перед паузой (т.е. в C'VC, C'VC'). Важно при этом отметить, что в позиции C'V# фонема /ъ/ зафиксирована как в КЯ, так и в КН, причем морфемное пространство, в котором употребляется фонема /ъ/ в этой позиции, в КЯ шире, чем в КН. Также необходимо напомнить, что различия КН и КЯ в дистрибуции фонемы /ъ/ после мягких согласных обусловлены грамматическими (а не фонетическими) причинами. Таким образом, в дистрибуции фонемы /ъ/ в положении после мягких согласных в КН и КЯ имеются определенные различия: в КН эта фонема фиксируется в сегментах C'VC и C'V#, в КЯ – только в сегменте C'V#. Однако частота ее употребительности в речи в КЯ выше, чем в КН, так как она встречается в говоре КЯ в значительно более широком круге словоформ.

Как было сказано выше, гласный \acute{y} , являющийся позиционной заменой гласного \acute{i} в соседстве с лабиальной артикуляцией, реализует фонему /и/. Аналогичным образом интерпретируется гласный \acute{u} (т.е. как гласный, представляющий фонему /и/) и в тех случаях, когда его позиционная зависимость от соседних звуков (прежде всего – от губных спирантов) не прослеживается, ср. записанные в КН и КЯ словоформы: *т'út'ún'*, *с'úмб'úл'*, *б'уз'úk'*, *вр'út'*, *к'ún* и др.

Варьирование гласных \acute{y} / \acute{u} после мягких согласных, вызванное передвижением \acute{u} в более заднюю зону, на фонемном уровне реализует варьирование фонем /и/ и /у/ в одной и той же позиции в словоформе: каждая словоформа, которая произносится с гласными \acute{i} и \acute{u} в определенной позиции, может произноситься и с гласным \acute{y} в результате незначительного перемещения гласного \acute{y} назад (ср. *ут'úwам* / *ут'úwам* / *от'úwам*; в КЯ – *к'ил'ím* / *к'ил'úm* / *к'ил'úm*), но не всякая словоформа, изначально содержащая \acute{y} после мягкого согласного, может быть произнесена с \acute{y} или \acute{i} (ср. только *ш'úm*, *кл'úкэ*, *ч'úz'д'и*, но *ч'úсту* и *ч'úсту* / *ч'ústу*). В говорах КН и КЯ во всех словоформах, в которых произносится в позиции после мягкого согласного ударный \acute{y} любого происхо-

ждения (это и *кл'у́ка*, и *ѳт'у́ѡам*, и *ч'у́сту*), он реализует фонему /y/. Поэтому в словоформах *ут'и́ѡам* / *ут'у́ѡам* и *ч'и́сту* / *ч'у́сту* предствлена фонема /и/, в словоформах же *ш'у́м*, *ѳт'у́ѡам*, *ч'у́сту* – фонема /y/. Возможность варьирования фонем /и/ и /y/ после мягких согласных снижает значение ДП наличие / отсутствие лабиализованности в характеристике фонем верхнего подъема.

Варьирование фонем /а/ и /ъ/, а также /а/ и /е/ в позиции после мягких согласных перед паузой зафиксировано и в КН, и в КЯ. Параллельное употребление фонем /а/ и /е/ реализуется в произношении *дв'á* / *дв'э*, *дубр'á* / *дубр'э*, *блѡс'á* / *блѡс'э* (КН, КЯ); *мѡл'ч'á* / *мѡл'ч'э*, *вар'á* / *вар'э* (КН). Варьирование фонем /а/ и /ъ/ фиксируется в словоформах *зам'á* / *зам'э*, *сѡйá* / *сѡйэ* (КН, КЯ); *гур'á* / *гур'э*, *плѡт'á* / *плѡт'э* (КЯ). На связь этого варьирования с позицией перед паузой указывает тот факт, что не перед паузой в той же морфеме варьирование отсутствует, ср.: вариативные флексии *á/э* в *зам'á* / *зам'э* и только флексия *á* перед членной морфемой в *зам'áта*, которая в определенной (членной) форме суц. ж.р. ед.ч. не варьируется с *э*.

5.2. Гласные фонемы после твердых согласных перед согласными и паузой

После твердых согласных перед согласными и перед паузой допустимы ударные гласные *á*, *ѡ*, *ó* / *ѡ*, *у*. Данные гласные реализуют фонемы /а/, /ъ/, /о/, /у/. В КЯ фонема /о/ чаще, чем в КН, выражается гласным *ѡ*. Допустимые после твердых согласных гласные фонемы реализуются в произношении таких словоформ, как, например: /а/ – *цáр'á*, *удá*; /ъ/ – *сѡн*, *путѡ*; /о/ – *бóн*, *зн'áздó*; /у/ – *лúда*, *сú*; *к'ѣгурú* (КН).

После твердых согласных запрещены ударные гласные переднего ряда *и*, *э*. Их отсутствие в этой позиции не связано ни с нейтрализацией, ни с чередованием фонематических единиц. Отсутствие *э*, *и* после твердых согласных реализует дистрибутивную лакуну в распределении фонем /е/ и /и/. Однако этот факт не отражается на фонемной характеристике фонематических единиц в данной позиции.

5.3. Гласные архифонемы

5.3.1. А р х и ф о н е м а, нейтрализующая различие по ряду и подъему под ударением.

Сокращение позиционного набора гласных под ударением обусловлено изменением $\acute{a} \rightarrow \acute{e}$ в позиции между мягкими согласными. Эта вокальная мена последовательно проводится в морфемах, содержащих * \acute{e} , и непоследовательно в морфемах, содержащих * \acute{a} после палатализованного сегмента. В последнем случае \acute{a} между мягкими согласными может сохраняться.

Изменение $\acute{a} \rightarrow \acute{e}$ приводит к тому, что в двустороннем палатализованном контексте гласный \acute{e} может соответствовать как гласному \acute{a} , так и гласному \acute{e} в позиции после мягкого согласного перед твердым (т. е. $C'\acute{e}C' \leftrightarrow C'\acute{a}C, C'\acute{e}C$). Благодаря этому происходит нейтрализация противопоставления между фонемами $/e/ - /a/$ в позиции между мягкими согласными.

В данной позиции нейтрализации различие по ряду и подъему между указанными фонемами снимается. Нейтрализация происходит в архифонеме $/e_a/$, которая устраняет из ударного вокализма признак нижнего подъема. Таким образом, в ударном вокализме позиционный набор фонем и архифонемы $/i/ - /e_a/ - /y/ - /y/ - /o/$ между мягкими согласными различает лишь две ступени подъема – верхнюю и неверхнюю.

Нейтрализацию оппозиции между фонемами $/e/$ и $/a/$ можно проиллюстрировать следующими примерами: $гул'/\acute{a}/м - зал'/\acute{e}/п\acute{w}ам \rightarrow гул'/\acute{e}_a/м'и, зал'/\acute{e}_a/п'ам; ж'/\acute{a}/ба - ж'/\acute{e}/вцку \rightarrow жс'/\acute{e}_a/б'и, жс'/\acute{e}_a/п'ан; w'ин'ч'/\acute{a}/wат - ч'/\acute{e}/р\acute{n}а \rightarrow w'ин'ч'/\acute{e}_a/\acute{y}а, ч'/\acute{e}_a/р'ан.$

Поскольку гласный \acute{a} из * \acute{a} между мягкими согласными может и не заменяться гласным \acute{e} , нейтрализация оппозиции $/e/ - /a/$ не проведена в КН и КЯ последовательно: в некоторых морфемах в двустороннем палатализованном контексте допустима фонема $/a/$ параллельно с архифонемой $/e_a/$.

Однако данную ситуацию в ударном вокализме можно интерпретировать и по-другому. Например, одно из решений – это предположить допустимость параллельного (вариативного) употребления фонем $/a/$ и $/e/$ в указанной позиции, когда каждая словоформа, произнесенная с $/a/$ в позиции $C'VC'$, может быть произнесена и с $/e/$. Здесь архифо-

нема /e₂/ вообще отсутствует. При другом решении можно исходить из того, что непоследовательность изменения $\acute{a} \rightarrow \acute{e}$ является проявлением сосуществующих в КН и КЯ двух самостоятельных подсистем ударного вокализма в положении после мягких согласных. Тогда в той подсистеме, где в позиции С'VC' запрещен гласный \acute{a} , гласный \acute{e} в этой позиции реализует архифонему / \acute{e}_2 /, в которой оппозиция /a/ – /e/ нейтрализована. В другой подсистеме изменения $\acute{a} \rightarrow \acute{e}$ не происходит, так как сочетание С'áС' не запрещено, и здесь гласные \acute{a} и \acute{e} представляют, соответственно, фонемы /a/ и /e/, а архифонема /e₂/ отсутствует.

5.3.2. Р е д у к ц и я безударных гласных как основа нейтрализации вокальных оппозиций и построения архифонем.

В говорах КН и КЯ редукция безударных гласных устраняет из безударных слогов гласные *e, o, ъ, a*, которые заменяются безударными гласными *e/u, e'/a, o/y, a/ѣ*; ударные гласные *ú, é, ý* вне ударения заменяются безударными *и, е, у*. Таким образом, безударный гласный *и* может не только параллельно с *e* употребляться в безударном слоге на месте \acute{e} , но и соответствовать ударному *ú*. Возможна замена ударного *ú* и безударными гласными *e'/a*. Безударный *у* соответствует как ударному *ó*, так и ударному *ý*.

Именно эти изменения гласных формируют в безударных слогах позиционные наборы гласных, укороченные в сравнении с максимальным.

В позициях С'VC⁻, С'VC'⁻, #VC⁻, #VC'⁻ употребляются предупредительные гласные *и, e, a/ѣ, o, у*. В позициях ⁻С'VC', ⁻С'VC' отмечены заударные гласные *и, e, a/ѣ, у*. В позиции ⁻С'V# – это заударные гласные *и, a/ѣ, у*. А в позициях CVC⁻, CVC'⁻, ⁻CVC, ⁻CVC', ⁻CV# – зафиксированы и предупредительные, и заударные гласные *a/ѣ, o, у*.

Варьирование безударных гласных *a/ѣ* после твердых и *a/ѣ* – после мягких согласных является двусторонним, т.е. данные гласные варьируются друг с другом свободно.

Гласные *e* и *и*, с одной стороны, и *o* и *у*, с другой, также могут взаимозаменяться, но по другим правилам. Так, вместо *e* и *o* в любой морфеме могут быть произнесены, соответственно, *и* и *у*; обратная же замена, т.е. *и, у* на *e, o*, возможна только в тех морфемах, которые под ударением содержат \acute{e} и \acute{o} . Нами зафиксированы только три словоформы с данной обратной, окказиональной, заменой: это гласный *o* на мес-

те этимологического *у*, который отмечен в словоформе *орáл* 'Урал' (КЯ), и *е* – на месте *и* в словоформах *еркúцк* 'Иркуцк' (КЯ) и *ф'ел'úп / х'ел'úп* 'Филипп' (КН). Поскольку начальные гласные в этих словах не могут попасть под ударение, трудно сказать, отождествляется ли в сознании говорящих безударный гласный *о* с ударным *ú* или ударным *ó*, а безударный *е* – с ударными *í* или *é*. Отметим, что в КН в одном идиолекте отмечена словоформа *л'эсто́* 'противень' (при обычной в КН и КЯ словоформе *л'истó*: *тúр'им на л'истóту рáстóч'ану сьз маз'н'анá т'áсто́*), в которой безударный *е* может соотноситься с ударным *í* в словоформе *л'ís* 'лист' (ср.: *мнóгу л'ís пáнцил; п'ип'эр'ýw'и л'истуw'э; л'исц'эвц'и*), хотя *л'эсто́ / л'истó* и *л'ís* являются разными словами.

Такое распределение безударных гласных имеет разные фонематические последствия в зависимости от того, присутствуют ли в интерпретируемом позиционном наборе гласные *е* и *о*, а также – заменяется ли ударный *í* гласными *а/е* (см. об этом ниже).

5.3.3. О возможности разнóй интерпретации фонемных оппозиций и их нейтрализации.

В среднем ряду в позиции после твердых согласных безударные гласные *ъ/а*, которые свободно варьируются, заменяют собою ударные гласные *ѣ* и *á*. Они реализуют архифонему /*ъ/а*/, в которой нейтрализуется оппозиция фонем /*ъ*/ – /*а*/ по подъему.

В заднем ряду безударный гласный *у* заменяет ударные *ó* и *ú*. При этом *у* варьируется с гласным *о*, который в безударном слоге употребляется только на месте ударного *ó*, но не на месте ударного *ú*. Этот фонетический факт в принципе допускает двоякую фонемную интерпретацию.

Так, варьирующиеся безударные *о/у* и неварьирующийся безударный *у* могут быть противопоставлены в одной и той же фонетической позиции (без обращения к морфемному строению текста): *студъ́* – *стulóу́ / стóлów'и*, т. е. в первой словоформе *у* не может варьироваться с *о* (ср. ударный *ú* в *стúт*), тогда как во второй словоформе эта возможность имеется (ср. ударный *ó* в *стóл*). В соответствии с таким толкованием (оппозиция *у* – *о* в *студъ́* – *стóлów'и*) гласный *у* реализует в безударном слоге фонему /*у*/, а гласный *о* – фонему /*о*/ . Эти фонемы варьируются по правилу /*о*¹ || /*у*/, т. е. *ст/у/лóу́, ст/о/лów'и*, но только *ст/у/дъ́*.

Но если объединить варьирующиеся безударные гласные *o/u* в один член оппозиции, то можно констатировать нейтрализацию фонемного противопоставления. В таком случае безударный *u* реализует архифонему /*y*_o/, в которой нейтрализуется оппозиция фонем /*o*/ – /*y*/ по подъему, т.е. *st/y/it* – *st/o/it* → *st/y_o/d'ǫ́*, *st/y_o/l'ów'u* (фонетически *студǫ́*, *стул'ów'u*). При этом констатируется варьирование фонемы и архифонемы в тождественной позиции. Это /*o*¹ || /*y*_o/ (фонетически *st'ól'ów'u* / *stul'ów'u*) и /*y*¹ || /*y*_o/ (фонема, если *студǫ́* сопоставляется со *st'ól'ów'u*; архифонема, если *студǫ́* сопоставляется со *стул'ów'u*).

Повод для такой двойной интерпретации безударного *u* представлен в рамках позиционных наборов в предударном слоге после твердых и мягких согласных и после паузы, а также в заударном слоге после твердых согласных (т.е. в наборах, включающих в свой состав безударные *o* и *u*). Возможность же безальтернативной нейтрализации оппозиции /*o*/ – /*y*/ только в /*y*_o/ выражена в заударном слоге после мягких согласных перед согласным и паузой (т.е. в позиционных наборах с одним безударным *u*): здесь безударный *u* не варьируется с *o* и является единственной заменой ударных *ó* и *ǫ́*.

В переднем ряду аналогично безударным *o* и *u* составляют безударные гласные *e* и *i*.

После мягких согласных и после паузы в позиции перед согласным предударный *i* и заударный *i* реализуют архифонему /*i*_o/, в которой нейтрализована оппозиция /*i*/ – /*e*/: /*é*/c'ǫ́n – /*ǫ́*/zbur → /*i*_o/c'ǫ́ntǫ́, /*i*_o/z'b'ǫ́rá (фонетически *ис'ǫ́ntǫ́*, *изб'ǫ́rá*). Нейтрализация не проводится последовательно, поскольку в соответствии с ударным *é* может произноситься безударный *e* (наряду с безударным *i*), а в соответствии с ударным *ǫ́* – только безударный *i*. Следствием этого является варьирование в безударном слоге /*e*¹ || /*i*_o/, т.е. фонема /*e*/ в *ǫ́en'ǫ́*, архифонема /*i*_o/ в *ǫ́in'ǫ́*. Только архифонема /*i*_o/ выступает в заударном слоге перед паузой, где в соответствии с ударными *é* и *ǫ́* произносится один лишь безударный *i*, т.е. *gl'ǫ́v'ǫ́* – *ǫ́rbuw'ǫ́* → *stul'ów'ǫ́*, *kr'ǫ́w'ǫ́*.

После мягких согласных безударные *a/ǫ́* могут соответствовать фонемам /*i*/, /*e*/, /*ɨ*/, /*a*/ . Эта сложная ситуация будет интерпретирована ниже, в рамках отдельных фрагментов вокальной системы.

Моделируя далее систему безударного вокализма, мы учитываем лишь факты нейтрализации и не принимаем во внимание возможное

варьирование фонемы с архифонемой. Такое решение обусловлено тем, что в говорах КН и КЯ именно нейтрализация, хотя отчасти и непоследовательная, формирует фонемную специфику системы безударного вокализма.

5.3.4. В п о з и ц и я х #VC⁻, #VC^{'-} нейтрализуется различие по подъему в оппозициях фонем /и/ – /е/, /о/ – /у/, /ь/ – /а/; эта нейтрализация реализуется в архифонемах /и_с/, /у_с/, /ь_с/ . Например: /и_с/збу_р – /е_с/др_а, но в безударной позиции только гласный *и*, поэтому /и_с/д'и_п, /и_с/т'ь_рв_а; /у_с/ч'а – /о_с/г'ан, но в безударном слоге один лишь гласный *у*, поэтому /у_с/ч'и, /у_с/гн'иш'т'и; /ь_с/з_ал – /а_с/, тогда как в безударной позиции – гласные *ь/а*, поэтому /ь_с/др'э_с, /ь_с/к'б_л. Нейтрализация в архифонемах /и_с/ и /у_с/ подтверждается чередованиями *é* : *и* и *ó* : *у* в позициях после паузы. Однако в КН и КЯ в начале слова нет чередований *á* : *ь/а* и *ó* : *ь/а*. В данном случае наличие архифонемы /ь_с/ в сегментах #VC⁻, #VC^{'-} аргументируется синтагматическим поведением гласных *á*, *ó*, *а/ь* в других позициях.

Итак, для архифонем /и_с/, /у_с/, /ь_с/ ДП подъема не имеет значения. Эти архифонемы образуют трехклассную одноступенчатую модель вокализма по другому ДП, а именно по признаку ряда, который различает три позиции: передний ряд – средний ряд – задний ряд. У архифонем /и_с/ и /ь_с/, локализованных в переднем и среднем ряду, признак лабиализованности отсутствует; локализация же архифонемы /у_с/ в заднем ряду сочетается с признаком лабиализованности.

5.3.5. В п о з и ц и и после мягких согласных специфика распределения безударных гласных *и/е* и *а/э*, а также их чередования с ударными гласными, дает основания для выделения в кортенско-кирютненском вокализме двух подсистем. В одной из них (с 'вертикальным' типом редукции безударных гласных) функционируют безударные *и/е*, и *а/э*, в другой (с 'горизонтальным' типом редукции) – только безударные гласные *а/э*. Как было показано выше, употребление после мягких согласных безударных *и/е* и *а/э* обусловлено не только фонетической позицией, но в значительной степени регулируется и определенными морфологическими, словообразовательными и лексико-семантическими факторами.

inslav Рассмотрим сначала предударную, а затем заударную позиции.

1) В первой подсистеме (с 'вертикальным' типом редукции) в предударных слогах в позициях $C'VC^-$, $C'VC'^-$ гласные *а/ѣ* и *у* реализуют, как и после паузы, архифонемы /и_с/, /ъ_с/ и /у_с/: $\delta'и/м - \delta'ѣ/н \rightarrow \delta'и/мъ, \delta'и/н'ѣ$ (фонетически $\delta'имъ, \delta'ин'ѣ / \delta'ѣн'ѣ$); $л'ѣ/т - ц'б/п \rightarrow л'у/т'ѣф, ц'у/б'ов'у$ (фонетически $л'ут'ѣф, ц'уб'ов'у$); $гарм'ѣ/т$ (КН) – $м'а/х \rightarrow м'ѣ/хуу'ѣ$ (фонетически $м'ахуу'ѣ / м'ѣхуу'ѣ$; для КН ср. соответствие только с заударным гласным: $кус'ѣт \rightarrow м'ѣс'ат / м'ѣс'ѣт$).

В позициях $C'VC'^-$ (КН, КЯ) и $C'VC^-$ (КЯ) предударные *а/ѣ* соответствуют только фонеме /а/ в ударном вокализме (ср., например, такие соответствия, как $п'асък : п'асъч'л'ѣф / п'ѣсъч'л'ѣф$ и $п'асъф : п'ѣс'ѣ$). Фонема /ъ/ в позициях $C'VC$ (КЯ) и $C'VC'$ (КН, КЯ) допустима, но лексически не представлена. Поэтому архифонема /ѣ_а/ констатируется здесь только на уровне модели.

В предударном слоге после мягких согласных употребляется безударный гласный *ѣ*, который варьируется как с *у*, так и с *и* – $б'ѣл'ѣк' / б'ѣл'ѣк', \delta'ѣи'ѣк' / \delta'ѣи'ѣк', ич'ѣм'ѣк' / ич'ѣм'ѣк'$ и под. Будучи включен в трехклассную одноступенчатую модель вокализма и варьируясь с *у*, предударный *ѣ* становится представителем архифонемы /у_с/, для которой релевантным является признак лабиализованности. Архифонема /у_с/, реализованная также и гласным *ѣ*, может варьироваться с архифонемой /и_с/ – $б'ѣл'ѣк' / б'ѣл'ѣк' \rightarrow б'у/л'ѣк'; \delta'ѣи'ѣк' / \delta'ѣи'ѣк' \rightarrow \delta'у/и'ѣк' \parallel т'ѣт'ѣн' / т'ѣт'ѣн' \rightarrow т'у/т'ѣн' \parallel т'и/т'ѣн'$.

Во второй подсистеме вокализма (с 'горизонтальным' типом редукции безударных гласных) в предударной позиции после мягких согласных в КН и КЯ представлены гласные *а/ѣ* и *у* (*ѣ*). Гласные *а/ѣ* соответствуют трем ударным гласным: *а*, *ѣ* и *и*, ср. – $\delta р'ан$ и $\delta р'ануу'ѣ / \delta р'ѣнуу'ѣ, с'ѣлу$ и $с'ала / с'ѣла, б'ѣл$ и $б'ала / б'ѣла$ 'была'. Ударный гласный *ѣ* в рассматриваемых позициях допустим, но не зафиксирован лексически. Однако по правилам редукции, ударному *ѣ*, реализующему фонему /ъ/ в позиции после мягких согласных, в безударном слоге соответствуют именно гласные *а/ѣ*. Таким образом, гласные *а/ѣ* нейтрализуют в безударном положении оппозицию четырех фонем: /и/ – /е/ – /а/ – /ъ/. В этом же позиционном наборе присутствует и архифонема /у_с/, реализованная в позиции после мягких согласных безударными *у* и *ѣ* – $л'у/т'ѣф, ц'у/б'ов'у$.

Архифонема, в которой нейтрализована оппозиция /и/ – /е/ – /а/ – /ь/, снимает различие по подъему и ряду между нелабиализованными фонемами. Безударный гласный у, относящийся к этому же позиционному набору, реализует архифонему, которая отличается от рассмотренной выше архифонемы (выступающей на месте четырех нелабиализованных фонем) только одним ДП – лабиализованностью. В результате во второй подсистеме вокализма сконструированные две архифонемы образуют двухклассную одноступенчатую модель вокализма. Эти архифонемы обозначаем как /L-/ – нелабиализованная и /L+/ – лабиализованная.

Следует иметь в виду, что разграничение между первой и второй подсистемами вокализма определяется соотношением безударных (в данном случае – предударных) *а/е* с гласными под ударением (имеются в виду гласные *é* и *й*). Так, эти гласные *а/е* могут иметь двоякую фонемную интерпретацию в тех случаях, когда эквивалентность между безударными *а/е*, с одной стороны, и тем или иным ударным гласным, с другой, не может быть установлена, поскольку *а/е* всегда находятся в конкретной морфеме (в совокупности разных ее морфов) только в безударном слоге (ср. *éс'аи* и *ис'автъ*). При наличии указанной ситуации безударные *а/е* могут относиться как к архифонеме /ь_а/, так и к архифонеме /L-/. Иллюстрацию сказанного находим в таких словоформах, как, например: КН, КЯ – *п'арó* / *п'ерó*, *к'ар'эч'* / *к'ер'эч'*; КН – *п'арг'иш'аи* / *п'ерг'иш'ен*, *б'арóту* / *б'ерóту* 'бюро', *г'армáнц'и* / *г'ермáнц'и*; КЯ – *оп'арáц'ийá* / *уп'ерáц'ийе*, *пр'эс't'атутка*, *ч'ардáта* / *ч'ердáта*.

Констатация в предударных слогах архифонемы /y_о/, как компонента трехклассной системы, или архифонемы /L+/, как компонента двухклассной вокальной системы, зависит от того, интерпретируется ли замена ударных *ó* и *ý* безударным *у* в рамках первой или второй подсистем.

Таким образом, в предударной позиции после мягких согласных (это позиции C'VC⁻, C'VC⁻) реализуются две подсистемы вокализма, соотношенные с двумя вышеуказанными подсистемами безударных гласных. Это архифонемы /и_е/ – /ь_а/ – /y_о/ (в рамках первой подсистемы) и архифонемы /L-/ – /L+/ (в рамках второй подсистемы).

2) В з а у д а р н ы х слогах аналогичное распределение фонематических единиц представлено:

а) В позициях -'C'VC , -'C'VC' .

В первой подсистеме трехклассную одноступенчатую модель образуют архифонемы $/и_с/ - /ъ_а/ - /у_о/$. Ср.: *врѣс'и'и'и'ца*, *кул'и'и'ка* – *маз'ѣ'ту*, *храбр'ѣ'ц* – *кус'ѣ'т* (КН) – *труш'ѣ'х* → *пѣти'и'и'ц'и*, *л'ѣл'и'и'ч'ка*, *лѣз'и'и'ту*, *пѣл'и'и'ц* – *м'ѣс'ѣ_а'т*, *пѣш'ѣ_а'т*. Архифонема $/у_о/$ отмечается, например, в *ѡхл'у_о'ф*. Причем нейтрализация в архифонеме $/у_о/$ не сопровождается чередованием ударных \acute{o} и \acute{y} с безударным $у$, так как обычно все морфы одной морфемы, в которой есть позиции -'C'VC , -'C'VC' для заударного $у$, остаются всегда заударными (ср. *ѡхл'у_о'ф*, *ѡхл'у_о'фч'и*, *ѡхл'у_о'фч'ата*, *ѡхл'у_о'фч'ѡва* *пѣт'ѣч'ка*). В данной подсистеме архифонема $/и_с/$ реализуется гласным $и$, архифонема $/ъ_а/$ – гласными $а/ѣ$, архифонема $/у_о/$ – гласными $у$ и \acute{y} (*рѣд'ѡву*, *грѣб'ѡф* / *грѣб'ѡф*, *зѣйд'ѡва*).

Следует также отметить, что фонема $/ъ/$ в КЯ в позиции после мягкого согласного перед согласным участвует в преобразованиях, характеризующих заударный слог, условно – как фонема допустимая в этом консонантном окружении, но лексически не зафиксированная.

Во второй подсистеме двухклассную одноступенчатую модель образуют архифонемы $/Л- / - /Л+ /$, реализованные безударными гласными $а/ѣ$ и $у$ (\acute{y}): *думак'ѣ'и*, *маказ'ѣ'и* – *издув'ѣ'и*, *пул'ѣ'та* – *кус'ѣ'т* – *пр'ид'ѣ'х* → *аргѣт'Л- /и*, *згѡтѡ'Л- /и*, *кѡтл'Л- /та*, *м'ѣс'Л- /т*, *в'ид'Л- /х*. В КЯ фонема $/ъ/$ и здесь, в данном консонантном окружении, участвует в фонемных преобразованиях как допустимый, но лексически не представленный элемент. Что касается архифонемы $/Л+ /$, то она реализуется во второй подсистеме безударными гласными $у$ и \acute{y} .

В тех случаях, когда заударные $а/ѣ$ не могут быть соотнесены с ударным гласным в морфах той же морфемы, в заударном слоге допустимо констатировать как архифонему $/ъ_а/$, так и архифонему $/Л- /$. Хотя в словоформах (притяжательных прилагательных) типа *бѣб'ѣи* / *бѣб'ѣи*, *кѣк'ѣи* / *кѣк'ѣи* заударный гласный может быть идентифицирован с архифонемой $/Л- /$ на том основании, что при слогоделении в заударном слоге восстанавливается ударный \acute{u} , т.е. *бѣб'ѣи*, *кѣк'ѣи*.

б) В заударном положении после мягких согласных перед паузой, т.е. в п о з и ц и и -'C'V\# , которая в КН и КЯ представлена только во флексиях, нейтрализация фонемных оппозиций происходит безальтернативно.

Здесь заударный гласный *и* реализует архифонему /и_с/. Ср.: *глаw'í/*, *дубр'í/* – *маз'é/*, *дад'é/* → *краw'и_с/*, *мокр'и_с/*, *лоз'и_с/*, *дод'и_с/*.

Гласный *у* в заударной позиции представлен в немногих словоформах типа *Кól'у*, *бáт'у*, *дүнд'у*, *п'ét'л'у*, *офч'у*, *кóз'у*, *лóш'у*, где он отождествляется с архифонемой /у_с/ сообразно правилам распределения ударных и безударных лабиализованных гласных (*ó, ý, o, y, ý*)

Заударные гласные *а/е* реализуют архифонему /ъ_с/. Нейтрализация ударных гласных фонем в этой архифонеме имеет в говорах КН и КЯ свою специфику. Так, в КЯ фонема /ъ/ в позиции С'V# представлена в большем количестве морфем, чем в КН.

Ср.: в КЯ – *к'ин'í/*, *кад'í/* (флексия глаг. формы 1 л. ед.ч. наст.); *св'ин'í/*, *даш'т'ар'í/* (флексия сущ. ж.р. ед.ч.); *д'ин'í/*, *маж'í/* (членная морфема сущ. м.р. ед.ч.); в КН – только *сай'í/*, *зам'í/* (флексия сущ. ж.р. ед.ч.); *маж'í/* (членная морфема сущ. м.р. ед.ч.); в роли глагольной флексии 1 л. ед.ч. наст. фонема /í/ в КН употребляется в качестве редкого варианта однозначной флексии, реализованной фонемой /é/: *плат'é/* || *плат'í/* (редко).

В то же время в позиции С'V# фонема /ъ/ и в КН, и в КЯ может варьироваться с фонемой /а/, оформляя фонетические и фонологические дублиеты словоформ: КН, КЯ – *св'ин'í/* || *св'ин'á/*, *маж'í/* || *маж'á/*; КЯ – *друб'í/* || *друб'á/*. Фонемам /ъ/ и /а/ в заударном слоге в позиции перед паузой соответствует архифонема /ъ_с/: КН – *бáм'ъ_с/*, *из'úk'ъ_с/*, *пóс'л'ъ_с/*; КЯ – *п'эд'ъ_с/*, *т'ét'ъ_с/*, *ф'ѣт'р'ъ_с/*, *с'ét'н'ъ_с/*.

В позиции С'V# в некоторых флексиях фонема /а/ варьируется с фонемой /е/ – этому соответствует произношение наречий *кад'á / кад'é*, *дубр'á / дубр'é* (КН, КЯ); глагольной флексии 1 л. ед.ч. наст. *дуw'á / дуw'é*, *сад'á / сад'é* (КН). Однозначные флексии, представляющие собой заударный слог, реализованы, как было показано выше, заударными гласными *а/е*, но не заударным *и*, который обычно заменяет ударный *é*. Это означает, что в рамках данных флексий фонемное варьирование имеет место только в позиции под ударением; в безударной позиции те же флексии содержат только фонему /ъ_с/, реализованную гласными *а/е*. Таким образом, в заударной позиции –С'V# представлена трехклассная одноступенчатая модель, образованная архифонемами /и_с / – /ъ_с / – /у_с /.

5.3.6. В позиции после твердых согласных перед согласными и паузой (CVC, CVC', CV#), как в предударном слоге, так и в заударном, безударные гласные *a/ɤ* и *o/ʉ* реализуют архифонемы /ɤ_a/ и /ʉ_o/. Ср.: КН, КЯ – а) *з/ɤ/рнʉ* – *з/á/рнá*, *з/ɤ^ʰ/артɤ*, *м'ид/ɤ/* – *ʉд/á/*, *набуд/á/* → *сɤд/ɤ_a/* (от *сɤт*), *сʉáбд/ɤ_a/*, *ид/ɤ_a/*; б) *с/ʉ/ʰа*, *к/ʉ/м*, *пáм/ʉ/к*, *б/ʉ/лкá*, *г/ʉ/б'а* – *с/ó/л*, *к/ó/ткá*, *п'исм/ó/ту*, *кэлб/ó/ту* → *ис/ʉ/ʉи'áʉám*, *к/ʉ/мʉ*, *с/ʉ/лтá*, *к/ʉ/тáк*, *рám/ʉ/ту*, *слáб/ʉ/ту*, *с/ʉ/*, *к'гнʉр/ʉ/* – *м'ис/ó/* → *кɤс/ʉ_o/*, *éдр/ʉ_o/*, *к'óпул/ʉ_o/*. Нейтрализация по подъему противопоставления /ɤ/ – /a/ в архифонеме /ɤ_a/ сопровождается чередованием гласных *á* : *a/ɤ* и *ɤ* : *a/ɤ*; нейтрализация по подъему оппозиции /o/ – /ʉ/ в архифонеме /ʉ_o/ реализуется в чередованиях *ó* : *ʉ* и *ʉ* : *ʉ*.

Важно напомнить, что позиция после твердых согласных является дистрибутивной лакуной для фонем переднего ряда /и/ и /е/ (см. выше, 5.2). Проецируя ситуацию на безударные слоги, можно считать, что та же позиция лакунарна и для архифонемы, локализованной также в переднем ряду. В результате трехклассная одноступенчатая модель безударного вокализма в позиции после твердых согласных состоит из архифонем / – / – /ɤ_a – /ʉ_o/. Знаком / – / обозначена лакуна в дистрибуции архифонемы переднего ряда. Следует специально подчеркнуть еще раз, что лакуна в дистрибуции фонемы или архифонемы не имеет последствий для характеристики в ДП других фонематических единиц (фонем, архифонем), которые реально представлены в соответствующей конкретной позиции.

5.4. Особенности нейтрализации вокальных оппозиций

Анализ фонемных отношений, реализуемых в говорах КН и КЯ максимальным и сокращенными позиционными наборами гласных, показывает, что свертывание фонемной дифференциации в максимальной модели вокализма, которая является трехклассной трехступенчатой треугольной моделью, достигается за счет устранения, сокращения или изменения различия по такому ДП, как степень подъема. Так, например, в одном из укороченных позиционных наборов гласных – в слоге под ударением – архифонема /e_a/ является следствием устранения признака 'нижний подъем' в позиции C'VC' для противопоставленных ударных гласных *á* – *é*; в результате вокализм в этом наборе становится двухступенчатым, различающим только верхний и неверхний подъе-

мы. Общим для всех укороченных наборов гласных безударных слогов следует считать одноступенчатость их моделей.

Фонематическое содержание сокращенных позиционных наборов гласных существенно различается после твердых и после мягких согласных.

После твердых согласных в предударных и заударных слогах реализуется одна тенденция – устранение (нейтрализация) оппозиции по подъему /ъ/ – /а/ и /о/ – /у/ в архифонемах /ъ₂/ и /у₂/.

После мягких согласных противопоставления нелабиализованных фонем включаются в разные типы нейтрализации, обусловленные, как было показано выше, ‘вертикальным’ и ‘горизонтальным’ типами редукции безударных гласных, фонетическим контекстом, а также особым распределением вокальных единиц по разным морфемам. Именно это обстоятельство свидетельствует о том, что в говорах КН и КЯ нейтрализация фонемных оппозиций характеризуется не только фонетической, но и грамматической (морфемной) обусловленностью. После мягких согласных один из вариантов нейтрализации (при ‘вертикальном’ типе редукции) снимает между нейтрализуемыми гласными фонемами различие по подъему; другой (при ‘горизонтальном’ типе редукции) устраняет различие между фонемами не только по подъему, но и по ряду. В этом последнем случае результатом нейтрализации фонемных противопоставлений является одноступенчатая двухклассная модель вокализма, в пределах которой фонематические единицы различаются только по наличию / отсутствию лабиализованности (архифонемы /L-/- /L+/-).

Характерной особенностью говоров КН и КЯ можно считать тот факт, что нейтрализация вокальных противопоставлений во многих позициях имеет некоторые различия в КН и КЯ (см. выше), а кроме того она реализуется как тенденция, а не безысключительное правило. Это связано с непоследовательностью чередования ударных гласных *á* : *é*, а также с тем, что ударные *é* и *ó* (в подсистеме с ‘вертикальным’ типом редукции) заменяются не только безударными *и* и *у*, но и безударными *е* и *о*, которые могут быть идентифицированы только с фонемами /e/ и /o/ (но не с фонемами /и/ и /у/).

5.5. Схема вокализма в говорах КН и КЯ

В характеристику фонологической системы вокализма КН и КЯ входит специфика объединения фонологических единиц (фонем и архифоном) в позиционные наборы и качество этих единиц. Данная специфика создается свойственным только для говоров КН и КЯ сочетанием (суммой) позиционного набора, содержащего максимальное число вокальных фонем, и укороченных позиционных наборов, а также механизмом свертывания максимального позиционного набора в укороченные. В этом отношении говоры КН и КЯ в целом не имеют расхождений.

Позиционный набор № 1

Максимальный набор фиксируется под ударением после паузы, после мягкого согласного перед твердым согласным и перед паузой (т. е. в позициях #VC, C'VC и C'V#) и образуется шестью фонемами, которые организуются в трехклассную треугольную систему вокализма:

/и/		/у/
/е/	/ъ/	/о/
	/а/	

Позиционный набор № 2

Четыре фонемы и одна архифонема под ударением между мягкими согласными (в позиции C'VC') образуют двухступенчатую трехклассную модель вокализма:

/и/		/у/
/е ₂ /	/ъ/	/о/

Позиционный набор № 3

Четыре фонемы и две лакуны в позиции под ударением после твердых согласных (т. е. в позициях CVC, CVC', CV#) образуют трехклассную треугольную систему вокализма:

/—/		/у/
/—/	/ъ/	/о/
	/а/	

Позиционный набор № 4

Две архифонемы и одна лакуна в предударной и заударной позициях после твердых согласных образуют трехклассную одноступенчатую модель вокализма:

/-/ /ʔ_a/ /y_o/

Позиционный набор № 5

Три архифонемы в предударной и заударной позициях после мягких согласных (при наличии 'вертикального' типа редукции безударных гласных) образуют трехклассную одноступенчатую модель вокализма:

/и_e/ /ʔ_a/ /o_y/

Позиционный набор № 6

Две архифонемы в позиции после мягких согласных в предударном и заударном слогах (при наличии 'горизонтального' типа редукции безударных гласных) образуют двухклассную одноступенчатую модель вокализма:

/L-/ /L+/.

Таким образом, в говорах КН и КЯ динамика свертывания максимального фонемного набора определяется мягкостью согласного, следующего после ударного гласного, твердостью / мягкостью предшествующего сегмента, отношением гласного к ударению, типом редукции безударных гласных, а также характером морфемы, в которой находится гласный.

КОНСОНАНТИЗМ

1. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМИ

1.0. Правила сочетания согласных с последующими гласными описаны в разделе Вокализм. Здесь же рассматриваются такие изменения согласных, которые обусловлены контекстом, содержащим вокальные и сонорные компоненты.

1.1. В сочетаниях с гласными подвергаются изменениям фрикативные согласные, образуемые с участием заднеязычной артикуляции. Это – *φ* и *х*.

При произнесении этих согласных, локализованных вблизи голосовых связок, в интервокальном положении перепад голоса по линии [звонкий/голосный ~ глухой ~ звонкий/голосный] на протяжении артикуляции согласного реализуется не в полной мере и спонанты оказываются в зоне действия голосовых связок. Результатом этого является произношение *w* (звонкий, двухфокусный, билабиальный) и *y* (звонкий, фарингальный, слабнонапряженный) на месте *φ* и *х*. Такое озвончение спонантов характерно для быстрого произношения и самими говорящими не замечается (т. е. в сознании говорящих этим звонким соответствуют глухие согласные), а при медленном произношении, тем более при слогаделении, звучит глухой спонант. Это значит, что озвончение спонантов в соседстве с гласными является фактом фразовой, а не словесной фонетики.

На явление озвончения *х* в болгарском впервые обратил внимание О. Брок – имея в виду позицию V-Son, он констатировал произношение *kǐrǐute*, *ǐǐute*, где *y* «звучало с весьма слабым веллярным трением, находясь уже на переходе к голосному гортанному» (39: с. 74, 166), т. е. к фарингальному. Озвончение спонанта *х* в той же позиции при вялом произношении подтверждает Ст. Стойков в своей работе о литературном произношении (44: с. 83). Что касается диалектов, то в описании говора сел Твырдица и Твардица Стойков констатирует распространённость озвончения *х* в *y* в позициях V-V, V-Son (61: с. 11). Факты изменения *х > y* в указанных позициях отмечены и при обследовании по про-

грамме БДА говора с. Кортен (№ 3147). Так, в текстах, предваряющих ответы на отдельные вопросы, записано *гу убйуа, нушт'а уоди, дреуи, утидууми, запалуа сауата, заклауа, да урани, п'унала*, то же в ответах на вопросы №№ 31, 34; при этом знак *у* определен как «звучно гърлено, но слабоучленявано».

Аудитивное впечатление от озвончения *x* в интервокальной позиции в КН подтверждает осциллограмма, на которой видно участие голоса при артикулировании фарингального спиранта в словах *зауарна, той е уод'ал, м'иуур'ит'и, пр'изнауа, б'ауа, на у'ил'адата* (в последнем примере участие голоса почти на уровне гласного).

Другие примеры изменения $x > \gamma$ в интервокальном положении (подчеркиваем, что озвончение не является тотальным и не исключает произношения спиранта *x* в тех же словах при изменении темпа речи или при изолированном произнесении слова):

КН: *бууъл, стар'и уора, т'а уод'и, многу м'и уарна снауа, wr'it'enu уурка, плаубок, страу уд наиу'уту с'элу, на и'эуа, гр'еуоу'э, на уурб, на уарман'а, сууу, к'ууш', ч'ууи'ану, пауар, мауа с кракб', са уумналу, м'уаната, кууу, ор'еу'и, талбуу'ен, муу'и; $\varphi > x > \gamma$ — науурц, лаууу'и;*

КЯ: *см'ауа са, пр'иказвауа, вар'ауа, сауар, бууаука, пукауа стькло, на уурб, н'ама страуа, мзуь, мууа, страу'ил, на сууу, поуорон, плаубок, з'иу'ер'а, два м'ауа, сабор'иуа; через стадию γ развился взрывной звонкий в ч'егословак.*

Изменение $x > \gamma$ фиксируется и в позиции V-Son, т. е. и здесь перепад голоса по линии [звонкость ~ глухость ~ звонкость] ослаблен.

КН: *маумуд'ийа, р'иш'иум'и, ур'аум'и, ис'унала, кууи'ич'ка, уу'ауна, т'эун'ика, сабаулан, заууп'ат, н'иул'ивани'и, туул'и, бул'ухч'и, маула (=махала), муул'асва, в'ауруш'ка, пауран'и; на осциллограмме в [ис'уса ур'иста] звучность γ выше, чем у *р'*; включение голоса в заднеязычный спирант в этой позиции имеет место и на стыке слов — *пос'ид'ау майку, казвам'и ур'ач'и, са т'ау рабут'и (=тяхни), т'и с'и ур'емава, и'унар'а уран'а.**

КЯ: *сабаулан, маула, пъл'н'аум'и, ис'уна, уу'аунал'и, пауран'и,*

ʔóʔl'uxč'u, nǎ ʔróm'ǎla, kúʔn'u, muʔl'ás^wa.

На то, что при озвончении *x* в позициях V-V, V-Son ассимилирующее воздействие исходит преимущественно от гласного, указывает отсутствие в КН изменения спиранта *x* в позиции Son-V, т. е. изменение носит прогрессивную направленность. Ср. *бълхá*, но *бъʔл'и*, *бронх'ит*, *йѣлхá*, *кулхос*, *н'ѣрхут*, *вѣрху*. Говор КЯ в этом отношении отличается от КН – здесь в названной позиции имеются случаи изменения *x > ʔ* на стыке слов: *тоʔй ʔод'и*, *тоʔй ʔаз'áйца*, *з'áмам ʔустáта*.

Менее интенсивное прогрессивное воздействие сонантов на спирант *x* объясняется не только более низким, чем у гласных, уровнем голоса при их артикулировании, но и тем, что в их образовании участвует сближение органов ротовой полости. Место этого сближения отдалено от *x*, что и препятствует непосредственному наложению артикуляции голосовых связок на *x*. Этому не противоречит приведенный Ст. Стойковым из говора Твърдица / Твардица пример *елуá* – латеральный является наиболее звучным (голосным) из сонантов, имеет веллярную артикуляцию, т. е. близкую к *x*, а это создает условия для включения голоса в артикуляцию *x*.

Поскольку заднеязычный фарингальный *ʔ* имеет слабонапряженную артикуляцию, он может в интервокальном положении ослабляться до нуля, в результате чего появляются сочетания гласных, в том числе и на стыке слов. Поскольку *ʔ* соответствует в этих случаях спиранту *x*, то речь может идти и об утрате интервокального *x* – именно о выпадении *x* и *ʔ* пишет Ст. Стойков в указанном описании (61: с. 11).

КН: *в'и од'axт'и*, *нǎ слуʔь*, *с'и úтар*, *миóгу úбáwu*, *м'иáна*, *ни од'á*, *мáа*, *и áп'ат*, *спáá*, *зáар*. *муáб'ѣт*, *дúмам'и* *áрмóн'ика*, *ср'ѣдно úбáф* *ч'уwѣк*, *wʔф áъра*, а также *др'ѣйт'и* (*ei < eʔ'и < ex'и*), *бр'ей н'áма* (*< ex'и*), *бáъра* (*< ay < axy*), *н'áма ʔрó* (*< ay < axy*).

КЯ: *н'и м'и ар'ѣсва*, *пó úбáwu*, *ил'áда*, *ýч'и са úбáw'ич'ку*, в рус. фразе – *рабóтал'и арашо*. В целом здесь полная утрата интервокального *x* происходит реже, чем в КН.

В КН спирант *x* может отсутствовать и в позиции #-V – *áпч'áта*, *ýмна са*, *од'им нǎ дарáк'á*, *ич' н'и áпцáум'и*, *áскуʔ* (=Хасково), *од'арф*.

Наличие заднеязычного фокуса в образовании согласного *ʔ* (т. е. близость места образования к голосовым связкам) также является пред-

посылкой его изменения в *w* в интервокальном положении при быстром произношении. Отмечено и изменение $\varphi > w$ в позиции V-V, V-#V.

КН: *kówa*, *no t'ul'iwóna*, *kaɫaw'úr / kaɫaw'úr*, *č'aru'áwa*, *kýwara*, *sw'in'iw'érm'u*, *škáwa*, *maraw'in'u / maraw'in'u*, *Sów'uiá*, *muraw'ént*, *kaŋ'áwu*, *ul'áw'ep*.

КЯ: *t'ul'iwóna*, *škáwa*.

Согласные, имеющие заднеязычный фокус, т.е. φ и x , в ингервокальной позиции могут взаимно заменяться. Механизм этой мены состоит в усилении заднеязычной и ослаблении губной артикуляции при изменении $\varphi > x$ и подключении губной артикуляции при $x > \varphi$. КН и КЯ различаются частотой мены названных спирантов.

В КН контраст между x и φ более устойчив. Так, изменение $\varphi > x$ кроме приведенных выше примеров с y из $x < \varphi$ (*naɣurá*, *kóɣa*, *láɣuw'u*) зафиксировано в *č'ixút'an*. Изменению $x > \varphi$ способствует соседство с лабиализованными гласными, которые как бы включают свою артикуляцию в предшествующий или последующий спирант x . Ср. *č'uzd'úwóra*, *nl'wóka*, *sa fód'ula*, *afótn'iu'u*, *fórata*, *kuɣs'ýwár / kuɣs'ýfár*. Изменение $xw > \varphi$ предполагает прогрессивное оглушение w — *ɣu fánaɣ*, *sa fál'ula*, *l'ífa*, *sa f'br'á*. В позиции V-Son — *v'a'ýru'u'ka*, *k'éwnaly / k'éfnaɣ*.

В КЯ взаимная мена x и φ перед гласными столь распространена, что практически близка к свободному варьированию.

$\varphi > x$: *x ár'm'uiá*, *č'ixút'an*, *xórma*, *prót'ix* (рус.), *óul'uxč'u*, *kóxa*, *b'ésh'u* и *xáɣs* (=август), *xábr'ika*, *ɣux ur'áɫata údá*, *Xr'istuxór*, *Tr'ixun*, *n'u* и *ɣuz'ímam* *ɣustáta*, *bux'ént*;

$x > \varphi$: *sɣm fód'ɣla*, *praful'ák* (=прах), *fúma*, *túr'a fudát* (= ...ах фу...), *afótn'iu'u*, *maí'ka mu fúbawa*, *dufóɣka*, *dufód'axa*, *prafót*, *ufáɣs'wai* (рус.), *ɣurtúwam*, *ɣarlámp'ei*, *paɫafódn'u* (= подоходный), *kaɫfóɣna*, *póv'eč'u* *fóra*, *dufáɣs'dat*, *na ɣuró*; **xw > φ** — *da sa fán'u*, *zaɫáui'tai*, *tó sa sfát'a*; изменение **xw > x** в *sɣs xɣr'léca*.

Палатализованные x' , φ'/ϕ' в меньшей степени подвержены взаимной мене. Так, только с x' или φ'/ϕ' произносятся слова *x'ič'*, *x'im*, *x'ítar*, *x'im'ikál*, *sóf'uiá / sów'uiá*, *suɫ'in d'éni*, *f'uiá*, *f'érc'a*,

кф'эс, ф'эрма. В артикуляции этих согласных отсутствует такая предпосылка их взаимной мены, как веларизованность (заднеязычный фокус). Поэтому, если произносится *ф'* вместо *х'* или наоборот, то это, вероятно, происходит через ступень твердого согласного, т.е. *глуф'ийа*, так как есть *глуф*, а *кóх'и*, так как есть *кóха*; но в то же время отмечено произношение *бух'ет, Х'ил'ен*.

1.2. От рассмотренного выше озвончения спирантов *х* и *ф*- в соседстве с гласными следует отличать те случаи, когда в слове звонкий согласный вместо ожидаемого глухого выступает между гласными постоянно, а не варьируется с глухим, т. е. не обнаруживает связи с позицией. Это в КН *л'итурáz'и* (мн.), *гл'игóза, адр'эза, баки'и́ж'и* (мн.), *ув'эза*; КЯ *гראдуза, афтóбуза, ур'и́за*.

Сочетания слова с предлогом мы рассматриваем как одну словоформу. Это должно означать, что согласные, оканчивающие предлог, вступают с последующим сегментом в такие же отношения, как и в слове, в частности, перед гласными не озвончаются и не оглушаются. Из этого правила как бы выпадает предлог *от*, который произносится со звонким согласным перед морфемой, начинающейся на гласный или сонорный.

КН: *уд уw'эс, уд ич'ум'ик', уд инó үр'эм'и, уд н'ейа, уд м'и, уд ра́ка, уд на́с*.

КЯ: *уд майа́, уд м'эн'а, уд на́ш'и́а, уд у́осак, уд л'а́ба, уд йэс'ен, уд ра́бута, уд у́рѣк'и, уд йу́га, уд л'идн'и́ца*.

По замечанию В. Георгиева, в этом случае речь должна идти не об озвончении согласного перед гласным и сонорным, а о том, что соответствующий предлог-приставка имеет основной вид *од* (40: с. 47).

Озвончение *с > з* перед гласным в предлоге *със* в КН зафиксировано в произношении *съз Ура́лу* при обычном *сас óсака, сас уло́й*. В КЯ — только *сас óг'ан, с Андóн, с ур'ала үда́*.

В соответствии с вторым согласным предлога *съв*, а также с префиксом *в-* произносится глухой согласный перед гласным и сонорным согласным, начинающим следующую морфему. Часто предлог сокращается до одного согласного, а в полном виде начинается на глухой спирант.

КН: *ф Мускв́а, фф н'а́куй г'óл, ф мау́лата, фф в́арна, фф йа́мбул*,

фѣф удáтá, ф ут' éлá, фѣф н' ид' éл' á, фл' áву, фл' úзá, фр' éт, фѣф áмóт.

КЯ: ф áмбáр, ф убóркáтá, фѣф áхр' úкá, фѣф áвгустá, фѣф мáгáз' úнá, ф н' ид' éл' á, фѣф нáс / ф нáс / х нáс, фн' úсá, ф лáз' ер' á, ф л' ен' úгрáт, фѣф рáсáл, ф Рус' úйá, фѣф úйл', ф/х áнт' éкá, ф'тр' á, ф úнá.

Можно было бы считать, что данная предлог-приставка в своем современном состоянии имеет основной вид, содержащий глухой согласный, поскольку именно в таком виде она выступает перед гласными и сонорными согласными, а звонкость согласного перед шумными звонкими – позиционна.

КН и КЯ различаются поведением согласного в составе предлога перед передним гласным следующего слова.

В КН здесь произносятся твердые согласные, что создает особую фонетику стыка предлога с последующим словом. Ср. фѣф úнó бл' úдó, уд úч' ум' úк'.

В КЯ, напротив, возможно смягчение согласного перед гласными *и*, *е* следующего слова так же, как это имеет место в пределах словоформы – ф' úнá, ф' úнó с' éлу, úлóкá с' úгрúш' к' и, ф' еркúчк, без' ерe' éн', но и уд úнá крúш' кá, уд эл' éнá, т. е. здесь стык предлога с последующим словом фонетически обозначен не всегда.

1.3. Утрата согласного в интервокальном положении означает, что вокальная артикуляция оказывается сильнее, чем консонантная, и ассимилирует и вытесняет ее. Утрачиваются, как правило, звонкие согласные, чему способствует сниженная напряженность их артикуляции (39: с. 19; 62: с. 90). Утрата интервокальных звонких согласных не имеет регулярного характера, а проявляется как произносительный вариант, свойственный спонтанной речи. Ослабление консонантной артикуляции может происходить и через спондизацию взрывных согласных.

КН: мóá (< мóгá), с' úá (< сегá), н' áá (< нýмá), кáй (< кáжé), б' úйл (< бивóл), ж' элтáй, р' úз' идáй (< áво#), хубуу (< óво#), кáмáвл' úй (< иво#), улóй (< óве#). Ослабление смычки у согласного *б* отмечено в *гá^бар*, *дѣ^бь*, *бý^б* и – интервокальный согласный здесь аудитивно близок к *и*, т. е. имеют место элементы спондизации смычного. Показательно в этом отношении ошибочное написание в объявлении «*любофанска*

вечеря» (вместо *новобранска*) – это гиперизм, производный от возможности замены согласного *б* через *w* в ингервокальном положении.

КЯ: *лyб'ут, да уб'ид'и, тр'аа, на'у'н, п'ер'е'оч'ик, н'аа, ка'ун', на мля'ит'и, нощ'ту'а, го зар'ат, св'инца ко'а, н'и мой* (< може), *сур'у, но'а*; как результат ослабления смычной артикуляции можно расценивать появление ингервокального *w* в *бугур'ица* и утрату согласного *з* в топониме *Ка'ул* (=Кагул).

Между КН и КЯ есть различие в поведении ингервокального согласного *и*. В КН проявляется тенденция к его полной утрате, а в КЯ лишь к ослаблению. В КЯ согласный *w* может утрачиваться в начале слова (позиция #–С), а после гласного предшествующего слова сохраняется (или востанавливается?). Ср. *уйна* и *но'ва вуйна, н'и н'и в'ид'ахм'и вуйна*, но *пуд'ер уйна*, т.е. и в позиции С#–С отсутствует согласный *w*; *уда* и *в'едра'вуда*.

Кроме того, в КЯ имеет место произношение ингервокального этимологически не мотивированного *w* перед лабиализованными гласными. Так, *у'ор'ах* и *два'вор'аха, у'оч'ар* и *на'воч'ар* (=очередь), *у'ош'т'и* и *има'вош'т'и*, *у'ог'ан* и *на'вог'ан'а, онз'и* и *на'вонз'и, кам'и'он, Рад'и'он, в'раи'она, поб'агна на'в'орала* (=Урал);

умна и *т'а'вумна, уко* и *ч'арну'ок, ус'амнайс'и* и *ду'вус'амнайс'и, кара'ул, рад'и'у, г'а'гу'з'ан*.

В КЯ сильное лабиализующее воздействие губных гласных на последующий спирант *й* проявляется в его изменении в *w'* (меняется место образования спиранта): *ту'ва'га, ду'вет* (3 мн.) КН, *ду'вет* КЯ, *кру'ит* (< ойи), *сту'ал, тру'ан, ч'иф'с'и* и *с'ин* (*й* > *w* > *ф*), как вариант, обратная мена в произношении *здр'и* / *здр'ан'и, испуй'ада, найел'и*. В КЯ мена *й* и *w'* может рассматриваться как звонкий аналог той мены *х* и *ф*, о которой сказано выше. В КН такое явление не отмечено.

В КЯ можно также отметить тенденцию к появлению ингервокального *й* перед нелабиализованным гласным – *ас*, но *и'йас'м'кна, аб'лка, но'на'й'б'лка, из'ик', но'г'рик'и'из'ик', и'скам, но'и'й'скам'и*.

1.4. Спирант губного ряда может иметь как билабиальное, так и лабиодентальное образование. Как было сказано выше, степень выраженности билабиальной артикуляции *w* в КН и КЯ разная. Существенно различаются говоры и частотой употребления звонкого билабиального спиранта. В КЯ *w* преобладает над *v* перед всеми гласными – варьирование типа *wáza* / *váza* довольно редко. В КН лабиодентальный согласный *v* является более частым и при этом распределение *v* и *w* строго не разграничено. Можно говорить лишь о преимущественной частоте *w* перед лабиализованными гласными, а *v* – перед передними нелабиализованными и *ъ*. Но все это в рамках варьирования *w* / *v*. Ср *stáwa* и *pl'áva*, *xp'émawa*, *v'zdux*, *v'lna*, *v'lk* / *w'lk*, *v'ila*, *v'éc'u*.

Билабиальность глухого спиранта *φ* отчетливо выражена в обоих говорах – этот спирант употребляется перед всеми гласными.

Лабиодентальные *ф*, *ф'* встречаются реже. Например, в КН – *ф'íl'ин*, *Сóф'ийа* / *сóf'ийа* / *сów'ийа*, *фаш'иску*; в КЯ – *ф'ít'ан'ч'и*, *мóй та фам'íl'ийа*.

1.5. В позиции после гласных высока частота спирантов *й* и *ў*, что вызвано утратой слоговости безударными гласными *и* и *у* в названной позиции и тем самым исключением их из класса гласных.

В основе этого явления лежит усиление воздушной струи, привносящее в артикуляцию гласных *и* и *у* элемент консонантности. По мнению Ст. Стойкова, усиление воздушной струи естественно при том высоком положении языка, которое характерно для *и*, *у* (62: с. 67). По-иному оценивает то же явление Х. Халиолчев – он видит в нем проявление редукции безударных гласных *и*, *у*: их сужение и сокращение (уменьшение абсолютной длины) способствует усилению воздушной струи, т. е. эффекта трения (50).

Как нам представляется, консонантизация *и*, *у* после гласных может быть также вызвана стремлением усилить контраст между рядом стоящими гласными путем более напряженного артикулирования второго гласного, что при высоком образовании вносит в них долю шума, которая переводит их в класс сонорных согласных. Можно иметь в виду и следующее обстоятельство. Сочетание гласных в говоре может образовываться одним артикуляционным движением без перерыва, соответ-

ствующего экскурсии /рекурсии. Сочетания гласных с *и, у* при таком условии должны превращаться в нисходящие дифтонгоиды, т.е. имеющие в своем конце *й, ъ*.

Примеры на изменение *и, у > й, ъ* после гласных, в том числе и на стыке слов:

КН: *прайм'и, т'а знай* (< аи < ае), *мойт'у* (< ои < ое), *лрѳ'ий* (мн.), *св'ет'у йван, кай* (< кан < каже), *уда й браи'но, на йна'маса, многу йл'ен'и, улѳй* (мн.); *братува ѳнука* (но #*нука*), *са ѳб'ѳф; ино' ѳко, накт'д'а ѳт'ѳва, за ѳбуфк'и, сѳ сапѳж'ана ѳда, на ѳд'ийала, рад'ѳт'оч'ка, ч'аѳ бабо* (= чао).

КЯ: *ѳа ѳм'ийи* (< ни < ие < ийе), *мойт'у гуд'ин'и* (< ои), *за йна, п'ид'ис'е йца, д'е ѳа ѳ лѳй* (=я и лови); *да ѳб'ѳрат, гу ѳб'ѳл'ах, ѳа ѳбл'ѳкл'и, да ѳт'ѳвам'и, гѳ ѳбѳркам'и, каму ѳр'ѳс', т'а ѳр'ѳ, пу двѳйс'и п'ит'ѳл'и ѳп'ѳсва*.

1.6. В связи с позицией перед гласными специальных замечаний требуют аффрикаты *s* и *ц*. В принципе эти аффрикаты могут быть результатом ассимиляции взрывных согласных перед фрикативными зубного и переднеязычного ряда. Но в КН и КЯ эти аффрикаты фиксируются перед гласными, а *s* еще и перед *в*.

КН: *сѳн- сѳн, с'анаѳ, блас'а, сѳлса, св'изда, св'ѳска, ц'ѳн'и, алац'ѳ, ц'ѳлка, суц'ѳк, ц'ѳн*.

КЯ: *св'ѳжа, ц'ѳпч'и, ц'ѳма, ц'ѳг'ѳр', м'ѳц'ѳѳа, с'ѳн'ц'ѳр'*.

2. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С СОГЛАСНЫМИ

2.0. Специальных комментариев требует корпус материала, используемый при анализе правил сочетания согласных.

Получение адекватного представления о правилах синтагматики в диалекте предполагает выявление всех запретов и разрешений, которые регулируют линейную организацию звуковой последовательности, в данном случае сочетаний согласных.

Как сказано выше, синтагматические возможности системы не исчерпываются лишь зафиксированными сочетаниями. Особенно это от-

посится к консонантным сочетаниям – большое количество согласных дает многочисленные консонантные комбинации. Даже при учете генеральных запретов (например, по участию голоса) количество сочетаний согласных, допустимость которых нуждается в проверке, достаточно велико. Сочетание считается фонетически недопустимым, если один из его компонентов относится к такому классу звуков, ни один из членов которого не вступает в подобное сочетание. Например, сочетание типа *td* недопустимо независимо от его конкретных составляющих, а сочетание *n'u* в КН, хотя и не зафиксировано, но допустимо, так как другой мягкий взрывной согласный губного ряда сочетается с гласным *u* в слове *b'úul*.

Отсутствие в диалекте кодифицированной нормы исключает произносительную практику, не соответствующую системе. Речь говорящего на данном синхронном срезе соответствует одной системе. А известно правило, согласно которому узус может быть уже нормы (системы), равен ей, но не может быть шире нормы, заставляет с доверием использовать критерий произносимости при определении допустимости незафиксированных сочетаний.

По этой причине мы не проводим селекцию зафиксированных фактов с целью отведения от анализа синтагматики таких слов, которые предположительно могут быть восприняты через литературный язык или заимствованы из другого языка. В КЯ это относится к русским словам, которые, как правило, имеют болгарскую фонетику.

2.1. Рассматриваются сочетания двух согласных. Сочетания шумных согласных однородны в отношении участия голоса, Перед сонорными согласными (включая *v*, *w*, *ǰ*, *ǰ̃*) допустимы звонкие и глухие шумные согласные.

Сочетания согласных делятся относительно их положения в начале, середине, конце словоформы – далее НСл, ССл, КСл.

2.2. Первый компонент сочетания – губной согласный

2.2.1. Взрывные губные согласные в НСл ограниченно сочетаются с шумными согласными, а из сонорных только с плавными.

КН: *ps* – *psúwam*; *pl*, *pl'*, *b1*, *bl'* – *plámak*, *pl'újka*, *blájs'nu*, *bl'úzu*;

пр, пр', бр, бр' – *пр'ах, пр'акур, браш'но, бр'астув'е*; пч' – *пч'ила* (имплозивный *п*, т. е. смычка непосредственно переходит в следующую аффрикату – стадия, предшествующая полной утрате *n*); утрата инициального согласного *n* перед шумным в *сама́та, ч'ила*; замена *n* билабиальным спирантом в *фч'ил'и, фч'ел'ан, фт'ич'и* (диссимилиация по способу образования);

КЯ: пс, пс' – *псува, пс'их*; пл, пл', бл, бл' – *плаш'та, пл'ожа, блаж'ну, бл'ин* (рус.);

пр, пр', бр, бр' – *прѣкарѣр, пр'ецидат'ел', брат, бр'езна*; утрата *n* в *ч'ила*, но сочетание *пч'* произносится при нулевой редукции гласного – *крава́ич'ета пч'ага* (< печ-); *n > ф* в *фт'ич'ка*.

В ССл зафиксированы сочетания:

КН: пw, bw, bw' – *изл'упwат, уцл'абwат, убw'ила*; бm, бm' – *убма́ж'а, убm'исл'а*;

пт', бд, бд' – *ант'ека, св'аба, убд'ара*; пс, пс', бз, бз' – *л'инсаа гу, т'инс'ийа, обзав'ед'ану, убз'имам*; пц' – *б'опц'и*; пн, пн', бн, бн' – *ц'елук'упна, х'анн'иш', уцл'абна, др'эбн'и нар'и*; пл', бл', бл' – *к'епламá, ч'упл'ина кусá, об'ла, грáбл'и*;

пр, пр', бр, бр' – *напрáwu / нап'раў, купр'ина, обрѣч', б'бр'иц'и*; пш', бж' – *уши'ирну, обж'алwам*; пч' – *з'лапч'и, кал'пч'и*;

пк, пк', бг – *ч'опка, кл'епк'и, обгур'ен*; пх – *упх'од'а*.

КЯ: пw, bw – *канwам, пробwам*; бm, бm' – *убма́ж'и, обm'ен'а*;

пт', бд, бд' – *тр'ипт'ет* (3 мн.), *св'аба / св'аба, убд'ирам*; пс, бз, бз' – *кансул, убз'ор, убз'ира*; пц, пц' – *ас вап'уwах, и'епц'е*; пн, пн', бн, бн' – *каннах, х'анн'и, др'эбна, з'бн'и*; пл, пл', бл, бл' – *йуруплán, т'опл'и, гр'абл'о, тр'и рубл'и*;

пр, пр', бр, бр' – *нап'раw'а / нап'рай, распр'ега, р'ебра* (мн.), *дубр'и*; пш', бж' – *оти'ийа, убж'алwам*; пч' – *ц'опч'и, т'пч'а*;

пк, пк', бг – *топка, д'упк'и, убгáр'ам*; пх – *упх'ож'дам*.

Многие из перечисленных сочетаний образованы на стыке предлога-приставки *об* с последующей морфемой. Такое словообразование встречается редко в спонтанной речи, поэтому его приходилось провоцировать в речи информаторов.

Сочетаний с *й* можно ожидать также на стыке предлога-приставки с морфемой, начинающейся на *й* (ср. *фй, дй, сй*). Но после взрывного губного согласного спирант *й* отсутствует и при этом условии – *уб'асн'й, уб'ава*.

Двойные сочетания губных взрывных согласных отсутствуют. Они могли бы образовываться при употреблении того же предлога *об*, но этого не происходит, так как перед морфемами, начинающимися на *п, б*, употребляется только предлог *о* (не *об*)

Согласный *б* перед *н, н'* может заменяться губным назальным сонантом. КН: *гръмнѧк, уцлѧмну, ѧ р'ѧмну*. КЯ: *грамнѧк', срѧмнал, др'ѧмн'ич'к'и*. В КЯ ослабление *б* в позиции V-Son ведет к его спирализации и совпадению с *w* в *л'ич'ѧвна ѱдѧ*. Указанные изменения не проводятся настолько последовательно, чтобы сделать недопустимыми сочетания *бн, бн'*.

В КН ослабление смычной артикуляции *б* имеет место в *тр'ѧ^бва* (*б* почти отсутствует). Как вариант, отмечена ассимиляция по способу образования в *ѳш'и* (наряду с *ѳш'т'и*).

В КСл возможны сочетания только с глухими шумными согласными, и соответственно, первым членом сочетания может быть только *п*. Но сочетания такого рода редки. КН: *пс – г'ѳс, ш'w'ѧс; пц – ш'w'ѧц*. КЯ: *пс – г'ѳс*.

Сочетания с сонантами в КСл для шумных согласных запрещены, так как *повышают дугу сонорности в конце слова, что в блг. недопустимо*.

2.2.2. Губные спиранты сочетаются с последующими согласными без ограничения. Сочетание образуется не только с участием этимологических *в, ф*, но и *ѱ* из *у* (см 1.5.). Частота сочетаний, имеющих в своем начале *ф*, повышена за счет изменения $x > \varphi$ и оглушения *w* в предлоге *във / в* не только перед шумными согласными, но и перед сонантами, как это показано выше.

НСл

КН: *фп, фп', wб' – фпѧдѧ, фп'ѳш'ѧ, wб'ѳш'ѧ; фм, wм, wм' – ф Мусквѧ, wмѧкѧ, wм'ѧсту;*

фт, фт', wd, wd' – фт'ѳч'и, фтѳр'и, wдув'ѧ, wd'ѳгѧм; фс, фс', wз' –

φ *Σόφια*, φ *σ'éd'am*, wз'им'ét'и; φц' – φц'έ (мн.); φη, φη', wη – φ *πάς*, φ *η'ιδ'έλ'α*, wηύч'ка / уηύч'ка; φл', вl, wl – φл'ίζα, вlάκ, wлάч'ат;

φр, φр', φр', wр, вр, wр' – φ *Ροδόπ'и*, φροитυwάκ, φр'ét, φр'ένцк'и, wράт, вр'ф, wр'ит'эну; φш' – φш'ίψα; φч' – са φч'ύκατ, φч'ύν'а (< шч < сч);

φй, wй – φ *ΰάμβул* / w *ΰάμβул*;

φк, φк', wг – φ *κ'и'та*, φ *κ'ερм'ίδα*, w *γύγλα*

Как вариант, утрата инициального w перед согласным – дуw'έψ, *λάч'ат* (3 мн.), з'им'ét'и.

КЯ: φп, φп', wб, wб' – φ *παпу'ра*, φ *π'исμόту*, w *βαλγάρ'иψα*, w *β'ин-δ'έρα* (топоним); φм, wм' – φ *Μασκβά*, φ *μ'έν'ε* и x *Μυλδάw'иψα*;

φт, φт', wд, wд' – φ*τόρν'и*к, φ *т'άχ*, w *δυμ'б* / φφw *δυμ'б*, w *δ'эпа*; φс, φс', wз, wз' – φ *σάδ'и*ка, φ *с'элу*, w *з'бэ*, w *з'их'ир'а*; φц' – φц'έ (мн.), φ *ψ'άλα μαχλά*; φη, φη', wη, wη – φ *πάς*, , wηύка / уηύка, φ *η'ιδ'έλ'α*; φл, φл', wл, wл' – φ *λάг'ер'а*, φл'ίζай / хл'ίζай, wлác / *ΰлác*, wлάч'ат, w *л'όφк'и*х (рус.);

φр, φр', wр, wр' – φ*ρόм'ал*, φ *Рус'иψα*, φр'ét, wр'άч'ка, wр'éc, wр'ém'и; φш' – φ *ш'κόλα*; φч', wч' – φч'ύκwам'и, φч'ót (рус. в счет), w *ч'убów'и*;

φ'й – φ *ΰψи*;

φк, φк', wг, wг' – φ *καлт'б*, φ *к'ύν'а*, w *γυρά*, w *γ'ул* и x *Κυργάс*; φх, φх' – φ *х'убаφ*, φ *х'им'икала*.

В КЯ в составе инициальных сочетаний также не исключены лабиодентальные согласные *в*, *ф*, но они фиксируются реже, чем в КН

В КЯ формы глагола *зема* не имеют вариантов с начальным согласным w; перед *й*, в отличие от КН, происходит смягчение φ.

ССл

КН: φп, φп', wб, wб' – *здραφп'унт*, wφφ *п'этак*, wφw *бу'та*, wφw *б'эпл'ен*;

φв, φв' – wφφ *Вáрна*, wφφ *В'иэна*; билабиальный спирант после φ оглушается , а получившееся сочетание φφ сокращается до одного согласного, т.е. φw > φφ > φ – wφφáрна, wφφ'ím'иту при w'ím'и; оглушение распространяется и на первый согласный предлога *във* – φφφ

удáтá, фѣфáрн> (=Варна);

фм, фм', вѡм' – вѣф Мусквá, вѡф м'урд'и́ѡ, нуст'áфм'и (< x);

фт, фт', вѡд, вѡд' – н'éгуфта, нáфта, дѡфтур (< кт), рáд'уфту (< нуг < нот), цафт'и́; фт'ѡнѡм'и, вѣв дѣи', спáсуѡ д'éи; фс, фс', вѡз – вѡф Сѡв'и́ѡ, вѡф с'éлу, вѣв зѣба; фц, фц' – уфцá, уфц'é; фн, фн', вѡн, вѡн' – иѣфнаѡ, фѣф н'ид'éл'á, прáвнуч'кá, л'ибѡвн'ик, свáтѡвн'иц'и; фл', фл', вл, вл' – к'úфлá, пáнтúфл'á, р'éвлá, р'ѣвл'и́ѡ;

фр, фр', вѡр, вѡр' – пр'ѣфрѣкн'и, нáфр'ét, ф'ѣвруáр'и, тáвр'áс, дá ѡр'и́; фш', вѡж' – г'ѣфи'ék, óфи'и (отсутствие оглушения спиранта в б'и́ѡи'и кѡрт'ѣнц'и), вѣв ж'áбá, сá ѡж'éни; фч', вѡц' – вѣр'фч'и́ѡ, вѣв ц'óбá, ѡѡц'и́ѡ;

фк, фк', вѡг – и'éфкá, мрáфк'и, á^wгус; фх – вѣф хáмбар, упрощение этого сочетания в ф, когда заднеязычный фокус согласного объединяется со следующим спирантом, привнося в него билабиальность – вѡфáл'ит'и (=във халите), вѣфáмѡт'á.

КЯ: фп, фп', вѡб, вѡб' – фѡф пунд'éл'н'ик, фѣф Пáзарц'и́к', фѣф п'и́и'тá, вѡѡ Булгáр'и́ѡ, дá ѡб'и́рат; фм, фм', вѡм – фѡф мáгáз'и́ѡ, фѡф мѡй, л'éкá трáвѡмá;

фт, фт', вѡд, вѡд' – рáфтүфт'и, нáфтáр', нá и'áфта (< x), фѡѡ дүфѡфкá (! разное образование глухого спиранта в одном слов), зá ѡдá, фѣв д'éвáн; фс, фс', вѡз – фѡф сѡл, фѡф с'éлу, фѡѡ зѣн, отсутствие оглушения спиранта в соѡá с'ém; фц', фц' – дрáфц'é / фц'é, уфц'ét'и; фн, фн', вѡн, вѡн' – фѣф нáс, кúфн'и, ст'ипáнуѡнá, лѣж'óвн'ик; фл, фл', вл, вл' – к'úфлá, ѡфл'уф, кáр'éвл'и, прү^wл'áкáл, нá ѡлáс сув'éцкáтá;

фр, фр', вѡр, вѡр' – нá фрѡм'áѡ, нáфр'ét, нá вѡрзѣ, нá вѡр'ém'и; фш', вѡж' – фѡф и'és, сá ѡж'éн'и; фч', вѡц' – и'и́кáфч'и (=шкаф), вѡѡ ц'убѡѡ'и, аѡц'и́ѡ;

фй – фѡф ѡй'и́;

фк, фк, фк', вѡг, вѡг' – ѡфкá, в'и́нѡфкá, в л'ѡфк'их, кáѡгá, г'и ѡѡвáрѡл'и, фѣв г'у́зүм.

Изменение $\varphi > x$ фиксируется не только перед гласными, как это было показано, но и перед согласными.

КН: *цъхн'и, прохсайуза, кохч'и* (от *кóфа*), *φ къш'тата хл'азам*.

КЯ: *нормат'ив'и γ м'ен'ε, x T'ирáспул, хтóрата гуд'ина, Кáухман, по йóх'тану, цахт'эт, то x нас н'áма, мухтáн'εк, Рухч'у* (от *Рад'ивóп*), *д'им'итружка, антóнужка, братух м'и с'ин, óул'ухч'и, Ахр'ика, х' й'ул'и, x курбáна*. В КЯ мена $\varphi > x$ фиксируется чаще, чем в КН.

Спирант w/v перед *н, н'* варьируется с *м* (регрессивная ассимиляция по способу образования):

КН – *сл'имн'еник'и, пл'эмн'ик / пл'эвн'ик, кб́мн'и, рáмну м'áсту, даждóмца үдá, л'ибóмн'ик, гумнó* (< из *вн*). КЯ – *рáмну, вазгáмн'ица, аз р'эмца, гáмн'ε*.

В КСл в обоих говорах зафиксированы сочетания *φт* – *л'эфт* и *йл / йл* – *б'ýйл / б'ýйл*.

Тенденцию к устранению финального сочетания шумного фрикативного со смычным демонстрирует в обоих говорах произношение *ч'иф, шр'иф, қсмуна́т, раф*.

2.2.3. Губной сонант *м* в НСл сочетается только с сонорными согласными.

КН: *мн, мн'* – *мнóгу* (чаще *млóгу*), *мн'эн'ица*; *мл, мл'* – *млáда, млáш'т'и, мл'áку, мр, мр'* – *мрасн'ик, мр'эж'а*. КЯ: *мл, мл'* – *млáда, мл'áку; мр, мр'* – *мр'т, мр'эж'а*.

В ССл согласный *м* сочетается с согласными всех локальных рядов. Количество сочетаний увеличено за счет появления *м* вместо других губных согласных в ряде позиций и за счет варьирования *н / м* в предлоге *къпъ. Перед губными фрикативными согласными произносится губной проходной назальный согласный.

КН: *мп, мп', мб, мб'* – *кумпóт, имп'ерáтур, бумбóн'и, ч'умб'эр'*; *μφ, μφ', μω* – *ка́μφур, бруμφ'ит, кр'εμφ'иш'и / кр'εмв'ири'и, ци́фáрт, қо́μφ'εту́р, рас'ьмва*; *мм* – сочетание образуется на стыке предлога *към* с последующим словом и по своей длине короче, чем два согласных – *къ^М Мусква, қа^М м'эн'ε*;

мт', мд' — ск'имт'и́, ѳс'имд'ис'е́; мс, мс', мз — комсумо́л, кам с'эд'ем, кум'с'э́рв'и, г'эмза; мц' — п'исамц'е́; мн, мн' — сто́мна, спóмн'и́ц, з'имн'ик (см. также бн, вн, вн' > мн, мн', обратная замена в н'и по́вн'а); мl, м л' — по́мла́д, з'имл'ак;

мр, мр' — измр'э́нал'и, измр'а́ха;

мк, мк' — ра́мка, с'эмк'и (мн.).

КЯ: мп, мп', мб, мб' — в'импунт, ѳарла́мп'тй, вул'ембо́л (< йб), з'имб'ш'д'эк'; мм — к'ьм ма́йка;

мт, мт', мд, мд' — найгул'а́мту, к'ьм т'эб'е, ус'имд'ис'е́, к'ьм Ду́цава, сочетание м'т как результат редукции гласного в wr'эм'ту ўт'у́ва; мс, мс', мз, мз' — к'ьм са́и'а, уткам с'э́в'эра, в'имзаво́т, к'ьм з'эм'а; мц' — н'эмц'и; мн, мн' — з'имну, уткра́мнул (< дн), ср'эмнал (< бн), р'эмна (< вн), та́мн'и́ца, му ск'имн'и; мl, м л' — по́млат, к'ьм л'ўт'и́ѳ п'ш'э́р;

мр, мр' — Кумра́т, умр'а́ха; мш', мж' — куми'и́йа, к'ьм Ж'идану́р; мч' — мумч'е́, но чаще му́нч'е́, унификация сочетания по отсутствию губной артикуляции;

мк, мк', мг, мг' — з'имка, стр'эмк'и (=ости), да́мга, Хумга́р'и́йа (<нг), да́мг'и́ч'к'и (=порода свиней).

В КСл сочетания, имеющие в своем начале м, не зафиксированы. Упрощение сочетания мн > н в х'им (но х'имн'и) в КН.

2.3. Первый компонент сочетания — зубной согласный

2.3.1. Взрывные зубные согласные не сочетаются с глухими зубными фрикативными и аффрикатами и переднеязычными шумными, заменяясь в этих позициях аффрикатами.

Специального разъяснения требует специфика артикулирования сочетания двух взрывных согласных. При образовании такого сочетания «после смыкания артикулирующих органов следует затянутая продленная выдержка, пауза, после которой следует энергичное размыкание. Энергичное, так как в течение всей затянутой смычки напор воздушной струи, встретившей преграду, все нарастал. Иначе и не могут артикули-

роваться эти звуки: ведь звук прорыва преграды у них мгновенен и не может быть продолжен, продолжительной может быть только смычка перед взрывом» (20: с. 89). Это определение артикуляционной специфики сочетания двух взрывных согласных, хотя и сформулировано на русском фонетическом материале, имеет универсальное значение.

В НСл сочетания, начинающиеся на *t*, *d*, представлены ограниченно; иногда они образуются вследствие редукции до нуля гласного, следующего после взрывного согласного. КН: *тв*, *тв*, *дв*, *дв* – *твѣрд’и*, *твѣй* (=това е), *двѣ*, *дв’ѣч’к’и*; *тl*, *дl*, *дл’* – *тlакá*, *дlán*, *дл’ѣту*; *тр*, *др*, *тр’*, *др’* – *трán*, *тр’ѣвá*, *дрón*, *др’áмка*; *тк* – *ткáа*, но и *тѣкáа*. КЯ: *тв*, *дв*, *дв’* – *твѣрду*, *двá*, *дв’ѣ*; *тл* – *тлѣсту*; *тр*, *др*, *др’* – *трун’án*, *тр’иц’и*, *дрón*, *тр’áбвa*. В обоих говорах *дн’* > *н’* в *н’ѣска*.

В ССл многие сочетания образуются на стыке предлога-приставки со следующей морфемой.

КН: *тп*, *дб*, *тп’*, *дб’* – *ут нónа*, *пóтт’ис*, *вѣри’úдбá*, *пудб’ѣрá*; *тв/в*, *тв’*, *дв/в*, *дв’*, *тф* – *кóтвa*, *мол’úтвa*, *згóтв’áну*, *удвѣн*, *úдвa*, *удв’áвa* *сá*, *ут ф’úстá*, оглушение *w* > *φ* после *t* в *утф’тр’ѣ*; *тм*, *тм’*, *дм*, *дм’* – *ч’ѣтмó*, *п’итм’ѣс*, *пуд мóстá*, *с’ѣдм’и*;

тт, *тт’*, *дд*, *дд’* – однородные сочетания смычных имеют тенденцию сокращаться до одного согласного, совпадая в отношении твердости-мягкости (по высоте тона) со вторым согласным; если сокращения до одного согласного не происходит, то длина сочетания все же короче двух согласных; благодаря напряженности артикулирования глухих согласных, сочетание *тт* удерживается чаще, чем *дд* – *ут’н’ж’á*, *ут’úгѣрá*, *ут’áф*, *уд’ѣлну*, *удáвну*, *ср’ѣдóрá*, *одáж’дѣ*, *уд’ил’ѣн’ицá*, *удѣрвó*, *зарáд’ѣцá* и *у^мтѣжкá* *пр’ѣж’дá*, *у^мт’áф*, *у^мтáм*, *о^мт’хл’и*, *у^дд’áснáтá рáкá*, *у^дд’ѣл’úлá*;

дз, *дз’* – *падзѣриá*, *удз’áвa м’и*; эти сочетания могут производить акустическое впечатление аффрикат *s*, *s’* при быстром произношении, но поскольку принадлежность к разным морфемам компонентов артикуляции таких аффрикат в данном случае очевидна, констатируем сочетание согласных; согласный *t* не сочетается с *с*, *с’*, *ц*, *ц’* заменяясь в этих позициях аффрикатой;

тн, тн', дн, дн' – *п'ѣтну, с'ѣтн'а, уд н'ова, к'оладн'иц'и*; ассимиляция согласного *д* последующему *н* – *п'аннаѣа / п'аннаѣа, п'ан'н'иши', ж'ѣн'н'и, п'лан'н'а, с'инн'и с'а*; варьирование *дн / мн* в результате ассимиляции по способу образования, но диссимиляции по ряду – *утк'раднат / утк'рамнат*;

тl, тl', дл, дл' – *стlаска, к'утл'и* (ср.р.), *с'идл'о, будл'иѡа*;

тр, тр', др, др' – *утр'ова, ѡ'ѡтр'а, уд р'ак'а, нак'ѡдр'ана*; дж' – *уд ж'ѣч'у*;

дй – *пуд ѡ'ак'а*; тк, тк', дг, дг' – *г'ѣтка, п'ип'арутк'и, п'одг'ѡ, уд г'ѡи*.

КЯ: тп, дб, тп', дб' – *ут п'анур', ут п'ас'к, с'адба* (=сев), *пуд б'иѡам*; в слове *св'адба* (варьируется с *св'абда*) первый смычный согласный производит впечатление не вполне звонкого согласного – в нашей записи *св'адба*; наблюдая аналогичное явление в другом говоре того же региона, В.К.Журавлев объясняет это тем, что согласный перед *б* «произносится с большей, чем это характерно для звонких, силой выдоха, что создает акустическое впечатление близкое к *т...*» (63: с. 19); в других словах в КЯ сочетание *дб* однородно в отношении голоса;

тв/ѡ, тв' дв/ѡ, дв' – *мол'иѡа, г'ѡтв'ам'и, уд в'ас / ѡ'ас, уд в'иш'н'и*, вставка гласного в *бр'адуѡа*; тф, тф' – *ѡт ф'абр'ика, ут ф'ѣрма*, после *т* оглушение *ѡ > ѡ* с последующим изменением в *х* – *ут худ'ата*; тм, тм', дм, дм' – *уб'ич'ат ма, п'итм'ѣс', уд май'а, уд м'ѣн'а*, как вариант фиксируется ассимилятивное смягчение зубного согласного в *п'ит'м'ѣс'*;

тт, тт', дд, дд' – тенденция к сокращению однородных сочетаний менее выражена, чем в КН – *уттам, ут т'изѣк', удд'ѡлу и уд'рѡѡ, уд'ѣск'и пол*, сочетания *тт, т'т* в результате нулевой редукции гласного в *п'ѣтта гуд'иѡа* (< тата), *к'ѡт'ту* (= коте то); дз, дз' – *удз'ат, уд з'имат'а*;

тн, тн', дн, дн' – *л'атну, р'абѡтн'и х'ѡра, п'руп'адна, уд п'иб'ѣту*, ассимиляция *дн > тн > н* более последовательна, чем в КН – *п'аннаѣа, ѡ'ѣнн'иш', к'ѡм п'лан'н'ѣ, винагр'аниѡа, ннѡ мнч'ѣ ѡп'ѡ л'ап'и* (= одно мумче едно хлапе), *с'ин'и, п'ѣска, н'ѡ*, как вариант, представлена ассимилятивная мягкость смычного в *с'ит'н'аѡа, с'ѣт'н'а*;

тл, тл', дл, дл' — м'итла, гйтл'ер, с'идло, уд л'аба;

тр, тр', др, др' — м'итро, в'итр'е, уд рабута, йедр'и; тш', дж' — ут ш'ипка, уд ж'ш'азу, изменение т > ч' в уч'ш'ел (< утишел);

дй — уд йес'ен, уд йуга;

тк, тк', дг, дг' — пátка, бархутк'ана рóкл'а, уд гóр'е, одг'ва, уд г'ул'.

В КСл запрещены сочетания т, д с сонантами — в тех случаях, когда сообразно этимологическому критерию можно было бы ожидать появление таких сочетаний, между шумным и сонантом представлен гласный — бóдър, óдър, в'átър, х'ítар. Сочетания т с шумными согласными на КСл также отсутствуют в обоих говорах.

2.3.2. Для **зубных спирантов** запрещены сочетания с переднеязычными шумными согласными — в этой позиции с, з заменяются согласными ш', ж', х.

В НСл многие сочетания образуются на стыке предлога-приставки с/з со следующей морфемой.

КН: сп, сп', зб, зб' — спóлка, сп'урка, зб'дан, з б'ала; св/в, св'/w', зв/в, зв'/w' — свáбда, св'рзан, св'ат, св'ин'а, зв'н'ец, зв'н'и, зв'изда, можно предполагать, что позиция после зубного спиранта способствует лабиодентальной артикуляции губного спиранта; см, с'м, зм' — смók, см'иса, зм'ей;

ст, ст', зд — стáр, ст'енá, здáм; сц' — сц'ид'а; сн, сн', зн — снагá, сн'ак, знáк; сл, сл', зл, зл' — слáма, сл'ин'ан, зл'ч'ка, зл'и;

ср, ср', зр, зр' — с рóдуw'и, ср'áда, зр'ниц'е, зр'ейá;

сй — с йáкá;

ск, ск, зг, зг' — скáра, ск'имт'а, зг'отв'ену, з г'он.

КЯ: сп, сп', зб, зб' — спукóян, сп'исук, з бон, з б'ала; св, св', сф', зв' — св'ри'ат, св'еш', зв'изда, сф'ин'д'ен; см, см' — смулá, см'áх;

ст, ст', зд, зд' — стá Мар'ийá, ст'ел'а, здуw'их, з д'áвул; сн, сн', зн — с нáс, сн'áгуw'е, знáй; сл, сл', зл, зл' — сл'ниц'и, сл'урка, знáту, зл'и;

ср, ср', зр' — срáм'а са, ср'еш'та, зр'áл / здр'áл;

сй — с й'удá;

ск, ск', зг, зг' — с кузá, с к'инó, зг'вáм, з г'ул'.

Двойные сочетания зубных спирантов в НСл избегаются с помощью употребления предлога *със* (не *с*) при сокращении сочетания спирантов до одного согласного в обоих говорах – *са с'итуту*, *са с'ити'и* и *сач'м'и*.

ССл

КН: сп, сп', зб, зб' – *исп'рж'ад гу*, *засп'и'ва*, *гззба*, *ц'узб'э*; св, св', зв/зв, зв' – *буйад'исвам*, *прусв'атка*, *казват*, *пр'из'уйи'а*, *изв'ика*, *исф'рга*, *васф'алт*; см, см', зм, зм' – *п'исмо*, *к'исм'ик'а*, *азмак*, *изм'ий'са*;

ст, ст', зд, зд' – *т'исто*, *пр'ст'ана*, *издаб'ану*, *б'из д'ит'э*; сс, сс, зз, зз – сокращение до одного согласного или до сегмента более короткого, чем два согласных: *рас'мва*, *с'з'ар* (< сз), *ис'элу* (< сс), *с'с'ин'ика*, *рас'ат* / *рас'ат*, *са с'итуту*, *пр'ез'имну* *йр'эм'и*, *иссу'ла*, *б'исолу*, *б'исол*, *пр'из'имата*; сц' – *сас ц'алу*, *са исц'эж'да*, изменение *с > х* в *сах ц'им'энт*; сн, сн', зн, зн' – *руси'ак*, *кр'сн'ица*, *измр'знал'и*, *мази'ина*; сл, сл', зл, зл' – *заслаб'ла*, *сас л'еи'та*, *мисл'а*, *излад'ат*, *м'ерзл'ива*;

сп, сп', зр, зр' – *сас разл'ич'ан*, *сас р'ебрó*, *в'зрас*, *узр'ават*;

сй – *сас йи'а й'ла*;

ск, ск', зг, зг' – *з'ска*, *см'эск'и*, *разз'вам*, *изз'ина*; сх – *исх'п'а*.

КЯ: сп, сп', зб, зб' – *Т'ира'спл'а*, *с'с п'ерó*, *б'из бóрч'*, *разб'ивам*; св, св', зв, зв' – *птасва*, *прсв'атк'и*, *извад'ели*, *разв'эч'ик* (рус.); см, см', зм, зм' – *уóсма*, *к'см'эт'*, *х'зм'ака*, *изм'иш'вам*, ассимилятивная мягкость спиранта в *к'ис'м'ик'*;

ст, ст', зд, зд' – *т'астó*, *куст'ум*, *йзз'а*, *ч'узз'и*, сочетание *с'т'* в *д'ис'т'ина* (нулевая редукция гласного) и *Хрис'т'у* (ассимиляция); сс, зз, зз' – сокращение до одного согласного или до сегмента более короткого, чем два согласных, происходит чаще, чем в КН – *ис'хнат*, *с'сул'эна* *й'да*, *с'з'ахар* / *с'з'ахар*, *би'з'има*; сц' – *ис ц'алу*, но чаще представлено изменение *с > х*, т. е. *сах ц'ар*, *на хц'эна* (= сцена), *баба Тан'ах'ца*, *б'их ц'и'а*, *с'х ц'иган'ан*, *ж'ел'ахц'и* (<зц);

сн, сн', зн, зн' – *п'еснуп'ойка*, *ч'исн'ик*, *бр'изна*, *калфóзн'ик*; сл, сл', зл, зл' – *ч'ер'аслу*, *масл'енца*, *вазла'гам*, *кóзл'иш'ку*, ассимилятивное

смягчение спиранта в *пач'ис'л'уwa зарплáтa*;

ср, зр, зр' – *сѣс рóдуw'и, б'из рáбутa, изр'íнаx*;

сй – *сѣс й'úздa*;

ск, зг – *пр'ескóч'ал, изгарм'él'и; сх, сх' – расхóж'дa, исх'ул'wатa*
с'и кóж'атa, сѣс х'ítар.

В КСл нет сочетаний, начинающихся на зубные спиранты. Сочетания с взрывными согласными упрощаются до одного спиранта (*ст, ск > с*) – *нос, мос, бр'ас, крѣс, прóпус, стус*. Конечное сочетание с сонангом устраняется вставкой гласного – *см'úсал/л, м'úсал/л*. Сочетание двух спирантов, как вообще все однородные сочетания, перед паузой запрещены.

В позиции перед *ш', ж'* зубной спирант изменяется в переднеязычный, т. е. происходит ассимиляция по месту образования. Перед *ч'* согласный *с* заменяется фарингальным *х* (через ступень *ш*).

Изменение *сy, шч' > хy, хч'* внешне выглядит как усложнение звуковой последовательности, поскольку увеличивается контраст по месту образования между рядом стоящими согласными. Если учитывать только артикуляционную специфику *с, ш* и аффрикат как изолированных звуков, то логику передвижения спирантов в заднеязычный или фарингальный ряд понять трудно. Чем может быть вызвана столькая резкая диссимилиация по месту образования, ведущая к одинаковым изменениям спиранта разного локального ряда перед разными же аффрикатами? Процесс может быть понят, если рассматривать его как реализацию более удобного развития артикуляции не в конкретном сочетании согласных, а в фонетическом слове. Переключение спиранта в аффрикату того же ряда осуществляется путем некоторого перемещения язычного сближения с зубами или небом спереди назад, т. е. навстречу воздушной струе, образующей шум. Это достаточно сложное артикуляционное движение, особенно при напряженном артикулировании глухих согласных. Изменение в *х* зубного и переднеязычного спиранта означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это ведет к тому, что развитие шума движется по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной) к более сложной и передней (аффрикативной) в соответствии с естественным направлением прохождения шума, а не навстречу ему. При такой интер-

претации явления мена $c, ш > x$ может быть понята как реализация артикуляционной экономии в фонетической программе слова.

Ассимиляция по месту образования в принципе возможна для $з$ перед $ц'$. Но происходит она или нет неизвестно, так как в КН в сочетании $зц'$ спирант утрачивается (через стадию $жс'$?) – $сѣ ц' ѓн$, $са ц' ѓн' и$; в КЯ отмечено $прижс' ц' ѓма$.

2.3.3. Сочетания, первым компонентом которых является **зубная аффриката $ц, ц'$** , в своем большинстве образовались в результате уподобления в консонантных группах. Это – изменения $т, д > ц$ перед $с, с'$; $тс, тст > ц$ перед следующим согласным. Сочетания, начинающиеся на этимологический $ц$ – единичны. Образованию сочетаний способствует и нулевая редукция гласных.

Сочетание двух аффрикат, как и сочетание двух взрывных, артикулируется с продолжительной выдержкой начальной смычки, но размыкание ее, в отличие от сочетания взрывных согласных, переходит в фрикацию (20: с. 89).

НСл

КН: $цw'$, $цв'$ – $цw' ѓт' и$, $цв' ѓт$; КЯ – $цв$, $св'$ – $цв' ѓт$, $св' издѧ$.

ССл

КН: $цw$ – $ср' ѓцwу$: $цт$ – $бѧл' н' ицтѧ$; $цс$, $цс'$ – $уц сѧл$, $ѧцс' ич' ѓиу'$, упрощение $цс > ц$ в $ср' иц' ѓлу$, $цц'$ – $п' иш' ѓхѧц' и$, $кур' иц' и$, но чаще сочетание двух аффрикат сокращается до одной – $уц' ѧлуту дѣрwѧ$, $крац' и$, $уц' иѧра$, $уц' ѓпwѧм тр' ѓска$, $кур' иц' и$; $цн$ – $кацнѧ$; $цл'$ – $кѧцл' у$; $цк$, $цк'$ – $труп' ичцѧ$, $ѧрацк' и$.

В КСл сочетание, начинающееся на $ц$, отмечено в КЯ в $ѧеркѧцк$.

2.3.4. Носовой согласный зубного ряда в НСл с последующими согласными не сочетается (отсутствующее в КН слово *нрав* было произнесено *рѧф*).

В ССл согласный $н$ перед следующим согласным неустойчив в своем образовании. Имея перед гласными смычно-проходную артикуляцию, в которой участвует кончик языка и мягкое небо, а передязычная смычка разрешается частично через носовой резонатор, в позиции перед согласными при образовании носового сонанта язык не образует

преграды на пути воздушной струи при открытом проходе в носовую полость. Это – проходной назальный сонант *v* (62: с. 86). Место сближения (не смычки!) языка с небом зависит от предшествующего гласного; после гласного переднего ряда активна передняя часть языка (*m'uvzúx*), после заднего гласного, соответственно, задняя часть языка (*óvz'и*). В. Георгиев отмечает, что с фонетической точки зрения в последовательности V+n+C перед согласным произносится назальный гласный, т. е. «гласный, который в своем начале является, ротовым (оральным), а в конце носовым» (40: с. 44).

В КН проходной сонант *v* чаще всего произносится перед фрикативными согласными и перед смычными незаднеязычного ряда, хотя в последнем случае менее последовательно. При этом перед губным фрикативным назальный может приобретать губную артикуляцию (*бромф'ít*, *ифáрт*). В КЯ проходной *v* появляется реже, чем в КН. При этом в сочетаниях, образовавшихся вследствие нулевой редукции гласного, разделявшего согласные, назальный сохраняет смычно-проходное образование.

Перед задненезычными взрывными произносится смычно-проходной назальный, но имеющий не переднеязычную смычку, а заднеязычную, т. е. *y*.

ССл

КН: нв, нф – *покáнwам*, *йёнфáрт* / *инфáрк*, мена *n* > *m* перед губными согласными в *бумбóн'и*, *имwал'ít*;

нт, нт', н'т', нд, нд' – *длáвтá*, *мутуфóнк'и*, *л'эвт'ич'кá*, *бáндá*, *Лудóн*, *кáнд'íлу*, в результате нулевой редукции гласного – *кóр'энт'и*, *п'икáн'ин'т'и* *гóст'и*;

нс, нс', нз, нз' – *с'ънс'óр* / *с'ънсáр*, *кóнс'эръ'и*, *óвз'и*; нц, нц' – *л'ист'эвцá*, *тáвцóр*, *в'эвц'и*; нн, нн' – *гáнна*, *вэзгáнн'ицá* ('*вн*' > *нн'*); нл' – *сáвл'иф*, *кáмáвл'иwу*;

нш', нж' – *мáвш'эт'и*, *инж'ин'эр*, *т'эвж'эркá*, нч, нч' – *кóвч'и*, *хр'ист'иáвч'и*, *инч'эк'и* *ишá*;

нк, нк', н'к', нг, нг' – *с'игáнжá*, *т'укáнжá*, *бáн'к'и*, *Стáнж'е*, *л'ишэур'кá*, *áж'ел*; нх' – *брувх'ít*.

КЯ: нв, нф, нф' – *инwал'ít*, *снагá* *и* *т'энжá*, *ф'идáнwá* (< *nowa*) (в песне), *кáнф'уз'ат* / *кáвф'уз'ат*, *к'вф'эт'и*; нм – *утк'н мур'э*;

нт, нт', н'т', нд, нд' — *сан'инта* (< нат), *мам'гита* (< нат), *т'гум'эли*, *на св'ин'т'и* (< нит), *санд'ька*, *м'евд'илка*, *д'ив'инд'ис'э*, как вариант, отмечено ассимилятивное смягчение — у *Б'ан'д'эр*, *д'ив'ил'д'ис'э*;

нс — *с'гусар'*; нц', нс, нс' — *аганц'и*, *саж'гни'и*, *бр'нса*, *онс'и*, ассимилятивная мягкость в *палт'эн'ц'и*; нн, нн' — *пр'итаниалу му*, *платн'г*;

нч', нц' — *бр'нч'и*, *утк'и* *Чад'эр*, *т'энц'ара*, смягчение носового согласного в *ж'эн'ч'ана* (рус.), *т'эн'ц'ара*, *мун'ч'эту*;

нк, нк', н'к', нг, нг' — *коукам са*, *нас'иу'к'и* (= на всех), *гост'гн'к'и*, *с'ид'э'к'и*, *др'иу'гу*, *на р'иу'г'эн*.

Спиранты *з*, *ж'* после носового согласного в КН варьируются с аффрикатами — *т'энц'ар*, *онс'и*, *б'инс'ин*, *ивц'ин'эр*. В КЯ ряд слов, имеющих в КН спирант, произносятся только с аффрикатой после носового согласного, например, *онс'и*, *т'энц'ара*, *бр'онса*, *манц'а*.

КСл

КН: нт — *пунт*, *б'эвт*, *р'истур'авт*; нс — *бр'онс*, *ав'анс*, *ц'ивс*; нц — *танц* / *танц*; нк — *кл'у'к*, *та'к*;

КЯ: нт — *ц'эм'ант*, *пруц'эит*, *докум'гнт*; нц — *бр'онц*, *клад'гни*, *ав'анц*; нк — *ба'к*, *та'к*.

2.3.5. Латеральный согласный зубного ряда (напомним, что в КН — это невелиаризованный согласный) в НСл в сочетании с согласными не вступает.

В ССл латеральный согласный сочетается с согласными всех локальных рядов. Возможен также *л'* перед некоторыми согласными. Сочетания такого рода могут быть результатом ассимилятивного смягчения или нулевой редукции гласного, разделяющего согласные.

КН: лп, лб, лб', л'б' — *кап'ак*, *д'л'б'оку*, *ж'ал'ба*, *д'улб'эн*; лw, лw', л'w', лф, л'ф' — *хал'ва*, *з'л'w'и*, *пул'w'ина*, *кал'ф'и*, *сал'ф'этка*; лm, лm' — *й'ел'мас*, *сал'м'и* (мн.);

лг, лг', лд, лд', л'г' — *б'ал'т'к*, *б'ыл'т'и* (мн. от *б'й'л*), *д'иб'эл'т'и* (< лит); лс, лс', лз, лз' — *п'л'са*, *п'эл'с'и*, *нол'за*, *пал'з'и*; лц', лс, лс', л'ц' — *мал'ц'ина*, *стр'ил'ц'и*, *сал'с'т*; *пал'с'и*; лн, л'ц' — *дол'на*, *рабум'ил'н'ица*;

П – *molla* (=молла);

ш', бж' – *φαλι'ίνυ, δ'έλζ'α; ιχ', ιυ', λ'υ'* – *γαλч'άχα, уηαλч'έп'ιη, δαλч'ιηά, φ'ιη'ι'άνα;*

лк, л'к', лг', л'г' – *μάλκα, η'ιηι'τ'ηλ'κ'ι, βαλζур, дулг'эр'ан; ιх, ιх' – йαλχά, β'ηχ'ι.*

КЯ: лп, лб – *с'αλπόту* (сельпо), *καλβό;* лф, лw, л'w, л'в' – *καλφόζα, з'ълwα, уж'ιλ'wα, пул'в'ина;* лм, лм' – *φ'ίλμα, мусул'ман'и;*

лт, л'т', лд, л'д' – *αλτ'ην, παλ'т'ένца, салдат'ан, Η'ικυλ'δ'έν, s'им-б'ил'δ'эк';* лс – *ρ'έλса;* лц, лц', лс, лс' – *καλιу'и, в'ълц'и, сапса, παλs'эт;* лн, л'н, л'н' – *п'ълну, пунд'эл'н'ик, уwол'нуwат* (рус.), *к'ъл'но Мар'ийк'е!, п'ъл'н'и; л'л' – б'ул'л'ук;*

лч', л'ч', л'ц' – *аз малч'а, гал'ч'им, х'ерг'ел'ц'ийа, казал'ц'а;*
л'й – *ав'ил'йе* (салат оливье);

лк, лк', л'к', лг, л'г' – *в'ълк', мал'к'и, каи'ол'к'и* (мн.), *б'ългар'ан, д'ъл'г'ийа*, как вариант, дистантная ассимиляция сонанта в *б'ргарик'и;*
лх – *καλχόζα.*

В КЯ ассимилятивная мягкость л' фиксируется чаще, чем в КН.

КСл

КН: лп – *ст'ηп;* лм – *φ'ίλμ;* лт – *wασφαλτ, бόλτ;* лс – *φ'ίλс, wάλс;* лш' – *φαλιη';* лк – *в'ълк, п'олк, м'улк;*

КЯ: лт – *жс'элт;* лк – *в'ълк, п'олк.*

2.4. Первый член сочетания – переднеязычный согласный

2.4.1. Переднеязычные спиранты сочетаются с согласными всех локальных рядов. Имеется тенденция устранения сочетаний с *с, ш', ч'* – сочетание со спирантом сокращается до одного согласного, а перед *ч'* согласный *ш'*, в том числе и из *с*, изменяется в *х* (см. 2.3.2).

НСл

КН: ш'п' – *ш'п'эк;* ш'w', ж'в – *ш'w'эп, жс'вакам;* ш'м, ш'м', ж'м' – *ш'майз'ер, ш'м'ек'еруwа, жс'м'ич'ка;*

ш'т, ш'т', ж'д – *ш'т'рк'ел, ш'тур'эц, ш'т'ипка, жс'др'эб'эц;* ш'н –

ш'нур; ш'л, ш'л', ж'л' – ш'лос'ар, ш'л'иф'ер, ж'л'еза;

ш'р', ж'р' – ш'р'иф, ж'р'епч'иуу;

ш'к, ш'к' – ш'каф, ш'к'емб'е;

КЯ: ш'п' – ш'п'ишон, ж'в' – ж'в'ах; ш'т' – ш'т'е; ш'к – ш'кола, устранение инициального сочетания в ш'икафч'и.

ССл

КН: ж'б – краж'ба; ш'w, ш'w' – зап'иш'вам, руш'w'ет; ш'м, ш'м' – душ'ман'ан, ч'уш'м'анцка;

ш'т, ш'т', ж'д, ж'д' – п'иш'та, м'аиш'та, пр'эж'да, г'оаж'д'и са; ш'н, ш'н', ж'н – браш'но, кош'н'ица, д'г'аж'нус; ш'л, ш'л', ж'л' – ши'лама, м'иш'л'е, г'аж'л'о, гр'иж'л'иша; перед ц' изменение с > ж' > Ø – с'ц'он, с'ц'уни;

ш'к, ш'к' – крав'ши'ку, п'иш'к'ур.

КЯ: ж'б – рож'ба, т'аж'ба; ш'w, ш'w' – зап'иш'вам, ч'ер'еш'w'и (< шев); ш'м, ж'м – ч'уш'ма, х'ож'ма (= навсегда);

ш'т, ш'т', ж'д, ж'д' – вр'иш'тай са, пуш'т'эска, са ўрож'дат, др'ож'д'и (рус.); ш'н, ш'н, ж'н, ж'н' – бр'иш'но, К'иш'н'е, бл'аж'ну, стр'эльж'н'ик; ш'л, ш'л', ж'л' – ши'лама, к'иш'л'а, л'аж'л'иша;

ж'ц' – пр'иж'ц'ама; ш'к, ш'к' – пат'иш'ка, уп'иш'ка, кот'иш'к'и.

В КСл запрещены сочетания переднеязычных спирантов с *t* в обоих говорах – *пеш'*, *д'иш'*, *пош'*, *свиш'*. Другие сочетания переднеязычных согласных с согласными также не зафиксированы в этой позиции.

Как сказано, сочетания двух переднеязычных спирантов могут сокращаться до одного согласного. Ср. в КН – с' ш'ала, са ш'атка, w'иш'у (<шш <сш), w'иш'ис (< шшист), с' ж'та с'и, с' ж'аба, иж'уш'ану с'иш'ку. В КЯ наряду с аналогичными фактами отмечено ж'ж'шту, иж'ж'ив'ан'и, т.е.некоторое продление спиранта на стыке морфем.

В КН отмечено изменение ш'с > с, в том числе и на стыке слов – т'иш'иса, т'иш'иш'иса, нас с'иш. На возможность такой ассимиляции в блг. разговорной речи указывает Л.Андрейчин (64: с.51). Изменение шч' > хч' в кошч'и, похч'и; сохранение шч' в ш'иш'ч'ета (от ш'ише).

В КЯ сочетание хч' произносится в русских словах, содержащих

и'и' (= щ, сч). Надо полагать, что в КЯ эти слова восприняты в южно-русском (украинском) произносительном варианте с сочетанием *иш*. Ср. *йáхч'ик, т'óхч'а, уч'íл'ихч'и, Хрухч'óф, захч'íta, зав'éдухч'и, в'эхч'и* и даже на конце слова – *в'эхч'*. Сочетание *и'ч'* здесь сохраняется в словах *св'ишч'én'ик, благушч'ин'é*, но и *св'ихч'én'ик, благуш'эхч'ин'и* (= Благовещение). При замене передненебного спиранта задненебным / фарингальным утрачивается мягкость (высокий тон) спиранта.

2.4.2. Сочетания, начинающиеся на *передненебную аффрикату* – немногочисленны. Часто они являются результатом изменения *т > ч'* перед *ч'*, *ш'* и нулевой редукции интерконсонантного гласного. Сочетание двух передненебных аффрикат, как и зубных, артикулируется с продолнной выдержкой на стадии смычки, разрешающейся фрикацией.

НСл

КН: *ч'т' – ч'т'э, ч'л' – ч'л'эн, чр' – ч'р'эвна*. КЯ: *ч'х/ч'ф – чх'тка, ч'ф'ут'ан*.

ССл

КН: *ч'w, ч'w' – нáбуч'wад ги, б'ч'w'и; ч'м, ч'м – сáч'мá, кр'ч'м'и; ч'т, ч'т' – м'ич'тá, пруч'т'эм; ч'н, ч'н – тéч'нус, в'éch'н'и; ч'л' – уб'ич'л'íф, п'асъч'л'íwа;*

ч'ш' – пуч'ш'ийá; чч' – с'чч'и, уч'ч'ими'ира, к'чч'и, оч'ч'истá w'áна, сокращение сочетания до одной аффрикаты – óч'е, бр'áч'е, сá уч'ítaм, кр'ив'áч'и, лис уч'ерн'ицáтá (= от чер..);

ч'к, ч'к' – з'л'ч'кá, брбул'éch'к'и.

КЯ: *ч'в' – б'ч'в'и*, между аффрикатой и следующим губным спирантом может появляться гласный *у* – *б'ч'уwа, б'ч'уw'и;*

ч'ш' – оч'ш'ел'упка, тó уч'ш'эл (< тш < тиш); чч' – уч'ч'ерн'иц'ит'и, рáзв'éч'ик, óч'е нáш, уч'уwáли, уч'амур;

ч'к, ч'к' – с'ич'кумá, дóч'к'ан (рус.).

В КСл нет сочетаний, начинающихся на *ч'*.

Звонкая передненебная аффриката *ц* не сочетается с последующими согласными.

2.4.3. Переднеязычный вибрант *r* в НСл с согласными не сочетается. Ср. устранение возможных инициальных сочетаний в КЯ в *рѣкаѣ ит'ел'* (сорт винограда), *рѣхѣг'елуф д'ени*; в то же время при нулевой редукции гласного получено инициальное сочетание *рч' – рч'э кѣис'и и'еш'ту Жѣфкуф*.

В ССл согласный *r* сочетается с согласными всех локальных рядов.

КН: рп, рп', рб, рб' – *удѣрнаѣа, кѣрнаѣа, курбан, бурби* (мн.); рв, рв', рш', рш' – *итѣрва, надѣрво, н'ерв'и, к'ерв'ис* (= керевиз), *карф'ич'ка*; рм, рм' – *бурма, йарм'ел'ич'и*;

рг, рг', рд, рд' – *карто́н'и, тѣрт'ей, гарда, гард'и*; рс, рс', рз, рз' – *барсѣлка, путѣрс'а, вѣрзон, бѣрз'и wлак*; рц, рц', рs, рs' – *н'ириѣа, сар-и'э, з'ерсаѣа, гу мѣрс'и да рабут'и*; рн, рн' – *фурна, сарн'ич'ка*; рl, рl' – *арлѣк, фѣрл'а*;

рш', рж' – *вариш'идба, испѣрж'ад гу, рч', рц' – бурч'ак, утѣрц'им*;

рк, рк', рг, рг' – *буркан, итѣрк'ел, ч'ерга, г'орг'и, йарг'ен*; рх, рх' – *нѣрхут, бѣрх'ет*.

КЯ: рп, рп', рб, рб' – *кѣрна, пр'итарн'ах, на гѣрбѣ, сѣрб'ийѣн'иц*; рв, рв', рф' – *сурвѣтка, ч'арв'илу, запараф'ин'ел'и*; рм, рм' – *т'урма, гарм'ел'и*;

рг, рг', рд, рд' – *хуртуѣат, хорта* (< рата), *парт'ейан, ч'ердѣта, г'и пард'ет* (< ред), р'т' в результате нулевой редукции гласного в *бакѣр'т'и*; рц, рs – *парѣал', вѣрсул'и*; рн, рн' – *арнаут, кѣрн'ик*; рl, рl' – *вѣрла, карл'иѣа*;

рш', рж' – *туриш'ийѣа, бурж'уйѣа*; рч', рц' – *К'ирч'у, бѣрц'и*, ассимилятивная мягкость в *ф'ер'и'а*;

рк, рк', рг, рг' – *мѣркул, турк'ин'е, фѣрга, арѣат'ан, х'ерг'ел'иц*; рх, рх' – *вѣрху мѣсата, арх'иф*.

КСл

В обоих говорах: рп – *гѣрп, сѣрп*; рф – *нѣрф, н'ерф*; рм – *штурм*; рг, рг' – *курѣрт, с'ерт, смѣрт, д'ерт'* (КЯ); рш' – *мариш'*; рч' – *нѣрч'*, *борч'*; рк – *гѣрк, х'ирурк, партѣрк* (КЯ).

В КН напряженность конечных шумных согласных вызывает понижение голосности вибранта, т. е. $p > p$.

Вставкой гласного устраняются конечные сочетания согласных в *бръс* (но *бърз'и*), *върѣл стана* (но *вѣрла ж'шиа*), *врѣх* (но *вѣрху*). В КЯ сочетания, содержащие *p*, часто преобразуются вследствие метатезы вибранта и гласного. Так, *стърна*, *с'ердата*, *уд вѣрт'ѣну* и *врѣт'ѣну*, *Гүрз'ийа*, *тързан* / *тързан* (= Тарзан), *матърйал*, *бъргад'ирка*, *карка* (= крака), *агърном*, *Астърхан*, *дург'и*, *бърда*, *пурдава*. Эта особенность может быть отнесена к явлениям фразовой фонетики, так как при изолированном произнесении слова она не проявляется.

В позиции после *p* спиранты *з*, *з'*, *ж* варьируются с аффрикатами. КН: *бърз'и* / *бърс'и*, *пързалка* / *пърсал'аха на ск'и*, *завърс'а* / *завърц'а*. В КЯ частота аффрикат выше, чем в КН – *варсүл'и*, *гу вѣрсал*, *бѣрц'и*, *пѣрц'ан*, *стѣрц'им*, *дѣрц'и ма!*, в рус. словах *свѣрч'ик*, *разгвѣрч'ик* упрощение *рш'ч > рч'*.

2.5. Первый компонент сочетания – среднепечный спирант *й*

Этот спирант не образует инициальных сочетаний с согласными.

В ССл спирант *й* может вступать в консонантные сочетания без ограничения; исключение – недопустимость *йй* (ср. в КН сокращение *йй > й* в условиях сандхи – *тоѣяз'ѣ = той я взе*). Количество сочетаний *й+С* увеличено за счет консонантизации безударного гласного *и* после гласного (см. 1.3.). Сочетания типа *й+С* отличаются от ранее рассмотренных тем, что спирант *й* и последующий согласный в ССл всегда разделены слоговой границей (отношение других сочетаний к слогоразделу может варьироваться).

КН: *йw – цайвана*; *йм, йм' – каймак, прайм'и*;

йт, йт', йд, йд' – мойту, табакч'ийт'и, файдá, калайд'исва, пуйд'и;
йс, йс, йз – майстур, дв'ѣйс'и, имайз'ер; *йц', йс' – имайс'ер, зайц'ит'и*;
йн, йн' – на йно, вуйн'ик; *йл – айлак*;

йр, йр' – айран, дайр'ѣ; *йж' – калайжс'ийа*; *йч', йц' – уйч'ол, ѣвп'ѣйч'и, калайц'ийа*;

йк, йк', йг, йг' – *усойќа, кравайќ'и, айѓър, и'тайг'и*.

КЯ: йб – *и'айба*; йw – *смайwам са*; йм, йм – *хаймана, прайм'и*;

йт, йт', йд, йд' – *мойта, ум'ийт'и, хайдут'ен, пайд'и*; йс, йс', йз, йз' – *рејса, кайс'ийа, дојзурá* (=донзора); йц' – *зайц'и*; йн, йн' – *улуйна, улуйн'и*; йл, йл' – *пайлон, имайл'ен*;

йк, йк', йг, йг' – *майќа, стройќ'и, и'тайга, и'тайг'и*.

КСл

КН: йм – *ум'ийм*; йс – *р'ейс*; йц – *парт'ийц, м'ейц* (=месец); йн – *на хаз'айн*. КЯ: йм – *улуйм, играйм*; йн – *хаз'айн / хазá'и*; йш' – *улуйш'*.

После спиранта *й* имеет место варьирование фрикативных *з, ж* с аффрикатами.

2.6. Первый компонент сочетания – заднеязычный или фарингальный согласный

2.6.1. Заднеязычные взрывные в НСл сочетаются с сонорными согласными.

КН: kw, kw', gw – *кwас, кw'ичи, gwóзд'ей*; км' – *км'эт*, упрощение *gm > g* в *гурна са*; кн', гн, гн' – *кн'ига, гнóй, гн'издó*; кл, кл', гл, гл' – *клас, кл'укарќа, глас, гл'игóза*; кр, кр', гр, гр' – *круш'а, кр'илó, грат, гр'еш'на*; сочетание *кц* как результат редукции гласного – *кца заварт'и* (= като са...).

КЯ: kw, kv – *кwó, квач'ќа*, упрощение *gw > g* в *гóзд'ай*; км' – *км'эт*; кн', гн' – *кн'иш'ќа, гн'ила* (= глина); кл, кл', гл, гл' – *клад'ени, к'луч', глани'е, гл'еда*; кр, кр', гр, гр' – *кр'ф, кр'иш'т'ел'н'ик, кр'аснула, грóзд'и, гр'ида*; как вариант вставной интерконсонантный гласный в *к'н'ига*.

В ССл представлены сочетания как с сонорными, так и с шумными согласными.

КН: kw, kw', gw – *засуќа, т'икw'и, тр'егва*, оглушение губного согласного после *к* в *ц'рќфќа*; км, км' – *т'ќму, ч'икм'иц'е*;

кт, кт', гд, гд' – *траќтур, нóкт'и, магдаи́с, w'ил'игд'ен*, результат диссимиляции по способу образования в *дóфтур* (< хт < кт); кс, кс', гз –

д'иксус, сакс'ийа, табаззавода; кц' – д'иреку'и^й; кн, кн', гн, г'н – изм'кна, ст'кн'и, р'гналa угн'иш'т'и; кл, кл', гл, гл' – заклану, рокл'а, кр'гла, игл'ич'ка;

гр, гр' – ч'икр'к, к'кр'а, к'шуграма, газр'ич'и; кш' – бакш'иш'; кч' – ч'уки'и.

КЯ: кw, кw', gw – б'кwa, к'кw'и, пуб'азwа; кф – соруфт'ората; км, км' – т'кму, такм'еш';

кт, кт', гд, гд' – д'ар'эктур, окт'аб'ър', м'игдана, w'ш'игд'ен, изменение к > х дохтур / дофтур, лхт'ет'и (мн.), н'ехт'и / н'екн'и; кс, гз – Оксана, на wогзала, игзам'ен; кц' – с'эку'ийа; кн, кн', гн, гн' – мр'кнулу, ум'икн'ава, удл'гнал, л'эгн'и, интерконсонантный вставной гласный в Иг'инат; кл, кл', гл, гл' – ст'кло, закл'уч'ану, магла, игл'и;

кр, кр', гр, гр' – о'кр'к (рус.), закр'иш'т'ала, загра'цала, угр'ипка.

В КСл сочетания согласных к, г с сонорными запрещены и устраняются вставкой интерконсонантного гласного. КН: р'экл', но р'икла, кр'гкл', но кр'гла, убл'аккл', но убл'акла, с'акка, но с'акла, м'окр', но м'окра, н'эгкр', но н'егр'и, о'г'ен, но о'гн'ан; то же в КЯ.

Сочетания с шумными согласными в КН и КЯ: кт – пр'идукт, акт, уб'экт (=объект); кс – лукс / л'укс.

2.6.2. Для **фарингального спиранта** характерна артикуляционная нестабильность, Это выражается в возможности его озвончения в позиции V-V, V-Son, изменении в ф, ослаблении его артикуляции вплоть до полной утраты. При этом все названные изменения существуют как возможность, которая, однако, не осуществляется настолько последовательно, что бы полностью исключить согласный х из соответствующих позиций. Количество сочетаний согласного х с шумными согласными расширено за счет изменения с > ш > х перед ч'; с > х перед и; ф > х. Поскольку в КЯ такие изменения реализуются достаточно часто, то и соответствующих сочетаний здесь больше, чем в КН.

НСл

КН: хл, хл' – хл'онка, хл'ан, хл'ога / фл'ога; хр – хром'ел'и, храниа,

xrán' u / rán' u сас уw' éс, *xráč' u / ímа ráč' ка*; хч' – хч'ún' ш' u; сочетания хw в НСл заменено спирантом ф – ф'рл'иш', фалб'ата, са ф'ал'ица, ф'ане'и'.

КЯ: хт – хт'ората; хц' – хц'е / фц'е; хл, хл' – хл'эзаф, хл'иза, всегда без х – л'án, л'án' u; хр, хр' – хр'ач' u, х Рус' ийа, хр'ом'ал / фр'ом'ал, Хр'и-стух'ор; хч' – хч'эра, хч'ó'ч'ик (= счетчик); хк – х курб'ана; хв > х/ф – з' u х'án' ш' u / ф'án' ш' u.

ССл

КН: хw – л'ихw'ар'ан, сас л'íх^wа / л'íфа; хм' – б'áхм' u;

хт, хт' – зб'т'тал' u (ослабление артикуляции спиранта перед т), фw'ехт'á, з'ихт'ín; хн, хн' – уw'áхна, с'áхн' u; хл, хл' – махл'ата, захл'уп'им зу, ту'л' u / ту'л' u;

хр – w'ехру'и' ка; хч' – кóхч' u, прахч' íца;

хк, хк' – кр'эхку, рóхку^wу / рóфкууу йц'é, ч'ехк'ín'а.

КЯ: хw – нумáх^wам; хм, хм' – Кáухман, жс'у'в'áхм' u;

хт, хт' – лán'áхта (мн.), ч'íхтуw' u, пф йóхт'эну; хц' – б'ихц'éнн' u; хн, хн' – т'áхната, к'úхн' u / к'уфн' u, т'эхн'икум; хл, хл' – сабáхлан, óхл'уф / óфл'уф, ту'хл' u;

хр, хр' – нахр'án' u, Áхр'ика; хч' – б'у'хч'а, зр'у'хч'ик.

Факты озвончения согласного х в позиции V-Son показаны в 1.1.

В КСл нет сочетаний, начинающихся на согласный х.

3. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С ПАУЗОЙ

3.0. Рассматриваем сочетания с реальной паузой (РП), т. е. #Ø, и сочетания с потенциальной паузой (ПП). Потенциальная пауза отделяет согласный, оканчивающий первое слово, от инициального сегмента следующего слова. В звуковой цепи, соответствующей этим словам, согласный конца первого слова оказывается в тех же позициях, что и в ССл, т. е. перед гласным (-#V), сонорным согласным (-#Son), шумным глухим и звонким согласным (-#t, -#d). Сопоставление правил сочетания этих сегментов на стыке слов и в слове может выявить средства сигнализации межсловной границы.

3.1. В позиции перед $\#0$ допустимы сонорные и глухие шумные согласные.

В КН глухие шумные язычные согласные (зубные, переднеязычные, заднеязычные) перед $\#0$ усиливают артикуляцию рекурсии, т.е. ту фазу образования звука, когда речевые органы выходят из занятого ими положения. У согласных *т*, *к* это создает эффект сильного придыхания после основной артикуляции, у согласных *с*, *ш*, *ц*, *ч* – эффект долгого спиранта. Это свойство конечных согласных особенно заметно при сопоставлении с их произношением в других позициях.

В позиции перед $\#0$ возможно изменение $n > v$, особенно после передних гласных – в этих случаях на конце слова слышится назальный гласный.

ка́ѣп, *хл'áп* / *л'áп*, *г'úзум*, *н'áмам*, *láф*, *lóф*, *ч'ерш'áф*, *ш'каф*, *кр'ф*, частота конечного *ф* повышена за счет изменения $x > \varphi$ – *мож'áф*, *страф*, *ор'áф*, *са сабуф*, *дудóф*, *са ъб'úф*;

пéт⁺ (так обозначаем усиление рекурсии), *м'éт⁺*, *км'éт⁺*, *пóт⁺*, *нар'éт⁺*, *н'éйат⁺*, *б'ар'эт⁺*, *л'úс⁺*, *пр'эс⁺*, *ув'эс⁺*, *пáл'иц⁺*, *пукáзáл'иц⁺*, *нóш⁺*, *п'éш⁺*, *кóш⁺*, *к'ер'еч⁺*, *дрб'ит'эк⁺*, *мáлáк⁺*, *б'áлт'эк⁺*, *хлáд'ил'н'ик⁺*; определенно долгий спирант произносится в *мóс: #*, *тош мнóгу с'и прóс: #*, *кр'эс: #*;

др'áн, *д'éи*, *п'ил'úв*, *кам'и'úв*, *бустан'в*, *д'áков*, *канáв*; *тóпáл*, *б'áл*; *ш'нур*, *д'эв'ер*, *бóр*; *улóй* (мн.), *край*.

Из мягких согласных перед $\#0$ в КН представлены *т*, *л*, *н*, *р*, *к*, часто в варьировании с твердыми: *п'éт'/т*, *м'иш'к'éт'/т*, *з'éт'*, *пáпур'*, *дáрáк'*, *áск'ерл'úк'*, *к'úсм'úк'*, *т'эл'*, *г'ól'/л*, *бустан'/н*. Не исключено, что мягкость конечного согласного поддерживается передним рядом предшествующего гласного, объединенного с согласным в один слог (унификация сегмента VC по высоте тона). Что касается согласного *к'* перед $\#0$, то И. Кочев показал, что незтимологическая мягкость конечных согласных, будучи связана с турецкой лексикой, стала сигналом этого типа лексики в блг. (67: с. 455).

В КЯ распределение глухости и сонорности согласных перед $\#0$ такое же, как в КН. Различие состоит в том, что в КЯ 1) язычные согласные перед $\#0$ не имеют столь сильную рекурсию, как в КН, 2) состав мягких согласных, допустимых в конце слова, значительно шире, чем в

КН, а употребление их характеризуется более высокой частотой, 3) в конце слова не отмечен *v*.

л'án, з'én, ж'эраф, здраф, с'эм, ф из х в záпаф, гл'уф, т'áф;

дév'ат, рáсам, ч'ól'ас, кун'эц, брónиц; пómош', х'úч, кл'úч'; г'эрк, басамáк, óр'эх, с'ýрмáх;

й'ес'ен, óс'ан, хрóm'ал, óч'ар (=очередь), й'узур, дáй.

Перед #Ø в КЯ допустимы мягкие согласные всех локальных рядов:

к'ýп', кр'ф', вр'ф'; хамóт', п'эт', к'см'эт', пр'с'/с, wr'с', п'итм'ес', ур'úс'/с; й'арг'эн'/н, ч'уw'эн', кón'/н, т'ýт'ýн', сат'ýн', куч'эн', м'игдán', кал'ýн', курбán'/н, л'ий'эн'; т'эл', сóл'/л, г'ýл', уч'úт'эл', ч'уwál', р'из'úл'; к'ýм'ýр', з'их'ýр', ш'упáр', г'уйдáр'; из'úk', ич'ýм'úk'/к, ч'ш'эк'/ч'ил'ák, базарц'úk', к'исм'úk'/к.

3.2. В ситуации потенциальной паузы в позициях -#V, -#Son так же, как и в позиции -#Ø, в КН допустимы только глухие шумные согласные, что принципиально отличает стык слов от аналогичных позиций в ССл. В КЯ есть отдельные отступления от этого правила, когда звонкость шумного согласного сохраняется в позициях #V, #Son.

Перед инициальным передним гласным возможны как твердые согласные (что запрещено в ССл), так и мягкие. При этом мягкость может быть как непозиционной, так и позиционной, но последняя выступает непоследовательно.

КН: *курán уw'ес, х'убаф аромáт, уп'áват умр'эл'ийá, тóс Ал'экс'и, др'ук óблак;*

ás úмам, н'áмам икón'и, д'ес'эт'ицá, грат'эл'эна, п'эт'этáж'а, ш'ес'ш'ád'и, [набрá кáлаф'ýр'и нап'рáйх ид'ýн бук'эт], пак'úма, м'эх'и пр'с, бál'и ч'эр'ен, нап'ýр'и браш'нó;

курán úáб'лк'и, хл'án р'эж'а, пу п'эт л'áба, ас нам'úсл'а, нóш'р'эж'и, ч'уw'эк'и'áма.

Отсутствие оглушения звонкого согласного перед #й – как'w ие, перед #в – зарád вáс; озвончение зубного спиранта в ч'úз в'зд'ух. В позиции после V# безударные гласные и, у теряют вокальность и изменяются в й, ү, как и в ССл – св'эт'ú й'áн, м'úна й'á'áла, брáту^wа үн'ука, д'вэ

ѣш'ѣ, инѣ ѣхѣ (см. 1.5.).

КЯ: бѣн у^ддѣи, бѣи'тѣ ж'ѣф/х бѣи'т'ѣ, крѣф' уд уфѣа, вар'ѣт ур'ѣс', ч'ѣс ув'ѣс, ѣмѣш' бѣи'т'ѣ, пѣ л'ѣк уд рѣск'ѣ;

какѣф е, крѣф' ѣмѣ, бѣч'ѣт и п'ѣска, ас/с' ѣмам, той ѣарг'ѣн' ил'ѣ ж'ѣн'ѣн, ѣл' д'ѣн'/н игрѣл'ѣ, ут п'ѣск'ѣ и ѣ ѣ'ѣм'ѣнт, ас улу'ѣ инѣ мурѣ (< улуйх);

к'ѣп' на куѣру'к, тѣр'ѣт л'ѣп на мѣста, какѣф райѣн, сурѣф/х л'ѣп, згуд'ѣт млѣд'ѣ, р'ѣж'ѣт луз'ѣ, ас н'ѣзѣх тѣтѣн, п'ѣш' н'ѣ пѣл'ѣм, х'ѣч' п'ѣ гу знѣм.

Сохранение звонкости согласного в указанных позициях: тѣй ѣубѣв рѣзгуѣбрч'ѣк, аз рѣмѣа, аз ѣмам, ас н'ѣкугѣж'ѣ н'ѣмѣ да крѣм, бѣг м'ѣ пумѣгѣа, брѣнс л'ѣ. Изменение безударных гласных *ѣ, у > ѣ, ѣ* после V# – ѣа ѣм'ѣѣи', мѣруѣа ѣдѣ, и ѣжѣн'ѣа, да ѣт'ѣвѣм, мухѣ инѣ, де ѣѣ ѣ луѣ.

Изменение *х > ѣ* между гласными и между гласным и сонантом на стыке слов в КН и КЯ показано в 1.1.

3.3. Сочетания ш у м н ы х с о г л а с н ы х, образующиеся при потенциальной паузе типа -#t, -#d, однородны в отношении участия голоса, как и в ССл. Отступление от этого может состоять в том, что на стыке слов согласный, озвончаясь сохраняет в то же время напряженность характерную для глухого согласного (например *п'ѣд гуд'ѣн'ѣ*). О неполном озвончении глухих согласных на стыке слов, когда голос появляется на завершающем участки артикуляции согласного пишет В. Георгиев (40: с. 49) и Ст. Стойков (62: с. 155). Явления такого рода образуют специфический межсловный сигнал, обозначая границу слова.

На стыке слов, как и в ССл, в группе согласных может происходить ассимиляция по месту и способу образования, упрощение сочетаний одинаковых согласных. В некоторых случаях такое упрощение делает неопределенной межсловную границу, поскольку оставшийся согласный в принципе равно может быть отнесен к концу первого и началу второго слова. Так, произношение *с'ѣрб'ѣснагѣ* (< ссн) одинаково может делиться *с'ѣрб'ѣснагѣ* и *с'ѣрб'ѣснагѣ*. И лишь другие факты, говорящие о регрессивном характере ассимиляции, являются аргументом в пользу деления *с'ѣрб'ѣснагѣ*, т.е. считается, что изменение/упрощение

сочетания произошло за счет утраты первого согласного. При упрощении сочетаний согласных, считаем, что утрата шумного согласного происходит в группе однородной по участию голоса, так как контраст по глухости-звонкости между рядом стоящими согласными может только подчеркивать их индивидуальность и тем способствовать их стабильности.

Изменения по ряду и способу образования в группах согласных на стыке слов осуществляется не с такой последовательностью, как это имеет место в ССл. Эта непоследовательность имеет значение межсловного сигнала. Давая примеры позиционного поведения шумных согласных в позициях $-#t$, $-#d$, группируем их по признаку локального ряда первого согласного, подвергнувшегося изменению.

КН:

корап сл'и ω 'и, л'ап н'ика, *кораб* д'эту пр'иш \acute{o} 'и пр'ез мур'э ст \acute{o} к'ити', *кура* брашн \acute{o} (< б#бр), *каѣб* за ѱб \acute{u} фк'и;

вуйч'уф с'и \acute{n} , л'ит'и \acute{u} ф тип \acute{e} р', *врѣв* да с'и куп'и, *розув* г'ол;

дѣрт н'ерг'иш'ен, *дѣр* Т \acute{o} дур (< рт#т), *з'имад* г'и, б'ил'ед за л \acute{o} ф, *зан'есѣд* г \acute{o} , д'э'а $_$ душ'и (< т#д), *тургад* гл'иг \acute{o} за, м'иш'кед д'эту, *крѣш* т'а \acute{w} а \acute{d} д'ица, *ход'ад* б \acute{a} б'ит'и, *хран'ат* б \acute{u} б'и, б'ин д'эту пр'ѣв \acute{r} з \acute{w} ат р \acute{a} н'ит'и (< нт#д');

дѣр ч'у ω 'эк (< т#ч), н'эч' и'эх ч'аса, *ж'эл'ув'ат* (< т#цв), *кац* сѣм б'ил, *уд* г \acute{o} рн'иц' с'ела (< т'#с' < т'и#с'), *роц* са имам'и, *найнапр'э* ч'эр-ну (< т#ч), с'ир'ац с'ир'ен'и;

л'и $_$ сѣс м'ис \acute{o} (< с#с), *на* зап \acute{a} з'ил *ит* вуйна (< з#з), ч'и $_$ зихт'ин (< з#з), *у ω 'эз* да на \acute{r} ан'а кун'э, *а* ш'г *гу* прук \acute{a} ни \acute{a} (< с#ш), *ах* ч'этах (< шч < зч), *кам* ш'эх ч'аса, н'и ч'их ч'у ω 'эк (< ш#ч < с#ч), *та* ж'ена (< с#ж);

н'и м \acute{o} ж' да ѱ \acute{n} ал'иш', *фур \acute{a} ж'* да \acute{w} ат, *л \acute{o} ш'* н'ерг'иш'ен; на стыке слов спирант ш перед с сохраняется – *из'эш' с'и г \acute{y} , с'ига ш'с'ита* на м'эн'е (< ше#с'); *пѣрц' гу*,

др \acute{u} г д'эн, п \acute{b} л'ен б'ул'л'ѱ'ер \acute{o} зд'и (< г#гр), *паг* г'и крѣш \acute{t} 'эт, *па* г'и ѱ \acute{n} 'а \acute{w} ат (< г#г'), *каг* ж'у ω 'ей \acute{a} , ч'у ω 'э \acute{c} *гу* пруд \acute{a} на; *од'г \acute{y}* да са ф \acute{a} л'а, *в'ид'а \acute{y}* гул'ам зган, сѣ т'а \acute{w} дѣск'и (< ф < х).

КЯ:

л'ап прудáвa, л'áb б'áл и ч'ёр'ан; фубáф ч'ил'áк, курáф т'él', ид'ин ч'иw бут'иш'к'и, тaнáсуw д'én, но и д'áдуф д'én, д'им'итруф д'én;

гóрут Кáула (Кагул), нáиш'ишá рóт тaк'с, п'éd брáтa, д'éc'ед д'éна, нa брaд' дóч'кa / нa брáт дóч'кa, пé_д'éна (< т#д') и п'éd д'éна, кушáш'кaд_з'имá (< тa#з), хóд'е да кaд'ét (< т#д);

кáзвaч' иш'кóла, п'éch' иш'ész' д'éна, п'еч' с'и́на, д'év'а ч'áса (< т#ч), с'ёр ч'ил'áк (< рт#ч);

áс кáзвaм, иш'ész' бáиш'к'и, тpaкту'ри́з б'éш'и, á_зaс'áх (< з#з), á_с'áкaх (< с#с'), á_ш'е ум'ишá, á_ш'и́х (< с#ш), нa_ч'áкa (< с#ч), иш'эх ч'áса (< ш#ч < с#ч), пpóх ч'ил'áк, мóх ч'ёр'ез Дунáй (рус.); уд брáт'еш глур'ишá;

др'эс' д'и́ш'и, д'эс' б'éш'и, кл'у́ц' за бaлóна, х'иц' гу н'и в'ид'áх, а тaкже х'и́ч' дáж'и и н'áмaм; нáх ч'ил'áк (< ш#ч), т'и с'áкaх ч'и;

м'эк т'él', в'эк' ч'ét'ир'и гуд'и́ш'и, пунд'él'и'иe дар'и́, сaм'и́ч'аз бáх, сóруe дýш'и, нa гу из'áдa (<к#г) и к'к эс'ив'éйa.

Что касается сонантов в условиях потенциальной паузы, то в КН отмечено изменение $n > v$ – *буcтáв сабúрат*; $n > m$ перед #б – *з'ил'ém бóн*; $йш > й$ – *то_йá з'é*.

В КЯ на стыке слов возможна ассимилятивная мягкость сонантов – *с'и́н и с'и́н' г'óрг'и, ц'áл и ц'áл' д'én игpáл'и, р'эк'л' ч'и, бул'á_л'и тóй* (< л'#л' < л#л').

4. ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИНТАГМАТИКИ В КН И КЯ

Анализ синтагматики согласных в словоформе и на стыке словоформ в КН и КЯ может быть завершён сопоставлением этих диалектов с точки зрения:

1) особенности артикуляции отдельных согласных;

2) явлений, возникающих в сегментных последовательностях одного типа;

3) правил организации фонетической модели слова, как целостной единицы.

Различия в артикуляции проявляются при образовании:

согласных *w*, *φ*, билабиальность которых сильнее выражена в КЯ, чем в КН;

латерального сонанта – веляризованного/двухфокусного в КЯ и не-веляризованного в КН;

мягких согласных губных, зубных и *p'*, имеющих перед гласными *i*, *e* в КЯ более высокий тон, чем в КН;

заднеязычных согласных *k'*, *g'*, имеющих в КЯ более выраженную заднепалатальность, чем в КН.

Изменения в рамках *одинаковых сегментных последовательностей* могут различаться в говорах своей *частотой*. Так, в КН *n > v* фиксируется чаще, чем в КЯ; утрата интервокального *x* (т. е. *x > Ø*) в КЯ проявляется реже, чем в КН; мена *x* и *φ* близка к свободному варьированию в КЯ при более устойчивом контрасте между *x* и *φ* в КН; изменение *cy > cy* происходит в КЯ чаще, чем в КН; в КЯ менее выражена тенденция к сокращению сочетаний одинаковых согласных.

Наличие/отсутствие *позиционной мены* согласных проявляется:

в возможности смягчения согласного, оканчивающего слово, перед следующими гласными *i*, *e* в КЯ и отсутствие этого в КН;

в ассимилятивной мягкости согласных, шире представленной в КЯ – здесь отмечены сочетания *φ'й*, *t'n'*, *s'm'*, *s't'*, *s'l'*, *n'd'*, *n'č'*, *n'ц'*, которых нет в КН;

в появлении интервокального *w* перед лабиализованным гласным в КЯ и в отсутствии этого в КН, где зияние заполняется спирантом *й*;

в более высоком уровне напряженности язычных шумных перед #Ø в КН в сравнении с КЯ.

Перечисленные различия связаны в принципе с качеством изолированных сегментов в слове. Но фонетика КН и КЯ может быть сопоставлена по параметрам, актуализирующимся не в звуке, а в словоформе в целом. Имеем в виду следующее.

Словоформа, как фонетический процесс организуется по правилам, которые могут быть интерпретированы в виде задаваемой в сознании говорящих произносительной программы. Существенную роль в этой программе играют дистактные связи, т. е. осуществляющиеся вне непосредственного артикуляционного контакта сегментов. Связь между артикуляциями планируется до произнесения слова, а реализация плана начинается с инициальной артикуляции. Согласно этому, первый звук приспособляется к следующему еще до произнесения последнего – принцип антиципации играет важную роль в фонетической программе слова. Антиципация лежит в основе разного рода регрессивного уподобления/расподобления звуков, определяет явления, возникающие при переключении паузы в звук и звука в паузу (39: с. 168).

Дистактность связей даже между рядом стоящими звуками подтверждается сохранением результатов регрессивного позиционного изменения вопреки исчезновению в спонтанной речи позиции, вызвавшей это изменение. Ср. приведенные выше факты сохранения позиционной мягкости согласного вопреки нулевой редукции следующего переднего гласного.

Фонетическая программа формирует фонетическую модель слова, включающую в себя некоторые общие закономерности построения слова.

Фонетическая модель слова в КН и КЯ строится на основе одинаковых ограничений, регламентирующих консонантный компонент в начале и конце слова.

В НСл и КСл ограничена возможность такого достаточно высокого, уровне артикуляционного усилия, который создается сочетанием двух смычных согласных (об этом свидетельствует произношение *ч'ишá*, *фт'ич'и*, *тѣкаá* / *ткáá*, отсутствие сочетаний смычных согласных в КСл, исключая *áкт*, *пр'едукт*).

В КСл затруднен переход от более слабой шумной артикуляции (фрикативной) к более сильной (смычной). Это выражено в упрощении финальных сочетаний *фт* > *ф*, *ст* > *с*, *ск* > *с*, *и'т* > *и'*; другой способ решения проблемы показывает пример *w'ét* (при *w'éxt'u*), когда утрачен предконечный спирант, а не смычный согласный.

НСл и КСл характеризуются противоположными запретами в отношении распределения сонорности в консонантных сочетаниях. В НСл –

это только восходящая сонорность, что делает недопустимыми сочетания #Son; это не относится к согласному *w*, который в своей синтагматике сочетает особенности шумного и сонорного согласного, и поэтому возможны сочетания #wд, #wз. В КСл запрещена восходящая сонорность, чему соответствует запрет на сочетания типа tSon#. Необходимо подчеркнуть, что в КН и КЯ это правило не знает исключений, в отличие, например, от русских диалектов, где то же ограничение проявляется как тенденция, а не как правило (65).

Понижение звучности в консонантном конце слова реализуется и недопустимостью звонких шумных согласных в этой позиции. В то же время в КН конец слова сигнализируется таким специфическим средством, как усиление конечной фазы артикуляции язычных согласных. Этим акцентируется выключение голоса из артикуляции согласного, поскольку глухие согласные именно тем и отличаются от звонких, что имеют более высокий уровень напряженности. В КЯ подобное явление не отмечено. Но КЯ, в свою очередь, отличается от КН тем, что здесь антиципация -#Ø не ассоциируется с устранением некоторых мягких согласных из позиции КСл.

Указанные ограничения создают достаточно жесткую рамку, внутри которой просматривается тенденция к упрощению консонантного состава слова – если считать, что сегмент типа *CC* сложнее, чем *CV* и *VC*. Это проявляется в устранении консонантных сочетаний путем утраты одного согласного или вставки интерконсонантного гласного. Сочетания одинаковых согласных редко бывают по своей длине равны двум согласным – обычно это последовательность меньшей длины, нередки и случаи сокращения до одного согласного.

В то же время обращают на себя внимание факты появления в речи новых консонантных сочетаний в результате редукции безударных (чаще заударных) гласных. Как было показано, в таких случаях возможен даже мягкий согласный перед твердым. Различие между сокращением консонантных сочетаний в результате ассимиляции или утраты согласного, с одной стороны, и их появлением в результате нулевой редукции гласных, с другой, состоит в том, что в первом случае имеет место стабильная особенность слова, проявляющаяся и в изолированном произношении (например, *sr'иц'элу, од'элу*), а во втором – факкультативное оформление слова во фразе (*бáнтq, с'э́лту* произносится

во фразе, а в изолированном произношении только *bábatq, s'élutu*). Это означает, что появление новых консонантных сочетаний в звуковой цепи является фактом фразовой фонетики.

Консонантная характеристика фонетической модели слова, основанная на многих запретах, отличается от вокальной характеристики, допускающей практически свободное распределение гласных относительно НСл, ССл, КСл, имеющей немногие запреты на сочетание гласных с согласными и лишь к сочетаниям гласных с гласными относящейся с известной долей нетерпимости.

Ориентации фонетической модели слова преимущественно на консонантные запреты сочетается с 1) достаточно сильным ассимилирующим воздействием гласных на согласные, ведущим к палатализациям согласных перед гласными переднего ряда, 2) ослаблением интервокального согласного вплоть до его утраты, 3) озвончением некоторых интервокальных шумных согласных.

Перечисленные особенности фонетической модели слова могут быть отнесены к числу синтагматических проявлений, характерных, по классификации А. Исаченко, для языков вокалического типа или близкого к нему (65: с. 115). По этой классификации типологический знак имеет не только статическую форму в виде системы фонем, но и динамическую – в виде правил развертывания звуковой последовательности. Динамический знак может иметь разное значение в зависимости от того, отдается ли при построении звуковой последовательности приоритет вокальным или консонантным элементам (или признакам вокальности ~ консонантности).

Как отмечал А. Исаченко, для вокалических языков характерно включение в сочетание согласных интерконсонантных вставных гласных, стремление сократить двойные согласные, утрата согласных в разных позициях. Именно все это присутствует в фонетике КН и КЯ. Используются разные способы упрощения консонантного состава словоформы. Это *st#, sk#, iut#, ot > c#, u#, o#*; утрата *x* (*l'án, lán'u, úmq ráč kq*); сокращение двойных сочетаний (*óč'e, us'élu* и др.); ослабление и утрата согласного в интервокальном положении (*móq, s'uíá, kái < káe < káj'e, gá^bqr, kó^{жс}'a*).

Тенденцию к повышению уровня вокальности звуковой последовательности показывает изменение *u > v* – артикуляционным эффектом

этого является назальный гласный на месте V+n, хотя по правилам синтагматики он определяется как сочетание гласного с носовым сонантом.

Как свидетельство высокой ценности признака вокальности в звуковой последовательности можно расценивать синтагматическую активность сонантов – согласных, которые по высокому уровню участия голоса и по низкому уровню шума близки к гласным. В позиции V-Son сонанты вместе с гласными способствуют озвончению *x*, *φ*. После сонантов происходит аффрикатизация спирантов *з*, *ж*' > *s*, *ц*'. Механизм этого изменения может быть понят следующим образом. Артикуляционный переход от сонорного к шумному, даже звонкому, согласному естественно должен быть обозначен снижением сонорности в конечной части сонанта. Стремление противостоять этому и стабилизировать сонорность/голосность сонанта на всем его протяжении ведет к образованию переходной артикуляции в виде смычки, которая в сочетании с последующими звонкими спирантами даст эффект аффрикаты. Аффрикатизация глухих спирантов после сонантов не происходит – этому препятствует то, что глухие согласные имеют более напряженную артикуляцию, чем звонкие согласные.

Активность сонанта проявляется и при замене шумных согласных сонантами перед *n*, *n*' (*дн* > *нн*, *бн* > *мн*, *вн*, а также *вн* > *мн*).

В сочетаниях шумных согласных преобладает регрессивно направленная унификация ряда и способа образования, часто с последующим сокращением до одного согласного (*сш*' , *зж*' > *шш*' , *жж*' ; *тч*' , *дч*' > *чч*' ; *ш'с* , *ж'с* > *сс*), или коррекции направления звукопрохождения в соответствии с естественным движением звучащей струи (*шч*' , *сч* > *хч*' , *хч*).

Существует мнение, что изменение согласных в речевой цепи можно оценивать с точки зрения снижения или повышения признака консонантности. По замечанию Н.С. Трубецкого, «Смычные и сонанты как с точки зрения акустической, так и с точки зрения артикуляционной являются максимально полярными типами» (22: 172). В соответствии с этим, согласные могут быть расположены «по шкале нарастания консонантных признаков»: наиболее ярким консонантным признаком обладают глухие смычные, наиболее слабыми сонанты (45: с. 50–51). Исходя из этого, озвончение шумных, спирантизация смычных, тем более замена шумного согласного сонантом означают «понижение согласного в ранге консонантности» и, соответственно, повышение роли признака

вокальности в звуковой последовательности. Именно такая ситуация характерна для консонантной синтагматики описываемых говоров. Здесь снижение значения признака консонантности в речевой цепи сигнализируется заменой смычного согласного спирантом (*φt'ič'u*, *φч'él'an*), шумного сонантом (*gr̥míák* < гр̥бнák).

Особенностью говоров КН и КЯ является то, что в них глухие и звонкие шумные согласных по своим синтагматическим свойствам асимметричны. Это проявляется в том, что многие изменения, которым согласные подвергаются в звуковой цепи, захватывают или только звонкие согласные (ср. изменения в сочетаниях с сонантом) или только глухие (ср. многие изменения по месту и способу образования перед шумными согласными). Подобная асимметричность может быть следствием большого различия в уровне напряженности артикуляции глухих и звонких согласных – высоком у глухих, более низком у звонких. Можно было бы предположить, что резкий контраст по напряженности между шумными согласными повышает вес признака консонантности. Но факты показывают, что значительное различие в напряженности между глухими и звонкими шумными согласными вполне сочетается с синтагматическим приоритетом признака вокальности.

Специального внимания заслуживает уподобление согласных по палатализованности (по высокому тону) в КН и КЯ.

Отношение к уподоблению по палатализованности различно в сочетаниях типа СС, с одной стороны, и VС, CV, с другой.

Артикуляция гласных в соседстве с палатализованными согласными сдвигается вперед и вверх (см. Транскрипция). В позициях t-t', t'-t изменение гласного не выходит за пределы того набора звуков речи, которые образуют звук языка. В позиции же t'-t' возможны изменения, проявляющиеся уже на уровне звуков языка, например, *á* > *é* между палатализованными согласными. Проведенное последовательно, такое изменение может свидетельствовать о том, что выбор гласных *á* или *é* после мягкого согласного определяется антиципацией следующего твердого или мягкого согласного. Таким образом, можно считать, что фактор палатализованности организует сегменты CV, VC, CVC. В принципе это те сегменты, в пространстве которых формировалась категория палатализованных согласных.

В уподоблении по мягкости (высокому тону) в консонантных сочетаниях между КН и КЯ имеется определенное различие.

В КН регрессивное смягчение в консонантных сочетаниях представлено очень ограниченно и распространяется только на латеральный сонант и *н*. Однако это не означает непроизносимость сочетаний, состоящих из двух мягких согласных – такое сочетание свободно образуется в результате нулевой редукции гласного.

В КЯ ассимилятивное смягчение в группах согласных, хотя и не слишком распространено, тем не менее захватывает не только сонанты, но и согласные другого способа образования и разных локальных рядов.

Эти факты свидетельствуют, что в рамках фонетической модели слова палатализованность не оказывает определяющего воздействия на консонантные составляющие слова – фонетическое слово развивается без антиципации палатализованности при выборе согласного. Отсутствием ассимилятивного воздействия на предшествующий согласный палатализованность отличается от таких артикуляционных параметров, как наличие/отсутствие голоса, место, способ образования согласных (ср. их роль в организации последовательностей согласных).

В принципе возможна ситуация, когда палатализованность определяет общий регистр слова или значительной его части. Ср., например, последовательность /ast^ʰ·a/ и /a[·]s^ʰt^ʰ·a/ – в первом случае действие палатализованности ограничивается сегментом /t^ʰ·a/, во втором – распространяется на всю последовательность, в целом повышая ее тон. При этом нельзя считать, что отсутствие ассимилятивного смягчения – это частный случай общей несклонности к ассимиляции по добавочному признаку в рассматриваемых говорах. Такое обобщение опровергается свойственной говорам регрессивной ассимиляцией по звонкости, в том числе и перед сонорными и в соседстве с гласными – в этом случае согласный воспринимает добавочный признак звонкости и меньшей напряженности.

Из сказанного можно сделать вывод, что в КН действие палатализованности не вышло за пределы сегментов CV, VC и мягкость согласного не выступает в качестве фактора, обуславливающего общий регистр слова или его части, более длинной, чем CV, VC.

В КЯ наличие ассимилятивного смягчения в группах согласных ука-

зывает на то, что роль палатализованности здесь выходит за пределы сегмента CVC. В КЯ в общей нюансировке речи палатализованные согласные играют большую роль, чем в КН. Мягкие согласные в КЯ имеют более высокий тон, чем в КН. Этому соответствует акустическое впечатление «мягкие ~ полумягкие согласные», которое зависит от отношения длительности переходного (i-образного) участка после согласного и ядра следующего гласного, как это показано в работе А. Кузнецовой (43). В КЯ мягкие согласные имеют большую сферу позиционного распределения, чем в КН.

Для славянские фонологические системы на вокалические и консонантические, А. Исаченко в этом плане особое значение придавал наличию ~ отсутствию корреляции твердости-мягкости согласных, поскольку присутствие этой корреляции резко увеличивает инвентарь согласных фонем. Но при наличии этой корреляции идиомы могут различаться синтагматическим поведением палатализованных согласных. Распространение действия палатализованности за пределы сегментов CV, VC повышает уровень консонантности идиома. Поэтому можно считать, что в КЯ признак консонантности выражен сильнее, чем в КН.

5. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

5.0. Между членами чередования могут существовать два типа отношений с точки зрения предсказуемости позиционной мены соответствующих звуков. Один тип отношений имеет место тогда, когда в определенных позиционных условиях можно предсказать замену каждого из двух членов чередования, т. е. a из позиции a_1 заменяется звуком b в позиции b_1 , а b из позиции b_1 заменяется звуком a в позиции a_1 . При таком отношении между членами чередования правила чередования формулируются как позиционные для обоих его членов, т. е. слева направо и справа налево.

Другой тип отношений имеет место тогда, когда в определенных позиционных условиях можно предсказать замену только одного члена чередования, т. е. a из позиции a_1 заменяется звуком b в позиции b_1 , а b из позиции b_1 может заменяться звуком a в одних морфемах, но сохраня-

ется в других в позиции a_i . Эти отношения между членами чередования имеют иерархический характер: один член чередования главный, второй – производный от первого, ему подчиненный. Правила такого чередования формулируются в одном направлении – слева направо.

Этот принцип будем учитывать при характеристике позиционных чередований согласных.

5.1. Чередование согласных, различающихся участием голоса

Здесь рассматривается позиционная мена глухих и звонких шумных согласных, не сопровождающаяся изменением их локального ряда и способа образования. Представление о чередовании, как особом компоненте фонетического строя идиома, может быть достигнуто при условии, что будет установлено соотношение между звуковой меной и всеми переменами позиций, имеющих значение для чередования в целом.

В КН и КЯ выбор глухого и звонкого шумного согласного определяется позициями: (-V,Son) – перед гласным или сонантом в ССл; (-t) – перед глухим согласным в ССл; (-d) – перед звонким согласным в ССл; (-#Ø,t,V,Son) – перед РП и перед ПП, за которой следует глухой согласный, гласный, сонорный; (-d) – перед ПП, за которой следует звонкий согласный.

Взаимная мена этих позиций представлена с разной частотой, что связано со спецификой морфемного состава говоров. Чаще всего перемена позиций прослеживается на стыке предлога-приставки со следующей морфемой и на стыке слов.

Перемена позиций [-V,Son, -d, -#d > -t, -#Ø,t,V,Son] сопровождается заменой звонкого согласного глухим; если в -V,Son представлен глухой согласный, то при такой же перемене позиций чередования нет.

КН: *курáба* : *курáп#*, *курáп уw'és*, *курáп йáбълк'и*; *рóба* : *рóпству*;
убм'исл'а : *упхóд'а*; *л'áба* : *л'áп р'эж'а*; *г'л'ьба* : *г'л'апч'и*; *уц'лáбна* :
слáп#; *х'убáва* : *х'убáв аромáт*; *уб'увам* : *уб'уфк'и*; *зд'раву* : *зд'рафт'унт*;

м'éда : *м'эт#*; *градь* : *г'рат áскуў*; *пуд мóста*, *пóдгъф* : *пóтп'ис*;
уд'в'н, *уд г'óи* : *ут нóна*; *сwáдба* : *сwát#*; *изм'кна*, *изл'йт'ват*, *изг'ина* :
исф'ьргал, *исхán'а*; *разг'вам* : *рас'óтка*; *здám* : *сц'ид'á*; *б'из рáбутá*,
б'из браш'нóту : *б'ис нар'и*;

ста́ж'а : ста́ш'ш; фура́ж' да́вам : фура́ш';

руго́w'и : ро́кш; куфч'э́га : куфч'э́кш.

КЯ: бо́ба; бо́п ч'э́р'ен; ц'о́ба : ц'о́пч'и; зь́бн'и, зь́б бул'и м'и : зь́пш;
убз'и́мам : упи'и́и; дарво́ : драфц'э́; кура́ва : кура́ф т'эл'; w г'о́зум : ф
ка́и;

ро́ба : ро́т так'с; п'ип'еру́да : п'ип'еру́тка; уд ж'ил'áзу : ут
папу́р'; калфо́зн'ик : калфо́сш;

но́ж'а : но́ш'ш; о́кръга : о́крък на́ш'.

Перемена позиций [-V_{Son}, -t, -#Ø,t,V,_{Son} > -d, -#d] требует замены глухого согласного звонким. При этом перед -#d звонкость согласного может сочетаться с напряженностью, характерной для глухого согласного, или распространяться не на весь согласный, а только на его конечную часть, что создает эффект не полной звонкости согласного.

КН: ка́йпа : ка́йб за убúфк'и; ф н'ид'эл'а, ф родо́п'и, ф кь́ш'та : w
зúга, wd'и́гам; ухóд'а : убгур'э́н, обж'áлвам; ко́рапш : ко́раб д'эту;

сва́то́wn'иц'и : сва́дба; ут по́па : удз'áвам; б'ил'э́та : б'ил'э́д за
ло́ф; хо́д'атш : хо́д'ад ба́б'ит'и; д'ес'э́тка : д'ес'а_дúш'и (< дл);
набу́ч'атш : набу́ч'ад г'и; ч'и́сш, ч'и́сту, ч'исн'и́к : ч'и́з д'эл'н'и́к; го́сти
: го́зба; áсш : áз дудо́ф;

с'арáч'е : с'арáч' бу́лка;

w'ел'и́к : w'ел'и́г д'э́н; ч'уw'э́ка : ч'уw'э́г гу пруда́ва; в'ид'ахш :
в'ид'ау гул'áм зга́н.

КЯ: фл'и́зай, ф калт' : w гура́та, w зь́ба; ст'эфануфш : ст'эфануw
д'э́н; ч'и́фш : ч'и́w буту́рк'и;

бра́тш : бра́д до́ч'ка (рус.); ут папу́р' : уд глава́та; кл'у́ч'ш : кл'у́ц'
за ба́ло́на; со́рукш : со́руг дúш'и.

Как можно заметить, взаимная мена позиций [-t, -#Ø,t,V,_{Son}], с одной стороны, и [-d, -#d], с другой, однозначна по своим последствиям: она всегда требует чередования согласных, различающихся участием голоса.

По-иному обстоит дело, когда перечисленные позиции преобразуются в позицию -V_{Son}: в этом случае замена глухого согласного звонким, или наоборот, обусловлена не только сменой позиции, но и ее на-

хождением в фиксированной морфеме. Поэтому при такой перемене позиций чередование имеет место в одних морфемах, и его нет – в других. Отсюда можно сделать вывод, что во всех позиционных переменах, в которых участвует позиция -V_{Son}, чередуются звуки, в своем качестве позиционно независимые, со звуками, качество которых позиционно обусловлено. Сказанное означает, что формально в контексте конкретного чередования вопрос о том, какой член чередования должен быть помещен в позицию -V_{Son}, может быть решен только с привлечением морфемных аргументов.

Специфической особенностью говоров КН и КЯ является замена глухого губного и фарингального спирантов согласными, в которых принимает участие голос, хотя уровень звонкости в этом случае может быть ниже той нормы, которая характерна для звонких шумных согласных. Замена глухих согласных звонкими *γ*, *w* происходит в позициях (V-V), (V-#V), (V-Son), (V-#Son).

КН: *хора* : *ста́р'и у́бра*; *ху́бава* : *на у́бава*; *харма́н* : *на γарма́н'а*;
хр'емава : *ти си γр'емава*; *күж'үф* : *күж'ү́вар'ан*; *φ'хора* : *ч'үзд'и*
во́ра.

КЯ: *хурó* : *на γурó*; *хрóm'ела* : *на γрóm'ела*.

Чередование может быть выявлено при сопоставлении позиций (V-V), (V-Son), с одной стороны, и позиций между сонорным и гласным (Son-V), перед сонорным не после гласного (C-Son), (#-Son), с другой. Сопоставление с позициями перед паузой (-#) и перед шумными согласными (-C) в принципе не может вскрыть факт озвончения названных спирантов. Ср. *ор'ех*, *стра́х* и *ор'е́га*, *ор'е́г'и*, *стра́г'ь* – в этом ряду ничто (кроме этимологии) не свидетельствует о том, что здесь происходит озвончение глухого согласного в интервокальном положении, а не оглушение звонкого согласного перед паузой.

Анализ правил чередования глухих и звонких шумных согласных показывает, что эта фонетическая особенность в КН и КЯ представлена унифицировано. Это касается как состава чередующихся согласных, так и состава позиций, взаимная мена которых обуславливает чередования. Чередование согласных по участию голоса реализуется как генеральное правило, а не как тенденция. Замена глухих согласных неполнозвонкими согласными на стыке слов не противоречит этому, так как факт озвончения глухого согласного имеет место и в этом случае.

5.2. Чередование твердых и мягких согласных

5.2.1. При этом чередовании в позиционно обусловленную мену вступают согласные, различающиеся твердостью ~ мягкостью (высотой тона) при тождестве места и способа образования, отношения к участию голоса.

Выбор твердого и мягкого согласного определяется позициями: (-V) – перед гласным непереднего ряда; (-V₁) – перед гласным переднего ряда; (-C) – перед твердым согласным; (-C') – перед мягким согласным; (-#) – перед паузой. Возможно и выделение позиции (-C₁) – без дифференциации твердости ~ мягкости согласного, о чем см. ниже.

5.2.2. Твердые согласные запрещены в позиции (-V₁), поэтому преобразование любой позиции, содержащей твердый согласный, в позицию перед гласными *é, í, e, ɛ, u, ɤ* сопровождается заменой твердого согласного мягким.

КН : **п** : **п'** *nón#* : *nón'e*; **б** : **б'** *bába* : *báb'u*; **в/ѡ** : **в'/ѡ'** *t'íkva* : *t'íkv'u*, *dwá* : *dw'é;*; **ф/ф** : **ф'/ф'** *kófa* : *kóf'u*; **м** : **м'** *kócam#* : *kócm'u*, *gúma* ; *gúm'enk'u*; **т** : **т'** *pr'ěsta* : *pr'ěst'ena*, *nókāt* : *nókt'u*; **д** : **д'** *tv'ěrda* : *tv'ěrd'u*; **с** : **с'** *rosa* : *rus'ú*; **з** : **з'** *b'ězax* : *b'ěz'iná*, *gr'iz'ět* : *gr'iz'é;*; **ц** : **ц'** *ku'ěc#* : *ku'c'ú*; **с** : **с'** *s'ělsá* : *s'ěls'ú*; **п** : **п'** *ku'ánu* : *ku'ín'é*, *z'ímna* : *z'ímni'uk*, *kambána* : *kambán'u*; **л** : **л'** *or'él#* : *orl'ú*, *uclá* : *ucl'úč'ka*, *st'ěkló* : *st'ěkl'en*; **р** : **р'** *š'árka* : *š'ér'u s'*, *br'ěsnár#* : *br'ěsnár'u*; **к** : **к'** *ábalka* : *ábalk'u*, *nák#* : *nak'úma*, *óblak#* : *óblak'úd'u*; **г** : **г'** *š'táigá* : *š'táig'u*; **х** : **х'** *m'ěx#* : *m'ěx'u* и *pr'ěs*, *snačá* : *snač'ú*.

КЯ : **п** : **п'** *sk'ěna* : *sk'ěn'u*; **б** : **б'** *ž'ába* : *ž'ěb'u*; **в/ѡ** : **в'/ѡ'** *pr'ěva* : *pr'ěv'u*, *dwá* : *dw'é*, *kr'ěvnu* : *kr'ěv'en*; **ф/ф** : **ф'/ф'** *φ* *Muskvá* : *φ' iná* *kn'íu'ka*, *φ' inó s'ělu*; **м** : **м'** *sláma* : *slám'en*, *slám'iuca*; **т** : **т'** *sk'ěrtá* : *sk'ěrt'u*; **д** : **д'** *mláda* : *mlád'it'u*; **с** : **с'** *póсна* : *póc'en*, *póйас#* : *póй-ec'u*, *s m'ěž'ě m'u* : *s' igru'ú'ka*; **з** : **з'** *prázni'uk* : *práz'en*, *b'iz májka* : *b'iz' ɛrɛ'én'*; **ц** : **ц'** *kasu'ca* : *kasu'c'u*; **н** : **н'** *káпna* : *káпn'u*, *č'ígajka* : *č'ígaj'en*, *đ'én#* : *đ'én' igral'u*; **л** : **л'** *n'it'él#* : *n'itl'ú*, *duš'lá* :

душ'л'э; **р : р'** мрѣт# : умр'э, бългáрцк'и : бългáр'єн, дубрá : дубр'и; **к :**
к' л'эка : л'эк'и, йáтка : йáтк'и; **г : г'** б'áгáм : б'ег'и; **х : х'** мухá :
 мух'и, двѹх# : двѹх'єтáж'аи.

5.2.3. В позиции (-С') замена твердого согласного мягким может быть вызвана уподоблением по высоте тона в группе согласных, когда имеет место регрессивная ассимиляция. Чаще других в такое чередование вступают зубной носовой и латеральный сонанты.

КН: **п : п'** ув'єн : ув'єн'ц'и, glád'єн : glán'н'и, ц'им'єнт :
 ц'им'єн'т'єн, кóн# : кóн'ч'и, с'ид'áнкa : с'ид'áн'к'и, Стáнкa :
 Стáн'к'є; **л : л'** прокълá : прокъл'н'єш', пáлто : пáл'т'єн'ц'и, с'и́лцa :
 с'и́л'н'и, б'ýл : б'и́ул'ч'и, пр'ийáт'єкa : пр'ийáт'єл'к'и, кáл# :
 кáл'н'и, п'ьлцa : п'ьл'н'и.

КЯ: **п : п'** бууáнкa : бууáн'к'и, ц'и́á : б'ихц'єн'н'и, с'и́н : с'и́н' г'óр-
 г'и; **л : л'** дóлцa : дóл'н'и́цa, ж'єлт : ж'єл'т'и, уч'и́т'áлкa :
 уч'и́т'єл'к'и, ц'áл# : ц'áл' д'єн, Н'ику́л# : Н'ику́л' д'єн, бýлкa : бýл'ч'єн-
 тa, д'ьлгa : д'ьл'г'и́цa; **ф : ф'** ф'рєт : ф' и́л'и / фoф и́л' ; **с : с'** Хр'истóс
 : Хр'ис'т'у / Кр'ьст'у, ч'ислó : нaч'ис'л'уwа; **х : х'** нaв'их#, исп'их# :
 нaв'их' иа, исп'их' иа.

Преимущественная подверженность ассимилятивному смягчению сонантов *п, л/л'* может быть объяснена тем, что, будучи близкими по уровню участия голоса в их артикуляции к гласным, они испытывают со стороны мягкого согласного такое же воздействие, как и гласные, т. е. повышают тон по типу аккомодации гласных мягким согласным.

В целом в КЯ ассимилятивная мягкость в группах согласных встречается чаще, чем в КН. Это означает не только более высокую синтагматическую активность позиции (-С') в КЯ, но тенденцию к большей дифференцированности позиций перед согласными в этом говоре. Там, где в КЯ надо различать позиции перед (-С), (-С'), например, Хр'истóс : Хр'ис'т'у, в КН достаточно констатировать позицию (-С₁) без дифференциации твердости ~ мягкости.

Как было сказано, сочетания мягких согласных друг с другом образуются не только в результате ассимиляции, но и вследствие нулевой редукции интервокальных заударных гласных переднего ряда – при

этом удерживается мягкость согласного, вызванная передним гласным.

5.2.4. Чередование твердых и мягких согласных может быть рассмотрено и в направлении замены мягких согласных твердыми. Устранение мягкого согласного, выступающего перед гласным или паузой, и замена его твердым происходит в позиции перед согласным, т. е. при преобразовании позиций [-V, -V₁, -#Ø > -C].

КН: **б' : б** др'эб'ен : др'эбна, др'эбн'и; **т' : т** м'иш'к'эт' : м'иш'к'этну, ч'ихут'ен : ч'ихутка; **з' : з** л'уксоз'ан : л'уксозна и под.

КЯ: **ф' : ф** крѣф' : крѣфтá, врѣф' : врѣфтá, врѣфч'ица; **м' : м** з'им'á : з'эмна, рáм'ен : рáмну; **т' : т** н'эт' : н'етнайс'и; **с' : с** ш'ес' л'и'еснайс'и, влас' : властá, врѣс' : врѣсн'ица; **л' : л** с'ол' : солтá.

Как видно из примеров, при взаимной мене позиций (-V₁) и (-C) можно однозначно предсказать позиционную мену мягкого и твердого согласного, т.е. правило чередования может формулироваться, исходя из каждой из этих двух позиций без обращения к морфемному критерию (не имеем в виду в этом случае факты ассимилятивного смягчения перед согласными). При замене же позиции (-C) на (-#Ø) предсказать появление мягкого согласного без обращения к морфемному (лексическому) аргументу нельзя. Поэтому чередование типа с'# : с имеет нефонетические ограничения.

5.2.5. Особый вид чередования имеет место, когда согласный, оканчивающий п р и с т а в к у, перед спирантом *й* следующей морфемы получает мягкость, но сам спирант при этом утрачивается.

КН: уб'áси'и и йáс'ен; уб'áва и йáвну; об'áздвам и йáзда; под'áж'дам, под'ám и йáж'дам, йám; из'áдах и йáдах. Такие же примеры есть и в КЯ.

В этом случае нет синтагматических аргументов в пользу позиционного происхождения мягкости согласного – практически нет различия между об'áд и об'áва. Лишь сопоставление с морфемой *йав* показывает, что согласный *б'* во втором случае заменяет собою сочетание *бй*.

Устранение спиранта *й* отражает правила распределения этого согласного, а чередование *б : б'*, будучи связано с фиксированными мор-

фемами, может быть отнесено к сфере морфонологии. Чередование является особенностью приставки. Как показано выше, на стыке предложения и слова, начинающегося на *й*, этот спирант сохраняется, а согласный перед ним остается твердым. КН: *с йўздә, ф йámбул*; КЯ: *сҕс йкáкá, уд йўга, уд йёс'ён*, но и *ф' йўл'и*.

5.2.6. Нефонетическая мена твердых и мягких согласных связана с образованием членных форм м.р., когда в нечленной форме в позиции (-#Ø) представлен твердый согласный, а в членной форме в позиции (-V) – мягкий. Это чередование шире представлено в КН, так как именно здесь мягкий согласный в позиции (-#Ø) является более редким, чем в КЯ.

КН: *д'ён : д'ён'ё, харман : на үарман'а, т'үт'үн : т'үт'үн'а, хамóт : хамóт'а, фч'ёр : фч'ёр'а, п'ши'к'үр : п'ши'к'үр'а*.

В КЯ многие слова имеют мягкий согласный перед (-#Ø), поэтому преобразование нечленной формы в членную и наоборот здесь не сопровождается меной твердого и мягкого согласного. Ср. *хамóт', хамóт'а, з'ёт', з'ёт'а, йарг'ён', йарг'ён'а, ч'уwál', ч'уwál'а, курбáн', курбáн'а, к'иф'үр', к'иф'үр'а, ш'унáр', ш'унáр'а* и под.

5.2.7. Правила чередования твердых и мягких согласных в КН и КЯ существенно не различаются. В основе этих правил лежит уподобление тона согласного следующим передним гласным и недопустимость мягких согласных перед твердыми согласными. Перед мягкими также отсутствует большая часть мягких согласных. Исключение в этом отношении составляют *н'* и *л'*. Другие мягкие согласные перед мягкими же согласными в немногих случаях отмечены в КЯ. В пределах морфемы последовательно осуществляется замена мягких согласных твердыми перед твердым согласным. В обоих говорах допустимы мягкие согласные в позиции (-#Ø). Но в КН эта возможность используется в меньшей степени, что создает предпосылки для чередования твердых и мягких согласных при образовании членных форм сущ. м.р.

Таким образом, можно считать, что правила чередования твердых и мягких согласных отражают значительную позиционную ограниченность мягких согласных и несомненный приоритет твердых в звуковой цепи.

5.3. Чередование согласных, различающихся участием голоса и твердостью-мягкостью

Позиционное чередование этого типа происходит при перемене позиций, для которых характерно противоположное отношение к признакам, связанным с участием голоса в образовании шумных согласных, и к твердости-мягкости. Среди позиций, регулирующих чередование, всегда присутствует позиция перед шумным согласным – именно в нее перемещаются согласные, различающиеся в других позициях по участию голоса и твердости-мягкости.

КН и КЯ различаются составом чередований, в обусловленности которых участвует позиция (-#Ø), что связано с неодинаковым отношением к допустимости мягких согласных в КСл. Поскольку в КЯ допустимы конечные мягкие согласные, замена мягкого губного твердым в КСл не может расцениваться как позиционное фонетическое чередование (ср. *хубаw'и* и *хубаф* при *кръф'*; *слаб'и* и *слап* при *кун'*). В КН, где мягкие губные в КСл не употребляются, это же чередование является позиционным. В КЯ также расширены возможности чередования, при котором мягкий глухой губной согласный заменяется звонким твердым перед согласным – ср. *кръф'* : *кръwну* в КЯ при *кръф*, *кръwну* в КН.

Зафиксированы следующие чередования согласных, различающихся участием голоса и твердостью-мягкостью.

КН: **б' : п** *сърб'ен* : *сърпцку*, *ждр'еб'ец* : *ждр'етц'и*, *жр'енч'иwу* (топоним), *бáб'и* : *бáпка*, *слáб'и* : *слáп*; **п' : б** *кал'п'и* : *кал'б за ўбуфк'и*, **w' : ф** *ч'арш'áw'и* : *ч'арш'áф*, *кърw'и* : *кръфта*, *здрáw'и* : *зрафпунт*, *брáтуw'и* : *братуфч'етка*, *поч'ив'ен* : *поч'уфка*; **д' : т** *п'ип'еруд'и* : *п'ип'ерутка*, *пуд'ám* (<дй), *под'áж'дам* : *путп'ира*, *поткарwам*; **з' : с** *из'áдох* (<зй) : *искара*, *исхáп'а*, *раз'ám* (<зй) : *расп'ер'а*, *п'икм'ез'ана* : *п'икм'ес*, *ув'ез'а* : *ув'ес*; **г' : к** *дълг'ич'ек* : *дълък*; **к' : г** *w'елик'и* : *w'елигд'ен*, *табак'ера* : *табагзawóда*.

КЯ: **б' : п** *гáл'б'и* : *гал'пка*, *п'иб'е* : *п'ипц'е*, *ц'об'ен* : *ц'опч'и*, *б'есарáб'ица* : *б'есарáпск'и*; **w' : ф** *дуw'ец* : *дуфц'и*, *кръw'ен* : *кръфта*; **д' : т** *уд'áж'дам* (<дй) : *уткарwам*; **т' : д** *п'ет'* : *п'ед гуд'ини*, *свáт'а* : *свáдба*; **з' : с** *раз'áдам* (< зй) : *распр'ега*; **с' : з** *гóc't'и* : *гóзба*; **х : г'** *ум'их* : *ум'иу'г'и*.

5.4. Чередование согласных одного локального ряда, но разного способа образования

5.4.1. В обоих говорах глухие зубные взрывные согласные *t, t'* заменяются зубной аффрикатой перед зубным ффрикативным согласным и перед зубной аффрикатой. Полученное сочетание состоит из глухих согласных. Что касается твердости-мягкости, то неоднородным по высоте тона может быть даже сочетание одинаковых аффрикат – неоднородность состоит в том, что начало сочетания артикулируется твердо, а конец – мягко. Чередование возможно и на стыке слов, но здесь оно реализуется менее последовательно, чем в словоформе. Указанная позиция мена согласных образует чередование **т, т' : ц, ц'**.

КН: *пóтт'ис : пóц с'анó; ут т'áф, ут П'éп'о : уц с'éна м'и, оц стó, уц с'иб'úр; кáрат : кáрац са; л'ит'éц : л'ицц'и; кат : кац сьм б'и́; кадéт : пр'éкад'éц сас н'éгу; с'úр'ат : с'úр'ац с'úр'ен'и.*

КЯ: *ут п'áськ, ут кóрт'ен, у^мтáм : уц слúж'ба, уц сóф'и́я, оц стрúжа, уц ц'áлу дьрwó, уц цáрскацá; кур'úту : кур'и́цц'и; п'éт' : п'éц' с'éла, п'éц' с'и́на; рáсат : рáсац са с'éйт.*

Сочетания согласных, образующиеся в результате этого чередования, в обоих говорах могут сокращаться до одной аффрикаты – ср. *крац'и́* (мн.), *уц'éпwам, пр'е_ц'áлацá, у_ц'ид'úлкацá* в КН; *у_ц'им'энт, у_ц'áлу* в КЯ. Можно заметить, что этому сокращению способствует забвение морфемного стыка. Так, в КН произносится только *ср'и́ц'éлу* в значении наречия, когда морфемный шов для говорящих не очевиден, о чем, в частности свидетельствует употребление этого наречия с предлогом – *на ср'и́ц'éлу*, но только *уц с'éлу, уц с'иб'úр*.

Звонкий зубной взрывный согласный не меняет своего образования перед *з, з'*. Отсутствие аффрикатизации в этом случае может быть объяснено тем, что менее напряженная, чем у глухих, артикуляция звонких согласных способствует образованию некоторого интервала между рекурсией взрывного согласного и экскурсией спиранта. Именно это поддерживает стабильность способа образования звонкого взрывного зубного согласного.

На месте сочетания *дз'* может произноситься аффриката *s'*, что предполагает унификацию сочетания по мягкости (ср. в КН *уs'áwа м'и*).

Сочетание *дз* также может производить впечатление аффрикаты *s* — *падзърца / пазърца*. Сочетания согласных *д, д'* с аффрикатами *s, s'* не зафиксированы.

Поскольку сочетания *цс, цс', цц, цц'* появляются только в результате изменения зубного взрывного согласного, связанное с этим чередование может формулироваться и в направлении от аффрикаты *ц*, а именно — зубная аффриката позиции перед *с, с', ц, ц'* заменяется взрывным зубным согласным в других позициях.

5.4.2. Замена звонкого зубного взрывного согласного смычно-проходным назальным того же ряда происходит перед *н, н'* в обоих говорах. Образующееся сочетание назальных согласных может быть унифицировано по мягкости, если вторым членом сочетания является *н'*. Эта позиционная мена реализует чередование *д, д' : п, п'*.

КН: *ж'эд'єи : ж'єн'н'и, падам : пánнада, с'ид'á : с'єннада*.

КЯ: *л'эд'єи : л'ин'н'ица, глэд'єи : глánна, д'єн : плán'н'є, w'єнигъш, пр'ипáда : пр'ипánналу му*.

Двойное сочетание назальных может сокращаться до одного согласного: *инá, н'єска* в КН; *инó, с'ин'и с'и* в КЯ.

Сочетание двух назальных согласных является только результатом изменения *д, д'* и поэтому чередование может формулироваться и в направлении от *н, н'*.

Чередование осуществляется не настолько последовательно, чтобы сделать недопустимыми сочетания *дн, дн'*. В частности и потому, что изменение зубного взрывного в назальный согласный не происходит на стыке предлога-приставки и морфемы, начинающейся на *н, н'*. Ср. в КН *уд нас, уд н'иуа, рдиач'áлу, удиас'ам*; в КЯ *уд náш'иийа, уд нóm'єр, пр'єд пóва год'иша*.

Чередование асимметрично в том смысле, что в него из группы зубных взрывных согласных включены только звонкие. В сочетаниях *тн, тн'* ассимиляция по способу образования не происходит, и *т, т'* не чередуются с назальным согласным.

5.4.3. В обоих говорах губные согласные *б, в* могут уподобляться по способу образования следующему назальному согласному зубного ряда и заменяться сонантом *м*. Чередование формулируется только в направ-

лени от *б*, *w*, так как сочетания *mn*, *mn'* не всегда являются результатом этой позиционной мены согласных.

б : м – КН: *slába* : *уцslámна*, *др'эб'ен* : *др'эмну*, *др'эмн'и*, *гърбът* : *грамнак*. КЯ: *ср'бѡѡ* : *ср'ъмнал*, *гарбът* : *грамнак'*, *др'эб'ен* : *др'эмн'ич'к'и*.

w : м – КН: *Sl'ímw'an* : *сл'имн'аник'и*, *пл'áѡа* : *пл'эмн'ик*, *к'ѡѡа* : *к'ѡмн'ик*, как гиперизм, здесь зафиксировано произношение *pówn'a* с согласным *w* вместо *m*. КЯ: *глаѡá* : *гламн'ѣ*, *вазглами'ица*; *л'ибѡѡ'an* : *л'ибѡмн'ик*.

Чередование осуществляется не настолько последовательно, чтобы исключить сочетания согласных *б*, *w* с *и*, *н'*. Чередование асимметрично, поскольку глухие согласные *n*, *φ*, *ф* не заменяются губным сонантом перед *n*, *н'*.

5.4.4. Как было показано в 2.3.4., *зубной назальный сонант* перед согласным и паузой меняет способ образования, превращаясь из смычно-проходного в проходной согласный, чему соответствует чередование **n : v**.

КН: *эс'ен'и* : *ис'евтá*, *п'окáна* : *п'окáнѡам*, *д'лán'и* : *д'лáвтá*, *стунán'ен* : *стунáнѡк'и*, *онáз'и* : *ónз'и* / *óns'и*, *жс'инá* : *жс'эвнѡк'и*, *сáп'ѡѡам* : *сáп'л'иф*, *кун'э* : *кón*, *кónч'иту*, *к'л'онѡѡи* : *к'л'ón*, *к'л'ónч'и*.

В КЯ это чередование менее распространено – ср. *д'ѡну* и *д'ѡнту*, *уѡ'эна* и *уѡ'эница*, *кун'э* и *к'ónч'и*. Но и здесь можно отметить *онáз'и* : *óns'и*, *кун'э* : *к'онѡк'и*. Чаще же проходной *v* произносится в словах, где назальный образует постоянное сочетание с последующим согласным – *кáп'ѡѡс*, *т'евт'эл'и*, *м'евд'илка*, *сáвсáр'* и под.

Проходной губной сонант *μ* произносится в *ка́мѡур* (КН), но будучи членом постоянного сочетания не может в этом примере рассматриваться как член позиционного чередования с *m*.

5.4.5. В обоих говорах в позиции после сонорных и *й* фиксируется варьирование *фрикативных* согласных *з*, *жс'* и *аффрикат s*, *ц'*. В основе этого варьирования лежит непоследовательно проводимое изменение спирантов в названных позициях. Однако в синхронном плане позиционная зависимость аффрикат не подтверждается чередованием, так как аффрикатизация спирантов происходит в составе сочетаний,

компоненты которых неотделимы друг от друга. На морфемном же стыке аффрикатизация спиранта не происходит – ср. в КН *към ж'эч'у*.

Как показано выше, имеются три группы словоформ в зависимости от того, представлены ли в них после сонанта 1) только спирант, 2) только аффриката, 3) спирант и аффриката как варианты. Наличие третьей группы дает повод для констатации позиционного чередования *з, з' : с* и *ж' : ц'*. Это чередование, в отличие от ранее рассмотренных, основано на воздействии первого согласного на второй, т. е. отражает прогрессивное изменение в группе согласных. Собственно, только этимологический критерий и варьирование спиранта и аффрикаты являются аргументом в пользу такого чередования. Проследить же это чередование в пределах морфемы в зависимости от перемены, фонетической позиции, вероятно, нельзя.

5.5. Чередование согласных одинакового способа образования, но разных локальных рядов

5.5.1. В обоих диалектах в позиционно обусловленное чередование друг с другом вступают *фрикативные зубные и передненебные согласные*. Выбор согласного определяется качеством последующего сегмента – перед передненебными фрикативными зубные заменяются передненебными же фрикативными. Замена передненебного фрикативного зубным возможна перед зубным фрикативным согласным, но осуществляется менее последовательно. Чередование возможно и на стыке слов. В результате чередования образуются сочетания одинаковых спирантов. Такие сочетания, как было сказано, имеют тенденцию сокращаться до одного согласного.

с, з : ш', ж' – КН: *сас лóй, сѣз д'ицá : сѣ ш'áла* (<ш'ш' < сш'), *сѣ ж'áба* (< ж'ж' < жж'), *w'исóку : w'иш'у* (<ш'ш' < сш'), *излáд'ат : и^{жс}ж'ýw'áну, áз б'и́йá : á ж'ив'éйá, á ш'е гу прукáлнá*.

ш' : с – КН, КЯ: *ýч'иш' : т'и́ ýч'исá* (< сс < ш'с). КЯ: *нáш' : нáс с'и́нá*, но и *из'éш' с'и гу* в КН.

Сочетание передненебных спирантов образуется только в результате рассматриваемого чередования, поэтому оно может формулироваться и в направлении от *ш', ж'* – передненебные спиранты из позиции перед

переднебными же спирантами заменяются согласными *c*, *з* в других позициях (исключая позицию перед *ч'* и отчасти перед *ц*).

Чередование же **ш' : с** такому переформулированию не поддается, так как сочетание двух зубных спирантов образуется не только вследствие этого чередования.

Чередование **з : ж'** перед *ц'* представлено в КЯ в *пр'ѣз мѡс : пр'ѣж'* *ц'амѡта*, В КН произношение *сѣ ц'ѡп*, *сѣ ц'ун'и* в принципе также не исключает такое чередование, но с последующим сокращением спиранта

5.5.2. Чередование зубного глухого спиранта с фарингальным имеет место перед зубной и переднебной аффрикатами. Примеров чередования перед зубной аффрикатой в КЯ больше, чем в КН.

с : х – КН: *сѡс н'ѣгу : сѣх ц'им'ѣнт* (но и *сѣс ц'алу*ту, *исц'ѣжда*, *л'исц'ѣнца*), *сѡх ч'ѡпка*, *х ч'ѣст'ѣн*; *исфѣрга : ихч'и*ст'и, *ихч'ѣзнаѡа*; *прѣс : прахч'и*ца, *дѣска' : дѣхч'и*ца, *ч'ис : н'и* ч'ихч'у^вѣк, *ас : ах ч'ѣтох*

КЯ: *с туч'илка*, *сѣс мукá : сѡх ц'ар*, *сѣх ц'и*ган'ѣн, *Танáса : Танáхца*, *б'из в'ину : б'их ц'ина*; *л'ис : л'ихч'и*, *спуснах : хч'ун'и*ш', *вѣзб'ал : вѡхч'арв'ѣну*, *ш'ѣс : ш'ѣх ч'áса*, *мѡс : мѡх ч'ѣр'ѣс...* (рус.), *ас : ах ч'áкам*.

Переднебный спирант также заменяется глухим фарингальным перед *ч'*, чему соответствует чередование **ш' : х**.

КН: *дѣш' : дѣхч'и*, *кѡш' : кѡхч'и*, *упáш'ка : упáхч'и*ца. КЯ: *св'ѣш' : св'ихч'и*ца, *ч'иш'ка : ч'ихч'и*ц'и, *с'áкш' : с'áкхч'и*.

Учитывая передвижение зубных спирантов в переднебный ряд перед *ш'*, *ж'* и изменение *ш'* в *х* перед *ч'*, можно полагать, что изменение *с* в *х* происходило не непосредственно, а через ступень *ш'*, т. е. *с > ш' > х*. С этим согласуются и единичные случаи произношения *ш'* перед *ч'* (см. 2.4.1.).

Чередования, второй компонент которых образован спирантом *х* перед *ч'*, не могут формулироваться в направлении от спиранта, так как в позиции не перед *ч'* согласному *х* соответствуют в разных морфемах *с*, *ш'*, *х* (*л'ихч'и*, *нѡхч'и*, *крѡжч'и*). Что касается позиции перед аффрикатой *ц*, то, по-видимому, здесь спирант *х* всегда заменяет собою согласный *с*.

5.5.3. Замена *смычно-проходного назального согласного зубного ряда заднеязычным назальным* происходит перед заднеязычными взрывными согласными, чему соответствует чередование **п, п' : п, п'**. Это позиционное чередование может формулироваться и в направлении от *п, п'* – не перед заднеязычными согласными эти сонанты передвигаются в зубной ряд.

КН: *Стáна : Стáп'к'е, маймúна : маймúп'ка, сапún'ен : сапúп'к'ена*
ǰдá, др'áна : др'éп'к'и. КЯ: *двá с'úна : пáс'эп'к'и, с'úн'а : с'ип'кáм'к.*

Существует мнение, что модификации, которым подвергается зубной назальный сонант, одинаковы перед согласными всех локальных рядов (40: с. 44). Но по нашим наблюдениям, перед заднеязычными взрывными сохраняется смычка в артикуляции назального, передвинутого в заднеязычный ряд, а перед другими согласными – нет, чему соответствует различие между *п* и *п'*.

5.5.4. Как сказано в разделе Транскрипция, мягкие заднеязычные согласные отличаются от твердых местом образования – они локализованы в заднепалатальной зоне. Поэтому с артикуляционной точки зрения члены чередования **к : к', г : г'** (см. 5.2.1.) различаются локальным рядом при тождестве способа образования. То же относится к чередованию фарингального и заднепалатального спирантов **х : х'**.

5.5.5. Мена *носовых сонантов м и н* перед согласным также может быть интерпретирована как чередование согласных разного локального ряда, но одинакового способа образования, т.е. **м : п и н : м**.

КН: *в'ину : в'имп'ом, му́ма : мунч'э.* КЯ: *йáс рún'им : рún'ин на*
дрúг'и д'эн, в'ипу : в'имзав'от, в'импúнт, м'омак : мунч'э.

Губной сонант, преимущественно в своем проходном варианте *м*, фиксируется перед *ф, в, м* на месте зубного *н* – КН: *цифáрт, бр'оиф'ит, цицáл'ит, куиф'эку'ийа.* Но будучи членом постоянного сочетания, сонант не может быть интерпретирован как член чередования с *н*.

Чередование не осуществляется настолько последовательно, чтобы сделать недопустимыми соответствующие сочетания сонантов *м, н* с согласными (см. 2.2.2, 2.3.4.).

5.5.6. К чередованиям рассматриваемого типа относится и **ц, ц' : ч',** свойственное обоим говорам. Такое чередование выявляется при сопоставлении результатов изменения *m > ц* перед зубными фрикативными и аффрикатами и *m > ч'* перед переднеязычными фрикативными и аффрикатами.

КН: *уц стó : уч' ш'ипка, уц цáр'а : уч' ч'ер'еш'и.* КЯ: *п'ец' с'ина : п'еч' ш'ес, уц ц'алу : уч' ч'ерниц'и.*

5.6. Чередование согласных, различающихся локальным рядом и способом образования

Зубные взрывные глухие согласные заменяются переднеязычной аффрикатой перед переднеязычными фрикативными и аффрикатой, в том числе и на стыке слов. Этим реализуется чередование **т, т' : ч',** свойственное обоим говорам. Напоминаем, что сочетание аффрикат имеет в своем начале удлиненную смычку, что, собственно, и является показателем этого сочетания.

КН: *ут кón : у^ч'и́ста, уч' ч'ер'еш'и, уч' ш'ипка; путп'ира : пуч'ш'ийа; сьт : сьчч'и; п'эт : п'еч' ш'ес; напр'эт : напр'еч' ч'ерну.*

КЯ: *ут кóкля : учч'ардака, уч' ч'ерниц'ити, уч'ш'эл; уч'ота : уч'о^ч'ч'ик; кр'ивáт : кр'ивá^ч'и; п'эт'х'ил'ад'и : п'еч'штук'и, п'еч'ч'аса, п'еч'ш'ес'.*

Двойные сочетания аффрикат имеют тенденцию сокращаться до одного согласного. В КН это происходит чаще, чем в КЯ (см. 2.4.2., 2.4.3.).

Рассматриваемое чередование асимметрично, так как звонкий согласный *д* перед переднеязычным спирантом *ж'* не заменяется аффрикатой – *удж'эгл'ам, уд ж'ил'áзу.* Сочетание *дж'* отличается от аффрикаты *ц'* начальной стадией артикуляции: твердой в *дж'* и мягкой в *ц'*.

Сочетания *ч'ш', чч', ч'ч'* образуются только в результате изменения зубного взрывного согласного. Поэтому чередование может быть переформулировано в направлении от аффрикаты – переднеязычная аффриката из позиций перед *ч', ш'* заменяется зубным взрывным согласным в других позициях (исключая позиции перед зубными фрикативными и аффрикатами).

5.7. Чередование согласных с нулем звука

5.7.1. Недопустимость сочетаний *ст, ш'т, фт* в КСл обуславливает в этой позиции чередование **т, д, т', д' : Ø**. В обоих говорах зафиксировано: *дѣж'дѡв'ѣн : дѣш', мѡста : мѡс, нуш'т'ѣска : нѡш', св'ѣш'т'ѣца / св'ѣш'ѣца : св'ѣш', нѣш'т'ѣ : нѣш', влѣст'ѣ : влѣс (КН), влѣст'ѣ : влѣс' (КЯ), бр'ѣстѣш'ѣ : бр'ѣс, ч'ѣфтѣш'ѣ : ч'ѣф, рѣфтѣш'ѣ : рѣф.*

5.7.2. Присущая говорам КН и КЯ тенденция к сокращению двух одинаковых согласных до одного дает основание для констатации чередования согласного с нулем звука, т. е. **С : Ø**. Сочетания одинаковых согласных образуются при чередованиях, унифицирующих рядом стоящие согласные по способу и месту образования, а также при сочетании морфем, имеющих одинаковый согласный в конце первой и в начале второй морфемы.

Сокращение сочетания одинаковых согласных в принципе может быть расценено как результат утраты любого из двух согласных. Но в зависимости от того, какое принимается решение, получаются разные чередования. Например, *чч' > ч'* в *у ч'имш'ѣр'ѣ*: 1) если считать, что утрачивается первый согласный, следовательно *т > ч' > Ø* перед *ч'*; 2) если считать, что утрачивается второй согласный, то следовательно *ч' > Ø* после *ч'*, т. е. в приведенной словоформе получаются два чередования: *т : ч'* перед *ч'* и *ч' : Ø* после *ч'*. Как более традиционное принимаем первое решение. В соответствии с этим, второй компонент чередования представлен как согласный, варьирующийся с Ø. Ср. примеры из КЯ:

т : ц/Ø перед *ц* – *ут н'ѣсѣк : у^нц'ѣлу, уц'ѣлу, кур'ѣту : кур'ѣц'ѣ;*

д : н/Ø перед *н* – *д'ѣн : в'ѣннѣш', н'ѣска;*

с : ш'/Ø перед *ш'* – *сѣс мѣйка : ш'ш'ѣпка, сѣ ш'ѣпка;*

з : ж'/Ø перед *ж'* – *сѣз бѣба : жжѣту, сѣ жж'ѣнѣ с'ѣ;*

т : ч'/Ø перед *ч'* – *брѣт : брѣч'ѣ, ут прѣс : у^чч'имш'ѣр'ѣ, у^чч'имш'ѣр'ѣ.*

Чередование согласного с Ø реализуется сокращением сочетаний одинаковых согласных, образовавшихся на стыке морфем. Примеры из

КН:

т: Ø – *ут п'іл'* : *у ту́нѣс'а* (р. Тушка), *у тѣжка*, *у т'аф*;

д: Ø – *уд бѣн* : *уд'ѣну*, *удáну*, *у дѣрвѣ*;

с: Ø – *бис п'асѣк* : *б'исѣну*, *расп'ѣр'и* : *расѣмѣ*, *расѣт* (=рассада);

з: Ø – *пр'из л'ату* : *пр'из'имѣтѣ*.

Тенденция к сокращению сочетаний двух согласных до одного, а тем самым и тенденция к чередованию с Ø, более выражена в КН.

Утрата согласного, т.е. замена его нулем звука, имеет место в трехчленных сочетаниях согласных (явления типа *п'рэд'ѣн* и *п'рэдн'ик*, *нуш'т'ѣс* и *п'ош'н'ица*), но эти факты здесь не рассматриваются.

Чередование согласных с нулем звука может формулироваться только в одном направлении – от согласного, но не от нуля.

5.8. Общая характеристика позиционных чередований согласных

Анализ позиционных чередований согласных показывает, что в целом этот раздел консонантизма в говорах КН и КЯ организован сходным образом. Совпадают в своем большинстве как позиционные условия, требующие чередования, так и компоненты отдельных чередований. Разное значение имеют позиции (-#Ø) и (-С'). Первая из этих позиций в КН требует замены мягкого шумного согласного твердым глухим, а в КЯ замена мягкости твердостью не обязательна. Вторая позиция в КЯ допускает замену твердого согласного мягким, чего нет в КН.

Для обонх говоров характерна асимметричность чередования глухих и звонких согласных, т.е. некоторые чередования, актуальные для глухих согласных, не распространяются на соответствующие звонкие.

Чередования делятся на две группы в зависимости от последовательности их реализации.

Безысключительно происходят чередования:

по признаку участия голоса в образовании согласных перед (-#Ø) и (-С);

по твердости-мягкости (высоте тона) – перед (V_1) мягкие согласные, перед (-С) твердые согласные;

n > *ŋ* перед заднеязычным взрывным согласным;

$m, m' > \emptyset$ между фрикативным согласным и ($\neq \emptyset$).

Остальные из перечисленных чередований не носят безысключительный характер, а осуществляется как более или менее последовательная тенденция.

6. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНСОНАНТИЗМА

6.1. Функциональные признаки согласных фонем

6.1.1. В говорах КН и КЯ Согласные противопоставлены по локальному ряду (месту образования).

Губной ряд репрезентируют согласные $n, n', b, b', \phi, \phi', \varphi, \varphi', v, v', w, w', \dot{y}, m, m'$;

зубной – согласные $m, m', d, d', c, c', z, z', \dot{c}, \dot{c}', s, s', n, n', l, l'$;

переднеязычный – $\dot{m}', \dot{z}', \dot{c}', \dot{m}', p, p'$;

среднеязычный – \dot{y} ;

заднеязычный – $k, k', g, g', x, x', \dot{y}$.

В заднеязычном ряду артикулируется согласный \dot{y} . Но поскольку этот согласный находится в отношении дополнительного распределения с n , он функционально локализуется в зубном ряду, как и n .

Заднепалатальная артикуляция k', g', x' функционально незначима, являясь производной от палатализованности этих согласных. Функционально согласные k', g', x' , как и их твердые оппоненты, локализованы в заднеязычном ряду.

Спирант x артикулируется в фарингальном ряду, но функционально он объединен с заднеязычными согласными на том основании, что среди глухих фрикативных спирант x является единственным согласным, находящимся в зоне более задней, чем среднеязычный ряд, образуя тем аналогию согласным k, g .

В один класс согласных губного ряда объединены губно-зубные и билабиальные спиранты: различие, связанное с примыканием нижней губы к верхним зубам или верхней губе в качестве основы оппозиции не используется.

Признак локального ряда является универсальным – каждый согласный обязательно является репрезентантом признака этого типа.

6.1.2. В КН и КЯ согласные образуют оппозицию по способу образования.

Взрывное образование репрезентируют согласные *п, п', б, б', т, т', д, д', к, к', г, г'*;

фрикативное – *ф, ф', в, в', ш, ш', ж, ж', х, х', у*;

аффрикативное – *ц, ц', с, с', ч' ц'*;

смычно-проходное – *м, м', н, н', л, л', р, р'*.

Сонанты *л/л'* и *р* различаются способом реализации язычной артикуляции – латеральной для *л/л'* и дрожащей для *р*. Но эти артикуляции реализуют смычно-проходной способ образования, каждая в своем ряду: латеральная в зубном, дрожащая в передненебном. Поэтому можно считать, что вид язычной артикуляции является производным от места язычного сближения.

Фрикативность согласного *й* функционально незначима и не используется в качестве единственного различия между образующими оппозицию согласными.

Проходная артикуляция *ν* и *μ* обусловлена позиционно, поэтому они функционально объединены со смычно-проходными согласными *м, н*. Признак способа образования отличается высокой степенью активности – его репрезентируют все согласные, кроме *й*.

6.1.3. В говорах КН и КЯ согласные образуют оппозицию по наличию ~ отсутствию носовой артикуляции в сочетании со смычно-проходным образованием в зубном ряду. **Н а з а л ь н о с т ь** репрезентируют согласные *п, п', в, в', ш, ш', ж, ж'*, **н е н з а л ь н о с т ь** – *л, л', н'*.

Приписывание признака неназальности фонеме, реализованной латеральным согласным, расходится с принятым в фонологии суждением, согласно которому оппозиция по наличию/отсутствию назальности реализуется при участии согласных *д, б*, т. е. *н – д, м – б*. По этому поводу можно сказать следующее.

Согласные *н* и *д* различаются не только наличием/отсутствием носовой артикуляции, но и способом образования (способом разрешения смычки) – смычно-проходным и взрывным. Способ образования и назальная артикуляция взаимосвязаны, но только один из этих признаков в оппозиции с другими согласными может иметь функциональное значение.

Придавая функциональное значение неназальности согласного *д*, а также *т*, который противопоставлен согласному *н* на том же основании, что и *д* (участие голоса для оппозиции *н – т* значения не имеет), мы тем самым из числа функционально значимых признаков должны исключить для *т*, *д*, взрывное образование, а для *н* – смычно-проходное. Функционально значимым оказался бы признак, связанный не со способом разрешения смычки, а с путем прохождения звучащего дыхания. Но, исключив способ разрешения смычки, как функционально значимый признак, из характеристики *д*, *т*, *н*, мы должны сохранить его для других согласных, так как их характеристика не может быть переформулирована с точки зрения пути прохождения звучащего дыхания (все они неносовые). Таким образом, лишь *т*, *д*, *н* оказались бы вне признака способа образования, что вносит в модель системы момент непоследовательности.

Иной результат получим, приписывая признак неназальности латеральному сонанту. Согласные *н* и *л* – оба локализованы в зубном ряду, смычно-проходные, артикулируются с участием голоса. Единственно, чем они различаются – это наличием/отсутствием назальности. Латеральность согласных *л*, *л* является качеством, сопровождающим признак неназальности.

Назальная артикуляция согласных *м*, *м'* функционально не используется: любая оппозиция, состоящая из *м*, *м'* и любого другого согласного, основывается на месте или способе образования. В частности оппозиция *б – м* основана на различии взрывного ~ смычно-проходного способа образования в губном ряду, а назальность является качеством, сопровождающим смычно-проходное образование в губном ряду (68: с. 11).

6.1.4. В КН и КЯ функционально значимо различие между согласными по участию голоса (по глухости-звонкости).

Звонкость, как функционально значимый признак, репрезентируют согласные *б*, *б'*, *в*, *в'*, *ш*, *ш'*, *д*, *д'*, *з*, *з'*, *с*, *с'*, *ж*, *ж'*, *ц*, *ц'*, *г*, *г'*;

Глухость – *п*, *п'*, *ф*, *ф'*, *ф*, *ф'*, *т*, *т'*, *с*, *с'*, *ч*, *ч'*, *ш*, *ш'*, *ч'*, *к*, *к'*.

Функционально незначимо отсутствие голоса в артикуляции согласных *х*, *х'* – они не имеют звонкого фрикативного оппонента в своем ряду. Спирант *γ*, появляющийся в результате озвончения *х*, оппозицию с

ним не образует. Функциональная незначимость глухости спиранта *x*, возможно, создает предпосылки к его озвончению в контексте типа V-Son, V-V.

Участие голоса в образовании согласных *m, m', n, n', l, l', p, p', j* не используется в качестве единственного различия в консонантных оппозициях.

6.1.5. В КН и КЯ согласные противопоставлены по твердости–мягкости, или по наличию/отсутствию артикуляции палатализованности.

Твердость репрезентируют согласные *n, б, ф, в, м, т, д, с, з, ц, s, н, л, l, p, к, г*;

мягкость – *n', б', ф', в', м', т', д', с', з', ц', s', н', л', p', к', г'*.

Мягкость переднеязычных шумных согласных и высокий тон спиранта *j* функционально не значимы. Не включается в оппозицию по твердости-мягкости и фарингальный спирант – нет ни одного примера употребления *x* и *x'* в одной позиции.

6.2. Согласные фонемы

6.2.1. Состав согласных фонем

Артикуляционным различиям, лежащим в основе консонантных оппозиций, придается значение ДП. Пересечения этих ДП составляют характеристику следующих фонем.

/п/ – губная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным *n*;

/б/ – то же, но звонкая; реализуется согласным *б*;

/п'/ – губная, взрывная, глухая, мягкая; реализуется согласным *n'*;

/б'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным *б'*;

/ф/ – губная, фрикативная, глухая твердая; реализуется согласными *ф, ф*;

/в/ – то же, но звонкая; реализуется согласными *в, w*;

/ф'/ – губная, фрикативная, глухая, мягкая; реализуется согласными *ф', ф'*;

/в'/ – то же, но звонкая; реализуется согласными *в', w'*;

/м/ – губная, смычно-проходная; реализуется согласными *м, μ*;

/м'/ – то же, но мягкая; реализуется согласным *м'*;

- /т/ – зубная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным т;
 /д/ – то же, но звонкая; реализуется согласным д;
 /т'/ – зубная, взрывная, глухая, мягкая; реализуется согласным т';
 /д'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным д';
 /с/ – зубная, фрикативная, глухая, твердая; реализуется согласным с;
 /з/ – то же, но звонкая; реализуется согласным з;
 /с'/ – зубная, фрикативная, глухая, мягкая; реализуется согласным с';
 /з'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным з';
 /ц/ – зубная, аффрикативная, глухая, твердая; реализуется согласным ц;
 /с'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным с';
 /ц'/ – зубная, аффрикативная, глухая, мягкая; реализуется согласным ц';
 /с'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным с';
 /н/ – зубная, смычно-проходная, носовая, твердая; реализуется согласными н, в, ъ;
 /н'/ – то же, но мягкая; реализуется согласными н', ъ';
 /л/ – зубная, смычно-проходная, неносовая, твердая; реализуется согласным л в КН, л – в КЯ;
 /л'/ – то же, но мягкая; реализуется согласным л';
 /ш/ – передненебная, фрикативная, глухая; реализуется согласным ш';
 /ж/ – то же, но звонкая; реализуется согласным ж';
 /ч/ – переднеязычная, аффрикативная, глухая; реализуется согласным ч';
 /ц/ – то же, но звонкая; реализуется согласным ц';
 /р/ – передненебная, смычно-проходная, твердая; реализуется согласным р;
 /р'/ – то же, но мягкая; реализуется согласным р';
 /й/ – средненебная; реализуется согласным й;
 /к/ – задненебная, взрывная, глухая, твердая; реализуется согласным к;
 /г/ – то же, но звонкая; реализуется согласным г;
 /к'/ – задненебная, взрывная, глухая, мягкая; реализуется согласным к';
 /г'/ – то же, но звонкая; реализуется согласным г';
 /х/ – задненебная, фрикативная, глухая; реализуется согласными х, у, х'.

6.2.2. *Позиционные наборы согласных фонем*

Максимальный позиционный набор в составе 37 согласных фонем в

КН и КЯ допустим перед гласными непереднего ряда *á, ó, ý, у, а, ɔ*.

Особых замечаний требует позиция перед гласным *ɛ*. Как было показано в разделе В о к а л и з м, в безударных слогах после твердых согласных свободно варьируются гласные *а* и *ɤ*, после мягких – *а* и *ɛ*. С функциональной точки зрения гласные *а, ɤ, ɛ* тождественны, реализуя архифонемы, в которых нейтрализовано противопоставление по подъему. Различие между *ɤ* и *ɛ*, таким образом, обусловлено высотой тона предшествующего согласного. В этой ситуации правомерно констатировать противопоставление твердых и мягких согласных не только перед *а*, но и перед *ɤ, ɛ*, т. е. (*ta-t'a*), (*ta-t'ɛ*), (*tɤ-t'ɛ*), (*tɤ-t'a*) – все это варианты реализации одного явления.

Противопоставление твердых и мягких согласных возможно и перед *ɨ / ɛ̄*, но реализуется это редко, так как *ɨ / ɛ̄* под ударением после мягких согласных выступает в ограниченном круге морфем.

В рамках максимального набора фонетически допустимые сочетания согласных фонем с гласными не всегда лексически представлены – о том, что возможности системы шире ее лексической реализации см. (20: с. 79; 21: с. 3). В первую очередь это связано с низкой частотой сочетаний мягких согласных с гласными *ó, ɔ/у, ɨ*. Ниже дается список позиций согласных фонем в ситуации их максимального различения; в список включаются и лексически не зафиксированные, но синтагматически допустимые сочетания.

КН

перед гласным *á*: /p/ázwá – w̄s/p'áty – sá/b/árylav – бур/б'/áqka – тa/v/án – Н'и/в'/ána – ин/ф/áрк – кa/ф'/áwá – /м/án'ж'á – з'и/м'/á – с/т/án – пус/т'/áф – /д/áж'ба – /д'/áwyl – /с/áч' – /с'/áку – /з/á'ёк – пры/з'/áwá – д'и/ц/##т> – /ц'/áр – /s/á допустимо – бlа/s'/á му – рус/н/ák – ку/н'/ák – /л/ámба – /л'/áту – ку/ш/áра – /к/áба – /ч/áp – /ц/áфка – да/р/ák – ст/р'/áха – /й/ázwá – /к/ámьк – /к'/áр – /г/áбар – /г'/á допустимо – кож'у/х/áр.

перед гласным *ý*: пап/ý/р – ис/п'/ýф (=испих) – /б/ýта – /б'/ýй – ц' ɛр/в/ýl – /в'/ý допустимо – /ф/ýрна – /ф'/ ýй (< ф'úɛwу) – па/м/ýк – /м'/ýк – /т/ýфл'и – /т'/ýл'ч'и, у/т'/ýwам – /д/ýма – /д'/ýл'á – /с/ýху – /с'/ý допустимо – /з/ýрlа – б'у/з'/ýк' – тaн/ц/ýwат – /ц'/ý допу-

стимо – /s/ú допустимо – /s'/ú допустимо – на/н'ужда – м'и/н'у – /л'ук – к/л'ука – /ш'уба – /ж'ул'а – /ч'ужда – /ц'уна – ст/р'ук – /р'/у допустимо – /й'ун'и – /к'уч'н – /к'/уп – /г'угла – /г'/ум – стра/х'увай.

перед гласным **ѓ**: /п/ѓза – /п'/ѓ допустимо – /б/ѓр – /б'/ѓ допустимо – ж'и/в'ѓт – /в'/ѓ допустимо – /ф/ѓту – ш'ѓ/ф'/ѓр – п'ѓ/т'ѓк – фу/т'/ѓл – /д'ѓр – /д'/ѓ допустимо – /с/ѓл – с'ѓ/с'/ѓр – в'ѓр/з'ѓп – /з'/ѓ допустимо – та/н'ц'ѓр – /ц'/ѓ допустимо – /н'ѓс – м'и/н'/ѓр – /л'ѓш' – м'ида/л'/ѓн – /ш'ѓща – пр'ѓ/ж'ѓл'н – /ч'ѓпка – /ц'ѓп – /п'р'ѓс – /р'/ѓ допустимо – /й'ѓфт'ан – /к'ѓч' – /к'/ѓш'к – /г'ѓзд'ий – /г'/ѓн – /х'ѓц'а.

перед безударными гласными **а/ѓ/ѓ**: /п'ашмак, с'ѓр/п'а – /п'/арг'иш'ав, ч'у'/п'/а – /б'ѓха, б'у'/б'а – /б'/арá, г'у'/б'/а – /в'а/ч'и'ца, з'ѓ'/в'а – з'в'/аруw'ѓ, /в'/ѓднага, прá'/в'а – /ф'а/йда – к'ул'/ф'/ѓн'ѓ – /м'а/ц'и'на, /м'ѓж'ѓ, хр'ѓ'/м'а – г'ѓр/м'/а, с'ѓ'/м'/ѓн'ца – ку/т'/арáк, к'ѓш'т'а/ – /т'/а'ѓ, с'т'/анá, к'у'/т'/ѓл, бá'/т'/а – /д'арáк, /д'ѓф'ч'и, w'ѓж'д'а – рáз'/д'арá, /д'ѓр'ѓктур, хó'/д'а – /с'а/нд'ѓч'и, /с'ѓр'на – /с'/ѓлáта, уд'на'/с'/аха – /з'а'ба, /з'ѓр'на, г'и'/з'а – ч'и'и'/з'/а – /ц'ар'ѓ, рáл'и'/ц'а – /ц'/ѓруw'ѓ – /s'а допустимо – /s'/а,ѓ допустимо – с'н'аха – г'н'/аздó – /п'л'ахóк, г'н'и'/л'а – бу/л'/ад'уwa, л'ѓ'/л'а, /л'/ѓг'лó – /ш'арóку, /ш'ѓрдáн, ч'á'/ш'а – /ж'а/г'óк, /ж'ѓртá, кóж'а – /ч'ад'ѓр, /ч'ѓр'в'аса, ѓф'ч'а – хó'/ц'а – w'р'ѓт'ѓ, в'áт'г'р'а – т'у'/р'а гу, /р'/акáта. б'р'/ѓг'ѓ – /й'аз'и'к, /й'ар'ма, ш'и'/й'а – /к'ак'ѓф, /к'ѓк'wó, б'у'/к'а – /к'/ѓр'ѓч', ш'к'/ѓм'б'ѓн'ц'и, йурд'ѓ'/к'а – /г'ардáта, /г'ѓм'ц'áк, ч'ѓр'/г'а – /г'/ардáн, /г'/ѓр'мáнц'и – /х'а/й'манá, к'и'/х'а.

перед безударным гласным **у**: /п'ут'ѓрс'а – /á'/п'/уф – áз'/б'ука, /б'ул'у ма – /б'/ул'у'к, г'рá'/б'/уф – кáм'/ф'ур – /ф'/у допустимо – д'á'/в'ул' – в'и'/д'/уф – /м'ухá – /м'/урд'á – трáк'/т'ур – з'ѓ'/т'/уф'т'и – /д'уб'и'т'ѓка – /д'/ул'г'ѓр'ан – /с'у'у'к – /с'/ур'мáш'ка – йá'/з'уw'и'р, /ѓ'/з'уф – брón'/з'/уw'и, кóз'/у – /ц'укáч' – /ц'/у допустимо – /s'урлá – /s'/умб'и'л' – т'ѓч'/н'уc – п'ѓ'/н'/у – /л'укáп'ка, ц'á'/л'уту – к'л'/укáркá, ѓх'л'/уф – /ш'урá – /ж'у'пáн – /ч'ур'у'пка – /ц'узб'ѓ – /р'ушw'ѓт – м'у'/р'/уд'и'йá – /й'ургáн – /к'уф'ч'ѓга – /к'/у/ѓ'ѓн'ѓ – /г'ул'áм – /г'/уw'ѓч' – бá'/х'ур.

КЯ

перед гласным **á**: /п'áска – /п'/áна – x'ам'/б'áр' – /б'/áх – /ф'áрта

– кә/ф'/áwа – и/в/áякә – уд/в'/áwа – /м/áлѣк – /м'/áсту – с/т/áн –
 рәс/т'/áлу – /д/áнѣк – /д'/áкун – рәс/с'/áт – зәс'/áwаt – ку/з'/áтә –
 хә/з'/áйен – ис/ц'/áпан – /ц'/á допустимо – нәс'/áт – бләс'/á му – /н/áр –
 /н'/áwга – /л/áкәт' – м/л'/áку – ч'ар/ш/áф – /ж/áр – гәл'/ч/áха – ку/ц'/á –
 w/р/áна –г/р'/áх – бә/й'/áт – /к/áл – /к'/áр – /й/ургáн – /г'/á допустимо –
 сә/х'/áт.

перед гласным **ý**: /п/ýсна – /п'/ýф – /б/ýба – из/б'/ýф –
 лә/ф/ýса – /ф'/ý допустимо – гага/в/ýз'ан – нә/в'/ýх – ч'ә/м/ýр –
 к'у/м'/ýр – /т/ýка – т'у/т'/ýн – ч'укув/д/ýр – /д'/ýл'а – /с/ýтр'на –
 нару/с'/ýф – и/з'/ýч'и – бу/з'/ýк – қал/ц'/ýн – /ц'/ý допустимо – wѣр/s/ýл –
 /s'/ý допустимо – у/н/ýка – /н'/ýхәт – /л/ýда – /л'/ýпка – кур/ш/ýм –
 ку/ж/ýфч'и – /ч/ýду – су/ц'/ýк – /р/ýж'а – /р'/ýмка (рус.) – /й/ýл'и –
 /к/ýфар – /к'/ýн' – бәл/г/ýр – /г'/ýзум – /х/ýбаф/л/ýбаф.

перед гласным **ó**: /п/óm'ен – /п'/ótѣр – л'и/б/ómн'ик – ф/б'/óm
 (рус.) – қал/ф/óзн'ик – ш'и/ф'/ór – г/в/óзд'и – /в'/ó допустимо – /м/ód'ан
 – С'и/м'/ón – п'ёт' с/т/ót'ан – С/т'/óпа – бул/д/óз'ер – /д'/ó допустимо –
 /с/ól' – /с'/ó рамно – у/з/ór'и – /з'/ó допустимо – /ц/óпам – /ц'/ó
 допустимо – wѣр/s/óp – /s'/ó допустимо – /н/óва – с'и/н'/ór (кличка) –
 /л/óй – /л'/óч'ик – ку/ш/ów'и – /ж/óлач'н'и – /ч/ól'ас – гл'и/ц/óсан –
 /р/óй – с'и/р'/óз'ан – /й/ólка – /к/ór'ан – /к'/óраф – /г/ótwану –
 ма/г'/óсн'ица – қал/х/óс.

перед бузударными гласными **а/ѣ/ѣ**: /п/арал'а, /п/ѣпѣдѣк
 – о/п'/арәц'ийә, к'у/п'/ѣну – /б/арәбән, /б/ѣлх'и – /б'/әлә, у/б'/әсн'и –
 қә/в'ѣрмә, /в/арбә – /в'/әхруш'ка, т'ик/в'/ѣн'ик – /ф/ам'ил'ийә –
 қартó/ф'/ѣн'и, марә/ф'/ѣтл'ийка – /м/ағаз'ин, /м/ѣгла – /м'/ѣравóй ,
 ý/м'/ѣн – /т/акáла, /т/ѣркáл'ам – т'и/т'/ѣр'ич'к'н – /д/арwá, /д/ѣрwа,
 /д/ѣрц'и – /д'/алá, клá/д'/ѣнц – /с/алам'ура, /с/ѣч'м'и – у/с'/амнáйс'и,
 кóс'/ѣрч'и – /з/апáзwа – ур'и/з'/а, wѣ/з'/ѣл – /ц/ал'уна – /ц'/ѣр'á с'н –
 /s/а, ѣ допустимо – /s'/а,ѣ допустимо – ма/н/аст'ир, с/н/ѣхá – г/н'/ѣздó,
 ду/н'/аслá – /л/ампáч', /л/ѣw'ина – Х'и/л'/ѣп, н'идәвóл'/áн –
 п'ѣрг'и/ш/áн – /ж/ѣлтáwу – г'ѣр/ч/áн, к'у/ч/ѣтә – т'ѣв/и/ѣра – г/р/ѣмнáк,
 /р/әтáй – /р'/ѣдәwóй (рус.), буйѣ/р'/áн – укрá/й/ѣвц'и, /й/ѣрг'анáш',
 /й/ад'ем – /к/ар'уца, пру/к/ѣлнá – кá/к'/áн, барх'ут/к'/ѣн'и – /г/ѣрб'ѣ,

/г/аду́лка – йер/г'/а́наш', ^уо/г'/е́н – /х/арт'и́я.

перед безударным гласным у: /п/ум'а́на – /п'/у допустимо – /б/ур'а́н – /б'/ул'у́к' – /ф/ура́ш – /ф'/у допустимо – б'и/в/ул'ч'и – /в'/у допустимо – /м/ур'е́ – /м'/урд'а́ – тр'ѣв/т/ул – д'ѣр/т'/уw'и – в'ѣз/д/ух – за́й/д'/уwа – спа́/с/уw д'ѣн – /с'/урма́х – йу́/з/ур – з'у́/з'/ум – /н/уйа́бр'и – пр'ипо́м/и'/уwа – /л/уна́та – ш'а́/л'/уw'и – /ц/ука́ч' – /ц'/у допустимо – w'р/с/уwаш'и – /s'/у допустимо – /ш/уш'у́л'ка – св'ѣ/ж/у – /ч/уху́н'ан – /ц/убо́w'и – г/р/узда́, П'ѣт/р/уфца́ – ц'а́/р'/уw'ица – на́ /й/уга́ – /к/уза́ – фр'ѣп'/к'/уw'и – /г/угу́ш'ка – г'ѣр/г'/уф, /г'/уw'ѣч' – т'и/х/у.

В КЯ чаще, чем в КН, употребляются сочетания мягких фонем с гласным *о*, что связано с используемой в КЯ русской лексикой.

Гласный *о* является ступенью на пути сужения безударного *о* в *у*. Употребление гласного *о* можно определить как *o¹/у* – любая словоформа, произнесенная с *о*, может иметь вариант с *у*. Поэтому примеры, демонстрирующие противопоставление согласных перед безударным гласным *у* на месте *о*, могут быть переформулированы в иллюстрацию консонантных оппозиций перед *о*.

Безударный гласный *о* сохраняется без изменения во флексии зват. формы – перед этим гласный в принципе могут быть противопоставлены все согласные. Ср. ба́/б/о – ма́й/к/о – д'а́/д/о – п'ѣ́/т'/о – Та́н'/о – Ко́л'/о и т. д. в КН и КЯ.

Как видно их приведенных списков фонемных оппозиций, незафиксированные сочетания связаны преимущественно с фонемами, имеющими в своей характеристике ДП мягкости. Низкая частота мягких согласных перед непередними гласными в некоторых случаях может затруднить решение – идет ли речь о незафиксированном допустимом сочетании или о лакуарной дистрибуции фонемы. Именно такая ситуация представлена в позиции перед гласными *ѣ/ѥ*. Как было показано, эти гласные находятся в отношении дополнительного распределения – *ѣ* после твердых согласных, *ѥ* – после мягких, *й* и передненебных шумных, имеющих высокий тон. Но перед перед гласным *ѥ* отсутствует ряд согласных допустимость которых в данной позиции системно аргументировать сложно – аналогия с позицией перед безударным гласным *ѣ*

может показаться неубедительной. Поэтому позицию перед ударным гласным \acute{e} можно считать лакунарной для фонем /ф'/, /д'/, /ц'/, /ш/, /ц'/, /к'/, /г'/.

Примеры противопоставления согласных фонем перед ударными гласными и \acute{y}/\acute{e} приводим из говора КЯ.

/п'ърграф – ас тар/п'/ \acute{e} – ду/б'ър – глу/б'/ \acute{e} – /ф'ърграм – /в'ълк – ду/в'/ \acute{e} – ку/м'ъ, с/м'ърт – за/м'/ \acute{e} – с/т'ълп, пла/т'ъ – war/т'/ \acute{e} – /д'ърт – па/с'ът – ку/с'/ \acute{e} т – йа/з'ък – гр'и/з'/ \acute{e} – /ц'ъркат – съл/с'ът – сал/с'/ \acute{e} – с'и/н'ъ – глаw/п'/ \acute{e} – т' \acute{e} /л'ъ – w'ис'и/л'/ \acute{e} – мъ/ж/ \acute{e} – замал/ч/ \acute{e} – п'и/й'/ \acute{e} – ба/к'ър – /г'ълап – ка/х'ър.

6.3. Консонантные архифонемы

6.3.0. В перечисленных позициях перед гласными, исключая позицию перед \acute{y}/\acute{e} , реализуются максимальные для систем говоров КН и КЯ возможности противопоставления согласных фонем. Здесь релевантны все используемые в системе консонантные ДП. Но в значительно большем количестве представлены такие фонетические позиции, в которых те или иные ДП утрачивают свое функциональное значение. Это достигается нейтрализацией оппозиции соответствующих фонем, когда две или более фонемных оппозиций заменяются архифонемой. Нейтрализация консонантных фонемных оппозиций связана преимущественно с позициями перед согласным и перед (-#Ø) и в меньшей степени – с позицией перед гласными.

6.3.1. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по твердости-мягкости

Эти архифонемы характеризуются теми же признаками, что и нейтрализуемые фонемы, минус ДП твердости-мягкости.

Архифонемы /п'/, /б'/, /ф'/, /в'/, /м'/, /г'/, /д'/, /с'/, /з'/, /ц'/, /s'/, /н'/, /л'/, /р'/, /к'/, /г'/ нейтрализуют оппозицию твердости-мягкости перед гласными переднего ряда \acute{u} , \acute{e} , \acute{e} , e , u и реализуются мягкими согласными. Ср. примеры такой нейтрализации из говора КЯ; стрелкой обозначен переход фонем из позиции различения в позицию

нейтрализации, где оппозиция фонем заменяется архифонемой:

скъ/п/а – кú/п'/ѣну → только *п'и*, поэтому скъ/п'/и, кú/п'/иш';
 /б/аба – /б'/ах → только *б'э*, поэтому /б'/эш'и; ж'а/б/а – гú/б'/а →
 только *б'и*, поэтому ж'а/б'/и, гú/б'/иш'; д/в/а – /в'/атър → *в'э*, поэтому
 д/в'/э; ку/м/а – гър/м'/а → ку/м'/и, гър/м'/и; /г/б/лу – С/г'/б/па →
 с/г'/епан; /м/ас – /м'/асту → /м'/истата; фай/д/а – ка/д'/а → ка/д'/иш';
 /ц/ар – /ц'/ар → /ц'/ерът; к'итайц/к/у – /к'/уш'э → к'итайц/к'/и и т. д.

Не каждая архифонема может быть проиллюстрирована чередованием во всех позициях нейтрализации, так как этому не способствует специфика формо- и словообразования. Но независимо от наличия/отсутствия чередования парные мягкие согласные перед названными передними гласными реализуют архифонему, лишенную ДП твердости-мягкости.

Нейтрализация противопоставления по твердости-мягкости происходит и на стыке слов перед передним гласным, начинающим слово. Выше приведены примеры смягчения согласных перед инициальными гласными *и*, *е* (см. 3.2.). С включением архифонемы эти записи будут выглядеть так:

КН: бú/к/а → бú/к'/и ма, об/а/к/а → об/а/к'/и ид'и. КЯ: б'а/л/ → б'а/л'/и ч'ер'ан, п'асъ/к/а → п'асъ/к'/и ц'им'энт.

Оппозиции по твердости-мягкости шумных и сонорных согласных нейтрализуются перед сонорными согласными. А для твердых-мягких сонорных согласных нейтрализация происходит и перед шумными согласными.

Архифонемы реализуются твердыми шумными согласными. В реализации сонорных архифонем возможно варьирование твердых и мягких согласных, особенно это относится к латеральному и зубному носовому согласному.

Примеры нейтрализации оппозиций этих твердых-мягких фонем даем из КН:

тó/п/а/л, ка/п'/ь – фч'у/п'/ан, зал'э/п'/ам, ха/п'/а → только *пш*, *пл'*, *пн'*, поэтому ч'у/п'/л'иша, зал'э/п'/ама, ха/п'/н'иш';

у/б/агн'аса – у/б'/ава, об/ь/л – др'э/б'/ен, ду/б'/ьр – г/у/б'/э → только *бм'*, *ба'*, *би*, *бл*, *бр*, поэтому у/б'/м'ана, у/б'/в'ифка, об'/ла, др'э/б'/на, ду/б'/ра;

пл'á/в/á – кр'ь/в'áн, р'е/в'á. глá/в'á – сту/в'á → только *ви, ви', ви'', вл',* поэтому кр'ь/в'áну, пл'э/в'áн'ик, р'е/в'áл'йва, в'зг'лá/в'áн'ица;

са/м'á, му/м'á – з'и/м'á, за/м'á, с/м'ьрт – за/м'á/е, тр'и/м'áта – рá/м'áн, пó/м'áн; п'ис/м'ó – с'и/м'óн → только *мл', мр', ми, мн', мч', ми, мк, мк'*, поэтому з'и/м'áл'ак, из/м'áр'аха, рá/м'áну, пó/м'áн'а, му/м'áч'э, за/м'áч'э, п'иса/м'áцэ, слá/м'áка, н'е/м'áк'ин'а;

м'и/т'á, ч'и/т'á – к'ш/т'á, х'и/т'ьр – к'у/т'á/е → только *тл, тм, тл', тпр,* поэтому м'и/т'áлá, ч'и/т'áмó, к'у/т'áл'и, х'и/т'áра;

йэ/д'ьр, й'у/д'á – с'э/д'э/ем, б'э/д'э/ен; кра/д'á, бу/д'á, сл'е/д'á – к'ь/д'á → только *ди, др', дм', дл', дш,* поэтому б'э/д'áна, э/д'áр'ич'к'и, с'э/д'áм'и, кра/д'áл'у, бу/д'áл'йва, сл'э/д'áвам;

ч'э/с'áн – мр'ь/с'áн, йá/с'э/ен; п'и/с'áка – л'с'áка → только *си, сн', см,* поэтому мрá/с'áн'ик, мр'ь/с'áна, йá/с'áну, п'и/с'áмó;

пр'игр'и/з'á – в'ь/з'áл, прá/з'áн, л'уксó/з'áн; /з'ь/ – гр'и/з'э → только *зш, зш, зш', зл,* поэтому пр'игр'и/з'áва, прá/з'áн'ик, л'уксó/з'áна, /з'áлá, гр'и/з'áла;

к'у/ц'áм – /ц'á/ допустимо → только *цл',* поэтому к'у/ц'áл'и;

с'ь/н'ь – глáв/н'э, ц'ьф/н'áл – рум'ь/н'áн, ж'и/н'á – св'и/н'á → только *нл', нк, ни,* поэтому с'ь/н'áл'йф, рум'ь/н'áка, ж'э/н'áцка св'и/н'áцка;

с'и/л'á – п'эп'е/л'áн, ч'уwá/л'á, б'иwу/л'á, – н'ид'э/л'á, б'á/л'á – ж'á/л'э/ен, с'á/л'ó, кр'и/л'ó – б'и/л'ó → только *ли, лн', л'л', лб, лт, лц, лч',* поэтому п'эп'е/л'áн'и, с'и/л'áн'и, ч'уwá/л'áл'и, б'á/л'áт'ьк, ж'á/л'áба, с'э/л'áцк'и, кр'и/л'áцá, кр'и/л'áч'эта, б'иwу/л'áч'и;

в'ь/р'ь/ – ч'э/р'áн, зá/р'э/ен, фтó/р'á – другá/р'á, лузá/р'á → только *рл, рш, рц,* поэтому в'ь/р'áла, ч'э/р'áна, зáхá/р'áна, другá/р'áцк'и, лузá/р'áцк'и;

т'и/г'ьр, кр'ь/г'ь/ – ó/г'э/ен → только *гр', гл, гш',* поэтому т'и/г'áл'ица, кр'ь/г'áла, ó/г'áн'а.

Примеры реализации архифоном мягким согласным в позиции перед согласным см. в разделе о сочетании согласных.

Рассматривая нейтрализацию по ДП твердости-мягкости, специально следует сказать о позиции на конце слова. Как было показано, мягкие согласные в этой позиции допустимы в обоих говорах, хотя и в разном объеме (см. 3.1.) В КЯ на КСл фиксируются мягкие согласные разных локальных рядов. Это создает возможность противопоставления твердых и мягких сонантов в данной позиции (шумных согласных мы

здесь не касаемся, так как для них позиция конца слова связана с устранением различия по участию голоса, а в данный момент нас интересует только различие по твердости-мягкости). В КЯ в оппозицию по твердости-мягкости могут быть включены и те слова, которые варьируют твердые-мягкие согласные на конце слова. Ср. с'и/н/ – сап'у/н'/, т'ут'у/н'/, кó/н'/ и кó/н/; хрóm'а/л/ – г'у/л'/, сб/л'/ и сб/л/; óч'а/р/ – ш'упá/р'/. В КН возможности такого противопоставления минимальны – ср. д'эв'е/р/ – пап'у/р'/, п'ь/н/ – бустá/н'/, квз'э/л/ – т'э/л'/.

Можно ли отсутствие мягких согласных в КСл в КН интерпретировать как проявление нейтрализации противопоставления по твердости-мягкости? По-видимому, нет. И прежде всего потому, что нет уверенности, что в КН конец слова действительно закрыт для мягких согласных, хотя бы в варьировании с твердыми согласными. Эта ситуация наиболее подходит для констатации лакунарной дистрибуции мягких согласных фонем в КСл в КН.

6.3.2. *Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по участию голоса*

Характеристика этих архифонем складывается из тех же ДП, которые присущи нейтрализуемым фонемам, минус ДП глухости и звонкости. Архифонемы нейтрализуют оппозицию только шумных согласных фонем.

В основе нейтрализации лежит ассимилятивное оглушение и озвончение согласных перед шумным согласным и оглушение звонких на конце слова. Архифонема, нейтрализующая именно различие по ДП голоса, выступает только в тех позициях, где не снимаются никакие другие различия в ДП.

Фонемы, противопоставленные по твердости-мягкости, нейтрализуются только по участию голоса – 1) перед (#Ø), (#t), где реализуются глухими согласными. Фонемы /ш/, /ж/, /ч/, /ц/, не противопоставленные по твердости-мягкости, снимают различие по участию голоса не только в КСл, но и перед шумными губными, взрывными зубными, задненебными согласными.

Примеры из КЯ:

пó/п/а – л'á/б/а → пó/п₀/#, л'á/п₀/#, пó/п₀/ б'áх, л'á/п₀/ на маста
 к'у/ф/ар – курá/в/а, картó/ф'/ан – крь'в'/ан → курá/ф_в/ т'эл',

кр'в/ф'в/#, карт'о/ф'в/#;

д'эс'э/т'а, бра'т'а – гору/д'а → гору/т'д/ каўла, д'эс'э/т'д/ д'эна,
бра'т'д/ д'о'ч'ка;

з'э'т'/у'в'и – зай/д'/у'ва, п'т'/а'н – за'д'/а'н → з'э'т'д'/#, п'т'д'/#,
на'а'т'д'/#;

но'с'а – ч'и'и'з'а, зам'э'с'/а – ур'и'з'/а → но'с'з'/#, ч'и'и'с'з'/#, ур'и'с'з'/#;
ка'ру'ц'а – бро'н'с'а → бро'н'ц'з'/#;

в'ш/л'у'ф – л'ж/л'и'ф → в'ш'ж'к'а, л'ш'ж'к'и'н'а;

кл'у'ч'а – ф'эр'ц'а, /ч'э'та – /ц'э'б'э'н → кл'у'ч'ц'а за бал'она, /ч'ц'т'э;

из'и'к'/а – /г'/а допустимо → из'и'к'г'/#;

доб'и'та/к'а – дру'г'а → доб'и'та/к'г'/#, дру'г'к'г'/#.

Картина нейтрализации по ДП участия голоса в КН в принципе не отличается от КЯ – в КН лишь представлены в меньшем количестве мягкие архифонемы, нейтрализующие противопоставление по глухости-звонкости (так, нет /ф'в/, /с'з'/). Кроме того, шумные архифонемы в конце слова реализуются согласными, которые артикулируются с особенно энергичной рекурсией.

Не каждая архифонема может быть показана как результат чередования согласных в разных позициях. Основное диагностическое значение имеет позиция, относительно которой известно, что она не допускает противопоставления по участию голоса.

Как сказано в 3.2., на стыке слов глухие согласные перед звонкими шумными могут производить впечатление не вполне звонких. Согласные сохраняют в своем начале элемент глухой артикуляции (при другом объяснении – озвончаются, но сохраняют напряженность, характерную для глухих согласных). Ср. ч'и'у бут'и'ж'к'и, н'э'д' бра'та, уд бра'т'эс глуп'и'я, сам'и'ч'аэ б'ах (КЯ), з'и'мад з'и, м'и'и'к'э'д' д'эту и др. (КН). По-видимому, такая артикуляция реализует различие ДП глухости-звонкости на стыке слов. Различение существует как тенденция, но предполагает для этого специфическими ресурсами.

6.3.3. Архифонемы, нейтрализующие оппозиции по твердости-мягкости и участию голоса

Характеристика таких архифонем складывается из тех же ДП, которые свойственны нейтрализуемым фонемам, минус ДП твердости-мягкости и глухости-звонкости. Нейтрализация происходит перед шумными

ми согласными. Но для конкретных оппозиций – перед разными согласными. Архифонемы реализуются твердыми согласными, однородными со следующим согласным в отношении участия голоса.

Эти архифонемы, нейтрализуя оппозицию четырех фонем, не всегда могут быть переведены в пределах морфемы из позиции нейтрализации в позицию различения всех четырех фонем. Архифонемы этого типа редко сопровождаются чередованием и констатируются на основе комплекса синтагматических запретов в определенной позиции.

Архифонемы /п_б[~]/, /ф_в[~]/ нейтрализуют соответствующие оппозиции перед согласными любого ряда.

КН: у/б/áгн'а сá – у/б'/áват – /п'/áсѣк → только бз, бж, поэтому у/п_б[~]/зав'эд'ану, у/п_б[~]/ж'áлwам;

н'эгу/в/á, б'рату/в/á – кр'ь/в'/ѣн – /ф/áйдá – шл'й'/ф'/ѣр → только фт, фц, поэтому н'эгу/ф_в[~]/гá, кр'ь/ф_в[~]/гá, б'рату/ф_в[~]/цá.

КЯ: кá/п/á – бá/б/á – бá/б'/áн, цó/б'/áн – кá/п'/á → только нк, нч', поэтому кá/п_б[~]/ч'ицá, цó/п_б[~]/ч'и, бá/п_б[~]/кá, кá/п_б[~]/кá;

кó/ф/á – кáнá/в/á – рáзгрá/ф'/á – зáбрá/в'/á, мрá/в'/ѣшк'и → только фк, поэтому кáнá/ф_в[~]/кá, н'ѣзáбрá/ф_в[~]/кá, мрá/ф_в[~]/кá.

Только синтагматической ситуацией (без чередования) аргументируются те же архифонемы в следующих примерах.

КН: а/п_б[~]/т'эка, с'е/п_б[~]/т'эмвр'и, д'и/п_б[~]/с'ис, /п_б[~]/ч'илá, нá/ф_в[~]/гá, к'у/ф_в[~]/т'э, ку/ф_в[~]/ч'эгъ.

КЯ: л'й'/п_б[~]/сá, свá/п_б[~]/дá, л'э/ф_в[~]/т', йó/ф_в[~]/т'áн, кá/ф_в[~]/гá.

Архифонема /т_д[~]/ нейтрализует оппозицию /т/ – /т'/ – /д/ – /д'/ или /т'/ – /д'/ перед губными согласными, зубными взрывными, задненебными, а также перед з, ж.

КЯ: у/д'/мáйá – п'и/т'/м'эс → у/т_д[~]/ п'áсѣк, у/т_д[~]/ тáм, у/т_д[~]/ зímáтá, у/т_д[~]/ ж'инáтá, у/т_д[~]/г'ьwá.

Архифонема /с_з[~]/ нейтрализует оппозицию /с/ – /с'/ – /з/ – /з'/ или /с'/ – /з'/ перед губными, зубными (кроме ц) и задненебными согласными.

КН: и/з'/м'ийáд гу – сá/с'/ м'ьх → и/с_з[~]/п'ърж'эд гу, сá/с_з[~]/ т'ѣстó, сá/с_з[~]/ б'рашнó, и/с_з[~]/гн'и.

КЯ: б'и/з'/ wудáтá – /с'/в'ърш'áт → б'и/с_з[~]/плáтну, б'и/с_з[~]/сóлну, /с_з[~]/ туч'йлка, б'и/с_з[~]/д'ицá, /с_з[~]/ грóздун'и; здесь эта архифонема может реализоваться согласным с', чему соответствует произношение

xp'íc't'u, d'ic't'ína и др.

Архифонему /ц_с'/' можно допустить по аналогии с зубными фрикативными как способ нейтрализации оппозиции фонем /ц/ – /ц'/ – /с/ – /с'/. Эту архифонему можно констатировать в таких примерах, как сръп/ц_с'/'ку, ж'év/ц_с'/'ка в КН; йеркú/ц_с'/'к, л'ý/ц_с'/'к'и в КЯ.

6.3.4. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по локальному ряду при тождестве способа образования

Перед переднеязычными фрикативными согласными *ш, ж* нейтрализуется оппозиция по ДП *зубной – переднеязычный* ряд т.е. /с/ – /ш/, /з/ – /ж/ или /с_з'/, /с_з'', /з_з'', /с_з'/' – /ш_ж'/. В основе нейтрализации лежит уподобление по месту образования в рамках сочетания, состоящего из зубного и переднеязычного фрикативных согласных.

Архифонема /с_ж'/' определяется как фрикативная, ряд промежуточный между губным и среднеязычным (или зубно-переднеязычным); признаки твердости-мягкости, глухости-звонкости в характеристику архифонемы не включаются. Архифонема реализуется согласными *ш', ж'*. Но поскольку говорам свойственна тенденция сокращать двойные сочетания фрикативных согласных до одного согласного, то часто оказывается, что архифонема /с_ж'/' реализована нулем звука – здесь не просто утрачен фрикативный согласный, а именно тот который предварительно уподобился последующему спيرانту *ш', ж'*, т.е. утрате согласного предшествует ассимиляция, а значит и нейтрализация. Ноль звука в этом случае можно расценивать как сигнал архифонемы, хотя такое решение можно принимать только при условии, что морфемные швы в речевой цепи совершенно определенно демонстрируют чередование согласного с нулем звука.

КН: и/з_з'/'áд'ят – лъ/ж/л'йф, сь/с_з'/' lóй – ду/ш/lá → и/с_ж'/'ж'ýw'áну, сь/с_ж'/' ш'áпкa (фонетически сьш'áпкa), а также в'и/с/óку и в'и/с_ж'/'ш'у (фонетически в'иш'у).

У фрикативных согласных нейтрализация по ДП места образования может охватывать и более широкую зону, объединяя все актуальные для шумных согласных локальные ряды, кроме губного ряда. Так, в позиции перед аффрикатой *ч'* нейтрализуется оппозиция фрикативных фонем *зубной – переднеязычного – заднеязычного* ряда. Архифонема /с_ч'/'

реализуется спирантом *x* и определяется как фрикативная негубного ряда, поскольку в позиции перед *ч'* согласный *x* может быть противопоставлен только спирантам *ф*, *ф* (= /*ф_в*⁻/); ср. *но́хч'и*, *л'íхч'и*, *куж'у́хч'и* – *о́фч'и*.

КН: два *ч'á/c_á*, *пр'ь/c_3⁻/l*, *д'ь/c_3⁻/ка* – *ка́/ш_á*, *ко́/ш_ж/*, *м'и́/ш_ж/ка*, *опа́/ш_ж/ка* – *др'э́/х_á* → *пра/c_х/ч'ица*, *ко́/c_х/ч'и*, *м'и́/c_х/ч'и*, *опа́/c_х/ч'ица*, *др'э́/c_х/ч'ица*.

КЯ: *л'и́/c_3/*, *в'ь/c_3⁻/б'áлу*, *са/c_3⁻/ту́л'и*, */с⁻/л'и́зам* – */ш/л'и́*, *но́/ш_ж/*, */ш_ж/ту́ка*, *ро́/ш_ж/ба* – *куж'у́/х/*, */х/л'áп* → *л'и́/c_х/ч'и*, *но́/c_х/ч'и*, *куж'у́/c_х/ч'и*, *в'ь/c_х/ч'ápw'эну*, */с_х/ч'у́п'иш'*, *са/c_х/ч'э́т'иp'и*.

Как показывают факты ассимиляции согласных на стыке слов (см. 3.3.), нейтрализация оппозиции по локальному ряду происходит и в условиях сандхи.

КН: *á/c_х/ч'э́тах*, *ш'э́/c_х/ч'áса*; в произношении *а ш'э...* нулем может реализоваться как архифонема */с_ж/*, так и */с_х/*.

КЯ: *ш'э́/c_х/ч'áса*, *пр'о́/c_х/ч'ил'áк*, в *а ш'и́х* нулем звука реализуется как архифонема */с_ж/*, так и */с_х/*.

Замена зубного спиранта фарингальным *x* происходит и перед зубной аффрикатой *ц*, *ц'*. Особенно часто это представлено в КЯ (см. 5.5.2.). При внешнем сходстве явлений фонологическая ситуация отличается от той, которая представлена в позиции перед *ч'*. Меню согласных *c > x* перед *ц*, даже при ее последовательной реализации нельзя интерпретировать как проявление нейтрализации. Оппозиция по локальному ряду относится к типу «цепочечных, где есть крайние и средние члены» (69: с. 376). В этой цепи нейтрализации могут подвергаться или все ее члены, или какие-то из стоящих рядом. В применении к (*c – ш – x*) это могут быть (*c – ш*), (*ш – x*), но не (*c – x*), так как снятие оппозиции между двумя признаками, разделенными третьим, логически не может быть обосновано (невозможна единица зубно-задненебного ряда при наличии единицы передненебного ряда). А согласный *ш'* перед аффрикатой *ц* не подвергается изменению, как это показывает один пример из КЯ – *л'ш'ц'и́*. Поэтому меню *c > x* перед *ц*, *ц'* надо рассматривать, как варьирование фонемного состава морфемы, позиционно обусловленное. В КН это явление представлено единично.

Позиция перед звонкой передненебной аффрикатой в тексте реализуется редко. Но в немногих встретившихся случаях, когда провоциро-

валось сочетание $з+ц'$, фрикативный заменялся не фарингальным, а переднеязычным спирантом, т. е. имела место нейтрализация в $/с_{ж}/$ как в позиции перед $ж'$ – $пр'е/с_{ж}/ ц'амаџа$.

В КН и КЯ отмечены случаи взаимной мены сонантов $м$ и $н$ перед согласными (см. 5.5.5.). В принципе это можно было бы расценить как проявление нейтрализации по месту образования оппозиции фонем $/м/$ и $/н/$. Однако непоследовательность явления и неопределенность лексического корпуса, в котором явление фиксируется, затрудняет принятие определенного вывода.

6.3.5. *Архифонемы, нейтрализующие оппозиции по способу образования при тождестве локального ряда*

В позиции перед глухими зубными фрикативными и аффрикатами запрещены взрывные согласные зубного ряда – в этой позиции они заменяются аффрикатами $ц, ц'$. Следствием этого синтагматического запрета является нейтрализация оппозиции взрывных и аффрикативных фонем зубного ряда, т. е. $/т/ - /т'/ - /д/ - /д'/ - /ц/ - /ц'/ - /с/ - /с'/$, в архифонеме $/т_{ц}/$. Архифонема определяется как зубная, нефрикативная, реализующаяся в аффрикатах $ц, ц'$. Признаки участия голоса и твердости-мягкости в характеристику этой архифонемы не входят.

Зубная аффриката относится к числу низкочастотных согласных. Сочетания $цс, цс', цц, цц'$ в слове всегда образованы из $т + с, с', ц, ц'$.

В КН $п'ийа/т_{д}/ - к\acute{л}ад'ен/ц_{с}^{-}/ \rightarrow ц\#ц$, поэтому $п'ийа/т_{ц}/ ц'ал д'ен, к\acute{л}ад'ен/т_{ц}/ ц'им'ент'ен, у/т_{ц}/ с'енá м'и, кáра/т_{ц}/ са, л'и/т_{ц}/ ц'и, кра/т_{ц}/ ц'и$

В КЯ: $брá/т_{д}/ - кун'э/ц_{с}^{-}/ \rightarrow кун'э/т_{ц}/ ц'ал, кур'и/т_{ц}/ цу, у/т_{ц}/ служ'ба, у/т_{ц}/ ц'алу дърwб.$

В связи с тенденцией к сокращению сочетаний одинаковых согласных архифонема $/т_{ц}/$ в тексте может реализоваться нулем – так, $кра/т_{ц}/ ц'и$ фонетически $крац'и$.

В КН и КЯ в позиции перед согласными $н, н'$ происходит, хотя и непоследовательно, изменение $д > н, н'$. (см. 5.4.2.). Это чередование, даже при последовательном его проведении, нельзя рассматривать как нейтрализацию фонем, различающихся способом образования (взрывным – смычно-проходным). Дело в том, что фонематический элемент, реализованный согласным $н$ перед $н$ ($глáнна$) и $н'$ перед $н'$ ($глáн'н'и$)

обладают признаком смычно-проходного образования, что обеспечено противопоставлением именно по этому признаку взрывному согласному *m* – ср. в КН *páinna*, *pláin' n'a* – *m' étna*, *zlútn' iqa*. Фонетическое различие по участию голоса в этих оппозициях функционально незначимо, как и аналогичное сходство в противопоставлении *ð* – *n*. Это означает, что изменение *dn* > *nn* не устраняет системное противопоставление зубных взрывного и смычно-проходного согласного перед согласным *n*. Поэтому в примерах *páda* и *páinnála*, *d' é n* и *w' é n' g' i*ш речь может идти о чередовании фонем, реализованных взрывным и смычно-проходным согласными.

Аналогичным образом надо интерпретировать чередование (*b* : *m*), (*w* : *m*) перед *n*, *n'* (см. 5.4.3.) Даже при последовательном проведении этого чередования не произойдет нейтрализация по признаку способа образования в губном ряду. Согласный *m* в *gramnák*, *glámi' é* сохраняет ДП смычно-проходного образования, так как продолжает в позиции перед *n*, *n'* противостоять взрывному согласному *n* и фрикативному *φ* – как было сказано, для сонантов участие голоса не является релевантным. Поэтому чередованиям (*b* : *m*), (*w* : *m*) на фонемном уровне соответствует чередование фонем.

6.3.6. Архифонема, нейтрализующая оппозицию по локальному ряду и способу образования

В позиции перед переднеязычными согласными *č'*, *ш'* запрещены взрывные согласные зубного ряда – в этой позиции они заменяются аффрикатой *č'* (см. 5.6.). Следствием этого синтагматического запрета является нейтрализация оппозиции зубных взрывных и переднеязычных аффрикативных фонем, т. е. /*t*/ – /*t*'/ – /*d*/ – /*d*'/ – /*č*/ – /*š*/, в архифонеме /*t*_ч'/. Архифонема определяется как нефрикативная, промежуточного между губным и среднеязычным ряда (или зубно-переднеязычного ряда) и реализуется глухой переднеязычной аффрикатой. Признаки участия голоса и твердости-мягкости в характеристику этой фонемы не включаются. Сочетания *чиш'*, *чч'* всегда образуются из *m* + *ш'*, *ч'*.

КН; *p' é / t_д' /*, напр' *é / t_д' /* – *kl' ú / č_д' /* → только *чч'*, *чиш'*, поэтому напр' *é / t_ч' /* *ч' é рну*, *kl' ú / t_ч' /* *ч' é р' ан*, *p' é / t_ч' /* *ш' é з д' уш' и*; *pu / t_ч' /* *ш' í йа*, *с' / t_ч' /* *ч' и*, *y / t_ч' /* *ш' á пка*.

КЯ: *kázwa / t_д' /*, *p' é / t_д' /* – *k' ar' é / č_д' /*, *kó / č_д' /* → *k' é р' é / t_ч' /* *ч' í с*, *kázwa / t_ч' /*

ч'адър, кó/т_ч/ ш'упар', п'é/т_ч/ ш'тук'и, л'ó/т_ч/ч'ик, у/т_ч/ ш'ипка, уч'ó/т_ч/ч'ик, кр'иwá/т_ч/ч'и.

При сокращении сочетания архифонема /т_ч/ может реализоваться пулем. Так, в КЯ кр'иwá/т_ч/ч'и фонетически кр'иwáч'и, бра́/т_ч/ч'е фонетически бра́ч'е.

6.3.7. Типология нейтрализации консонантных оппозиций

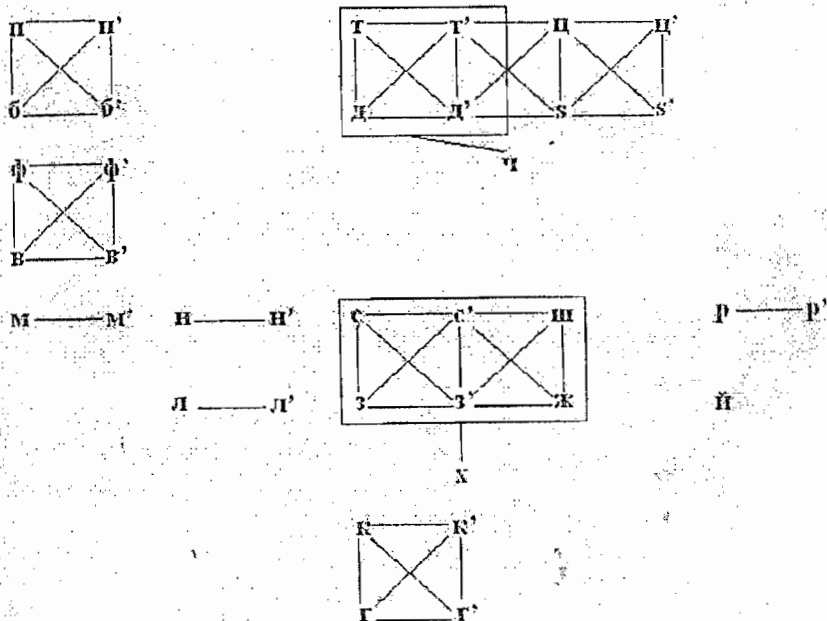
Анализ нейтрализации консонантных оппозиций в КН и КЯ позволяет сделать некоторые общие выводы, существенные для типологической характеристики консонантизма.

Последовательно (безысключительно) происходит нейтрализация оппозиций по ДП, которые связаны с включением в артикуляцию согласных добавочной артикуляции – т. е. по твердости-мягкости и глухости-звонкости. Нейтрализация по этим признакам распространяется на оппозиции согласных фонем всех локальных рядов.

Нейтрализация оппозиций по ДП, связанным с основной артикуляцией согласных, т. е. по месту и способу образования, происходит в зоне, расположенной после губного ряда, а из задненебного ряда захватывает только /х/. В эту нейтрализацию вовлечены только шумные согласные фонемы и только глухие. Особенностью этой нейтрализации является и ее непоследовательность.

6.4. Модель фонологической системы консонантизма

Модель фонологической системы консонантизма в КН и КЯ существенных различий не обнаруживает. Состав фонем и возможности нейтрализации консонантных оппозиций можно представить следующей схемой, где нейтрализуемые оппозиции соединены линией.

Эта схема показывает, что шумные согласные фонемы за пределами губного ряда в зависимости от *способа образования* составляют компактные группы, связанные отношением нейтрализации. В группе *стирантов* в нейтрализацию включена и фонема задненебного ряда. В группе, включающей *взрывные* и *аффрикативные* фонемы, нейтрализация охватывает лишь зубной и передненебный ряды.

Неодинаков состав архифонем, функционирующих в КН и КЯ. Так, только в КЯ можно констатировать архифонемы /п_б′/, /п′_б′/, /ф_в′/, /ф′_в′/, /с_з′/, /с′_з′/. В КН в соответствующих позициях представлены архифонемы /п_б⁻′/, /ф_в⁻′/, /с_з⁻′/.

Состав других архифонем в КН и КЯ одинаков. Это:

/п⁻′/, /б⁻′/, /п_б⁻′/
 /ф⁻′/, /в⁻′/, /ф_в⁻′/
 /м⁻′/
 /т⁻′/, /д⁻′/, /т_д′/, /т′_д′/, /т_д⁻′/, /т_ц′/, /т_ч′/
 /с⁻′/, /з⁻′/, /с_з⁻′/, /с_ж′/, /с_х′/
 /ц⁻′/, /с⁻′/, /ц_с⁻′/
 /н⁻′/, /л⁻′/
 /ш_ж′/, /ч_ц′/
 /р⁻′/
 /к⁻′/, /г⁻′/, /к_г′/, /к′_г′/, /к⁻_г′/.

6.5. Позиционные наборы консонантных фонематических единиц

Объединение консонантных фонематических единиц (ф.е.), т. е. фонем и архифонем, в позиционные наборы имеет некоторые различия в КН и КЯ. Это связано с разной допустимостью мягких согласных в позиции КСл.

Как было сказано, максимальный набор из 37 фонем представлен перед непередними гласными. Это – набор 1. Набор 2 состоит из 35 фонем, так как позиция перед *ь/ѣ* лакуарна для фонем /к′/, /г′/.

Дальнейшее сокращение наборов ф.е. осуществляется с использованием архифонем следующим образом.

22 ф.е. в КСл в КЯ – /п_б′/, /п′_б′/, /ф_в′/, /ф′_в′/, /м⁻′/, /т_д′/, /т′_д′/, /с_з′/, /с′_з′/, /ц_с⁻′/, /н/, /н′/, /л/, /л′/, /ш_ж′/, /ч_ц′/, /р/, /р′/, /й/, /к_г′/, /к′_г′/, /х/ (набор 3₁);

19 ф.е. в КСл КН – здесь отсутствуют /п_б′/, /п′_б′/, /ф_в′/, /ф′_в′/, /с_з′/, /с′_з′/.

а вместо них представлены /п_б⁻/, /ф_в⁻/, /с_з⁻/ (набор 3₂);

22 ф.е. перед сонорными согласными и гласными переднего ряда в КН и КЯ – /п⁻/, /б⁻/, /ф⁻/, /в⁻/, /м⁻/, /т⁻/, /д⁻/, /с⁻/, /з⁻/, /ц⁻/, /с⁻/, /н⁻/, /л⁻/, /ш⁻/, /ж⁻/, /ч⁻/, /ц⁻/, /р⁻/, /й⁻/, /к⁻/, /г⁻/ (набор 4);

14 ф.е. перед шумными губными, зубными взрывными, з, с, перед заднеязычным в КН и КЯ – /п_б⁻/, /ф_в⁻/, /м⁻/, /т_д⁻/, /с_з⁻/, /ц_с⁻/, /н⁻/, /л⁻/, /ш_ж⁻/, /ч_ц⁻/, /р⁻/, /й⁻/, /к⁻_г/ (набор 5);

13 ф.е. перед с, с', ц, ц' в КН и КЯ – /п_б⁻/, /ф_в⁻/, /м⁻/, /т_ц⁻/, /с_з⁻/, /н⁻/, /л⁻/, /ш_ж⁻/, /ч_ц⁻/, /р⁻/, /й⁻/, /к⁻_г/, /х/ (набор 6);

12 ф.е. перед ш' в КН и КЯ – /п_б⁻/, /ф_в⁻/, /м⁻/, /т_ч⁻/, /с_ж⁻/, /ц_с⁻/, /н⁻/, /л⁻/, /й⁻/, /к⁻_г/, /х/ (набор 7);

12 ф.е. перед ж', ц' в КН и КЯ – то же, что в наборе 7, но вместо /т_ч⁻/ представлена архифонема /т_д⁻/ (набор 8);

11 ф.е. перед аффрикатой ч' в КН и КЯ – /п_б⁻/, /ф_в⁻/, /м⁻/, /т_ч⁻/, /с_х⁻/, /ц_с⁻/, /н⁻/, /л⁻/, /р⁻/, /й⁻/, /к⁻_г/ (набор 9).

В этих наборах не учитываем сокращения, связанные с чередованием единиц, для которых не характерны отношения нейтрализации (сц > хц, дн > нн).

Приведенный список показывает, что сокращение позиционных наборов ф.е. связано преимущественно с позициями перед согласными. Характерно, что в этом отношении позиция перед передними гласными имеет такой же фонематический результат, как и позиция перед сонантами (неразличение по твердости-мягкости). Количественный разброс фонематических единиц между сокращенными наборами не является большим – от 22 до 11. Не высоко и число сокращенных наборов. Для сравнения можно указать на один белорусский полесский говор, где только перед гласными представлены семь позиционных наборов согласных с разбросом от 31 до 9 единиц (28: с. 186).

Специфику позиционных наборов консонантных фонематических единиц в КН и КЯ можно рассматривать как показатель стабильности и сравнительной простоты структуры консонантизма в этих говорах.

6.6. Условия дистрибуции консонантных фонем

Для характеристики системы консонантизма существенно определение условий, регулирующих дистрибуцию согласных фонем. В обоих говорах все эти условия сосредоточены в сегменте, находящемся справа

от фонемы, т. е. при выборе фонематической единицы превалирует принцип антиципации.

С учетом этого принципа дистрибуция согласных фонем в КН и КЯ определяется:

1) дифференциацией последующего сегмента по принципу гласный ~ согласный ~ пауза, т. е. V – C – #Ø;

2) разделением гласных на передние и непередние;

3) разделением согласных на сонорные и шумные; *о*, *й* объединены с сонорными;

4) различием шумных согласных по признаку участия голоса;

5) локальным рядом (местом образования) шумного согласного;

6) различием в способе образования зубного и передненебного согласного – своим синтагматическим воздействием на предыдущий согласный выделяются фрикативные и аффрикативные согласные.

Эти же дистрибутивные условия могут действовать и в условии сандхи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к описанию фонетики говоров, которые представляют собою две части одного диалекта, разъединившиеся около 200 лет тому назад, мы не рассчитывали, что между говорами обнаружатся кардинальные фонетические различия. Это мнение основывалось на следующих предварительных соображениях.

В принципе, появление глубоких фонетических различий между говорами может быть обусловлено: 1) несовпадением структурных импульсов, определяющих внутреннюю логику фонетического развития двух говоров, и 2) реакцией на разные языковые ситуации, в которых оказались две части одного диалекта.

Что касается структурных импульсов фонетического развития, то нет основания считать, что та динамическая инерция, которая заложена в фонетику говора КН, как репрезентанта болгарского языка, могла быть существенно преобразована или прервана в КЯ за сравнительно небольшой с точки зрения языкового развития срок.

Языковая ситуация, в которую включен говор КЯ, характеризуется изолированностью от языка метрополии и, как следствие этого, от проходивших в языке метрополии процессов, в частности, от нивелирующего воздействия литературной формы языка на диалекты. В то же время носители говора КЯ в разные периоды вступали в контакты с румынской, украинской, русской речью, что создавало предпосылки для эвентуального иноязычного влияния. Эти внешние факторы, хотя и отразились на фонетике КЯ, но не в кардинальном плане. В этой связи следует иметь в виду, что говор КЯ, хотя и изолирован от метрополии, но островным говором не является. Он функционирует в болгарской диалектной среде, поскольку переселенческие болгарские говоры составляют компактный ареал в Молдавии и соседней Украине (70). Иноязычных элементов в фонетике КЯ практически не наблюдается, в отличие, например, от лексики, содержащей большое количество русских и румынских слов.

Предварительно предполагая сходство фонетики КН и КЯ, мы име-

ли в виду и принципиальную консервативность фонетики как онтологического свойства звукового строя любого идиома. Именно этим подтверждается незначительность фонетических проникновений (сдвигов) при наличии глубоких преобразований в лексике и грамматике, часто наблюдаемых при языковых контактах (71). Об устойчивости фонетических единиц при языковых контактах, провоцирующих заимствование, см. (72: с. 372). Сопоставление говоров КН и КЯ показывает, что они близки по своей фонетике и по устройству фонологической системы.

Между говорами КН и КЯ существует такая фундаментальная общность, как построение фонетической модели слова на основе одинаковых ограничений, регламентирующих начало и конец слова. Здесь проявляется особое отношение к силе шумной артикуляции и распределению сонорности. Развитие фонетического слова ориентировано преимущественно на консонантные запреты, что в конечном счете понижает значимость признака консонантности в звуковой цепи.

Общими для КН и КЯ являются такие определяющие специфику фонетического строя особенности, как два типа редукции безударных гласных; редукция до нуля заударных гласных; лабиализация переднего гласного *и* под влиянием соседней губной артикуляции; большая часть изменений, происходящих в группах согласных; звуковое оформление внешнего сандхи.

На фоне этой общности выявляются следующие различия в фонетике говоров КН и КЯ.

Имеются различия в артикулировании отдельных звуков языка.

В вокализме это относится к гласному *ъ*, который в КЯ имеет более переднее образование, чем в КН, и поэтому производит впечатление *e*-образного звука. В КЯ гласный *о* под ударением в последовательностях #VC, SVC, CVC' имеет, как правило, *y*-образную экскурсию, что в КН менее выражено.

Различие между КН и КЯ в артикулировании согласных проявляется: в более сильно выраженной билабиальности губных спирантов в КЯ; в неодинаковом отношении латерального сонанта к веляризованности; в более высоком тоне палатализованных (мягких) согласных в КЯ; в более выраженной заднепалатальности *к'*, *г'* в КЯ. Особенностью КН является повышенная напряженность язычных шумных согласных перед #Ø.

В рамках одинаковых сегментных последовательностей обнаруживается разная частота тех или иных изменений.

В КЯ значительно чаще, чем в КН, возникает интервокальная губная вставка (*идно́ wу^хб, гэгэу́з'ан ~ гэгэу́з'ан*). В КН фиксируется чаще появление проходного сонанта *v* на месте *n*; то же относится к ослаблению и утрате в звуковой цепи спиранта *x*. КЯ, напротив, отличается большей частотой варьирования спирантов *x* и *φ*, изменения *cy > ху* (это явление полностью покрывает, в частности, русскую лексику), аффрикатизации спирантов после сонорных согласных, сохранения двойных согласных. В этих случаях речь идет о разной интенсивности проявления одинаковых синтагматических тенденций.

Особенность консонантной синтагматики, свойственная лишь говору КЯ, проявляется в возможности ассимилятивного смягчения в группах согласных. Эта особенность придает говору иную типологическую нюансировку в сравнении с КН. В КЯ, как было показано, действие палатализованности выходит за пределы сегментов *CV, VC* и организует более длительные последовательности звуков. Ассимилятивная мягкость в группах согласных повышает уровень консонантности звуковой цепи и поэтому можно считать, что в КЯ в фонетической модели слова признак консонантности выражен сильнее, чем в КН.

Различия между говорами КН и КЯ касаются дистрибуции некоторых гласных и согласных.

Гласный *é*, выступающий только после мягких согласных, характеризуется более широкой сферой употребления в КН, где он представлен в сегментах *С'VC* и *С'V#*. В КЯ этот ударный гласный зафиксирован только в *С'V#*. Это связано с различием в структуре глагольных и именных флексий в КН и КЯ – ср. в КН *таpn'ét, град'ét, майé, мажé'*, а в КЯ *таpn'é, град'é, майé, мажé'*.

В позиции *С'VC'* в обоих говорах варьируются гласные *á* и *é* в морфемах, содержащих **a*. Однако в КЯ чаще употребляется вариант *é*, а в КН, напротив, вариант *á*. Так, в одних и тех же морфемах находим *é* в КЯ (*ч'éи'и, ж'éб'и, йéтк'и*) и *á* в КН (*ч'áи'и, ж'áb'и, йáтк'и*). Кроме того, в КЯ гласный *á* фиксируется преимущественно в заимствованных словах (*укт'áбр'и, пуйáбр', и'ур'áц'и, стр'ел'áйат*), а в КН в исконно болгарской лексике (*с'эл'án'и, йám'и, и'ál'ч'и*). Гласный *é*, как

результат изменения $\acute{a} > \acute{e}$ между мягкими согласными, в КН наиболее последовательно отмечается в речи старшего поколения носителей говора, а в речи младшего поколения преобладает гласный \acute{a} в той же позиции.

В КЯ расширена сфера употребления мягких согласных за счет того, что здесь на конце слова представлен более широкий ассортимент мягких согласных, чем это допустимо в КН.

В основных своих чертах модель фонологической системы в говорах КН и КЯ сходна по своему инвентарному составу и типам нейтрализации фонемных оппозиций. Различия проявляются в составе архифонем, что отражает расхождения в правилах сочетания мягких согласных с паузой в КН и КЯ. А также в этих говорах неодинакова позиционная сфера лексической представленности фонемы /ъ/ после мягких согласных.

Сходство между КН и КЯ проявляется и в том, что нейтрализация некоторых фонемных оппозиций в ряде позиций проявляется как тенденция, а не как безысключительное правило, что усложняет системные отношения между фонематическими единицами, функционирующими в рамках максимального набора и наборов, позиционно сокращенных. Лакунарная дистрибуция фонем в КН и КЯ имеет одинаковое проявление.

Установив фонетические различия между говорами КН и КЯ, естественно поставить вопрос об их генезисе, т.е. определить, какие из явлений, включенных в эти различия, являются архаизмами, а какие инновациями.

Статус говора КЯ, как изолированного от языка метрополии, как бы априорно дает повод считать фонетику КЯ более архаичной, чем фонетика КН. Однако в действительности на основе синхронного описания не все явления, различающие КН и КЯ, поддаются такой классификации.

В КЯ как архаизм можно интерпретировать более последовательное, чем в КН, изменение $\acute{a} > \acute{e}$ на месте $*a$ между мягкими согласными. Повышение частоты гласного \acute{a} между мягкими согласными в КН в таком случае является нарушением синтагматического правила, в большей степени сохранившегося в КЯ.

Возможно, более старое состояние фонетики отражено в более ши-

роком, чем в КН, употреблении мягких согласных на конце слова. В КЯ в этой позиции не только чаще произносятся те мягкие согласные, которые и в КН допустимы на конце слова. В КЯ шире сам круг мягких согласных, выступающих в этой позиции. Трудно это считать новым явлением фонетики, так как нельзя подыскать для этого объяснение. В частности, нельзя прибегнуть к такому аргументу, как иноязычное влияние. Дело в том, что украинская и южнорусская речь, с которой могли контактировать носители говора КЯ, не имеет, например, на конце слова мягких губных согласных, а в КЯ это возможно (ср. *крѣф'*).

Вероятно, более последовательное развитие исконной тенденции представляет изменение *cy > ху* в КЯ.

Что касается специфики отдельных артикуляций, различающихся в КН и КЯ, то здесь трудно однозначно решить, какие из них являются новыми, а какие старыми.

Так, например, низкая частота появления в речи проходного сонанта *у* в КЯ может иметь два равновероятных объяснения: 1) тенденция *и > у* изначально была актуальна в КН, но в КЯ она была прервана и 2) эта тенденция укрепилась в КН уже тогда, когда говор КЯ был отделен.

Неясно временное соотношение латеральных *л* (КН) и *л* (КЯ), различий в высоте тона мягких согласных, нюансов фонетической окраски гласного *ѣ*, разного уровня интенсивности билабиальной артикуляции губных согласных и напряженности смычных согласных перед паузой.

Для прояснения ситуации соответствующие явления должны быть проанализированы в контексте динамики диалектных особенностей в рамках определенных ареалов в Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. об этом – *Калнынь Л.Э., Попова Т.В.* Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования // ОЛА. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.
- (2) Вопросы формирования и развития национальных языков // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. X, 1960.
- (3) *Haugen E.* Dialect, Language, Nation // Studies by Einar Haugen. The Hague-Paris, 1972.
- (4) *Руделев В.Г.* Современные диалекты русского языка. Тамбов, 1978.
- (5) *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- (6) *Chloupek J.* Aktuální otázky dialektologie // Jazykovědné sympozium 1971. Brno, 1973.
- (7) *Chloupek J.* Aspekte des Dialekts und seine Struktur // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.
- (8) Русское и славянское языкознание. М., 1972.
- (9) Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- (10) Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Под ред. Б.А. Серебrenникова. М., 1973.
- (11) Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.
- (12) *Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе французского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- (13) *Высотский С.С.* Звуки речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- (14) *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- (15) *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- (16) *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка //

Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

(17) См. *Кабасанов С.* Един старинен българския говор. Тихомирският говор. София, 1963. *Умленски И.* Кюстендилският говор. София, 1965. *Стойков Ст.* Банатският говор. София, 1967. *Стойков Ст.* Лексиката на банатския говор. София, 1968. *Димчев К.В.* Говорът на българите от с. Валя Драгулуй, СР Румъния. Фонемна система // Годишник на Софийският университет. Т. LXIII, 1. София, 1969. *Младенов М.* Говорът на Ново Село, Видинско. София, 1969. *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993. *Кочев И.* Гребенският говор в Силистренско. С особен оглед към лексикалната му система. София, 1969. *Бояджиев Т.* Говорът на с. Съчанли, Гюмюрджинско. София 1972. *Бояджиев Т.* Българските говори в западна (Беломорска) и източна (Одринска) Тракия. София, 1991. *Шклифов Б.* Костурският говор. Принос към проучването на юго-западните български говори. София, 1973. *Шклифов Б.* Долнопреспанският говор. София, 1978. *Иванов Й.Н.* Български преселнически говори, ч. I. София, 1977. *Виденов М.* Годечкият говор. София 1978.

(18) *Новаков С.З., Червенков Н.Н.* Прошлое и настоящее села Кирютня. Кишинев, 1980.

(19) *Кузнецов П.С.* Об основных положениях фонологии // ВЯ 1957, № 2.

(20) *Панов М.В.* Русская фонетика. М., 1967.

(21) *Ивич П.* Расширение инвентаря фонем и число дистриктивных возможностей // ВЯ 1970, № 3.

(22) *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.

(23) *Мартише А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. III. М., 1963.

(24) *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

(25) *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

(25а) *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

(26) *Мартише А.* Нейтрализация и синкретизм // ВЯ 1969, № 2.

(27) *Дмитренко С.Н.* Фонемы русского языка. Их сочетаемость и

функциональная нагрузка. М., 1985.

(28) *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.

(29) *Зиндер Л.Р.* О минимальных парах // Конференция по структурно лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. М., 1963.

(30) *Стойков Ст.* Българска диалектология, 1968. См. также Български диалектен атлас. Т. I. Юго-источна България. София, 1964.

(30а) *Жобов В.* Звуковете в българския език. София 2004.

(31) *Тилков Д., Бояджиев Т.* Българска фонетика. София, 1977.

(32) *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

(33) *Реформатский А.А.* Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.

(34) *Кочев И.* Гребенският говор в Силистренско. София, 1969.

(35) *Totskaya N.I.* The Nature of the so-called non-syllabic Vowels in the Ukrainian Language // Proceedings XI ICPhS. V. 3. Tallin 1987.

(36) *Аванесов Р.И.* Очерк русской диалектологии. М., 1949.

(37) *Котова Н.В.* Говор с. Твардица Молдавской ССР // Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. Т. II. М., 1950.

(38) *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

(39) *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

(40) *Георгиев В.И.* Проблеми на българския език. София, 1985.

(41) *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

(42) *Стойков Ст.* Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1969.

(43) *Кузнецова А.М.* Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

(44) *Стойков Ст.* Български книжовен изговор. София, 1942.

(45) *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

(46) *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

(47) *Бондарко Л.В. и др.* Стили произношения и типы произношения

// ВЯ 1974, № 2.

(48) *Попова Т.В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект). М., 1975.

(48а) Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. / Под ред. Т.В. Поповой. М., 1987.

(49) *Тилков Д.* Изследования върху българския език. София, 1983.

(50) *Халиолчев Х.* Към вопроса за изпадането на краесловни *и* и *у* в български говори // Български език. 1961, кн. 1.

(51) *Кочев И.* Вокално-консонантното взаимодействие и основното диалектно членение на българския език // Български език. 1986, кн. 3.

(52) *Кочев И.* Фонологичната система на сливенския *о*-говор // Сб. Въпроси на структурата на съвременния български език. София, 1975.

(52а) *Стойков Ст.* Към диалектния вокализъм на български език (преглас на гласна *а* в гласна *е*) // Славистичен сборник. (По случай V Международен конгрес на славистите в София). София, 1963.

(53) *Кочев И.* Темброва характеристиката на източнобългарската редукция // Български език. 1983, кн.4. София.

(53а) *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.

(53б) *Кочев И.* За сонорния тип фонологични системи // Български език. 1989, кн. 6. София.

(54) *Тилков Д., Бояджиев Т.* Ударението в български книжовен език. София, 1982.

(55) Граматиката на съвременния български книжовен език. Т. I. Фонетика. София, 1982.

(56) *Попова Т.В.* К характеристике взаимодействия между системами вокализма и консонантизма // Советское славяноведение. 1966, № 5.

(57) *Плотникова Л.С.* О некоторых особенностях говора с. Кирютня Конгазского района Молдавской ССР // Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. Т. 2. М., 1960.

(58) *Попова Т.В.* Из болгарской диалектной морфонологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.

(59) *Бромлей С.В.* Спряжение глаголов с безударным окончанием в русских и белорусских языковых системах // Совещание по ОЛЯ. Тези-

сы докладов. М., 1973.

(60) *Попова Т.В.* Още веднъж за членуваните форми за множественно число на съществителните от среден род от типа *пиле, момче* в българските диалекти // Български език. 1991, кн. 4. София.

(61) *Стойков Ст.* Говор с. Твърдицы (Сливенской околии в Болгарии) и с. Твардицы (Молдавская ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. В. 8. М., 1951.

(62) *Стойков Ст.* Увод в българската фонетика. София, 1961.

(63) *Журавлев В.К.* Фонетика говора с. Криничное // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. В. 10. М., 1962.

(64) *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1987.

(65) *Калмынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.

(66) *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963.

(67) *Кочев И.* О балканском характере мягких согласных в позиции конца слова в болгарском языке // Actes de Premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est Européennes. Sofia, 1968.

(68) *Калмынь Л.Э.* К вопросу о фонемном статусе назальных согласных в славянских диалектах // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.

(69) *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

(70) Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958.

(71) Ср. Studien zur sprachliche Interferenz 1. Bearbeitet von S. Michalk und H. Protze. Bautzen, 1967.

(72) *Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. VI. М., 1965.

(73) *Попова Т.В.* К вопросу о редукции гласных в современных болгарских диалектах // Studia Slavica. К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1. Описательная диалектология в иерархии диалектологических исследований и ее задачи	6
2. Отношение синхронного моделирования системы диалекта к дифференциальному методу описания диалекта и к лингвогеографии	7
3. Лингвистическое значение синхронного описания диалекта	11
4. Содержание системных характеристик при моделировании синхронных систем и их сопоставление в целях получения исторических выводов	12
5. Различие между синхронным описанием системы диалекта и традиционным «полным монографическим описанием диалекта»	13
6. Лингвистическая задача предлагаемого исследования ..	15
7. Вопросная процедура, примененная при обследовании диалектов	16
8. Место незафиксированных сочетаний в общем корпусе сочетаний звуков	17
9. Определение типа звуковых единиц, фиксируемых при обследовании диалектов	18
10. Принципы фонологического моделирования, используемые в работе	19
11. Процедура описания фонологической системы диалектов	25
12. Данные об описываемых говорах в болгарской диалектологии	27

13. Транскрипция	27
1. Обозначение гласных	28
2. Обозначение согласных	30
2.1. Губной ряд	30
2.2. Зубной ряд	31
2.3. Переднеязычный ряд	32
2.4. Среднеязычный ряд	32
2.5. Заднеязычный ряд	33
2.6. Проходной носовой согласный	33
2.7. Фарингальный ряд	33
3. Мягкие согласные.....	34
4. Варьирование качества отдельных звуков	35
ВОКАЛИЗМ	37
1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	38
2. ГЛАСНЫЕ В ПОЗИЦИИ ПОД УДАРЕНИЕМ	39
2.1. Гласный <i>á</i>	39
2.1.1. Позиции (#VC), (#VC')	39
2.1.2. Позиция (CVC)	39
2.1.3. Позиция (CVC')	40
2.1.4. Позиция (C'VC)	41
2.1.5. Позиция (C'VC')	41
2.1.6. Различия между КН и КЯ в дистрибуции гласного <i>á</i> в позиции (C'VC')	42
2.1.7. Позиция (CV#)	43

2.1.8. Позиция (C'V#)	45
2.1.9. Различия между КН и КЯ в дистрибуции гласного á в позиции (C'V#)	45
2.1.10. Позиции (V ₁ V), (VV ₁)	46
2.2. Гласный é	47
2.2.1. Позиции (#VC), (#VC')	47
2.2.2. Позиция (C'VC)	48
2.2.3. Позиция (C'VC')	49
2.2.4. Позиция (C'V#)	51
2.2.5. Позиции (V ₁ V), (VV ₁).....	52
2.3. Гласный ɛ'	53
2.3.0. Предварительные замечания	53
2.3.1. Позиция (#VC)	54
2.3.2. Позиция (CVC)	55
2.3.3. Позиция (CVC')	55
2.3.4. Позиция (CV#)	56
2.3.5. Позиции (V ₁ V), (VV ₁).....	57
2.4. Гласный ɛ	57
2.4.0. Предварительные замечания	57
2.4.1. Позиции (C'VC) КН, (C'V#) КН, КЯ	60
2.5. Гласный í	60
2.5.1. Позиции (#VC), (#VC')	60
2.5.2. Позиция (C'VC)	60
2.5.3. Позиция (C'VC')	62

2.5.4. Позиция (C'V#)	63
2.5.5. Позиции (V ₁ V), (VV ₁).....	64
2.6. Гласный ó	66
2.6.1. Позиции (#VC), (#VC')	66
2.6.2. Различия в артикуляции гласного ó в КН и КЯ в позиции после паузы	66
2.6.3. Позиция (CVC)	67
2.6.4. Позиция (CVC')	68
2.6.5. Позиции (C'VC), (C'VC')	69
2.6.6. Позиция (CV#)	70
2.6.7. Позиция (C'V#)	71
2.6.8. Позиции (V ₁ V), (VV ₁).....	71
2.7. Гласный ú	73
2.7.1. Позиции (#VC), (#VC')	73
2.7.2. Позиция (CVC)	73
2.7.3. Позиция (CVC')	74
2.7.4. Позиции (C'VC), (C'VC')	74
2.7.5. Позиции (CV#), (C'V#)	76
2.7.6. Позиции (V ₁ V), (VV ₁)	76
2.8. Позиционные наборы гласных под ударением	78
2.9. Особенности в дистрибуции и в артикуляции некоторых ударных гласных в КН и КЯ	79
3. ГЛАСНЫЕ В БЕЗУДАРНОЙ ПОЗИЦИИ	81
3.0. Типы редукции безударных гласных	81
3.1. Предударный вокализм	84

3.1.1. Гласные <i>ɑ</i> и <i>ɤ</i>	84
3.1.1.1. Позиции (#VC ⁻), (#VC' ⁻)	84
3.1.1.2. Позиция (CVC ⁻)	85
3.1.1.3. Позиция (CVC' ⁻)	86
3.1.2. Гласные <i>ɑ</i> и <i>ɛ</i>	86
3.1.2.0. Предварительные замечания	86
3.1.2.1. Позиции (C'VC ⁻), (C'VC' ⁻)	87
3.1.3. Гласные <i>ɛ</i> и <i>и</i>	89
3.1.3.0. Предварительные замечания	89
3.1.3.1. Позиции (#VC ⁻), (#VC' ⁻)	89
3.1.3.2. Позиции (C'VC ⁻), (C'VC' ⁻)	90
3.1.4. Позиции (C'VC⁻) и (C'VC'⁻): сопоставление 'вертикального' и 'горизонтального' типов редукции в говорах КН и КЯ	91
3.1.5. Гласные <i>у</i> и <i>ρ</i>	92
3.1.5.0. Предварительные замечания	92
3.1.5.1. Позиции (#VC ⁻), (#VC' ⁻)	93
3.1.5.2. Позиции (CVC ⁻), (CVC' ⁻)	93
3.1.5.3. Позиции (C'VC ⁻), (C'VC' ⁻)	94
3.1.5.4. Позиции (V ₁ V ⁻), (VV ₁ ⁻)	96
3.2. Заударный вокализм	97
3.2.0. О правилах синтагматики заударных гласных	97
3.2.1. Гласные <i>ɑ</i>, <i>ɤ</i> после твердых согласных	97
3.2.2. Гласные <i>ɑ</i>, <i>ɛ</i> после мягких согласных	98
3.2.2.1. Позиции (-C'VC), (-C'VC')	98

3.2.2.2. Позиция(-C'V#)	102
3.2.3. Гласные и, е	103
3.2.3.1. Позиции (-C'VC), (-C'VC')	103
3.2.3.2. Позиция (-C'V#)	105
3.2.4. Гласные у, р	106
3.2.4.0. Предварительные замечания	106
3.2.4.1. Позиция (-CV#)	107
3.2.4.2. Позиции (-C'VC), (-C'VC')	107
3.2.4.3. Позиция (-C'V#)	107
3.2.5. Гласные о, е перед паузой	108
3.2.6. Элизия безударных гласных	108
3.3. Позиционные наборы гласных в безударной позиции	109
4. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ	110
4.0. О языковой функции позиционных фонетических чередований	110
4.1. Чередования гласных, связанные с отношением позиции к ударению	112
4.1.1. Чередования, обусловленные 'горизонтальным' типом редукции безударных гласных	112
4.1.1.1. Чередование $\acute{a} : \text{e}/\text{a}$	112
4.1.1.2. Чередование $\text{e} : \text{e}/\text{a}$	113
4.1.1.3. Сопоставление чередований $\acute{a} : \text{e}/\text{a}$ и $\acute{e} : \text{e}/\text{a}$	114
4.1.1.4. Чередование $\acute{e} : \text{e}/\text{a}$	115
4.1.1.5. Чередование $\acute{i} : \text{e}/\text{a}$	116

4.1.2. Чередования, обусловленные ‘вертикальным’ типом редукции безударных гласных	117
4.1.2.0. О некоторых отличиях чередований, обусловленных ‘вертикальным’ типом редукции безударных гласных, от чередований, обусловленных ‘горизонтальным’ типом редукции этих гласных	117
4.1.2.1. Чередование <i>é</i> : <i>e/u</i>	118
4.1.2.2. Чередование <i>í</i> : <i>i</i>	119
4.1.2.3. Чередование <i>á</i> : <i>a'v</i>	121
4.1.2.4. Чередование <i>ъ</i> : <i>v/a</i>	121
4.1.2.5. Чередование <i>ó</i> : <i>o/y</i>	122
4.1.2.6. Чередование <i>ú</i> : <i>y</i>	123
4.1.3. Особенности чередования ударных и безударных гласных	123
4.1.4. Сочетание позиционной обусловленности и связи с грамматическим уровнем в чередованиях ударных и безударных гласных ...	127
4.2. Чередование ударных гласных, обусловленные качеством последующего согласного	131
4.2.1. Чередование <i>á</i> : <i>é</i>	131
4.2.2. Чередование <i>í</i> : <i>ú/y</i>	134
4.2.3. Чередования типа <i>V</i> : \emptyset	134
4.3. Некоторые выводы	135
5. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА	136
5.1. Гласные фонемы в составе максимального позиционного набора	136

5.2. Гласные фонемы после твердых согласных перед согласным и паузой	139
5.3. Гласные архифонемы	140
5.3.1. Архифонема, нейтрализующая различие по ряду и подъему под ударением	140
5.3.2. Редукция безударных гласных как основа нейтрализации вокальных оппозиций и построения архифонем	141
5.3.3. О возможности разной интерпретации фонемных оппозиций и их нейтрализации	142
5.3.4. Архифонемы в позициях (#VC ⁻), (#VC ^{'-}) ...	144
5.3.5. Архифонемы в позициях после мягких согласных в предударном и заударном слогах	144
5.3.6. Архифонемы в позициях после твердых согласных в предударном и заударном слогах	149
5.4. Особенности нейтрализации вокальных оппозиций	149
5.5. Схема вокализма в говорах КН и КЯ	151
КОНСОНАНТИЗМ	153
1. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМИ	154
1.0. Предварительные замечания	154
1.1. Изменение спирантов ф и х в контексте высокого уровня сонорности	154
1.2. Другие факты озвончения согласных перед гласным	158
1.3. Утрата согласного в интервокальном положении	159

1.4. Артикуляция губного спиранта перед гласными	161
1.5. Изменение безударных гласных <i>и, у > й, ў</i> после гласных	161
1.6. Аффрикаты <i>s</i> и <i>ц</i>	162
2. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С СОГЛАСНЫМИ	162
2.0. Корпус материала, используемы при анализе правил сочетания согласных	162
2.1. Вводные замечания	163
2.2. Первый компонент сочетания – губной согласный	163
2.2.1. Взрывные губные согласные	163
2.2.2 Губные спиранты	165
2.2.3 Губной сонант <i>m</i>	168
2.3. Первый компонент сочетания – зубной согласный	169
2.3.1. Взрывные зубные согласные	169
2.3.2. Зубные спиранты	172
2.3.3. Зубные аффрикаты	175
2.3.4. Носовой согласный зубного ряда	175
2.3.5. Латеральный согласный	177
2.4. Первый член сочетания – переднеязычный согласный	178
2.4.1. Переднеязычные спиранты	178
2.4.2. Переднеязычные аффрикаты	180
2.4.3. Переднеязычный вибрант <i>r</i>	181

2.5. Первый компонент сочетания – средненебный спирант й	182
2.6. Первый компонент сочетания – задненебный или фарингальный согласный	183
2.6.1. Задненебные взрывные	183
2.6.2. Фарингальный спирант	184
3. СОГЛАСНЫЕ В СОЧЕТАНИИ С ПАУЗОЙ	185
3.0. Предварительные замечания	185
3.1. Позиция (-#Ø)	186
3.2. Позиции (-#V), (-#Son)	187
3.3. Позиции (-#t), (-#d)	188
4. ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИНТАГМАТИКИ В КН и КЯ	190
5. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ	198
5.0. Предварительные замечания	198
5.1. Чередование согласных, различающихся участием голоса	199
5.2. Чередование твердых и мягких согласных	202
5.2.1. Состав позиций, определяющих выбор твердого или мягкого согласного	202
5.2.2. Позиция (-V ₁)	202
5.2.3. Позиции (-C'), (-C), (C ₁)	203
5.2.4. Направление чередования	204
5.2.5. Мягкость согласного в связи с утратой следующего спиранта й	204
5.2.6. Нефопетическая мена твердых и мягких	

согласных	205
5.2.7. Общая характеристика чередования твердых и мягких согласных	205
5.3. Чередование согласных, различающихся участием голоса и твердостью-мягкостью	206
5.4. Чередование согласных одного локального ряда, но разного способа образования	207
5.4.1. Замена глухого зубного взрывного согласного зубной аффрикатой	207
5.4.2. Замена звонкого зубного взрывного согласного смычно-проходным назальным	208
5.4.3. Замена губных согласных сонантом <i>m</i>	208
5.4.4. Чередование <i>n</i> : <i>v</i>	209
5.4.5. Чередование аффрикат	209
5.5. Чередование согласных одинакового способа образования, но разных локальных рядов	210
5.5.1. Замена фрикативных зубных согласных переднеязычными	210
5.5.2. Замена зубного глухого спиранта фарингальным	211
5.5.3. Замена зубного смычно проходного назального согласного заднеязычным назальным	212
5.5.4. О чередовании <i>k</i> : <i>k'</i> , <i>g</i> : <i>g'</i> , <i>x</i> : <i>x'</i>	212
5.5.5. Мена носовых сонантов перед согласным	212
5.5.6. Возможность чередования <i>ɲ</i> , <i>ɲ'</i> : <i>ç'</i>	213
5.6. Чередование согласных, различающихся локальным рядом и способом образования	213

5.7. Чередование согласных с нулем звука	214
5.7.1. Чередование обусловлено недопустимостью консонантных сочетаний на конце слова	214
5.7.2. Чередование обусловлено сокращением однородных сочетаний согласных	214
5.8. Общая характеристика позиционных чередований согласных	215
6. ФONOЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНСОНАНТИЗМА	216
6.1. Функциональные признаки согласных фонем	216
6.1.1. Локальный ряд	216
6.1.2. Способ образования	217
6.1.3. Наличие/отсутствие назальности	217
6.1.4. Наличие/отсутствие участия голоса	218
6.1.5. Твердость-мягкость	219
6.2. Согласные фонемы	219
6.2.1. Состав согласных фонем	219
6.2.2. Позиционные наборы согласных фонем	220
6.3. Консонантные архифонемы	225
6.3.0. Предварительные замечания	225
6.3.1. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по твердости-имяжности	225
6.3.2. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по участию голоса	228
6.3.3. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по твердости-мягкости и участию голоса	229

6.3.4. Архифонемы, нейтрализующие оппозицию по локальному ряду при тождестве места образования	231
6.3.5. Архифонемы, нейтрализующие оппозиции по способу образования при тождестве локального ряда	233
6.3.6. Архифонема, нейтрализующая оппозицию по локальному ряду и способу образования	234
6.3.7. Типология нейтрализации консонантных оппозиций	235
6.4 Модель фонологической системы консонантизма ..	236
6.5. Позиционные наборы консонантных фонематических единиц	237
6.6. Условия дистрибуции консонантных фонем	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
ПРИМЕЧАНИЯ	246
СОДЕРЖАНИЕ	252

Научное издание

Л.Э. Калнынь, Т.В. Попова

**Фонетика двух болгарских говоров,
функционирующих в условиях
разной языковой ситуации**

М., 2007. 267 с.

Оригинал-макет
М.И. Леньшиной

*Подписано в печать 10.11.2007
Объем 12 н.л. Тираж 300 экз.
«Пробел-2000»*

Д.Э. Калнынь, Т.В. Попова

Фонетика двух болгарских говоров,
функционирующих в условиях разной языковой ситуации

Inslav